

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2019

№ 50

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Toms, Russia) – Editor-in-Chief
Rykun A.U. (Toms, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology)
Shcherbinin A.I. (Toms, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science)
Agafonova E.V. (Toms, Russia) – Executive Editor
Sukhushina E.V. (Toms, Russia) – Executive Editor (Sociology)
Skochilova V.G. (Toms, Russia) – Executive Editor (Political Science)
Borisov E.V. (Toms, Russia)
Ogleznev V.V. (Toms, Russia)
Syrov V.N. (Toms, Russia)
Chernikova I.V. (Toms, Russia)
Ladov V.A. (Toms, Russia)
Uzhaninov K.M. (Toms, Russia)
Shcherbinina N.G. (Toms, Russia)
Kashpur V.V. (Toms, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K. E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M. S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor Rafal** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта	5
Берестов И.В. Дополнение аргументационных структур объективацией дискуссий	21
Ефимов И.П., Ладов В.А. Концепция нейтрального монизма в контексте дискуссии реализма и антиреализма	30
Оболкина С.В. Кибертекст как экспериментальная онтология	38

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Grincevičienė V., Barevičiūtė J., Asakavičiūtė V., Grincevičius J. Inclusive Education as a Value: Philosophical and Socio-educational Approaches	47
Долгих А.Ю. Кардинальные версии будущего: опыт систематизации футурологии	55
Мелик-Гайказян И.В. Ошибки трактовки концепта «событие» в педагогических исследованиях	65
Самофалова Е.И. Методология анализа образовательной миграции в социальной философии в отечественной мысли	75
Старикова Е.В. Бремя труда, или Как не надо работать	88

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Гашков С.А. Эволюция философского концепта необходимости: от Фуко до Мейясу. Интертекстуальный анализ	101
Митина Н.Г. Символ Троицы в русской философской утопии (Дм. Мережковский и Д. Андреев)	110
Черноскутов Ю.Ю. Развитие теоретических и терминологических оснований семантики в логике и философии XIX века	117

СОЦИОЛОГИЯ

Данилова З.А. Экологические риски на побережье озера Байкал	137
Карпова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В., Тихомиров Д.А. Коррупция и противодействие коррупции в восприятии российской молодежи: опыт фокус-группового исследования	146
Рахманов А.Б. Социальная мобильность в царстве Марса: Российская императорская армия в 1912 году	162

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирюков С.В., Кисляков М.М., Чирун С.Н. Политический маркетинг: к модернизации концепта, его методологических и политико-технологических оснований	187
Соловьёв А.И. Политическое «разрушение» государственности, или «Ноев ковчег» постсовременности	200
Фельдман П.Я., Федякин А.В., Ежов Д.А. Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках семантической определенности	210
Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности	219

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Борисов Е.В. Является ли парадокс Ябло автореферентным?	233
Доманов О.А. О самореферентности парадокса Ябло	245
Ладов В.А. Лжец без автореферентности	249
Нехаев А.В. Парадокс Ябло и <i>circulus vitiosus</i> : зачем лгать о себе самом, когда можно лгать обо всех остальных?	255
Суворцев В.А. Парадокс С. Ябло, автореферентность и математическая индукция	262
Борисов Е.В. Ответ оппонентам	269

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	272
---------------------------	-----

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Antonovskiy A.Yu., Barash R.E. Social Network Movements as a Metaphor of the Artificial Intellect.....	5
Berestov I.V. An Extension of Argumentation Structures with an Objectification of Discussions.....	21
Efimov I.P., Ladov V.A. Neutral Monism in the Context of the Discussion Between Realism and Antirealism	30
Obolkina S.V. Cybertext as an Experimental Ontology.....	38

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Grincevičienė V., Barevičiūtė J., Asakavičiūtė V., Grincevičius J. Inclusive Education as a Value: Philosophical and Socio-Educational Approaches	47
Dolgikh A.Yu. Cardinal Versions of the Future: An Essay on Futurology Systematization.....	55
Melik-Gaykazyan I.V. Errors in the Interpretation of the “Occasion / Event” Concept in Pedagogical Research.....	65
Samofalova E.I. Methodological Analysis of Educational Migration in Social Philosophy in the Domestic Thought.....	75
Starikova E.V. The Burden of Labor, or How Not to Work	88

HISTORY OF PHILOSOPHY

Gashkov S.A. The Evolution of the Philosophical Concept of Necessity: From Foucault to Meillassoux. An Intertextual Analysis.....	101
Mitina N.G. The Symbol of the Trinity in the Russian Philosophical Utopia (Dmitry Merzhkovsky and Daniil Andreev)	110
Chernskutov Ju.Ju. Development of Theoretical and Terminological Foundations of Semantics in the Logic and Philosophy of the 21st Century.....	117

SOCIOLOGY

Danilova Z.A. Ecological Risks on the Coast of Lake Baikal.....	137
Karepova S.G., Pinchuk A.N., Nekrasov S.V., Tikhomirov D.A. Corruption and Anti-Corruption as Perceived by the Russian Youth: A Focus-Group Research Experience	146
Rakhmanov A.B. Social Mobility in the Kingdom of Mars: The Imperial Russian Army in 1912.....	162

POLITICAL SCIENCE

Biryukov S.V., Kislyakov M.M., Chirun S.N. Political Marketing: The Modernization of the Concept, Its Methodological and Politico-Technological Bases	187
Solovyev A. I. The Political “Destruction” of Statehood, or The “Noah’s Ark” of Postmodernity	200
Fedyakin A.V., Feldman P.Ya., Ezhov D.A. The Technologies of Election Interference: Scientific Understanding in Search of Semantic Certainty	210
Shcherbinina N. G. The Definition of Media Reality and Communication in the Context of the Theory of the Political Construction of Reality.....	219

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Borisov E.V. Is Yablo’s Paradox Self-Referential?.....	233
Domanov O.A. On the Self-Reference of Yablo’s Paradox	245
Ladov V.A. The Liar Paradox Without Self-Reference.....	249
Nekhaev A.V. Yablo’s Paradox and Circulus Vitiosus: Why Lie about Yourself When You Can Lie About Everyone Else?.....	255
Surovtsev V.A. Yablo’s Paradox, Self-Reference and Mathematical Induction.....	262
Borisov E. V. A Reply to the Critics	269

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	272
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/50/1

А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК МЕТАФОРА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА¹

Обращаясь к изучению новых социальных движений, авторы задаются вопросом о причинах, последствиях и значении современной интенсификации новых социальных движений (New Social Movements), реконструируют сетевые механизмы, которые позволяют новым социальным движениям принимать и согласовывать коллективные решения, используя ресурсы так называемого «искусственного интеллекта».

Ключевые слова: протест, новые социальные движения, системно-коммуникативный подход, искусственные нейросети, коммуникация.

Введение

Наиболее известными и влиятельными новыми социальными движениями (НСД) на сегодняшний день можно считать такие движения, как антивоенное и пацифистское, ЛГБТ, глобальные антикапиталистические (Оссиру) движения, Black lives matter, желтых жилетов, феминизм, движение за права животных и т.д. (реестр и принципы классификации см.: [1]).

Социальные сети выступают сегодня неким суперсубъектом, который использует ряд программных нейронно-сетевых механизмов, очень похожих и на искусственные, и на естественные. Эти механизмы состоят в способностях оценивать *значимость* и *вес* тех или иных релевантных для запуска несетевого активности событий, триггеров и процессов. Речь прежде всего идет о степени обсуждения и освоения той или иной протестной темы, об оценке ее зрелости, достаточной степени ее «возмутительности», пределов (не)терпения властных органов, оценке ее (не)готовности или (не)способности на силовые реакции [2]. Все это в совокупности учитывается движениями в процессе калькуляции при принятии решения о проведении несетевого протестного выступления (митинга, шествия, схода, акции неповиновения, пикета), без того чтобы была явно определена конкретная инстанция, выносящая решение о дате и месте несетевых выступлений.

Именно с этими новыми формами сетевой мобилизации, сетевого рекрутирования и, прежде всего, сетевого исчисления «шансов на успех», видимо, связаны новейшие протестные выплески (Арабская весна, киевский «Май-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках работы над проектом № 17-78-10238 «Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ».

дан» 2013 г., движение Indignados в Испании, американское движение Occupy Wall-Street, протестное движение в России 2011–2013 гг.), приведшие в ряде случаев к смене политических систем.

Такой успех, очевидно, был невозможен для классических НСД (если не считать единичных случаев относительных электоральных побед экологических движений, прежде всего в ФРГ). Сегодня, благодаря соцсетям, НСД удается отчасти компенсировать те недостатки, которые были связаны с отсутствием центральных структур управления, и при этом они смогли сохранить свои прошлые преимущества, силу и влияние, проистекавшие из их независимости от харизматических лидеров и от чрезмерно обязывающих формальных правил партийного членства и других форм организационной бюрократии. Именно эта «автономия» и обуславливала неуничтожимость и вездесущность этой новой формы социальности. Ведь ее не уничтожить путем (1) роспуска протестной организации или (2) нейтрализацией (подкупом, физическим устранением, переубеждением, устрашением) харизматических лидеров, она обезопасила себя и от (3) отчуждения, связанного с боссизмом, nepотизмом, элитарностью, и других следствий коммуникативной замкнутости управленческих структур классических политических партий или профсоюзных организаций.

Итак, получив новые преимущества и компенсировав старые недостатки, сетевая машина протеста приступила к действиям.

От анализа сетевого протеста к социально-сетевым интерпретациям НСД

Научная литература о протестах необъятна, результаты исследований НСД институционализировались как в виде теоретических курсов в ведущих мировых университетах, так и в виде ридеров и хрестоматий. К тематике протеста привлечено внимание ведущих социологов и теоретиков первого уровня, посвятивших этому тематические монографии; возникли и уже вошли в первые кварталы ведущих баз цитирования специальные журналы, посвященные данной теме. Впрочем, и число подходов к проблеме НСД невозможно ограничить небольшим списком, поэтому остановимся лишь на нескольких.

Так, структурно-критический подход настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе [3. Р. 749–787; 4; 5. Р. 817–867]. В системно-коммуникативном подходе функция протеста усматривается в компенсации социальной дезинтеграции [6, 7].

В этих подходах протест представлял некоей особой (слабо организационно оформленной, горизонтально объединенной, ризомообразной, децентрализованной) коммуникативной практикой. Такая активность достаточно прозрачна для наблюдателя-теоретика, так как она основывается на допускающем теоретическую реконструкцию ценностно- и целерациональном дискурсе, а значит, предсказуема в своих реакциях на политическую и общественную жизнь (на разного рода «возмутительные» решения или недостаток внимания к социальным и экологическим проблемам со стороны макросистем, а также на структурную разбалансированность общества).

Однако новый – *сетевой контекст изучения протеста* – по-видимому, настолько сильно отдифференцировался от остального, несетевого общества,

что в своих флуктуациях сетевой и не-сетевой активности зачастую не попадает в такт колебаний с «несетевым» обсуждением¹.

Социально-теоретический анализ сетевого протеста пока только нащупывает свой объект. Даже наиболее маститые теоретики сетевого активизма, такие как М. Кастельс, обнаружили и признали неадекватность своих понятийного аппарата и методологии для анализа протестных выступлений, прокатившихся по всему миру в 2000-х гг., не сумев приложить их в качестве объяснительного инструментария. Тем не менее такие попытки предпринимаются и дают возможность сделать некоторые теоретические выводы и проанализировать ряд ключевых понятий.

Сегодня в рамках сложившейся уже традиции анализа социальных сетей как мотиватора организации протестного активизма выкристаллизовались понятия «сетевая проводимость», «каскадный эффект» [8], а также «структурные разрывы», «сетевые мосты» и «информационные брокеры». Эти понятия позволяют описать и реконструировать модели циркуляции и диффузии протестно-релеватной информации и механизмы функционирования (координации и субординации) протестных сетевых ризоматических сообществ, условия «сетевой мобилизации», делающей возможной в определенный период и «несетевую мобилизацию» [9].

Одна из ключевых идей этого анализа в том, что старые основания рекрутирования и инклюзии в протестное сообщество (групповая идентичность, групповая протестная идеология) утратили значение. Взамен возникли механизмы сетевой персонализации, основанные на личном выборе, что сделало возможными новые, более гибкие, свободные, доступные и демократичные критерии инклюзии в сетевое протестное сообщество [10].

Так, анализ сетевой структуры протестного движения Indignados в Испании, движения Occupy Wall-Street, а также кампаний по гражданской самоорганизации в России и Германии («Окупай Абай», кампании по «захвату университетов» в Германии) выявил специфические черты некоего «мягкого лидерства» [11].

В то же время социальные сети пока еще не интерпретируются как субъекты нового типа, как аналоги индивида, облеченного хотя бы некоторыми функциями или аналогами сознания, а значит – способного воспринимать сенсорные импульсы из внешнего (несетевого) мира, процессировать эти импульсы в своей квазинейронной сети и принимать решения и реализовывать моторные функции в виде несетевой активности (митинги, электоральное поведение, акции неповиновения и т.д.).

Новые условия сетевой инклюзии в протестное движение

М. Кастельс [12. Р. 43–47], В. Беннет и А. Зегерберг [10], исследуя социально-сетевую специфику протеста, усматривают основное функциональное значение сетей в децентрализации протестного движения. И именно эта де-

¹ Так, нам кажется, что федеральные каналы «замалчивают» актуальную повестку. И хотя это действительно так, проблема лежит гораздо глубже. Несетевые массмедиа просто иначе устроены, а их архаический синтез одновременного *оптико-акустического образа реальности* (= говорящей картинки), хотя (именно поэтому) и приковывает внимание зрителя, однако не дает ему права на участие в свободном конструировании обсуждаемой темы.

централизация, как замечают исследователи, имела «роковое» значение для ключевой коммуникативно-политической асимметрии, отвечающей за социальный порядок – дистинкцию *элита / массы*¹.

М. Кастельс [12] разрабатывает многосоставное понятие сетевой власти: «остевляющая власть» (власть членов сетевого сообщества над теми, кто не включен в сообщество); «сетевая власть» (определяющая правила сетевой коммуникации для включенных в сетевое сообщество); «осетевленная власть» (власть одних членов сетевой коммуникации над другими); «сетегенерирующая власть» – власть людей, создающих и программирующих принципы коммуникации сетевых сообществ («сетевых социальных движений»). Но эта сложная классификация и выстроенная на ней реконструкция модели управления сетями не дают объяснения ни внезапному началу «Арабской весны», ни протестным выступлениям 2010-х гг. на Украине, в США, России и Франции, но лишь предлагают тривиальное объяснение ссылкой на новые медиаусловия протеста².

Беннет и Зегерберг [10], изучая испанское протестное движение «Индигнадос», обращают внимание на то, что утратили силу традиционные условия рекрутирования и инклюзии в те или иные группы или члены организации (прерогативы членов организации по сравнению с не-членами, соблюдение принципов и уставного порядка группы, активная акцептация и защита групповой идентичности и групповой идеологии). Теперь же принцип инклюзии зависит от процесса персонализации³, т.е. от *личного выбора* индивида как последнего, совершенно нового, гибкого, свободного, доступного и демократичного критерия инклюзии, заменившего в социальных сетях формально-организационные принципы членства.

Отсюда проистекает идея возвращения индивиду его значения, утраченного в коммуникативных макросистемах, основанных на обобщающих индивидуальности особенности символических медиа коммуникативного успеха (власти, деньгах, вере и т.д.).

П. Гербодо, исследуя сетевое протестное движение «Окупай Уолл-Стрит», утверждает, что речь идет не о без-лидерных коммуникациях, а о некой «подвижной организации и хореографическом лидерстве» [11. Р. 143]. Отсюда можно сделать тот же вывод о «новой инклюзии» с функцией «облегчения информационного потока», образования «информационных каскадов» путем «синергии с новыми медиа»⁴. Эти «интерактивные» и «партиципативные» медиа (т.е. социальные сети) существенно отличны в их потенциале «сетевой мобилизации» от безличных, бесстрастных и безучастных и формализованных медиа традиционных политических, хозяйственных, образовательных, религиозных и иных коммуникаций (власти, денег, веры и т.д.).

¹ «Горизонтальность социальных сетей поддерживает кооперацию и солидарность, одновременно подрывая необходимость формального лидерства» [12. Р. 274].

² «Сила образа – абсолютна. Ю-тьюб был, возможно, одним из наиболее мощных мобилизующих инструментов... Особенным смыслообразованием обладают образы силового подавления протеста полицией» [Там же. Р. 224].

³ «Люди должны показывать друг другу как они [лично] усваивают, формируют и разделяют [протестные] темы... Эти технологии... зачастую подменяют механизмы организации [Там же. Р. 744].

⁴ См. также о позитивном влиянии сетей на процесс принятия коллективного решения по поводу участия в несетевом протесте в Египте: [9. Р. 363–369].

Теория и практика сетевого протеста

Всякая коммуникация, и социально-сетевой протестный активизм в частности, в той или иной степени выступает ответом на соответствующие внесетевые факторы и триггеры. Вместе с тем внутрисетевые механизмы, с одной стороны, делают возможным повышение «весов» и значений внесетевых причин, получивших обсуждение и раскрутку в социально-сетевом обсуждении. С другой стороны, и сами сетевые процессы (создания групп, публикация статусов, оценки и дальнейшие трансляции информации (лайки и в особенности shares)) могут быть автономными, внутренними факторами активации, дополнительного возбуждения и поддержания этих состояний возмущения, алармизма, только интенсифицирующихся в ходе социально-сетевых обсуждений.

Анализ сетевых обсуждений позволил бы решить главную проблему протеста: *теоретическое* объяснение того, каким образом сетевые сообщества способны координировать активность (сетевую, но прежде всего результирующую несетевую), которая, как теперь принято считать, не направляется из «центральной позиции», не иерархична, не подчинена влиянию харизматического (и тем более формального) лидера, но тем не менее управляет и направляет действия огромной массы людей. Как возможно коллективное действие в новых условиях?

Одним из ответов явилась попытка реконструировать активность социальных сетей по аналогии с органическими формами жизни, развивающимися в себе структуры, специализирующиеся на передаче информации (нервные системы организма) [13, 14]. В других интерпретациях исследователи, скорее, склонны использовать метафоры и аналогии с механическими или электродинамическими явлениями. Так, появление интернет-сетей дает жизнь новым понятиям: «каскадный эффект», «сети-проводимость» [8], и при этом доказало плодотворность ряда понятий («структурные разрывы», «мосты», «информационные брокеры»), возникших в рамках досетевых подходов к анализу протеста [15, 16] и применяемых к «несетевой протестной мобилизации».

Принципы моделирования сетевой активности

Итак, мы видим довольно много попыток теоретически истолковать протест как специфический феномен цифровой эры с помощью рассуждений о новых медиа и их более эффективных «мобилизационных свойствах». В этих объяснениях, однако, не хватает теоретического моделирования функционирования сети. Такая модель должна была бы объяснить, как свойства и функции по облегчению диффузии информации связаны с тем, что эта диффузия автономно от центральной инстанции, принимающей решения, обеспечивает процесс согласования коллективного действия.

Данная модель должна, кроме прочего, предметно зафиксировать исследуемый феномен, и прежде всего определить его пространственно-временные границы. Представляется очевидным, что речь может идти как минимум о некоторой внешней и внутренней пространственной границе сетевого протеста. Должны быть, с одной стороны, выявлены параметры глобальной общемировой сети, охватывающей национальные протестные сообщества и сети протестных сообществ (в Фэйсбуке, Твиттере, Инстаграмме). С другой сто-

роны, следует зафиксировать входящие в эту сеть конкретные минимальные локальные сообщества, или «узлы общения» (тематические группы, национальные конкретные сети и менеджеры, позиции участников (блоги), группы сообщений (например, по хэштегам), тематически объединенные структуры обсуждения (форумы и т.д.)). Только после того, как будет создан реестр протестных сообществ, можно взяться за выявление динамических (временных) характеристик и переменных, таких как характер течения информации (скорость сообщений и распространения информации, направление ее диффузии, охват участников, интенсивность (частота) обсуждения, диссипативность потоков), применительно к выделенным «пространственным» структурам. Пока такой глобальной работы не проведено, но тем не менее есть исследования, которые описывают первый уровень сети, фиксируя ее глобально-«пространственные» характеристики.

Так, Д. Изли и Дж. Клейнберг [17], характеризуя первый, глобальный уровень сети, вводят понятие «ткани сети», которая характеризует меняющейся плотностью общения и периодическими «структурными разрывами» в ткани сетей. Такого рода разрывы создают эффекты «бутылочных горл» и «сетевого сопротивления» коммуникативным потокам, в результате чего коммуникация замыкается внутри сообществ, не выходя за их пределы.

Это «сетевое сопротивление» обусловлено рядом тормозящих факторов, связанных с тем обстоятельством, что несетевой «внешний мир» и в сетевых условиях остается «каузальным фактором», а значит, требует от «втянутых в протестную сеть» индивидов в своей несетевой активности отвлекаться от своих мониторов, хотя бы для получения «энергии», необходимой для функционирования в сети (включая сюда и оплату Интернета, и обеспечение «свободного времени»). Да и сами индивиды, в свою очередь, являясь «внешним миром» для сетевой (как и для любой другой) коммуникации, все-таки не перемещаются в сеть, а выступают всего лишь в качестве неких «информационных стрелочников», «проводников», «транзисторов» (а иногда и «резисторов») сетевой коммуникации [17. Р. 11]. В том смысле, что «возбуждающий сигнал» на них либо заканчивается, либо продолжается, либо усиливается и веерно расходится по другим сообществам. Однако – по означенным выше причинам – они во всей своей массе все-таки не в состоянии функционировать как информационные брокеры (см. ниже), т.е. целиком и полностью сосредоточиваться и специализироваться на *функции связи разорванных или разомкнутых сообществ*.

Кроме того, и другие коммуникативные системы (политика, экономика, наука, религия, семья, образование), с одной стороны, провоцируют сетевую активность, оформляя ее условия и генерируя важные несетевые события-триггеры сетевых обсуждений («поражающие права» политические решения, организация антиэкологического предприятия, разработка продуктов с ГМО, дискриминирующее распределение ролей в семье), но, с другой стороны, могут тормозить сетевую циркуляцию и «раскрутку» протестной темы.

Очевидно, что для преодоления внешних и внутренних факторов «сетевого сопротивления» требуются дополнительные усилия, энергия и работа,

¹ Большой вопрос,отреагирует ли и поддержит ли влиятельный информационный брокер, например преподаватель вуза, ведущий блог и симпатизирующий протесту, протестующего студента своим сетевым постом.

на которой, собственно, и специализируются индивиды (а подчас и сообщества, ведущие блог влиятельного актора), которых мы обозначили как *информационных брокеров*. На втором уровне как раз и могут быть определены отдельные позиции важнейших сетевых акторов, информационных брокеров. Именно благодаря этим сетевым «лидерам» информация курсирует и может преодолевать разрывы и области большого сетевого сопротивления.

Рабочая гипотеза: сетевая модель протестной коммуникации

В ходе данного исследования, как часто бывает, приходится иметь дело с некоторой эмпирической (феноменологически фиксируемой и хорошо визуализируемой) протестной активностью: митингами, акциями, требованиями, объектами протеста и т.д. С другой стороны, постулирование как несетевых (внешнемировых), так и внутрисетевых факторов (механизмов активизации возбуждения и алармизма вокруг протестной темы), которые, в свою очередь, являются причинами сетевой коммуникации (двойная каузация!), является в высшей степени гипотетическим и однозначно эмпирически не подтверждается, но может быть «проявлено» путем экспертных оценок и опросов.

Представим гипотетические внешние факторы протестной активности, которые «лежат на поверхности»: (1) социально-экономические (бедность, отсутствие социальных лифтов, профессиональная невостребованность, в том числе в силу «отмирания» профессий, недостаточной образованности, дискриминация при трудоустройстве и т.д.); (2) культурно-религиозно-этнические; (3) коммуникативные (специфическая среда общения, эксклудированность из традиционных кругов как условие инклюзии в протестные группы); (4) когнитивные (образование, специфическая восприимчивость к страданию другого и «этике долга»); (5) психо-эмоциональные (в том числе агрессивность, эмоциональность, особенности психотипа); (6) травмирующая память (память о трагедиях, вина за которые приписывается властям).

Наряду с этими «долгоиграющими» причинами особое значение имеют и начальные импульсы протестной активности, задаваемые несетевыми событиями. Прежде всего это политические, экономические, правовые решения, воспринимаемые как дискриминирующие или поражающие в правах.

При этом *внешние* факторы не могут быть целиком определены в своем значении (весе) сами по себе, а определяются своей связью с другими. Скажем, психологическая лабильность и психоэмоциональная неустойчивость, возможно, приведут к тому, что больший вес получат травмирующие факторы социальной памяти. Или более высокий уровень образования и культуры, как правило, связан с более критической оценкой (практически любых) действий власти, а также большим весом «морального долга» участия в протестной активности.

Трудность в том, что внешний вес внешнего фактора должен сочетаться с внутренним весом его «внутрисетевой» рецепции. Один и тот же фактор, имеющий большой вес сам по себе, вне обсуждений социальной сети (например, личное сопереживание трагедии), будет иметь меньший вес, если свою визуализацию он получит в виде «малозначимого» внутреннего события (например, информации или сетевого «приглашения» на митинг от *незнакомого* лица). И наоборот, малозначимое внешнее событие, будучи рас-

крученным и получившим резонанс в сети, многократно одобренное (likes), распространенное (shares) и откомментированное большим числом близких друзей, получает гораздо больший вес¹.

Социальная сеть как форма искусственного интеллекта

Уже на этом уровне анализа предложим некоторую упрощенную метафору протестной сети как квазиискусственного интеллекта. После того как внешние центры ирритаций получили свои значения (применительно к разным сообществам), можно было бы зафиксировать реестр специфических «нейронов», квази«синаптически» связанных с центрами обсуждения (социально-сетевых форумов, блогов, сайтов, сетевых групп), возбуждаемых или активируемых внешними ирритациями и, в свою очередь, получающих определенный вес (влияние), который в значительной степени не зависит от обсуждаемой в этой группе «внешней протестной темы».

Тогда в качестве синаптических механизмов, обеспечивающих активацию определенных комбинаций (асамбляжей) «нейронов» (центров обсуждения протестных тем), могут выступать *ивенты*, как известно, имеющие три уровня интереса, или веса (заинтересован, нет, участвую), комментарии (с позитивными, негативными, нейтральными весами), shares (с личным комментарием или без него), likes (с еще более дифференцированными уровнями активности связи или реакции на осветвленное событие: dislike, возмущение, симпатия), публикация новости, фото, видеозаписи, музыкального произведения (особенно специфически протестных стилей рэп, хип-хоп), создание группы, вхождение в группу, приглашение группу и т.д.

Интенсификация всего этого многообразия реакций на осветвленное событие и запускает механизмы «возбуждения» связанных нейронов (групп, форумов, чатов и т.д.). Формальным символом, или маркером, активируемых ансамблей (синаптически связанных центров обсуждения) выступает хэш-тэг (но, очевидно, он не всегда маркирует протестное обсуждение).

Нейронно-сетевые слои²: стадии сетевого восприятия, коммуникации и моторных функций

Как могут выглядеть в таких случаях формирующиеся нейронные слои?

Первый слой, очевидно, включает в себя *непосредственную* сетевую реакцию (квизисенсорный уровень) на внешнесетевые события (политические коллективно-обязательные решения и т.д.). Эти реакции довольно многообразны, но все-таки формально предстают, как правило, в виде обнаружения релевантного события в сетевых новостях и комментариях к нему, публикации поста (статуса) или ссылки на событие.

Второй слой, т.е. *реакция на реакцию* на несетевые события, еще не предполагает развернутой сетевой коммуникации, скорее, является неким «восприятием чужого восприятия». На этом этапе как бы регистрируется

¹ Это указывает на сложную связь между внешним и внутренним представлением события, или, на языке системно-коммуникативной теории, показывает механизмы осцилляции между самореферентностью как следствием инореференции и инореференцией как следствия самореференции.

² Мы говорим здесь об идеальных типах, т.е. абстрактных этапах сетевой активности, в реальности, безусловно, перемешанных. Так, для кого-то коммуникативное обсуждение уже состоявшихся несетевых реакций – акций, митингов – становится лишь первым этапом восприятия новости.

факт восприятия новости: путем одобрения или неодобрения (*likes*), путем дальнейшей трансляции (*share*), новость можно «вывесить на стену» другого члена группы или сообщества. Но уже на этом уровне, или этапе докоммуникативного сетевого восприятия, могут запускаться процессы рекрутирования в группу и образование коммуникативной системы протеста.

Наконец, *третий* – коммуникативно и интегративно значимый – *нейронный слой* включает активное обсуждение в виде разветвляющейся последовательности комментариев, создание тематических групп, создание ивентов, публикаций и распространение призывов к несетевым действиям и т.д.

Мы описали три идеальных типа нейронных слоев, каждый из которых включает в себя большое количество промежуточных, в целом и составляющих способную к обучению многословную и непрозрачную для наблюдателя нейронную сеть. Если более полно использовать метафору искусственного интеллекта, то можно предположить и наличие некоторых *тормозящих* связей. Ивент (например, регистрация митинга и распространение сетевых приглашений на него) как моторный ответ на сетевую коммуникацию воспринятого сетью события может, безусловно, вообще не состояться или вырождаться в малозначимое несетевое событие. Это, кроме прочего, зависит и от «весов» поступающих приглашений (близкие ли люди, влиятельные ли люди присылают приглашения, много ли поступает приглашений), и от веса самого ивента (верят ли участники в эффективность митинга), и, наконец, от веса самого события-триггера (скажем, скандального политического решения), но также и от того, сколько членов сообщества уже заявили об участии, неучастии или возможном участии или интересе. Понятно, что активация синапсов (приглашений) с малыми весами выступает тормозящим фактором и приводит к «засыпанию протеста».

Сетевой протест как самообучающаяся коммуникативная система

Более сложен вопрос о формах «самообучения сети». Представляется, что обучение сети запускается лишь в следующем «коммуникационном цикле». Оно является реакцией (и реакцией на реакцию) на те несетевые события, которые стали следствием сетевых обсуждений и реализации объявленных ивентов. Сеть эволюционирует, обнаруживая и переходя на новые формы и принципы обсуждения актуальной повестки, сохраняя (и даже радикализируя) свои символические медиа коммуникативного успеха (классические темы протеста), но меняя средства распространения своих сообщений. Так, возможны переходы с публичного обсуждения в закрытые мессенджеры и чаты. Или, напротив, трансформируются символические медиа коммуникативного успеха (скажем, протестная тема сменяется темой волонтерства и других видов непротестной гражданской активности и т.д.), но сохраняется ориентированность на публичное сетевое представление своих сетевых акций.

Здесь заложены классические механизмы положительной обратной связи. Так, на этапе инфляции протеста чем больше протестующих выходит на улицу, тем больший резонанс это приобретает в сетевых обсуждениях и, как следствие, тем больше протестующих выходит на улицу (и соответственно, наоборот). Более сложные механизмы самообучения, действующие прин-

ципы отрицательной обратной связи, способны прерывать этапы «раздувания» протеста, редуцировать и тормозить его актививность или, как вариант, менять сетевые формы протестного активизма.

Так, протестная система способна обучаться, например, реагируя на силовые действия властей¹, переориентируясь с публичной сети на закрытые мессенджеры, переходя из «ВКонтакте» в телеграмм-каналы и WhatsApp. Другой реакцией обучения может становиться переориентация с явного протестного активизма на гражданско-волонтерскую латентно-оппозиционную активность.

О нейронно-сетевой модели сетевого протеста

В заключение попробуем, используя метафору самообучающейся нейронно-сетевой модели, «формализовать» все вышеозначенные аргументы.

Мы выбираем «входящий слой» нейронов (своего рода мотивы), руководствуясь принципом дименсиализма, согласно которому всякий *запрос на контакт* в любой области коммуникации (в науке, политике, экономике и т.д.), прежде чем быть понятым, и как следствие, принятым или отклоненным, должен быть оцененным (= получить значение) в трехмерном коммуникативном гиперпространстве. Это пространство образуется несколькими измерениями:

– *предметно-тематическое измерение*: отвечая на сообщение, нужно понять, о чем идет речь и разделять интерес к данной теме;

– *временное измерение*: важно понимать, что явилось причиной данного предложения и какие будущие перспективы оно открывает (или закрывает);

– *социальное измерение*: принимая то или иное предложение к общению, следует учитывать, каково его «объединительное» значение для меня и для другого, для интеграции сообщества или (референтной) группы, с которой я хочу или не хочу себя идентифицировать.

Применительно к протестному движению его *ценностная программа* представляет его тему и образует *предметное измерение* протестной коммуникации. Это понимает и принимает запрос на контакт со стороны протестующего сообщества, если разделяет эту программу. Это могут быть ценности религии, справедливости, собственного этноса, свободы и т.д. Пусть это значение выражено таким символом:

Возможность найти единомышленников, участвуя в протестном движении, в свою очередь, придает определенное значение (больший или меньший вес) запросу на контакт со стороны протестующих (в социальном измерении

¹ Конечно, все несетевые события, в свою очередь, получают «обучающий вес» после их облачения в коммуникативную форму сетевого исчисления. Они предстают в виде «отчетов» о событиях со стороны самих участников или через восприятия чужого восприятия (через обсуждение заявлений властей о количестве участников акций, об их поведении, о действиях полиции и т.д.); на этом этапе оформляется *несетевая история протестной системы*: в сетях обсуждают (сколько задержано, сколько осуждено), при том что сами сетевые обсуждения пока не имеют своей истории (обсуждений).

протестной коммуникации). Пусть эта переменная будет представлена таким символом:

Но и «карьерные» (в самом широком смысле слова) перспективы рекрутируемого участника и его возможные позиции в «прекрасном будущем», конечно, тоже должны получить оценку, значит соучаствовать в принятии решения о подсоединении к протесту во временном измерении коммуникации. Пусть это значение выражено таким символом:

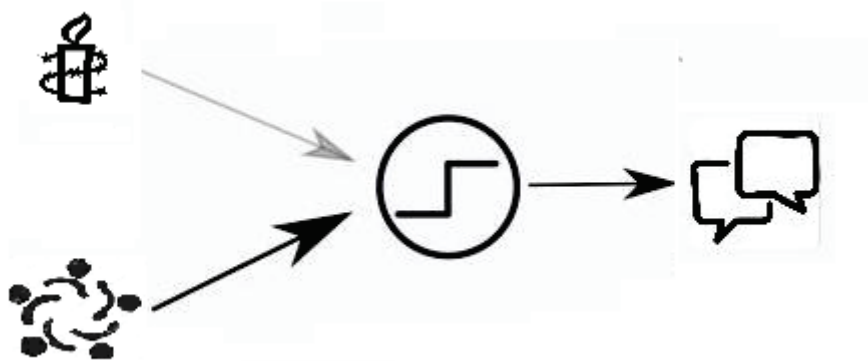
Мы отдаем себе отчет, что это избыточно абстрактная и лишь одна из многочисленных возможностей редукции всего многообразия мотиваций, определяющих решения участников. Но возьмем ее для начала, как фундаментально обоснованную в системно-коммуникативной теории, за неимением других универсальных методологических оснований.

Итак, наш «входной слой» нейронной сети символически выглядит так:

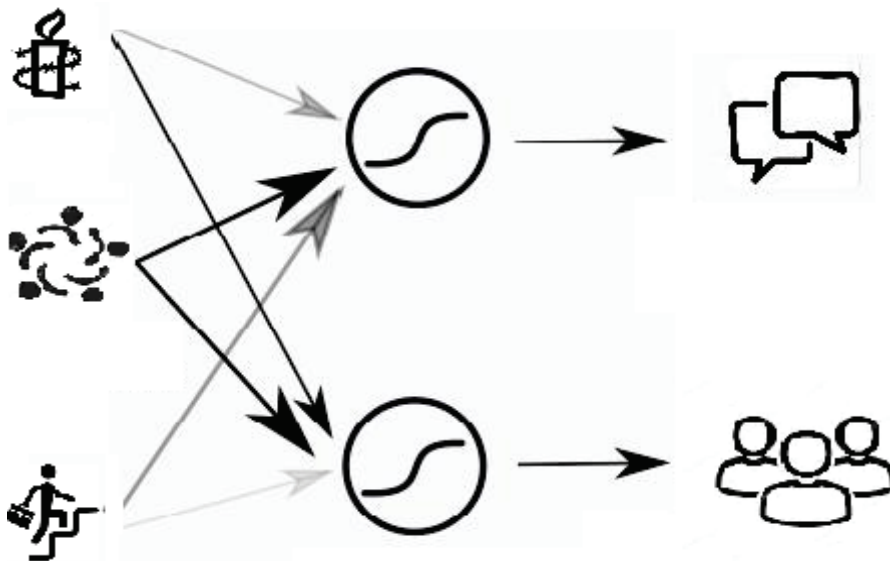

Если ценности движения мне близки и участники этого сообщества составляют референтную группу, которой я хочу подражать и в которой хочу состоять, тогда предметное и интегративное значения получают большой вес (единицу); в том же случае, если протестные ценности я не разделяю или общество использует способы общения, которые я не приемлю, эти переменные получают нулевое значение.

Если «вес» ценностей движения для меня высок, а поиск единомышленников не является центральным мотивом или выражен слабо (но все-таки я терпимо или без резкого отрицания отношусь к методам, используемой протестующими), то я все-таки позитивно отвечаю на приглашающий запрос или сам инициирую контакт. И наоборот, если я «очарован» групповой солидарностью движения, но ценность или главная тема обсуждения мотивирует меня слабо, я могу начать общение и *совместное обсуждение* протестной или активистской повестки:

Однако результатом воздействия заявленных факторов может быть не только обсуждение (лайк, комментарий, пост как функции сетевой репликации вирусного типа), но и фактическое *вступление в группу, создание собственной ячейки группы или сообщества*:

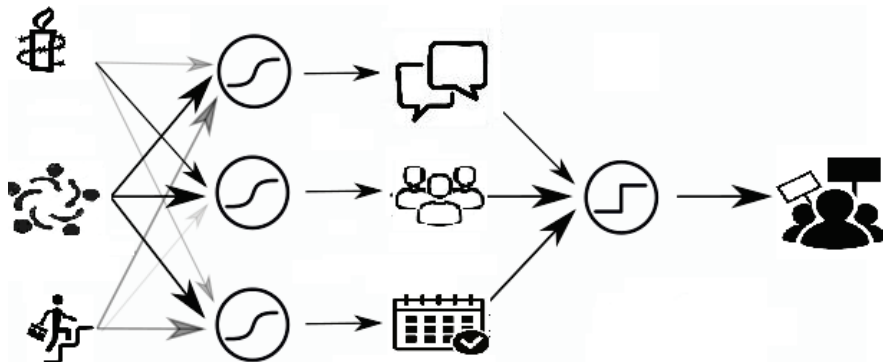

Добавим еще элементы в нашу модель. Например, некое подобие «активации моторных нейронов», т.е. сетевую активность, направленную не только на обсуждение, но и на реальные несетевые действия, призывы выходить

на улицу, создание собственного ивента, и т.д. Эти факторы различаются для разных сообществ. Пусть «двигательный нейрон» (ивент) выглядит так:

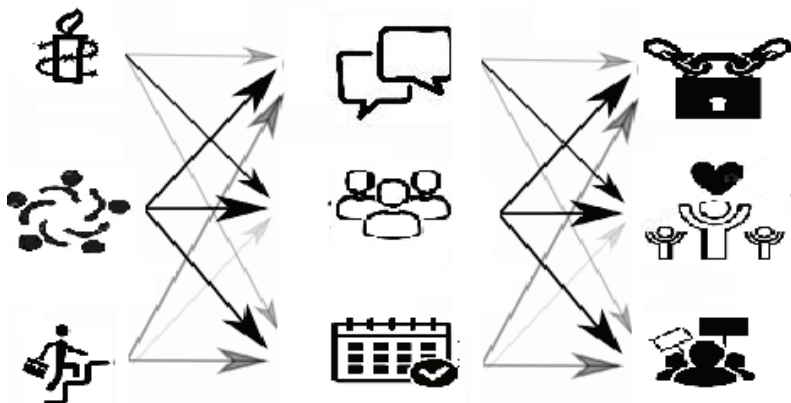

На третьем этапе интенсивность сетевого обсуждения, интенсивность создания сообществ, объединенных общей тематикой, и интенсивность призывов к выходу на улицу как условие несетевых действий должны получить достаточный вес, чтобы запустить «моторные функции»:

При этом наша сеть может учиться и в качестве некоего механизма обратной связи должна иметь возможность либо переформатироваться, либо выбирать в качестве рецепторной реакции на первичные исходные данные иные «моторные» реакции, например переход к закрытым способам коммуникации (закрытые группы, мессенджеры, телеграм-каналы), либо идти по пути гражданского волонтерства и стратегии малых дел как некоего предуготовительного этапа ожидания ослабления давления со стороны политической системы.

Ответы самообученной сети теперь таковы: (1) в случае внешней жесткой силовой реакции «не пойду на улицу, а уйду в подполье (= закрытое сообщество)»; (2) пойду на улицу, но не протестовать, а делать «малые дела», помогая близким; (3) все-таки пойду на улицу, вопреки своим страхам:

Выводы

Итак, более или менее понятно, каким образом происходит «принятие решений» такого рода протестным квазисубъектом. Это, безусловно, не является решением руководителя организации. Но каким образом происходит обучение сети принятию «правильных решений»? Наш ответ состоит в том, что не существует правильных или неправильных, но есть эволюционно-адекватные или неадекватные решения. Последние просто приводят к завершению (т.е. к прекращению воспроизводства) той или иной последовательности коммуникаций.

Так, на стадии эволюционной вариативности возникает три вышеозначенных возможных ответа на средовые условия. На стадии их селекции (выживания), очевидно, продолжение уличного протеста является (в силу страхов репрессий, деморализации и демотивации от нереализованности изначальных мотивов) маловероятным. Между тем волонтерство с «оппозиционным уклоном» и продолжением петиционной активности в сети способно не только «быть отобранным» на эволюционной стадии *естественного* отбора, но и получить в данных внешнесредовых условиях формы регулярного воспроизводства, т.е. эволюционно *стабилизироваться*.

Видимо, на некоторый период именно этот ответ будет наиболее вероятным следствием самообучения новых социальных движений. Но этот ответ, очевидно, не реализовываться *всеми* сетевыми группами, поскольку некоторые протестные ценности (в особенности экстремистские и радикальные) просто могут и не иметь соответствующих их ценностям волонтерских форм. В этом смысле «сетевое подполье» как раз и будет характерным ответом радикальных и экстремистских протестных групп, не имеющих несетевых возможностей для несетевой волонтерской самореализации. Это обстоятельство, видимо, до некоторого времени будет препятствовать созданию общей протестной мотивационной темы, т.е. появлению у протеста обобщающего символического медиума коммуникативного успеха, и, как следствие, формированию полноценной коммуникативной системы протеста.

Литература

1. Антоновский А.Ю., Бараи Р.Э. Системно-коммуникативные исследования социальных движений // Философский журнал. 2018. № 2. С. 91–105.
2. Бараи Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 18–33.
3. Touraine A. An introduction to the study of social movements // Social Research. 1985. Vol. 52, № 4. P. 749–787.
4. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics. London, New York : Verso, 1985. 240 p.
5. Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // Social Research. 1985. Vol. 52, № 4. P. 817–867.
6. Luhmann N. Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1996. 216 S.
7. Бараи Р.Э., Антоновский А.А. Коммуникативная философия радикального протеста // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27–38.
8. Newman M. Networks. An Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2010. 784 p.
9. Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. № 62 (2). P. 363–379.
10. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, № 5. P. 739–768.

11. Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London : Pluto Books, 2012. 208 p.
12. Castells M. Communication Power. Oxford, New York : Oxford University Press, 2009. 571 p.
13. Monge P.R., Contractor N.S. Theories of Communication Networks. Oxford : Oxford University Press, 2003. 432 p.
14. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences). Cambridge : Cambridge University Press. 1994. 857 p.
15. Gould R. Power and social structure in community elites // Social Forces. 1989. Vol. 68, № 2. P. 531–552.
16. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. New York : Free Press, 2003. 551 p.
17. Easley D., Kleinberg J. Networks, Crowds, and Markets : Reasoning About a Highly Connected World. New York : Cambridge University Press, 2010. 744 p.

Alexander Yu. Antonovskiy, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: antonovskiy@hotmail.com

Raisa E. Barash, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Institute of Logic, Cognitive Sciences and Personality Development (Moscow, Russian Federation).

E-mail: raisabarash@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 5–20.

DOI: 10.17223/1998863X/50/1

SOCIAL NETWORK MOVEMENTS AS A METAPHOR OF THE ARTIFICIAL INTELLECT

Keywords: protest; new social monuments; science; system-communication approach; neuronal networks; communication.

The article is devoted to the contemporary context and features of the new social movements' inner communication. The authors pay special attention to the conceptual meaning and consequences of the activists' use of the digital communication. Judging upon the theoretical and methodological approaches to the study of the activists' communication, the authors note that protest activity is seen as a reaction on the failure of communicative practices. But such an interpretation negates the constructive components typical for the current civil activity as a subject of communication of a new type. It is noted in the article that contemporary civil activity is based on the principles of a personal initiative inclusion rather than on a formal organizational membership like during the pre-digital era. Based on the ideas of the systemic communicative theory, the authors propose to consider civil activism as invariant communicative structures and note that activity's coordination is ensured by the discourse of activists' discussion or action. The authors claim that such a mechanism of coordination of the activists' organization could be interpreted as the priority of quasi-artificial intelligence in which specific "neurons" (that are represented by activists or discussion communities) communicate with discussion centers (these are network associations) through quasi-synaptic mechanisms (that are represented by the reaction to problems or events indicated in social networks). As it is noted in the article, if the reaction variety to "digitally discussed" events intensifies, several quasi-neural levels are formed (these are the levels of the network reaction to external network events, of the reaction to the reaction to non-network events, of active discussion). In turn, if activist unions are regularly disturbed by low-weight quasi-synaptic mechanisms (message of an insignificant or fake character), the protest communication reduces. The authors note that the horizontal rhizomatic structure of traditional activist movements, their decentralization and the low formalization of protest mobilization during the pre-digital era were objectively limited by the weak internal consolidation of associations. Asking a question about the conditions of network communities' coordination of their activity, the authors propose to reconstruct the activity of social networks by analogy with the structure of the organic nervous system or with the work of a complex mechanism. It is noted in the article that the "network" formed by the activist communication moves the internal logic of the participants' communication into a new more ordered format. It mainly concerns the making of collectively-binding decisions. The network mechanism of decision-making that is used by contemporary activist associations helps to compensate the deficit of central governance structures that was typical for the pre-digital era. As the authors note, the "self-learning" of the communicative system becomes possible due to the activist network's response to non-network events. That thus corresponds to the classical mechanisms of a positive feedback when more participation in activist actions generates a more active network's discussion of the actual context.

References

1. Antonovsky, A.Yu. & Barash, R.E. (2018) A study of social movements from the systemic communication standpoint: is a scientific theory of political protest possible? *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 2. pp. 91–105. (In Russian). DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105
2. Barash, R.E. & Antonovsky, A.Yu. (2018) Radical science. Are the scientists capable of social protest? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(2). pp. 18–33. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201855223
3. Touraine, A. (1985) An introduction to the study of social movements. *Social Research*. 52(4). pp. 749–787.
4. Laclau, E. & Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics*. London, New York: Verso.
5. Offe, C. (1985) New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research*. 52(4). pp. 817–867. DOI: 10.1007/978-3-658-22261-1_12
6. Luhmann, N. (1996) *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp.
7. Barash, R.E. & Antonovsky, A.Yu. (2018) The Communicative Philosophy of Radical Protest, its Genesis and Positive Research Program. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 27–38. (In Russian).
8. Newman, M. (2010) *Networks. An Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
9. Tufekci, Z. & Wilson, C. (2012) Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*. 62(2). pp. 363–379. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x
11. Gerbaudo, P. (2012) *Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Books.
12. Castells, M. (2009) *Communication Power*. Oxford, New York: Oxford University Press.
13. Monge, P.R. & Contractor, N.S. (2003) *Theories of Communication Networks*. Oxford: Oxford University Press.
14. Wasserman, S. & Faust, K. (1994) *Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences)*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Gould, R. (1989) Power and social structure in community elites. *Social Forces*. 68(2). pp. 531–552. DOI: 10.1093/sf/68.2.531
16. Rogers, E.M. (2003) *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press.
17. Easley, D. & Kleinberg, J. (2010) *Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World*. New York: Cambridge University Press.

УДК 1(091):162.6
DOI: 10.17223/1998863X/50/2

И.В. Берестов

ДОПОЛНЕНИЕ АРГУМЕНТАЦИОННЫХ СТРУКТУР ОБЪЕКТИВАЦИЕЙ ДИСКУССИЙ¹

Показано, что при формализации дискуссий, развертывающихся в современных философских журналах, нужно учитывать тот факт, что новый участник дискуссии может использовать предшествующую дискуссию целиком в качестве поддержки своего собственного тезиса. Это означает, что конструируемая формализация должна оперировать с дискуссиями, содержащими положения, связанные отношениями поддержки и атаки.

Ключевые слова: теория аргументации, структура аргументации, DefLog, логика аргументации, отменяемая аргументация.

Настоящая статья посвящена указанию на некоторую неполноту имеющихся формализаций аргументации. Мы намерены показать, что имеются случаи аргументации, которые известные способы формализации и графического представления аргументов не способны отобразить. Однако эти случаи составляют весьма значительную часть обсуждения проблем в философских журналах и, вероятно, в журналах других направлений.

В качестве примера современного и во многих отношениях весьма успешного подхода к формализации аргументации укажем на подход, автором которого является известный голландский исследователь Bart Verheij [1]. Он разработал одну из теорий диалектической аргументации, именуемую DefLog. Более подробное описание DefLog имеется в [2]. Также им была разработана компьютерная программа ArguMed, последние версии которой основываются на DefLog. ArguMed служит помощником при построении корректной аргументации (argument assistant), позволяет проверить формальную корректность аргументации – в смысле соответствия структуре, в которой такие отношения между положениями, как поддержка (support), опровержения (rebutting), опровержения опровержений и пр., упорядочивают положения в соответствии с фиксированными условиями. Обсуждение эволюции ArguMed, описание других имеющихся подходов к формализации аргументации и ее оценке можно найти в [3].

ArguMed позволяет учитывать возможность для положения, изначально принятого в качестве «обоснованного» (justified), в результате контрдоводов в ходе развития аргументации (расширения обсуждения за счет добавления новых положений, аргументирующих в пользу или против других положений) изменить свой статус на «отвергнутое» (defeated) или «неоцениваемое» (unevaluated). При этом в ArguMed могут быть атакованы как положения, поддерживающие определенный тезис, так и связанность положений отношениями поддержки или опровержения. Безусловно, это является достоин-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760).

ством ArguMed. Таким образом, ArguMed позволяет как бы «субстантивировать» указанные отношения между положениями, делая их «объектами», которые могут поддерживаться или атакаться другими тезисами. Следует подчеркнуть, что субстантивируются отношения не сами по себе, в отдельности от соотносимых ими вещей, но именно отношения между вот этими положениями. В этом смысле можно сказать, что создается новый объект, состоящий из двух положений, на которых определено отношение поддержки или опровержения (последнее отношение другие авторы часто называют отношением атаки (attack), рассматривая опровержение (refutation) как вид атаки). Созданный таким способом новый объект, согласно [1], может подтверждаться или опровергаться другим объектом (положением). Мы могли бы добавить, что в некоторых ситуациях новый объект можно использовать также и для подтверждения или опровержения другого объекта, хотя в ArguMed такую ситуацию визуализировать невозможно. Иначе говоря, наше предложение состоит в том, чтобы сделать создаваемый указанным способом объект более полноценным объектом, чем в [Ibid.]: он должен иметь возможность не только подтверждаться или опровергаться другими объектами, но также и возможность подтверждать или опровергать другие объекты.

Однако указанного расширения все еще недостаточно для формализации многих длительных дискуссий, идущих в философских журналах. Новый участник дискуссии может, оценив *сложившуюся ситуацию целиком* как типовую (ведь в достаточно длительной дискуссии уже нет ни одной точки зрения, которая не является и поддерживаемой некоторыми положениями, и опровергаемой другими положениями), использовать *эту ситуацию целиком* (т.е. положения, упорядоченные отношениями поддержки и опровержения) в качестве довода, поддерживающего некоторую свою точку зрения, которая, по-видимому, не должна совпадать с точками зрения, отстаивавшимися до появления этого участника дискуссии (дискуссия по их поводу уже показала свою «зацикленность» и безнадежность).

В этом случае «субстантивируется», или «объективируется», не просто отношение поддержки / опровержения (атаки), привязанное к своим объектам, но целая дискуссия, представляющая собой множество тезисов, на некоторых членах которого заданы отношения поддержки и опровержения. Для формализации аргумента, содержащего в качестве одного из своих объектов такой сложный объект, как объективированная дискуссия, можно использовать синтаксис языка DefLog, как он описан в [Ibid.], с дополнительным оператором конъюнкции, позволяющим описывать объект не только одним, но также и несколькими положениями, которые могут быть положениями о положениях о положениях... и положения могут быть связаны или нет отношениями подтверждения или опровержения.

Для того чтобы показать полезность использования при формализации аргументации такого объекта, как объективированная дискуссия, приведем в качестве примера наш отклик на продолжающуюся дискуссию среди методологов истории философии в [4, 5]. Изначально в дискуссии обсуждаются два тезиса (claims): тезис контекстуалистов (CC) и тезис апроприационистов (AC). Чтобы сформулировать эти тезисы, рассмотрим, как формулируют свои позиции сами историки философии, пытающиеся прояснить методологию своей дисциплины.

Как излагает позицию контекстуалистов И.Ш. Зарка, «философский текст, чтобы он стал понятным, следует поместить в контекст, в котором он был написан» [6. Р. 149]. Кропотливая работа с контекстами нужна для решения основной задачи историка философии, которая заключается в том, чтобы «обратиться... к тому же самому объекту, что и оригинальный философ» [Ibid. Р. 150].

К. Паначчио приводит свое резюме «обобщенной» позиции контекстуалистов в трех тезисах [7. Р. 19]:

1. Радикальный холизм – в любой философской системе любое утверждение неразрывно связано со всеми остальными утверждениями.

2. Радикальный релятивизм – любая философская система всецело принадлежит тому историческому контексту, в котором она сформировалась.

3. Радикальный дисконтинуизм – невозможно встать на точку зрения философов былых эпох, чтобы обсудить истинность их утверждений, поскольку произошла радикальная смена всех условий философской работы.

Среди известных исследователей, придерживающихся п. 1, можно назвать М. Бивира, прямо называющего себя «семантическим холистом» [8. С. 128]. При этом сам М. Бивир в качестве общего содержания вариантов контекстуализма Дж. Покока и Кв. Скиннера выделяет то, что философские понятия для них «не могут удерживать соответствующую идентичность сквозь контексты», на основании чего Дж. Покок и Кв. Скиннер «отрицают наличие исконных проблем в истории идей» [Там же. С. 121]. Таким образом, Дж. Покок и Кв. Скиннер, по М. Бивиру, склоняются к «радикальному релятивизму», т.е. к п. 2.

Также среди историков философии, придерживающихся п. 2, можно назвать Джона Германа Рэндалла, утверждающего, что «проблемы одного столетия в конечном счете не имеют отношения к проблемам другого» [9. Р. 7].

Вероятно, наиболее обескураживающим следствием контекстуализма является п. 3 (который просто следует из п. 2), в соответствии с которым современные историки философии и философы не могут осмысленно высказываться об убеждениях философов минувших эпох. Как кажется, это полностью уничтожает историю философии. Указанная проблема очень четко ставится П. Кингом в [10. Р. 210–212, 228].

Для целей настоящей статьи из указанных характеристик контекстуализма мы выделим тезис контекстуалистов (СС):

(СС) = «Значение древних философских текстов определяется *только* обстоятельствами их написания».

Стороной, противостоящей контекстуалистам, являются апроприационисты, настаивающие на необходимости встраивать древние тексты в обсуждение современных философских проблем. Следующее признание Дж. Беннетта выражает одну из важнейших характеристик апроприационизма:

«Я рассматриваю умерших великих [философов. – И.Б.] как если бы они были великими и живыми, как личностей, которые имеют что-то сказать нам *сейчас*» [11. Р. 1].

Таким образом, апроприационисты требуют определять значение философского текста через современные дискуссии, что позволяет историкам философии быть не антикваристски настроенными исследователями уже давно никому не нужных вещей, а быть историками *философии*, вносящими вклад в

понимание генеалогии, а значит структуры и содержания современных концепций.

Приведенное апроприационистское требование «осовременить» древние тексты мы сформулируем в виде тезиса апроприационистов (AC):

(AC) = «Значение древних философских текстов определяется *только* их современным использованием».

Поддержку (support) положению (AC) оказывает положение (AS):

(AS) = «То, что автор древнего текста вкладывал в него, недоступно для современных исследователей».

Положение (AS) соответствует п. 3 К. Паначчио из [7. Р. 19], приведенному выше. Престон Кинг излагает основания в пользу (AS) следующим образом:

«Поскольку я (современный историк) могу правильно понимать прошлое только на его собственном языке, и поскольку по определению этот язык отличается от моего собственного, я (который принадлежит, действует и может влиять только на мое собственное время) неспособен вынести какое-либо *релевантное* суждение о каком-либо минувшем времени» [10. Р. 230].

То, что (AS) поддерживает (AC), на DefLog записывается как (AS) $\sim\>$ (AC).

Поддержку положению (CC) оказывает положение (CS):

(CS) = «Значение любого текста исторично».

Положение (CS) соответствует историцистской точке зрения, разделяемой контекстуалистами, например так полагает Дж. Коттигем:

«Философствование должно неизбежно обладать историческим измерением, чтобы его вообще можно было считать философствованием» [12. Р. 30].

То, что (CS) поддерживает (CC), на DefLog записывается как (CS) $\sim\>$ (CC).

Контекстуалисты обвиняют апроприационистов в приписывании древним философам того, чего они не думали и не могли думать, в принуждении древних философов к разговору на современных языках, использованию наших понятий, концепций, инструментов и стандартов философствования (см. [13. Р. 2; 14. С. 169–172; 15. С. 74–75; 16. Р. 77–89]). Это означает, что контекстуалисты используют (CS) для опровержения (rebutting) (AC), что на DefLog записывается как (CS) $\sim\>$ (AC).

Апроприационисты, в свою очередь, критикуют контекстуалистов за бесполезность их требования использовать при установлении значения философского текста обстоятельств его написания, поскольку неясно, как именно эти обстоятельства влияют на его значение (мы можем лишь строить догадки, которые нельзя проверить), обстоятельства известны из других текстов, для установления значений которых необходимо уже знать значение исходного текста [10. Р. 230]. Это означает, что апроприационисты используют (AS) для опровержения (CC), что на DefLog записывается как (AS) $\sim\>$ (CC).

Представленное описание дискуссии показывает, что ситуация зашла в тупик: ни (CC), ни (AC) не имеют преимуществ над конкурирующим тезисом. Для нас в [4, 5] вся зашедшая в тупик дискуссия целиком является основанием для тезиса (SynC), устраняющего несовместимость (CC) и (AC) и «синтезирующего» их:

(SynC) = «Значение текста конституируется как древними, так и современными его интерпретациями».

Детали конструирования значения текста, о чем идет речь в (SynC), приведены в [5] и сейчас для нас не важны. Для отображения описанной ситуации мы должны иметь возможность записать $\{ \{ (AS) \sim \rightarrow (AC) \} \& \{ (CS) \sim \rightarrow (CC) \} \& \{ (AS) \sim x (CC) \} \& \{ (CS) \sim x (AC) \} \} \sim \rightarrow (SynC)$, что нельзя было записать в исходном варианте DefLog. В этой записи выражение в квадратных скобках есть некий единый объект, который является объективированной дискуссией. Этот единый объект поддерживает (SynC).

Наше предложение об объективации дискуссий основывается на одной из характеристик «логико-когнитивной теории аргументации» Е.Н. Лисанюк [17]. Подход Е.Н. Лисанюк, в свою очередь, основывается на подходе П. Дунга [18]. В [17] допускается использование в спорах с участием нескольких агентов не только «атомарных аргументов», но также и «молекулярных аргументов», которые состоят из нескольких положений, таких что каждая пара положений связана специфическим отношением. Кроме того, модель спора, используемая в [Там же], также весьма подходит к рассматриваемому нами примеру журнальной дискуссии, поскольку здесь дискуссия действительно является «мультиагентной»: первый агент отстаивает (AC), второй – (CC), а третий – (SynC).

Однако детали трактовки «молекулярных аргументов» в [Там же] показывают, что трактовка $\{ \{ (AS) \sim \rightarrow (AC) \} \& \{ (CS) \sim \rightarrow (CC) \} \& \{ (AS) \sim x (CC) \} \& \{ (CS) \sim x (AC) \} \}$ как единого объекта – необходимая для формализации рассматриваемого в настоящей статье примера журнальной полемики – не может быть реализована в подходе из [Там же], поскольку в соответствии с этим подходом указанному выражению в квадратных скобках невозможно сопоставить «молекулярный аргумент». Покажем это.

Указанная невозможность связана с жесткими ограничениями на «аргумент». По Е.Н. Лисанюк, *аргумент* представляет собой позицию агента спора, которая есть частично упорядоченное множество принимаемых агентом положений, элементы которого упорядочены симметричным, рефлексивным и транзитивным отношением поддержки (support) и являются положениями, признаваемыми одним и только одним агентом [Там же. С. 179–184, 213–216]. Всякий *аргумент* есть множество, содержащее *доводы* (части аргумента, подаргументы) в пользу *точки зрения* агента (последняя есть отстаиваемый агентом тезис, claim). *Довод* представляет собой множество положений, отличное от *точки зрения агента*. Доводы в аргументе связаны между собой посредством общего правила [Там же. С. 213–214], сопоставимого с Warrant С. Тулмена и с «аргументационной схемой» Д. Уолтона. *Молекулярный аргумент* представляет собой упорядоченное отношением поддержки множество аргументов [Там же. С. 46].

Особенностью созданных Е.Н. Лисанюк формальных языков является то, что записать на них атаку на доводы невозможно, ибо атака / поддержка есть отношение *только* между аргументами. Таким образом, мы не можем детализировать, на какую именно конституенту аргумента направлена атака: на отстаиваемую в атакованном аргументе *точку зрения* (вид атаки – *опровержение*), или на связь между точкой зрения и обосновывающим его аргументом (вид атаки – *отсечение*), или на сам обосновывающий точку зрения аргумент (вид атаки – *подрыв*), или на какой-либо довод в составе аргумента, или (в случае атаки на молекулярный аргумент) на отношение поддержки между

аргументами, составляющими молекулярный аргумент. Хотя в [17. С. 39, 216] такие виды атаки, как опровержение, отсечение и подрыв, признаются, на формальных языках, разработанных в [Там же], вид атаки указать невозможно.

Это означает, что невозможно формализовать, скажем, утверждение, что некоторая позиция поддерживает тезис, если не принимаются положения, поддерживающие тезис этой позиции. Однако для нас сейчас важно еще и то, что в «молекулярном аргументе» не могут присутствовать «аргументы» (т.е. положения), упорядоченные отношением опровержения или «атаки»: по определению, эти положения могут быть упорядочены *только* отношением поддержки. Это значит, что рассматриваемый нами сейчас пример журнальной дискуссии не может быть формализован, поскольку содержание выражения $\{(AS) \sim \rightarrow (AC)\} \& \{(CS) \sim \rightarrow (CC)\} \& \{(AS) \sim \neg (CC)\} \& \{(CS) \sim \neg (AC)\}$ не может быть представлено в виде «молекулярного аргумента».

Можно привести и другие примеры, показывающие, что для точной формализации и графического изображения философской аргументации желательна разработка технических средств, позволяющих объективировать дискуссии и входящие в них рассуждения. Классическим примером такого рода рассуждений может быть аргументация через бесконечный регресс, весьма часто встречающийся в истории философии. В этом случае один из агентов в споре (этот агент является, скорее всего, некоторой мысленной конструкцией другого агента, который, вероятно, является уже реальным человеком) на основании утверждаемых им набора положений A вынужден утверждать или поддерживать положение B , на основании $A \& B$ – положение C , на основании $A \& B \& C$ – тезис D и так до бесконечности. Для формализации этой ситуации нам необходимо предусмотреть операцию конструирования конъюнкции предложений, соответствующую операции образования множества из нескольких объектов, при этом порядок расположения объектов не важен и также не важны отношения поддержки или опровержения между объединяемыми объектами. Однако для формализации *всей* аргументации через бесконечный регресс понадобится также и конструирование более сложного объекта, в котором отношения поддержки или опровержения между объектами, объединяемыми в единый объект, учитываются. Например, аргументация, которая приводит к порождению бесконечной последовательности A, B, C, D, \dots , члены которой упорядочены с использованием отношения поддержки указанным выше способом, может быть *как целое* атакована положением, утверждающим, что последовательность S , членами которой являются указанным способом упорядоченные объекты A, B, C, D, \dots , не может существовать, поскольку если S существует, то существует не принадлежащий S элемент, который по построению должен принадлежать S . Однако в соответствии с приведенными выше требованиями к DefLog такая ситуация не может быть записана на DefLog. Также она не может быть записана на языках из [Там же], ведь отношение поддержки там признается симметричным [Там же. С. 43], тогда как в аргументах через бесконечный регресс симметричность не требуется или исключена. Кроме того, в соответствии с указанными выше свойствами этих языков на них невозможно выразить атаку на *всю* ситуацию генерации бесконечной последовательности обосновывающих друг друга аргументов *целиком*, а не какие-то тезисы в этой последовательности.

Другим примером того, что при формализации аргументации мы должны иметь возможность объединить положения, упорядоченные с использованием отношения поддержки, в единый объект, является дискуссия о допустимости «круговой» аргументации. Например, такой аргументации, в которой положение A поддерживает положение B , тогда как положение B поддерживает положение A . Если агент a_1 допустил «круговую» аргументацию, то агент a_2 может опровергать ее, ссылаясь, например, на то, что «круговая» аргументация *как целое* требует обоснования своей допустимости, но агент a_1 не привел никаких оснований для этого, или на то, что «круговая» аргументация недопустима в принципе, поскольку положения, обосновывающие друг друга, не следует считать ни обосновываемыми, ни обосновывающими. Для такой атаки на «круговую» аргументацию (как, впрочем, и для ее поддержки) необходимо оперировать с ней *как с целым*, т.е. «круговая» аргументация должна быть объективирована, должен быть введен объект $C = \{A, B: A \rightsquigarrow B, B \rightsquigarrow A\}$. Но в соответствии с приведенными выше требованиями к DefLog и языкам из [17] они не имеют выразительных средств для введения такого объекта.

Таким образом, мы показали, что желательно предусмотреть возможность объективировать дискуссию для более точной формализации философской журнальной полемики и, вероятно, не только ее. Также было показано, что имеющиеся подходы [1–3, 17, 18] не предусматривают такой возможности.

Литература

1. Verheij B. Evaluating Arguments Based on Toulmin's Scheme // *Arguing on the Toulmin Model: New Essays in Argument Analysis and Evaluation* / ed. by D. Hitchcock and B. Verheij. Dordrecht : Springer, 2006. P. 181–202.
2. Verheij B. DefLog: on the Logical Interpretation of Prima Facie Justified Assumptions // *Journal of Logic and Computation*. 2003. Vol. 13, № 3. P. 319–346.
3. Verheij B. Artificial Argument Assistants for Defeasible Argumentation // *Artificial Intelligence*. 2003. Vol. 150. P. 291–324.
4. Беесптов И.В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: Постановка проблемы // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 69–81.
5. Беесптов И.В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: Типы значений терминов // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 438. С. 62–73.
6. Zarka Y.Ch. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 147–159.
7. Panaccio C. De la reconstruction en histoire de la philosophie // *La philosophie et son histoire* / G. Boss, éd. Zürich, 1994. P. 294–312.
8. Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // *История понятий, история дискурса, история менталитета* : сб. ст. : пер. с нем. / под ред. Х.Э. Бёдекера. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 112–152.
9. Randall J.H. The Career of Philosophy. New York : Columbia University Press, 1962. Vol. I: From the Middle Ages to the Enlightenment.
10. King P. Historical Contextualism: The New Historicism? // *History of European Ideas*. 1995. Vol. 21, № 2. P. 209–233.
11. Bennett J. Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume : in 2 vols. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2001. Vol. 1. P. 1.
12. Cottinham J. Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 25–41.

13. *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by M. Lærke, J.E.H. Smith, E. Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013.

14. *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Р. Рорти. М. : УРСС, 2001. С. 178–196.

15. *Рокмор Т.* Заметки об истории философии и ее отношении к философскому «духу времени» (*Zeitgeist*) // История философии: вызовы XXI века / под ред. Н.В. Мотрошиловой. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 64–79.

16. *Goldenbaum U.* Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy // *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by M. Lærke, J.E.H. Smith, E. Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013. P. 71–90.

17. *Лисанюк Е.Н.* Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук. СПб. : СПбГУ, 2015. 297 с.

18. *Dung P.M.* On the Acceptability of Arguments and its Fundamental Role in Nonmonotonic Reasoning, Logic Programming, and *n*-person Games // *Artificial Intelligence*. 1995. Vol. 77. P. 321–357.

Igor V. Berestov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: berestoviv@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 21–29.

DOI: 10.17223/1998863X/50/2

AN EXTENSION OF ARGUMENTATION STRUCTURES WITH AN OBJECTIFICATION OF DISCUSSIONS

Keywords: argumentation theory; argumentation structure; DefLog; logic of argumentation; defeasible logic.

The author shows that, when formalizing discussions that take place in modern philosophical journals, it is necessary to take into account the fact that a new discussion participant can use the preceding discussion as a whole in order to support his/her own claim. This means that the constructed formalization must operate with objects that are entire discussions, which contain statements related by relations of support and attack. The author gives some examples of discussions that are attacked as a whole or supported (some claims) as a whole. He shows that, in order for those discussions to fulfill this role, they must be substantiated or objectified, i.e. our logical means should allow us to represent discussions as a single object, distinct from other objects. The author shows that, for example, both B. Verheij's Theory of Dialectical Argumentation DefLog and E.N. Lisanyuk's Logical-Cognitive Argumentation Theory do not enable to objectify some common types of discussions, and therefore these theories are to be extended. To wit, the author shows that these theories are not capable of describing the following three situations in their languages. (1) Two agents support their claims, each of them gives an argument in support of his/her claim, and each of those supports is also an attack on the opponent's claim. After that, a third agent treats the situation entirely as a dead end and uses it as a support for his/her own thesis. (2) The first agent, based on his/her initial premises, has to admit the first statement to be supported, then, based on it and on the initial premises, s/he has to admit the second statement to be supported, etc. ad infinitum. The second agent attacks the entire infinite regress generated in this way, i.e. s/he attacks the entire sequence of statements related by the relation of support. In the attacking statement, the second agent asserts that the sequence of supports cannot go to infinity. (3) The first agent puts forward two positions supporting each other. The second agent attacks the entire "circular" supporting indicating that it is unacceptable for something to be supported by itself.

References

1. Verheij, B. (2006) Evaluating Arguments Based on Toulmin's Scheme. In: Hitchcock, D. & Verheij, B. (eds) *Arguing on the Toulmin Model: New Essays in Argument Analysis and Evaluation*. Dordrecht: Springer. pp. 181–202.

2. Verheij, B. (2003a) DefLog: on the Logical Interpretation of Prima Facie Justified Assumptions. *Journal of Logic and Computation*. 13(3). pp. 319–346. DOI: 10.1093/logcom/13.3.319

3. Verheij, B. (2003b) Artificial Argument Assistants for Defeasible Argumentation. *Artificial Intelligence*. 150. pp. 291–324. DOI: 10.1016/S0004-3702(03)00107-3
4. Berestov, I.V. (2018) Application of Walter Edelberg's perspectivalist semantics in the methodology of the history of philosophy. Part I: A statement of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 69–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/8
5. Berestov, I.V. (2019) Application of Walter Edelberg's Perspectivalist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part II: Types of Term Meanings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 62–73. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/8
6. Zarka, Y.Ch. (2005) The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press. pp. 147–159.
7. Panaccio, C. (1994) De la reconstruction en histoire de la philosophie. In: Boss, G. (ed.) *La philosophie et son histoire*. Zürich: Grand Midi. pp. 294–312.
8. Bevier, M. (2010) Rol' kontekstov v ponimanii i ob'yasnenii [The role of contexts in understanding and explanation]. In: Boedeker, H.E. (ed.) *Istoriya ponyatiya, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta* [History of Concepts, History of Discourse, History of Mentality]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 112–152.
9. Randall, J.H. (1962) *The Career of Philosophy*. Vol. I. New York: Columbia University Press.
10. King, P. (1995) Historical Contextualism: The New Historicism? *History of European Ideas*. 21(2). pp. 209–233. DOI: 10.1016/0191-6599(94)00248-E
11. Bennett, J. (2001) *Learning from Six Philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume*. Vol. 1. Oxford; New York: Oxford University Press. pp. 1.
12. Cottinham, J. (2005) Why Should Analytic Philosophers Do History of Philosophy? In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press. pp. 25–41.
13. Lærke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) (2013) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
14. Rorty, R. (2001) Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra [The historiography of philosophy: four genres]. In: Dzhokhadze, I.D. *Neopragmatizm R. Rorti* [R. Rorty's Neopragmatism]. Moscow: URSS. pp. 178–196.
15. Rockmore, T. (2014) Zametki ob istorii filosofii i ee otnoshenii k filosofskomu “dukhu vremeni” (Zeitgeist) [Notes on the history of philosophy and its attitude to the Zeitgeist]. In: Motroshilova, N.V. (ed.) *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [The History of Philosophy: Challenges of the 21st Century]. Moscow: Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”. pp. 64–79.
16. Goldenbaum, U. (2013) Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or My Detective Method of History of Philosophy. In: Lærke, M., Smith, J.E.H. & Schliesser, E. (eds) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press. pp. 71–90.
17. Lisanyuk, E.N. (2015) *Logiko-kognitivnaya teoriya argumentatsii* [Logic-cognitive theory of argumentation]. Philosophy Dr. Diss. : St. Petersburg.
18. Dung, P.M. (1995) On the Acceptability of Arguments and its Fundamental Role in Non-monotonic Reasoning, Logic Programming, and n-person Games. *Artificial Intelligence*. 77. pp. 321–357. DOI: 10.1016/0004-3702(94)00041-X

УДК 111.1

DOI: 10.17223/1998863X/50/3

И.П. Ефимов, В.А. Ладов

КОНЦЕПЦИЯ НЕЙТРАЛЬНОГО МОНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ РЕАЛИЗМА И АНТИРЕАЛИЗМА¹

Исследуется нейтральный монизм в контексте дискуссии реализма и антиреализма. Концепция нейтрального монизма, представленная в работах Б. Рассела и Д. Чалмерса, утверждает, что фундаментальные сущности, которые конституируют все существующее, сами по себе не являются ни физическими, ни ментальными. Данная концепция избегает трудностей при объяснении природы сознания, с которыми сталкиваются физикалистские и антифизикалистские теории. Тем не менее авторы статьи считают, что нейтральный монизм имеет свои проблемы. Нейтральный монизм предлагает оригинальную онтологию, однако эпистемологически он неясен. В итоге исследования делается вывод об эпистемологическом антиреализме данной концепции.

Ключевые слова: монизм, панпротопсихизм, проблема комбинирования.

Введение

В настоящей статье исследуется концепция нейтрального монизма. В современной философии сознания сложилось пестрое разнообразие метафизических установок и теорий, которые предлагают разные описания и объяснения природы сознания; все это обстоит именно таким образом не в последнюю очередь благодаря обозначенной Д. Чалмерсом в конце прошлого века «трудной проблеме сознания». Данную проблему хоть и не представить в отрыве от ее классических формулировок, однако чалмерсовская формулировка несет в себе дополнительный аспект: можно сказать, что в последнее время ощутимо некоторое разочарование в физикалистских теориях сознания, что влечет за собой повышенное внимание к другим, альтернативным теориям. К нейтральному монизму можно отнести как «классическую» концепцию Б. Рассела, так и некоторые современные панпсихистские теории.

Концепция нейтрального монизма, иначе называемая двухаспектной теорией сознания, представляет особенный интерес по той причине, что она очевидным образом избегает трудностей, которые влекут за собой другие подходы к объяснению сознания. Материалистский подход признает существование лишь физической субстанции, идеализм – лишь феноменальной или ментальной; дуализм же, в свою очередь, создает разрыв между физическим и ментальным, который, на наш взгляд, влечет за собой проблемы ментальной каузальности и провала в объяснении связи между физическим и ментальным. Преимущество двухаспектного монизма состоит в том, что он признает равноправное существование как физического, так и ментального; вернее, он признает актуальное существование лишь одного типа сущностей,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

которые обладают физическим и ментальным аспектами. В некотором смысле данную концепцию можно по праву признать онтологически реалистской.

Однако когда дело доходит до эпистемологического аспекта, теория нейтрального монизма занимает не совсем ясное, а иногда и вовсе противоречивое положение. Так, при попытке решения известной проблемы комбинирования (the combination problem), возникающей при вопросе о том, каким именно образом микрофеноменальные сущности конституируют макрофизическое сознание, представители современного расселовского монизма предлагают эпистемологически темные решения. Например, гипотеза феноменальной связи П. Гоффа [1] гласит, что различные микросубъекты объединяются посредством некой феноменальной связи, природа которой похожа на природу физических взаимодействий, объединяющих микрочастицы в макрообъекты; однако при этом сам Гофф пишет, что сущность этой связи не описываема в научных терминах. Если онтологически данное воззрение на первый взгляд и не представляет особой трудности (в конце концов, нечто соединяется в иное и в обыденном опыте – мы можем убедиться в этом при приготовлении пищи), то в эпистемологическом ключе данная гипотеза терпит фиаско. Гипотеза феноменальной связи постулирует существование некоторой сущности, которую мы, однако, не можем ни описать, ни объяснить каким-либо адекватным образом. Следовательно, такой панпсихизм можно классифицировать как эпистемологический антиреализм, поскольку он признает существование чего-то, но при этом указывает на невозможность адекватного познания того, чье существование утверждается. На наш взгляд, эпистемологический антиреализм неизбежно ведет к противоречиям и парадоксам.

Цель данной статьи – проанализировать концепцию нейтрального монизма и показать, какую позицию в дискуссии реализма и антиреализма занимает данная теория.

Психофизическая проблема

Проблема «сознание–тело» является одной из наиболее важных и фундаментальных проблем философии сознания еще со времен Декарта. Подобно вопросу о соотношении идеального и материального, данная проблема является метафизической в самой своей сущности. В современной философии сознания можно выделить два основных метафизических взгляда: 1) материализм, утверждающий существование лишь одной субстанции (материи, т.е. субстанции, которую можно объяснить языком естественнонаучных дисциплин); 2) дуализм, утверждающий существование двух независимых друг от друга субстанций. Нейтральный монизм, очевидно, занимает отдельное от двух подходов место – подобно материализму он утверждает существование лишь одного вида сущностей, а подобно дуализму нейтральный монизм утверждает существование ментального. Однако, в отличие от дуализма, нейтральный монизм не полагает ментальное как отдельную и независимую от материи субстанцию; нейтральный монизм во всех со своих разновидностях утверждает существование единственной субстанции, по своей природе не являющейся ни ментальной, ни материальной: ментальность и материальность в данном случае рассматриваются как аспекты, или, выражаясь языком Спинозы, как атрибуты одной сущности.

Очевидно, почему данный взгляд может показаться удобным для философии сознания: подобный подход может позволить избежать проблемы ментальной каузальности (чего не избегает дуализм), признает действительное существование ментальных феноменов (чего не делает физикализм), а в отношении проблемы соотношения сознания и тела данный подход дает возможность ее устранения. Однако здесь остается место другим проблемам; в онтологическом смысле нейтральный монизм безупречен – никаких лишних сущностей, лишь один тип субстанции, но в эпистемологическом смысле в этой теории существуют трудности, которые мы покажем в данном исследовании.

Нейтральный монизм как альтернативная концепция сознания

Подобно физической картине мире нейтральный монизм устанавливает в качестве элементарных частей реальности фундаментальные сущности, однако для этих сущностей наиболее фундаментальными свойствами будут являться не их физические характеристики, но их внутренние свойства, которые конституируют, в свою очередь, как физические, так и ментальные характеристики. В этом и состоит монизм расселовского взгляда: физические и ментальные свойства зависят от внутренних фундаментальных свойств этих фундаментальных сущностей, которые сами по себе можно расценивать в качестве единственной субстанции.

Существует множество различных версий монистического подхода к сознанию: практически все отличия между ними заключаются в определении онтологического статуса фундаментальных сущностей; некоторые склоняются к тому, чтобы определять предельную природу этих сущностей как физическую, другие склонны считать эту природу ментальной, или феноменальной, или вовсе нейтральной. Строго говоря, название «нейтральный монизм» адекватнее всего подходит к третьей группе монистически настроенных философов сознания, что очевидно, однако таким же образом обозначение «двухаспектной теории» может относиться к физикалистски или менталистски настроенным монистам. В данной статье внимание будет уделяться именно «нейтральной» версии двухаспектной теории по двум причинам: во-первых, данный взгляд представляет больший исследовательский интерес, предлагая более экзотичное объяснение сознания и его места в мире; во-вторых, данный взгляд наиболее корректно отражает изначальную расселовскую позицию.

Также в настоящей работе внимание будет уделяться чалмерсовской концепции панпротопсихизма, согласно которой фундаментальная природа также обладает нейтральной протосознательной сущностью, которая сама не является в полной мере сознательной, но, скорее, влечет за собой существование феноменального.

Расселовская теория сознания полагается на знаменитый принцип Оккама: не следует множить сущности без необходимости. Он сам выражает данный принцип следующим образом: призывает заменять конструкциями известных элементов те сущности, которые нуждаются в том, чтобы быть выведенными от других известных сущностей [2. Р. 326]. Сущности известны нам, если они доступны непосредственно или невыводимо; если заменить

конструкциями заранее известных сущностей те неизвестные сущности, которые нуждаются в том, чтобы быть выведенными из них, то в целом ничего не меняется. Однако данная стратегия обусловлена эпистемической причиной: нам более не нужно придумывать новые сущности, чтобы описывать мир; но стоит отметить странный факт того, что изначально данный взгляд не предполагает ни эмерджентности, ни супервентности, ни обоснованности чего-либо в чем-либо [3].

Нейтральный монизм утверждает, что подобный подход можно применить к любой области как в физике, так и в когнитивных науках. Данные конструкции имеют логическую природу. Для дальнейшего понимания расселовской онтологии нам стоит обратиться к понятию «событие» – Б. Рассел считает, что все существующее можно описать в терминах событий: С. Прист наглядным образом показывает, что выбор такой онтологии был обоснован достижениями в физике и развитием новой тогда квантово-релятивистской механики [4].

Квантовая механика предполагает принятие таких принципов, как неопределенность и относительность; событие как основное фундаментальное понятие занимает здесь первичное место, в отличие от классического взгляда, который бы в качестве такой субстанции полагал материю; наоборот, расселовский подход в своем основании отрицает материю как нечто непроницаемое и основополагающее: «материя перестала быть „вещью“ и стала просто математической характеристикой отношений между сложными логическими структурами, состоящими из событий» [2. Р. 290].

Онтология событий тем самым, следовательно, постулирует следующее важное допущение: физика как научная дисциплина в принципе описывает не что иное, как «внешние» отношения между различными конституентами (под этими «внешними» отношениями Рассел разумеет такие базовые физические концепты, как масса, заряд, импульс и т.д.). Физика занимается, грубо говоря, исчислением таких «количественных» внешних данных между фундаментальными сущностями, но физика никоим образом не занимается описанием их «внутренних свойств». Вот тут, по мнению Рассела, и кроется сущность феноменальных переживаний и наиболее фундаментальных ментальных свойств и отношений, которые в более широком масштабе конституируют весь сознательный опыт во всем его многообразии.

Прежде чем переходить к его метафизической позиции сознания, нам надо прояснить конкретнее, что он подразумевает под логической конструкцией. Данный тип конструкции, по его мнению, представляет собой процесс не собственно конструирования или манипулирования, но открытия – для того чтобы сконструировать логически x s из y s, необходимо узнать, что из последнего можно вывести первое. Например, чтобы сконструировать множество пережитых кем-нибудь мгновений времени, необходимо «открыть» перед этим, что каждое из данных протяженных во времени переживаний этого индивида совпадает с каждым другим так, как предполагает выше упомянутая конструкция. Вообще говоря, данная онтология, описывающая все существующее как сеть состоящих из событий логических конструкций, предполагает также и сеть тех или иных отношений между самими конструкциями, некоторые из которых можно обозначить как физические.

Как пишет Прист, раз уж существование материи как изначальной субстанции отрицается теорией логических конструкций и фундаментальных событий, то подобный подход также применим и к сознанию. Сознание – крайне неясная вещь, как отмечает Рассел, и практически ничего точно не указывает на существование сознания, кроме непосредственного опыта; однако если согласиться с вышеописанной онтологией, которая им предлагается, то можно попытаться сконструировать достаточно интересную метафизику сознания, которую мы опишем ниже.

Как уже было сказано, физические явления и их описание обозначают сеть внешних отношений между фундаментальными сущностями, которые покрывают такие физические понятия, как масса, заряд и т.д., однако при этом упускают внутреннюю природу этих самых сущностей. Данная внутренняя природа обозначается им как «чтойность» (quiddity) той или иной сущности, и, по мысли Рассела, как мы можем увидеть и в чалмерсовской трактовке, данные «чтойности» переживаются внутренне как ментальные состояния, или, согласно принятой онтологии, как ментальные события. Сами по себе фундаментальные сущности не являются ни физическими по своей природе, ни ментальными (однако данная дескрипция, как мы уже можем увидеть, адекватна лишь для условного понимания тех элементарных вещей, из которых и состоит все существующее; данные фундаментальные сущности в наиболее радикальном рассмотрении и вовсе не являются «сущностями» или субстанциями в классическом метафизическом смысле). Скорее, физический или ментальный характер предполагает те или иные отношения, которые мы описываем: в первом случае мы имеем дело с «количественными», внешними отношениями, а во втором – с внутренней природой этих отношений.

Наиболее очевидна данная позиция в концепции панпротопсихизма Д. Чалмерса. Он развивает расселовский нейтральный подход, постулируя то, что эти фундаментальные сущности являются, скорее, протофеноменальными (или протосознательными) и микрофизическими; первое означает, что сами эти сущности не формируют сознание как таковое, но имеют все необходимые свойства для того, чтобы сознание представало как полноценное феноменальное свойство (как то, чем обладаем все мы – мы имеем непосредственный, несводимый ни к чему другому субъективный опыт, квалиа; это показывает нам его знаменитый мысленный эксперимент с философским зомби, получившим как «трудная проблема сознания» широкий резонанс); второе обозначает комплекс тех квантовых свойств, которые присущи физическим микрообъектам. Интересно, что в последнем случае мы не можем сказать, что микрофизические свойства тождественны макрофизическим (заряд протона непосредственно не влияет на макрофизические свойства стула, в котором данный протон присутствует). Однако они особым образом конституируют их (то же самое – заряды протонов стула вместе с зарядами его электронов образуют общий нейтральный заряд макрообъекта и конституируют косвенным образом такие его внешние макрофизические характеристики, как плотность, цвет и т.д.); следовательно, сходным образом протофеноменальные свойства конституируют и макрофеноменальные свойства. Если согласиться с такой концепцией, то можно было бы сказать с оговорками, что протофеноменальные свойства наших атомов конституируют все то многообразие психической жизни, с которой мы сталкиваемся каждый день.

Однако данный подход не лишен недостатков. Самый очевидный из них указывает на остающуюся общую неясность того, что вообще является феноменальным (опять же, мы можем отвечать на вопрос «что такое феноменальное» самым простым образом: это то, что соответствует тому, «каково быть чем-либо», т.е. это субъективный опыт); кроме того, в самой философии сознания была сформулирована специфическая проблема комбинирования, которая заключается в трудности описания того, каким именно образом микрофеноменальные фундаментальные свойства конституируют макрофеноменальное сознание.

Эпистемологические проблемы нейтрального монизма

Мы можем здесь увидеть, что расселовский нейтральный монизм и его чалмерсовская версия предлагают своеобразную онтологию, которая устанавливает монистический, единый характер мироздания; сами фундаментальные сущности не являются сущностями в строго метафизическом смысле слова, но, скорее, видом тех или иных логических конструкций, которыми можно описывать мироздание; в некоторых случаях эти конструкции отсылают к тем событиям, которые можно описывать языком физической науки, в других – к тем, описанием которых занимается психология. Таким образом, фундаментальные сущности нейтральны, т.е. не являются ни физическими, ни ментальными. Однако эпистемологический аспект данной онтологии представляет гораздо более запутанную и неясную картину, нежели сам онтологический аспект.

Если рассматривать нейтральный монизм онтологически, то данная теория проста и соответствует принципу Оккама. Однако если рассматривать ее эпистемологически, то данный подход не лишен разного рода трудностей. Во-первых, многими отмечалась крайняя неясность того, что из себя в принципе представляет эта нейтральная природа и как конкретно понимать сознание; и если в собственно в расселовском монизме на данную неясность можно смотреть как на то, что мы имеем дело с теми конструкциями, которые нам еще не открыты, то в чалмерсовской версии эта неясность принимает более глубокий характер. В своей концепции Чалмерс указывает на то, что протофеноменальные свойства существуют и конституируют макрофеноменальные свойства, такие как сознание человека или животного. Однако то, каким конкретно образом они конституируют макрофеноменальные свойства, остается неясным, признается сам Чалмерс [5. Р. 27].

Нейтральный монизм, по меткому выражению Стивена Приста, обладает всего одним преимуществом и всего одним недостатком: данная теория избегает проблем, с которыми сталкиваются дуалистические и физикалистские теории сознания, но при этом предлагает лишь неясную онтологию сознания – неясно, чем является нейтральная субстанция.

Однако самый главный аспект этой трудности заключается в следующем: нейтральный монизм постулирует существование (хоть и условно) одной-единственной субстанции, из которой состоит весь мир, включая сознательную жизнь разумных существ, но не дает единой и адекватной теории познания такого мира. Онтологически нейтральный монизм встает на вполне реалистскую позицию, поскольку заявляет, что мир существует и он в своем основании единообразен, однако эпистемологически нейтральный монизм не предполагает ясной и однозначной познавательной стратегии; мы говорим,

что мир един и он существует, однако мы не говорим, как адекватно познавать данный единый мир.

Нейтральный монизм утверждает в принципе релятивистскую эпистемологию, когда говорит, что по отношению к нейтральным фундаментальным сущностям (entities) имеется два равноправных и независимых эпистемических подхода – физический (объективный) и ментальный (субъективный), и при этом ни один из них не предлагает полноценного понимания природы сознания.

Кроме того, некоторые философы, как например Гофф [1] и Колман [6], предлагая решение проблемы комбинирования, указывают на то, что истинную феноменальную природу мы никак не сможем узнать, поскольку мы принципиально не имеем доступа к конкретному описанию природы сознания. Также важно то, что сам расселовский нейтральный монизм имплицитно предполагает разделение между способами познания мира: несмотря на нейтральную природу сущностей, существует два разных уровня их описания – физический и психологический, которые не могут совпасть. Этим самым, на наш взгляд, нейтральный монизм занимает противоречивое положение: постулируя единообразие мира в онтологическом аспекте, данная теория предполагает релятивистскую позицию в эпистемологическом аспекте.

Теория нейтрального монизма, по нашему мнению, предполагает релятивистскую эпистемологическую позицию – физический и феноменальный уровни являются разными способами описания реальности, не во всех случаях совпадающими, – что может помочь нам классифицировать ее как антиреалистскую концепцию. Антиреализм, согласно формальному реализму [7], изначально противоречив и демонстрирует неспособность построения последовательной теоретической позиции в принципе. Следовательно, мы можем заключить, что нейтральный монизм либо не представляет интереса как метафизическая концепция, либо нуждается в серьезной доработке своих результатов.

Литература

1. Goff P. The Phenomenal Bonding Solution to the Combination Problem // Bruntrup G., Jaskolla L. Panpsychism : Contemporary Perspectives. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 284–302.
2. Russell B. The Analysis of Matter. London : Allen and Unwin, 1992. 400 p.
3. Stuenkel L. Neutral Monism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/neutral-monism/> (accessed: 17.05.2019).
4. Пруст С. Теории сознания / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М. : Идея-Пресс, 2000. 288 с.
5. Chalmers D. Panpsychism and Panprotopsychism // The Amherst Lecture in Philosophy. 2013. 35 p. URL: <http://www.amherstlecture.org/chalmers2013> (accessed: 15.05.2019).
6. Coleman S. Mental Chemistry: Combination for Panpsychists // Dialectica. Vol. 66, № 1. 2012. P. 137–166.
7. Ладов В.А. Формальный реализм. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 132 с.

Innokenty P. Efimov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: innocentefim@gmail.com

Vsevolod A. Ladov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ladov@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 30–37.

DOI: 10.17223/1998863X/50/3

NEUTRAL MONISM IN THE CONTEXT OF THE DISCUSSION BETWEEN REALISM AND ANTIREALISM

Keywords: monism; panprotopsyism; the combination problem.

In this article, the authors consider neutral monism in the context of the discussion between realism and antirealism. Neutral monism is a theory of mind which opposes both physicalism and dualism: unlike dualism, it does not divide substances; unlike physicalism, it does not deny the existence of qualia. This approach to the mind was developed in works of Bertrand Russell and David Chalmers. Russell argues that physics does not reveal the intrinsic nature of fundamental entities but only the external relations between them. He states that consciousness and physical properties are the same thing, the mere two aspects of neutral entities. Chalmers has elaborated Russell's approach into panprotopsyism. According to this theory, consciousness is constituted by protophenomenal properties which, along with microphysical properties, constitute macrophysical properties.

The main problem of panprotopsyism is the combination problem which challenges the existence of constitutive properties. Neutral monism, at first thought, proposes a simple and elegant ontology that might be helpful when dealing with the mind-body problem; although, as Priest pointed, this theory has only one weakness – it does not explain what neutral entities exactly are. Panprotopsyism has a similar one – its defenders offer epistemologically inadequate solutions to the combination problem which do not shed light on the nature of the neutral substance. Therefore, the authors conclude that neutral monism is epistemological antirealism.

References

1. Goff, P. (2016) The Phenomenal Bonding Solution to the Combination Problem. In: Bruntrup, G. & Jaskolla, L. (2016) *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. pp. 284–302.
2. Russell, B. (1992) *The Analysis of Matter*. London: Allen and Unwin.
3. Stubenbergl, L. (n.d.) Neutral Monism. In: Zalta, E.N. (ed.) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/neutral-monism/> (Accessed: 17th May 2019).
4. Priest, S. (1991) *Theories of Mind*. The Penguin Books.
5. Chalmers, D. (2013a) Panpsychism and Panprotopsyism. *The Amherst Lecture in Philosophy*. 8. pp. 1–35. [Online] Available from: <http://www.amherstlecture.org/chalmers2013>
6. Coleman, S. (2012) Mental Chemistry: Combination for Panpsychists. *Dialectica*. 66(1). pp. 137–166. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2012.01293.x
7. Ladov, V.A. (2011) *Formalnyi realizm* [Formal Realism]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/50/4

С.В. Оболкина

КИБЕРТЕКСТ КАК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ

Феномен компьютерных игр и его междисциплинарные исследования (game studies) предоставляют интересные возможности для философии эпохи «онтологического поворота». В контексте исследований оснований образа реальности автор предлагает конвергентный подход, условно обозначенный как «экспериментальная онтология». Она призвана помочь ответить на вопрос: является ли система данных нам условий понятности опыта единственно возможной онтологией?

Ключевые слова: онтология, онтологический поворот, game studies, кибертекст, компьютерная игра.

Game studies – это активно развивающаяся философская дисциплина, исследующая феномен видео- и компьютерных игр (далее КИ). Ее развитие инициировано, во-первых, той значимостью, которой обладают КИ в современной культуре, во-вторых, изменениями, которые претерпевает игровая индустрия: помимо очевидной перспективы развития, связанной с ростом производительности компьютеров, создатели игр все чаще пытаются реализовать интересные концептуально-смысловые задачи. Основным тезисом статьи выступает положение о том, что КИ могут выступать пространством экспериментирования, целью которого являлось бы особого рода практическое исследование теоретических положений онтологического характера; главной проблемой таких исследований выступает вопрос о том, насколько жесткими являются когнитивные детерминанты естественного для нас образа мира.

То, что КИ имеют возможность стать вспомогательным арсеналом науки, мы хорошо знаем – достаточно вспомнить о геймификации научных исследований (например, игра Foldit). Но у КИ существует неменьший философский потенциал. В частности, направление Notgames (не-игры), которое представляет собой «удачный концепт для обозначения игр, самым своим существованием опровергающих стереотипы о продукции этой индустрии» [1. С. 52]. Автор манифеста «глубокой игры» Николай Дыбовский сравнивает КИ с образом инициации, где человека «игровым образом убивали, его игровым же образом возрождали к жизни». Поэтому КИ может подарить человеку конфликт, но не тот, который реализуют большинство игр жанра action или shooter, – «конфликт ножа, который проходит сквозь масло» [2]. Конфликт должен оказывать «шокирующее воздействие». А поскольку «игра – это модель мира», как утверждает Дыбовский, КИ имеют шанс быть не просто *не* развлечением, но и неким онтологическим «инструментом», формирующим характеристики человеческой ментальности: «Мне очень хочется сделать игру о горизонтах интеллекта. О том, как может меняться и расширяться человеческое сознание» [3].

Подобным «апгрейдом» озабочена и современная философия, в которой происходит онтологический поворот: поворот к онтологии как философской

дисциплине и поворот от прежней онтологии. Э. Пикеринг на примере попыток управлять Миссисипи, которая «хочет двигаться», требует не просто нового взгляда на природу, он требует «разрушить чары» прежней онтологии [4]. Философам важно снова рассказывать истории о том, «как все устроено», поэтому представители спекулятивного реализма встают в решительную оппозицию установкам корреляционизма (трансцендентализма). У новой онтологии новые герои – активно вводятся новые понятия: контингентность, гиперхаос, замещающая причинность, плоская тектоника и др. Философы предлагают новые образы реальности и тем самым словно опрашивают человека на предмет когнитивных возможностей для формирования таковых. Может, бытийным взрослением является готовность ко всегда иному (контингентному, по К. Мейясу) миру и важен отказ от принципа достаточного основания (а это, по сути, попытка слома той «техники» мысли, которая оперирует принципом линейной причинности)? [5]. Философия работает с глубинными структурами миропредставления, подвергая ревизии привычные кинестатические образы. Например, Г. Харман в рассуждениях о «расплавленной сердцевине» объектов заставляет нас формировать наглядный образ пространственных взаимодействий, где сам принцип локальности – когда один объект воздействует на другой, «соприкасаясь», – перестает играть регулятивную роль [6]. Может показаться, что философам просто требуется новизна, но, по сути, онтология продолжает свою работу на очередном этапе взросления человека. Это возможно, потому что онтология по определению имеет дело с условиями понятности опыта: «Эмпирическое описание бесконечно, рассеянно; оно запутывается в переплетениях тысяч и тысяч противоречивых обстоятельств и связей. Разобрать их и увидеть внутреннюю связь невозможно, если не посмотреть глазами каких-то других предметов, которые суть теоретические конструкции. Между тем идеи и формы Платона и являются такими первичными конструкциями, коим отнюдь не приписывалось существование материальных предметов, они и есть условие их понятности», – отмечал еще М.К. Мамардашвили [7. С. 80–81]. Онтология формирует понятия, которые являются регулятивными идеями. «Они задают смысл всем теоретическим видам человеческих исканий, направленным на исследование «природы вещей», бытие которых *предполагается* имеющим место вне теории» [8. С. 78–79]. Таким образом, современная онтология ведет поиск когнитивного инструментария, с помощью которого мы могли бы иметь «расширенный арсенал» понятности.

Онтологическая проблематика ставится во главу угла и современной философией сознания: Д. Деннетт, Д. Чалмерс, Ф. Варела, Т. Менцингер и другие полагают реальность чем-то таким, что происходит где-то и как-то, но помимо человека. Радикальнее всего эта проблема озвучена Т. Менцингером, который предлагает теорию «туннеля Эго»: мозг как бы «сверлит» феноменальный туннель в физической реальности, и феноменальное переживание создает в туннеле единую модель мира. В центр модели мозг помещает внутренний образ нас самих – модель личности человека, которому, собственно, даже не обязательно существовать. «В принципе, это переживание возможно и без глаз, его мог бы получить даже лишенный тела мозг в лабораторном сосуде» [9. Р. 21].

Таким образом, общая интенция современного этапа онтологической проблематики (или, возможно, проблематизации реальности) связана с идеей о когнитивной тесноте; реальность мыслится значительно «больше» той модели, с которой мы имеем дело в нашем сознании. Но это общее настроение реализуется как принципиально различные концептуальные установки; условно это различие можно рассматривать как оптимистичный и пессимистичный сценарии: для онтологии и концептуальных разработок в сфере КИ указанная «теснота» – это повод для расширения, наращивания онтологических возможностей; для философии сознания данная нам «теснота» – это все, что есть.

Сама по себе эта ситуация не новая – онтология всегда имела в качестве своего-иного пессимистичного оппонента. Изначально это была логология [10], Пармениду оппонировал Горгий, говоря о том, что бытие – всего лишь фигура речи. Относительно недавние «диктатуры» социальности, языка и дискурса в посклассической мысли вполне можно считать этапом в этом вечном противостоянии онтологии и логологии. Но сегодня все чаще используется понятие «виртуальности», которой оспаривается онтологический статус реальности. Вот и Менцингер утверждает, что реальность для нас – это *всего лишь* виртуальность: «Не эту ли мысль о „тоннеле реальности“ мы находим в работах о виртуальной реальности и программировании новейших видеоигр или в популярных работах неакадемических философов, таких как Роберт Антон Уилсон и Тимоти Лири?» [9. С. 8–9]. Однако даже если Менцингер прав и мы представляем собой нейробиологические сингулярности, заточенные в «тоннель Эго» (как пилот на тренажере), то почему это не повод заняться практическим расширением этой тесноты (т.е. разнообразить тренажеры)? Разве обязательны допущения о «запертости» и «окончателности» даже в такой умозрительной концепции сознания? Одним словом, концептуальный выигрыш в любом случае на стороне оптимистического сценария, поскольку современному этапу онтологической проблематики повезло с возможностью конвергенции – с виртуальностью современность активно учится работать техническими средствами. Поэтому один из моментов философского потенциала КИ можно обозначить рабочим термином «экспериментальная онтология».

Принуждены ли мы к одной системе понятности опыта, связанной, например, с линейным пониманием причинности, или возможно действовать, ориентируясь на нисходящую обусловленность событий (как, например, это предполагает холистическая интерпретация вероятности)? С другой стороны, какие средства мы бы привлекали, чтобы выжить / выиграть в мире с только линейным детерминизмом, дополненным отологической множественностью (как предлагают концепции многомирности)? Возможно, выбранным «скиллом» было бы не восполнение человека искусственным интеллектом, а максимально обострившееся чутье в духе «ночного сознания» или навык атараксии и ориентация на движение в потоке? Еще интересней было бы поэкспериментировать с тем, какие условия понятности мира (и, соответственно, концепты как почва для формирования понятий новой онтологии) вызрели бы у «жителя» гиперхаоса в духе Мейясу... Но, возможно, в результате всех экспериментов мы поняли бы только то, что игроки лишь подстраи-

вают привычную онтологию под любой сюрреалистический мир – и это тоже явилось бы ответом.

В свое время технические возможности компьютера позволили науке (названной постнеклассической) осуществить прорыв к естественному миру – миру, в котором шумы и помехи не элиминируются, а фиксируются и выстраивают модель максимального приближения. КИ (при наличии доброй воли геймдизайнеров) могут предоставить возможность дополнять умозрительность онтологических нарративов практическим моделированием.

Строить нечто новое возможно как минимум тогда, когда обнажены конструктивные скрепы старого. Привычное же становится явным лишь тогда, когда дает сбой. Почему бы не попытаться в игровом режиме «сломать» онтологическое основание миропредставления? В искусственно созданном мире КИ может происходить когнитивный слом (или взлом) привычных условий понятности опыта (в порядке эксперимента, разумеется).

Конечно, следует уточнить использование понятия «эксперимент» в обсуждаемом контексте. Поскольку условия понятности – это когнитивный инструментарий, более уместным было бы использовать средневековое понятие «экспериментация»: оно означало «опытность» человека как результат воздействия на него извне (для средневековых мыслителей – со стороны Бога, демонов и ангелов); процесс таких праксио-экзистенциальных приобретений был крайне важен в духовной жизни человека. Алхимики трансформировали «экспериментацию» в «экспериментум», что означало «взять на пробу»; речь в большей степени шла уже о природных вещах и процессах. В конечном итоге «экспериментация» превратилась в «эксперимент» как установку активного воздействия на мир со стороны человека. КИ имеют шанс создать локус ситуации, где мир в достаточной степени другой, чтобы его снова невозможно было просто «иметь в виду», – тем самым возвращая к жизни искусство экспериментации. При этом, однако, сам этот локус, выстроенный ради «онтологической экспериментации», выступает все-таки пространством эксперимента. Лорд-канцлер Ф. Бэкон назвал научный эксперимент пыточной природы, (очевидно, неплохо ориентируясь в том, что искусственно созданные условия позволяют предмету нашего интереса отвечать на вопросы быстрее и точнее). Эксперимент – это исследование, предполагающее искусственно созданные и, как правило, экстремальные условия (экстремумы температур, давления, инъекции, лабиринты и т.п.). КИ тоже могут претендовать на статус «пыточной» природы – человеческой природы.

Однако важно понять, почему не литература, не киноискусство, а именно КИ могут выступать в роли гипотетической экспериментальной онтологии, ведь воображаемое как таковое имеет мощный антропогенный потенциал. Это показывает Х. Вульф, рассуждая о современном «пикторианском повороте» [11]. Важное отличие КИ от других арт-объектов связано с тем, что КИ имеют дело с моделированием действий [12] – а действия могут быть возможны или нет, если реальность имеет какую-то «жесткость», онтологическую резистентность. Отнюдь не для всякого воображаемого мира автору требуется ломать онтологические скрепы и выстраивать новые. Наши слова не порождают новых миров, хотя и подстегивают воображение. Поэтому правильнее говорить не о создании, а о производстве новых миров посредством КИ. «Термин „производство“ [production] употребляется в соответ-

ствии с его этимологическим корнем (лат. *producere*), обозначающим действие „выдвижения“ какого-либо предмета в пространстве» [13. С. 10]. А это означает создание определенной тектоники. Это скрытая «в глубине» система опор, обеспечивающая стабильность, и система механизмов, производящих движение. Инженерная метафора важна не только как анти-демеургическая прививка, но и в качестве довода в пользу КИ как пространства онтологических экспериментов.

Э. Аарсет говорит о КИ как о кибертексте. Префикс «кибер» указывает на то, что текст рассматривается машиной: «не метафорически, а как механическое устройство для определенного производства знаков и смыслов» [14. Р. 12–13]. Прообраз компьютера – аналитическая машина Баббиджа и Лавлейс – была вдохновлена не литературой, а ткацким станком Жаккарда [15]. «Машина» по своему исходному греческому смыслу означает «уловку», «обманку», но не в смысле противопоставления чему-то «настоящему», а в смысле человеческой способности исхитриться, изловчиться и заставить природу работать на него. Понятая таким образом КИ означает некие манипуляции знаковой природы, осуществляемые с помощью незнаковых средств и ради работы «на человека». Речь не идет о «тренировках мозга» (к примеру, тренировках эпизодической памяти или постинсультной реабилитации) с помощью КИ. Эти исследования важны, но в данном случае важен онтологический потенциал КИ, который напрямую связан с потенциалом виртуальности. «Ее (виртуальности. – С.О.) суть не в том, чтобы выступать противопоставлением референциальности» [16. С. 5]. Нереференциальность не является спецификой виртуального; виртуальное – это один из аспектов реального, а не его противоположность. *Virtualis* (лат.) – от *virtus* как перевода греческого понятия *αρετή*, что означает «добродетель», «достоинство», «мужество». Об определенном мужестве создавать (и играть) странные, «некомфортные для пользователя» игры говорят и исследователи КИ: «Следует также понимать их (компьютерных игр. – С.О.) подрывной по отношению к реальности потенциал и искать в самих играх зоны слома, распада, несвязности, через которые этот потенциал становится доступным» [17. С. 135].

Реальность не случится без заинтересованности. Как показывают нейропсихологические исследования, модель реальности (причем даже такая, которая болезненна для самого субъекта) интересна сознанию, поскольку в ней энергетически заинтересован мозг; сознание пойдет на слом понятности, только если какой-то интерес перевесит заинтересованность мозга в экономии ресурсов. Подобная расточительность – главный эффект игры как таковой, и в его создании заинтересован любой геймдизайнер. Таким образом, ему нужно построить машину, производящую мир с заданными философией (ее онтологическими исследованиями) свойствами. Для философии же в этом контексте в первую очередь следует решить проблему онтологической инаковости. Что такое действительно *другой* мир?

Казалось бы, КИ постоянно вводят игрока в другие миры. Жанр *survival game* (например, *Fortnite*) предлагает в них обустроиться, а игры с открытым миром (например, *No Man's Sky*) делают это максимально изобретательно – за счет отказа от линейно разворачивающейся траектории движения игрока. Многие игры позволяют игроку создавать собственные предметы, персонажей и даже правила методом процедурной генерации. Однако какого-то фун-

даментального дискомфорта, расширяющего в итоге когнитивные возможности человека, в таких играх не случается, поскольку эти кибертексты имеют дело не с онтологическим, а с онтическим потенциалом (если воспользоваться хайдеггеровской терминологией).

Онтической стоило бы обозначить онтологию в понимании У. Куайна (а также формальную онтологию и онтологию в когнитивистике): как знание об объектах, которые постулируются какой-то теорией в качестве существующих. Человечество занималось расширением онтического измерения задолго до эпохи КИ: в античных и средневековых компендиумах одноногие сципоиды, собакоголовые кинокефалы, губастые амиктиры, безголовые блемии и многие другие считались людьми, а их мир не рассматривался как «другой». Они имели место быть в пределах «обычного мира», и это место даровала им не какая-то особая наивность наших античных и средневековых предков, а чуткость к подлинной инаковости. Подлинно *другим* воспринимался только божественный мир. Подобной чуткости к различению онтологического и онтического очень не хватает многим современным исследованиям «различных» или «возможных» миров. Таким образом, если онтология – это условия понятности опыта, то иная онтология – это иные условия понятности.

В качестве примера (по необходимости краткого, эскизного) можно проанализировать базисный уровень привычной нам онтологии: пространственный. «Корень» понятности находится в области презентативного (визуально-наглядного) восприятия: это наглядность как до-рефлексивное, до-вербальное и до-логическое. Д. Лакофф, анализируя мышление, подчеркивает ключевую роль пространственных метафор. Даже отношения времени выражаются в языке в пространственных терминах, показывает он: *перед* Рождеством, *на протяжении* многих лет, *наряду* с этим и т.д. При этом пространство мыслится нами как «вместилище», в котором мы существуем в качестве тел среди других тел [18]. Это наш первичный опыт, а «пространство-вместилище» – важнейшее условие его понятности. Как онтологическое понятие тело анализировала патристика: телесность означает такую форму существования, которая предполагает наличие где-то и когда-то, в отличие от существования Бога как бытия везде и всегда. Тело – это всегда *место* быть, и имеющие различные «места быть» не тождественны. Этот принцип далее получил свое концептуальное завершение в декартовой системе координат, в которой пространственно неразличимые события – это события с идентичными параметрами. Если мы продолжим онтологическое исследование этого базового условия понятности, который связан с нашим опытом телесности, то выйдем на принцип близкодействия и линейность причинно-следственных отношений, а также на дизъюнктивное основание истинности (принцип «или-или»). Когнитивным инструментом организации нашей мыследеятельности выступает не сама метафора «вместилища», а онтологическое предмнение о габитусе (т.е. «образах», а также «привычках, обыкновениях») пространства; метафора выступает лишь его экстериоризацией в условиях коммуникации (в том числе и внутренней). КИ имеют возможность «поиграть» с пространственными представлениями (например, поселив аватар в пространство-«матрешку» или пространство, выстроенное по принципу музыкального многоголосья...).

Онтологические гипотезы, будучи встроены в игровую механику, имеют шанс стать «онтологическим скиллом» игрока. «Поверх» сюжетного нарратива выстраиваются «тексты» о личном опыте понимания и прохождения игры: «Когда же геймер играет в видеоигру, он создает новые «тексты», трансформируя виртуальный мир и объекты на экране» [19. С. 55]. Понимание реализуется лишь в качестве сказанного (даже самому себе), и КИ – это особое пространство различных форм весьма активной коммуникации, в котором формируется богатейшее пространство метафор и первичных концептов. Некоторые из них имеют шанс стать «увядающими метафорами» (Э. Кассирер) – т.е. понятиями, «кристаллизующимися» в живой стихии опыта. Таковыми и были изначально онтологические понятия – вспомним аристотелевскую «материю»-«строительные леса», «сущность»-«имущество» или «субстанцию»-«подстилку»; заимствованные из повседневного языка, они несут «следы» конкретной практики и именно поэтому могут быть условиями понятности и выступать когнитивным инструментарием. КИ может быть понята в качестве новой формы мобильности когнитивных ресурсов (о чем рассуждает Б. Латур): «У вымысла, даже самого необузданного или самого священного, и у вещей природы, даже самых невзрачных, есть место встречи, общее место, потому что все они опираются на „оптическую согласованность“» [20. С. 109]. Компьютерная игра может быть понята очередным таким местом встречи и местом «сборки» новой онтологической грамматики как новых условий понятности опыта.

Литература

1. Ветушинский А.С. To Play Game Studies Press the START Button // Логос. Т. 25, № 1. 2015. С. 41–60.
2. Дыбовский Н. На пороге костяного дома. URL: <http://gamestudies.ru/post/228> (дата обращения: 12.07.2019).
3. «Игры – больше не дверь в новый мир» : интервью с Николаем Дыбовским // КАНОБУ. URL: <https://kanobu.ru/articles/igryi-bolshe-ne-dver-v-novyy-mir-intervyu-s-nikolaem-dybovskim-368125/> (дата обращения: 12.07.2019).
4. Ликеринг Э. Новые онтологии // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 153–172.
5. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
6. Харман Г. О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1997> (дата обращения: 12.07.2019).
7. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. 832 с.
8. Павлов К.А. К тематизации понятия логики: формы познания и коммуникация // Наука: от методологии к онтологии. М. : Изд-во РАН ; Ин-т философии, 2009. С. 67–97.
9. Metzinger T. The Ego Tunnel. New York : Perseus Books, Inc., 2009. 276 p.
10. Кассен Б. Эффект софистики. М. ; СПб. : Московский философский фонд : Университетская книга, 2000. 238 с.
11. Вульф К. Номо pictor или возникновение человека из воображения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. 2008. № 1. С. 121–136.
12. Murray J. Hamlet on the Holodeck. The Future of Narrative in Cyberspace. New York : The Free Press, 1997.
13. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение : пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
14. Aarseth E.J. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore, MD : The Johns Hopkins University Press, 1997.
15. Plant S. The Future Looms: Weaving Women and Cybernetics // Body & Society. 1995. Vol. 1 (3–4). P. 45–64.

16. Горинский А.С. Понятие виртуального бытия: поливариантность эволюции : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004.
17. Ленкевич А.С. Компьютерные игры: стратегии понимания // Медиафилософия XIII. Универсум цифрового разума: новые территории смысла. СПб. : Санкт-Петербургское Философское общество, 2017. С. 126–136.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
19. Деникин А.А. В защиту видеоигр // Обсерватория культуры. 2014. № 3. С. 53–59.
20. Латур Б. Визуализация и познание // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.

Svetlana V. Obolkina, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: Obol2007@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 38–46.

DOI: 10.17223/1998863X/50/4

CYBERTEXT AS AN EXPERIMENTAL ONTOLOGY

Keywords: ontology; ontological turn; game studies; cybertext; computer game.

The main thesis of this work is the argument about the possibility of “experimental ontology” – the implementation of ontological hypotheses through developments in the field of video and computer games. To do this, the author first of all gives an idea of how relevant the ontological problem in philosophy itself (Meijias, Harman, Pickering) and in the philosophy of consciousness (Menzinger) is today. She also talks about the philosophical potential of the conceptual direction in the game industry – first of all, the manifesto of a “deep game”. It is concluded that the general intention of the current stage of ontological problems is related to the idea of cognitive narrowness. In this context, the philosophy of consciousness is a kind of a pessimistic scenario for the development of this idea while, for ontology and conceptual developments in the field of video and computer games (PC games), this “narrowness” is an excuse for seeking its overcoming. Arguing about the ontological potential of PC games, the author bases on the current domestic tradition of understanding ontology as conditions for the understanding of experience. The specificity of PC games as a special kind of text – cybertext (Aarset) – is analyzed. PC games can be a “machine” for the production of a world that is sufficiently different to conflict with the familiar conditions of the understanding of experience (the former ontology). However, many games that claim to create “new worlds” do not imply such a conflict. This determines the following problem: what is a really different world? Heidegger’s distinction between the ontical and the ontological is important to understand what game design must work on so that the “different”, in the ontological sense, would mean different conditions of intelligibility. The author interprets Lakoff’s ideas about the spatial metaphor of the “container” as the question of the habitus of space. The question of the limitation of the experience that has set a certain image of spatiality is discussed. In conclusion, the author speaks on some possibilities of a different habitus of space and argues that, in the sphere of conceptual PC games, we have opportunities for expanding the human cognitive arsenal and for a new form of mobility of cognitive resources.

References

1. Vetushinsky, A.S. (2015) To Play Game Studies Press the START Button. *Logos – The Logos Journal*. 25(1). pp. 41–60.
2. Dybovsky, N. (n.d.) *Na poroge kostyanogo doma* [On the threshold of a bone house]. [Online] Available from: <http://gamestudies.ru/post/228> (Accessed: 12th July 2019).
3. Dybovsky, N. (2014) *“Iгры – bol’she ne dver’ v novyy mir”*: interv’yu s Nikolaem Dybovskim [Games are no longer the door to a new world: Interview with Nikolai Dybovsky]. [Online] Available from: <https://kanobu.ru/articles/igryi-bolshe-ne-dver-v-novyy-mir-intervyu-s-nikolaem-dybovskim-368125/> (Accessed: 12th July 2019).
4. Pickering, E. (2017) New ontologies. *Logos – The Logos Journal*. 27(3). pp. 153–172.
5. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French by L. Medvedeva. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.

6. Harman, G. (2012) O zameshchayushchey prichinnosti [On replacing causality]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 114. [Online]. Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/1997> (Accessed: 12th July 2019).
7. Mamardashvili, M.K. (2002) *Filosofskie chteniya* [Philosophical Readings]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
8. Pavlov, K.A. (2009) K tematizatsii ponyatiya logiki: formy poznaniya i kommunikatsiya [On thematization of the concept of logic: forms of cognition and communication]. In: Ogurtsov, A.P. & Rozin, V.M. (eds) *Nauka: ot metodologii k ontologii* [Science: From Methodology to Ontology]. Moscow: RAS. pp. 67–97.
9. Metzinger, T. (2009) *The Ego Tunnel*. New York: Perseus Books, Inc.
10. Kassen, B. (2000) *Effekt sofistiki* [The Effect of Sophistics]. Translated from French by L. Possius. Moscow; St. Petersburg: Moskovskiy filosofskiy fond: Universitetskaya kniga.
11. Wulf, C. (2008) Homo pictor ili vznikovenie cheloveka iz voobrazheniya [Homo pictor or the emergence of a person from the imagination]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*. 1. pp. 121–136.
12. Murray, J. (1997) *Hamlet on the Holodeck. The Future of Narrative in Cyberspace*. New York: The Free Press.
13. Gumbrecht, H.U. (2006) *Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenie* [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Aarseth, E.J. (1997) *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
15. Plant, S. (1995) The Future Looms: Weaving Women and Cybernetics. *Body & Society*. 1 (3–4). pp. 45–64. DOI: 10.1177/1357034X95001003003
16. Gorinsky, A.S. (2004) *Ponyatie virtual'nogo bytiya: polivariantnost' evolyutsii* [The concept of virtual being: the polyvariance of evolution]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ekaterinburg.
17. Lenkevich, A.S. (2017) Komp'yuternye igry: strategii ponimaniya [Computer games: strategies of understanding]. In: Savchuk, V.V. (ed.) *Mediafilosofiya XIII. Universum tsifrovogo razuma: novye territorii smysla* [Mediaphilosophy XIII: Universum of digital mind: new territories of meaning]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. pp. 126–136.
18. Lakoff J. & Johnson M. (2004) *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
19. Denikin, A.A. (2014) In support of videogames. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 3. pp. 53–59. (In Russian).
20. Latour, B. (2017) Visualization and Cognition: Drawing things Together. *Logos*. 27(2). pp. 95–156.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 37.013

DOI: 10.17223/1998863X/50/5

V. Grincevičienė, J. Barevičiūtė, V. Asakavičiūtė, J. Grincevičius¹

INCLUSIVE EDUCATION AS A VALUE: PHILOSOPHICAL AND SOCIO-EDUCATIONAL APPROACHES

The authors of the article make attempts to present a trend of inclusive education, which has been visible in the national special education, as a value. The main normative documents that have presupposed the genesis and expression of the model of inclusive education in the context of a value-based aspect are introduced. The results of longitudinal studies, which prove that attempts to create a school that ensures equal access to education for everybody (school students with special educational needs as well as their healthy peers) have been only partially successful in Lithuania so far. A number of disabled children, adolescents and young people have still been learning in the settings that are isolated from their peers. Therefore, challenges in inclusive education are likely to arise.

Keywords: inclusive education, inclusion, value, special needs, disabled.

Introduction

European Agency for Development in Special Needs Education, as the main European Union organisation aimed to improve the education policy on special needs individuals and educational practice, recommends to collect data on systematic basis, to analyse them and to provide evidence-based studies to be followed while implementing the principles and objectives of developing inclusive education.

The main provisions of the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006) as well as the strategic objectives 2020 relating to ensuring equity in education, which were established by European Council, all act as key drivers for implementing inclusive education policy in all the EU countries.

¹ **Авторы:** Вилия Гринцявичене, Йовиле Барявичюте, Вайда Асакавичюте, Йонас Гринцявичюс

Название статьи: Инклюзивное образование как ценность: философские и социообразовательные подходы

Аннотация: Предпринята попытка дать представление о складывающемся в Литве направлении в сфере специального образования – инклюзивном (включенном) образовании (обучении как ценности). Представлен обзор основных нормативных документов, раскрывающих генезис модели включенного образования / обучения (инклюзии) в контексте ценностного подхода. Приводятся результаты многолетних исследований, свидетельствующих о том, что в Литве до настоящего времени лишь частично удалось создать школу, в которой на равных правах имеют возможность обучаться ученики со специальными потребностями вместе со здоровыми сверстниками. В настоящее время в стране некоторая часть детей, подростков и молодежи с ограниченными возможностями здоровья все еще учится в изолированной от сверстников среде. Методы инклюзивного образования могут помочь решить эту проблему.

Ключевые слова: инклюзивное (включенное) образование, ценность, специальные потребности, ученик с ограниченными возможностями здоровья.

The essence of this policy is based on the compliance between disability and dignity, which is based on fundamental values in all the areas and trends of the currently changing society. The aim of the Convention is to promote and ensure the full and equal enjoyment of all human rights and fundamental freedoms by all persons with disabilities, and to promote respect for their inherent dignity. The principles of the Convention, which was ratified in the Seimas of the Republic of Lithuania on 27 May 2010, establish equal access to education and training for all members of society: inclusive education, previously just a mere aspiration, has become a reality, when the process of education is constructed in the context of supreme (fundamental) values [1].

Multidimensionality of the concept of value

Having established the goal for themselves to strive for the good, the pre-Socratics representing different philosophical trends identified the good with different values. According to T. Kačerauskas, the conversation about virtues and ethics “has its roots in the Socratic and Platonic tradition” and are related to pre-Socratics such as Thales and Anaximander [2]. Taking one of the most important positions in this context, Stoicism encouraged to promote justice, to apply wisdom, to be brave. It also exalted temperance, modesty and moderation as key life values that pave the path for successful and happy existence of society and life of all its members [3–6]. The good as the supreme value (employing the analogy of the good to the Sun) was promoted by Plato [7], who claimed that the Sun shines to everybody who live in this world, i.e. under the Sun. Thus, the Sun’s care is accessible to both disabled and non-disabled people. Aristotle [8] also called for the virtue of moderation as the golden mean. In the context of this article, moderation is regarded as patience, restraint, tolerance, decency and assurance of equal opportunities to all. Aurelius Augustinus, a representative of Christian ethics, formulated the conception of freedom as a task: freedom is an aspiration to be sought [9–12] and, therefore, freedom to pursue own goals, including education, should be ensured to all the members of society. This is the only way for all members of society without exceptions to attain the goal of complete existence coping with the phenomenon of “errant conscience” elaborated on by Thomas Aquinas [13].

The above-mentioned interpretations dedicated to values and many others that originated in the 19th–20th centuries have also reached various problems addressed in social sciences. Thus, these problems are obviously of an interdisciplinary and multidimensional character. The issue of values can be associated not only with cultural but even with ecological problems, too [14]. The participants in scientific discussions, which break out while elaborating on the typological aspects of values, mainly agree upon the interpretation of transcendental (supreme, eternal, spiritual) values. These include the fundamental and eternal values that comprise the main parts of the individual’s life and existence plan. They are *resistant* to the passage of *time*, passed down from generation to generation and remain in the human consciousness as the main ambitions and goals of life. The values of this type function at cognitive, emotional and behavioural levels. According to V. Pruskus, while choosing certain values people indirectly reveal their ambitions and ideals that are close and relevant to them [15]. These ideals are of a universal nature. On the other hand, according to S. Kanišauskas [16], while addressing the value-related problems, it is necessary to look not only into the width but also to transcend into the

ontological depth, which allows trespassing the intentions of only material character, also realising own fundamental and inherent humanity and avoiding devaluation of values that we are currently facing. So values should not be ignored in the education process, it is necessary to emphasize “that higher education also covers general education, including education of students’ values” [17].

Values of other types exist next to fundamental values. They are of relevance to separate social strata in different phases of society’s development. Here reference is made to temporal (partial, artificial) values nurtured by separate social or professional groups [18]. Values of these types are not timeproof, and their significance and weight among value-based orientations in society have a tendency to shift. Having received strong support from society, partial (artificial, temporal) values can become fundamental ones in the course of time. Therefore, it can be assumed that inclusive education under conditions of globalisation and information society will become an underlying value. The analysis (monitoring) of change trends in the attitude towards the disabled reveals obvious turning points: negativism – positivism. It is important to emphasise that the problems of values were approached from various perspectives by the above-mentioned Antiquity thinkers Socrates, Plato, Aristotle and others. V. Gudonis states that the attitude towards disabled people in the period of Antiquity also depended on the value system in separate poleis [19].

From the philosophical approach, values are regarded as rules that are necessary for individual living and social communication, as orientation models and behaviour norms, which are objectively valid and have to be obeyed by people while subjectively evaluating respective phenomena, as thinking over and controlling their own actions [20]. It is appropriate to turn to currently relevant values such as human rights and dignity that have become one of the keystones of Kant’s ethics from the philosophical perspective. Following Kantian deontological principles, the humankind with separate societies or individuals that comprise it have to be approached as a goal in itself. The latter is inseparable from a good will, which is also a goal in itself. This Kantian position provides a solid theoretical foundation for solutions to moral problems related to human rights and dignity that emerge in modern society and moral actions that derive from those decisions [21]. Therefore, an individual, society and the humankind are three main reference points that allow building up the so-called “respect for autonomy” and ensuring it as an essential idea of Kantian ethics [22].

Clarifying / determining the concept of value in the context of sociological perspective, the manifestations of pluralism are also numerous. According to T. Parsons, values are approached as normative components of culture. However, not every component of culture can be considered a value: T. Parsons applies this term only for normative examples of the highest level of universality that are linked to action orientation in the social reality [23]. According to A. Giddens, values are abstract ideas that provide a meaning and guidelines to people. They are obeyed by individuals and/or their groups and determine what is desirable, appropriate, good or bad. Different values express the main aspects of human culture variety. Values of individuals are influenced by the specific culture they live in [24].

From the educational perspective, the object that significantly satisfies the needs of an individual or society is regarded as a value [25]. The True, the Good, the Beautiful and Love could serve as an object of this kind. These are transcen-

dental (supreme, eternal, spiritual) values. Internalised values tend to programme activities of an individual, accordingly, to draw trajectories of his/her actions and behaviour in the relation with the self and other people and particularly with the disabled. The place of a value and a value-based attitude in the value system of an individual and society discloses the maturity, culture, ideology of the society a person belongs to, the national educational system, areas and tendencies in its change under conditions of globalisation and information society.

Regulation of inclusive education

The following international documents and national legal acts, ratified and adopted by the Seimas, regulate the social policy and educational system in Lithuania: the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities [1], the UN Convention on the Rights of the Child [26], the *Salamanca Statement* [27], the Law on Education of the Republic of Lithuania [28], the Law on Research and Studies of the Republic of Lithuania [29], the Law on Special Education of the Republic of Lithuania [30], the *Lithuanian General Education Curriculum* [31], the *State Education Strategy 2013–2022* [32], the *Lithuanian Progress Strategy “Lithuania 2030”* [33] as well as scientific studies published by scholars [19, 34–40 et al.]. These all contribute to a focused and consistent formulation of a positive attitude towards inclusive education, laying emphasis on the necessity to ensure access to education and equal opportunities at all levels of education, enhancing educational inclusion among members of younger generation, providing school learners, students and young people with favourable conditions to unfold their own individual abilities and to satisfy special educational (learning, training, study) needs. The aforesaid texts emphasise the necessity to provide efficient pedagogical and psychological support on systematic bases to children who encounter learning difficulties: the trajectory of a targeted and consistent activity, which can presuppose the transition of partial values (of inclusive education, equal opportunities) into underlying values, is drawn. Thus, considering the situation from the theoretical approaches, the result is obvious: our society recognises the right of people with disabilities to exercise equal opportunities and to have a dignified access to education and training. The direction towards inclusive education (inclusion), which opened up in the space of special education, can be seen as a safeguard that a disabled individual will not be discriminated against, i.e. he or she will feel dignified and attain own objectives through collaboration and communication with peers. On the other hand, parents, adoptive parents or caregivers are in charge of a disabled minor, and their main duty is to proactively initiate solutions to discrimination-based conflicts [38].

The changing educational system in the country has resulted in a targeted transformation in the model of education of disabled children and young people: the newly open space for change in special education direct educational institutions towards inclusion in education and training of disabled youth for a professional career. A multi-track educational system has formed in the country, in which various methods and forms of education are offered, and people with different educational needs are provided with a choice of educational institutions. One of the directions in the area embraces inclusive education. This is an approach within which families as well as all educational institutions are invited to act on a joint, harmonious and creative basis because our society has already reached the phase of development

when accessibility of education has become a reality to every individual. A substantial role in these activities has been played by the United Nations.

Under conditions of inclusion, a high quality pedagogical interaction and a respect-based educational setting acquire utmost importance. According to A. Galkienė [35], a respect-based environment at school or in the classroom can be created only by school learners and teachers, whose behaviour model becomes highly significant. A positive emotional climate prevails in such an environment, which also creates conditions for participants in education to seek constructive interaction of teachers, disabled learners and those of regular development in cognitive, emotional and behavioural aspects. Therefore, it is quite natural that while analysing (evaluating) the problem of the person's individuality, socialisation and identity, the environment, epoch, society's tradition and attitude towards disabled people, values and value-based attitudes that prevail (are supported) in society are evaluated first.

Equal opportunities in education?

According to Giedrienė, inclusive education is an ongoing process that aims to offer high quality education for all members of society, an access to education while respecting rights, equality and diversity of all individuals as well as the different needs and abilities, eliminating all forms of discrimination and ensuring unconditional acceptance of every community member [37]. The increasing number of countries that acknowledge the provisions of Article 24 [1] outlined in the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities, which state that inclusive education ensures best educational opportunities for disabled persons, has resulted in targeted transformations in educational models as well.

The evaluation and comparison of the longitudinal research data [38, 39] showed that the previously positive attitudes of society (school learners' parents) towards the disabled tend to turn into negative, when the latter interfere into their personal space. Therefore, seeking social solidarity and social integration in education, it is necessary to perform targeted, consistent and simultaneous actions both in the theoretical and practical areas of society's expression. Corrections in study programmes of teacher education institutions are of particular significance as all prospective teachers should study special pedagogy, get familiar with individual educational programmes and communicate with school learners with special needs during their teaching practices. The teachers participating in the surveys particularly emphasised the importance of practical skills because a disabled child in the classroom frequently makes them feel at a loss. They are not always aware where to find help or get consultations in specific situations.

In the beginning of the research period (2002), half of the respondents (school learners' parents) expressed the opinion that children with disabilities could learn in classes of general education, that is, together with peers. This is a model of natural integration that naturally reflects the values of Kantian deontological ethics and people's parity emphasised by those values, obligation to establish a dialogue with the Other and approaching him or her not as an object worth pity or even contempt but rather as You, who is equivalent to me. Let us get back to the above-mentioned research. The representative quantitative research, which was repeated ten years later, revealed obvious considerable changes in the attitudes of school learners' parents: every second father, mother or caregiver of school-age children pointed

out that disabled children could attend general education schools but learn only in separate classes. The results of the longitudinal research show that so far no school has been created in the country where all students can learn together on an equal basis. Attempts to change the attitude of society and education community members and to convince them that all children can and have to learn together without any discrimination have failed. Statistical data show that about 4 thousand children in Lithuania have been learning in isolation from their peers.

From the philosophical-axiological perspective, such a situation a priori pre-determines an insufficient respect for the alterity of the Other, denial of another person's disability, pity or contempt for him or her.

The current situation can be commented on from different perspectives: it is obvious that inclusive education as a value is supported in our society, but not all its members (particularly participants in education) have internalised it equally deeply. Thus, the learning of disabled children and young people together with their peers but not in separate educational situations or classes is still an aspiration to be achieved. All that remains is hope and belief that our society will make crucial decisions about inclusive education as an exceptional value and will properly support this direction in future. Does inclusive education (inclusion in education) as a value have a possibility of rising and reaching the rank of fundamental values? An insight is possible that an ability of each society member to retain their decisions is particularly significant: strong *intrinsic* motivation to internalise European values – respect for human rights, tolerance, equal opportunities – can guarantee that inclusive education (inclusion in education), as an exceptional value in today's society, will naturally ascend and reach the rank of basic values.

Conclusions

The role of values and value-based attitudes in the system of value development of an individual and society reveals the maturity, culture, ideology of the society a person belongs to, as well as areas and directions of change in the social sphere (particularly in education). The overview and analysis of the aspects in special education transformation in the country disclose that consistent and targeted activities (acknowledging European values) have led to the establishment of a solid legislative basis that ensures equal education opportunities to every individual at a theoretical level. Theoretical approaches in change of special education and an open direction of inclusive education offer a choice of the most suitable path and a dignified access to education for disabled people.

The data of the long-term (representative) quantitative research reveal that the created legal regulation framework does not actually ensure equal opportunities to special needs individuals while pursuing education and training: striving for a real implementation of the model of inclusive education, it is necessary to improve an institutional mechanism. It is obvious that values declared in the normative documents that regulate the educational system have not reached the rank of fundamental values. Challenges are anticipated in inclusive education within the area of special education.

References

1. Seimas of the Republic of Lithuania. (2010) Optional Protocol to the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. *Official Gazette*. 71–3561.

2. Kačerauskas, T. (2019) Ethics in business and communication: common ground or incommensurable? *E+M Ekonomie a Management*. 22(1). pp. 72–81.
3. Seneca. (2007) *Apie sielos ramybę* [On Tranquillity of Mind]. Vilnius: Tyto Alba.
4. Seneca. (2009) *Laiškai Lucilijui* [Letters to Lucilius]. Vilnius: Tyto Alba.
5. Epictetus. (2014) *Pokalbiai ir vadovėlis* [Discourses and Handbook]. Vilnius: Alma littera.
6. Aurelius, M. (2010) *Sau pačiam* [To Himself]. Vilnius: Alma littera.
7. Balčius, J. (1996) *Platono etika* [Plato's Ethics]. Vilnius: Lietuvos filosofijos ir sociologijos institutas.
8. Aristotle. (2001) *Nicomachean Ethics*. Chicago: The University of Chicago Press.
9. Augustine, A. (1993) *On Free Choice of the Will*. Indianapolis/Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc.
10. Augustinas, A. (2004) *Išpažinimai* [Confessions]. Vilnius: Aidai.
11. Brown, P. (1997) *Augustinas iš Hipono* [Augustine of Hippo]. Vilnius: Taura.
12. Marion, J.-L. (2012) *In the Self's Place: The Approach of Saint Augustine*. Stanford, CA: Stanford University Press.
13. Aquinas, T. (1998) *Teologijos suma I-II, (18–19 klausimai)* [Summa Theologiae (Questions 18–19)]. Vilnius: Logos.
14. Kačerauskas, T. (2016) Discourses of ecology and the sketches of creative ecology in the context of sustainable development. *Problemy Ekorozwoju – Problems of Sustainable Development*. 11(1). pp. 31–39.
15. Pruskus, V. (2016) Individual Aspirations and the Choice of Values. *Philosophy, Sociology*. 27(3). pp. 199–205.
16. Kanišauskas, S. (2018) Devaluation of Values or a Creative Need to Transcend into the Depth. *Creativity Studies*. 11(2). pp. 273–283.
17. Dadelo, S., Turskis, Z., Zavadskas, E.K., Kačerauskas, T. & Dadelienė, R. (2016) Is the evaluation of the students' values possible? An integrative approach to determining the weights of students' personal goals using multiple-criteria methods. *Eurasia Journal of Mathematics Science and Technology Education*. 12(11). pp. 3501–3518. DOI: 10.12973/eurasia.2016.02303a
18. Pruskus, V. (2005) *Vertybės rinkoje: sąveika ir pasirinkimas* [Values in the Market: Interaction and Choice]. Vilnius: Vilniaus pedagoginis universitetas. pp. 26–34.
19. Gudonis, V. (2000) [The Attitude Towards the Disabled Person in the Antiquity]. *Neįgalus ugdytinis švietimo sistemos kaitos kontekste* [A Disabled Learner in the Context of Change in Education System]. Proc. of the Conference. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla. pp. 33–41.
20. Halder, A. (2002) *Filosofijos žodynas* [Dictionary of Philosophy]. Vilnius: Alma littera.
21. Zheleznov, A.S. (2017) The concept and the form of the moral action. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 104–120. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/38/11
22. Dean, R. (2006) *The Value of Humanity in Kant's Moral Theory*. Oxford: Oxford University Press.
23. Parsons, T. (1991) A Tentative Outline of American Values. In: Featherstone, M. et al. *Theorist of Modernity*. London: Newbury Park, New Delhi: SAGE Publications. pp. 38–40.
24. Giddens, A. (2005) *Sociologija* [Sociology]. Kaunas: Morkūnas ir Ko.
25. Jovaiša, L. (2007) *Enciklopedinis edukologijos žodynas* [Encyclopedic Dictionary of Educational Science]. Vilnius: Gimtasis žodis.
26. The UNO. (1995) United Nations Convention on the Rights of the Child. *Official Gazette*. 21st July.
27. The UNESCO. (1996) The Salamanca Statement On Principles, Policy and Practice in Special Needs Education. *Švietimo naujovės*. 1. pp. 3–21.
28. Lithuania. (2011) Law on the Amendment to the Law on Education of the Republic of Lithuania. *Official Gazette*. XI-1281, 38-1804.
29. Lithuania. (2009) Law on Higher Education and Research of the Republic of Lithuania. *Official Gazette*. XI-242. 54–2140.
30. Lithuania. (1998) Law on Special Education of the Republic of Lithuania. *Official Gazette*. VIII-969, 115-3228.
31. Ministry of Education and Science of the Republic of Lithuania. (1997) *Lithuanian General Education Curricular*. Vilnius: Leidybos centras.
32. Seimas of the Republic of Lithuania. (2013) On Approval of Strategic Provisions of the State Education Strategy 2013–2022. 23rd December 2013. No. XII-745. *Official Gazette*. 140–7095.

33. Seimas of the Republic of Lithuania. (2012) *On Approval of the Lithuanian Progress Strategy "Lithuania 2030"*. 15th May 2012. No. XI-2015. [Online]. Available from: <http://www.smm.lt>
34. Anilionytė, L. (1990) Vertybių problema I. Kanto etikoje [The Problem of Values in Kant's Ethics]. *Problemos*. 8(44). pp. 48–54. DOI:
35. Galkienė, A., Gevorgianienė, V. & Grincevičienė, V. (2008) *Neįgalumą turinčių mokinių rengimas profesinei karjerai* [Training of Disabled School Learners for Professional Career]. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla.
36. Kuzmickas, B. (2013) *Vertybės kultūrų kontekstuose* [Values in the Contexts of Cultures]. Vilnius: Mykolas Romeris universitetas.
37. Giedrienė, R. (2014) Požiūris į kitokį vaiką [An Attitude Towards a Different Child]. *Socialinis ugdymas – Social Education*. 38(2). pp. 5–67.
38. Žvinklienė, A. & Kublickienė, L. (2018) Conflict Resolution on Discrimination: The Dichotomy of Potential and Actual Action in Lithuania. *Philosophy, Sociology*. 29(4). pp. 221–229. DOI: 10.6001/fil-soc.v29i4.3848
39. Grincevičienė, V. (2010) *Mokyklos kaitos erdvės ir linkmės* [The Spaces and Directions of School Change]. Vilnius: Vilnius Pedagogical University.
40. Grincevičienė, V., Szerlag, A., Dziubacka, K. & Targamadžė, V. (2015) Inclusive Education: the Parents' Concerns and Expectations. *Coactivity: Philology, Educology*. 23(1). pp. 73–80. DOI: 10.3846/cpe.2015.269

Vilija Grincevičienė, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania).

E-mail: vilija.grinceviciene@vgtu.lt

Jovilė Barevičiūtė, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania).

E-mail: jovile.bareviciute@vgtu.lt

Vaida Asakavičiūtė, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania).

E-mail: vaida.asakaviciute@vgtu.lt

Jonas Grincevičius, Vilnius University (Vilnius, Lithuania).

E-mail: jonas.grincevicius@mf.vu.lt

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 47–54.

DOI: 10.17223/1998863X/50/5

INCLUSIVE EDUCATION AS A VALUE: PHILOSOPHICAL AND SOCIO-EDUCATIONAL APPROACHES

Keywords: inclusive education; inclusion; value; special needs; disabled.

The article introduces the curriculum of inclusive education as a value in the area of special education of the Lithuanian education system. By reviewing and analysing the aspects of change in special education, it is revealed that in the country, by acting in a consistent and purposeful way (recognizing European values), a proper legal regulation basis is already in place, theoretically guaranteeing equal opportunities for every person to pursue education and scholarship with dignity. However, data from long-term (representative) quantitative studies indicate that the established legal framework exists only theoretically. In reality, people with special educational needs who are seeking the desired education and scholarship face difficulties: in order to actually realise an inclusive education model, it is necessary to improve the institutional mechanism for its implementation. It is obvious that values declared in the normative documents regulating the country's education system have not yet reached the level of basic values in the education reality.

УДК 008.2

DOI: 10.17223/1998863X/50/6

А.Ю. Долгих

КАРДИНАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ БУДУЩЕГО: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФУТУРОЛОГИИ

Многообразие и изобилие футурологических прогнозов побуждает к их систематизации. Если мы не в состоянии точно предсказать дальнейшее развитие общества, способны ли мы по крайней мере показать полный спектр вариантов, которые могут осуществиться? В статье выделяется два полюса (два слоя) футурологии и показывается их основное содержание: теория постиндустриального общества и предельные сценарии будущего.

Ключевые слова: сценарии будущего, типология цивилизаций, постиндустриальное общество, технологическая сингулярность.

Термин «футурология» был предложен в середине XX в. (1943) немецким юристом и политологом Осипом Флехтхаймом. Вскоре после этого начался расцвет соответствующего направления мысли и исследований – 60–70-е гг. указанного столетия. Футурология с самого начала была отчетливо сциентистской и технократической, эти ее черты сохраняются и по сей день. Развитию именно такого ее характера способствовали большие успехи того времени в области естествознания и техники. Футурология никогда не была однозначно оптимистической, хотя такой настрой в ней, по-видимому, преобладает. Заряд оптимизма временами заметно истощался. На первый план тогда выходили «опасения», «угрозы», «пределы роста». Это нашло яркое выражение, в частности, в деятельности такой известной организации, занимающейся прогнозами, как Римский клуб. Все же сциентизм и технократизм футурологии иной раз выступают лишь некой формой, в которую облечены в высшей степени смелые предсказания, напоминающие сюжеты фантастических книг и фильмов. Это подводит нас к следующей мысли.

Фактически существует, если так можно выразиться, два слоя (может быть, лучше сказать – два полюса) более или менее современной футурологии. Для их характеристики мы собираемся использовать термины наподобие тех, которые применяются в фантастиковедении. Так, уже давно применяется и прочно утвердилось понятие «ближний прицел», или «фантастика ближнего прицела» [1. С. 261–262, 409, 434, 671–672], что означает: не воображать картины сверхдалекого будущего, а говорить, что уже «на подходе», контуры чего уже прорисовываются, что уже входит в жизнь.

По аналогии с этим здесь предлагается выделить «футурологию ближнего прицела» и «футурологию дальнего прицела». Первая обычно делает предсказания от силы на несколько десятилетий вперед, вторая вообще никак не ограничена во времени, она оперирует прямо-таки космологическими величинами четвертого измерения.

В большей степени научным является прогноз, который не предполагает чего-то совершенно нового (чего может и не случиться), а экстраполирует в будущее уже наблюдаемые тенденции настоящего (хотя это же самое делает прогноз ограниченным). Но степень достоверности даже такого моделирования будущего сильно зависит от того, как далеко вперед мы пытаемся заглянуть. Это легко видеть на многих примерах (прогнозы погоды, рыночные прогнозы и т.д.). Ясно, что в отдаленные времена может произойти перелом тенденций вследствие того, что в действие вступят те или иные новые факторы или тенденции особым образом «пересекутся» и «погасят» друг друга. Или даже события пойдут по иному пути просто потому, что тенденции были неверно выделены. Но любое будущее относится к сфере предположений. Поэтому «дальний прицел» футурологии от «ближнего прицела» отличается только количественно – степенью достоверности. Однако природная склонность человека заглядывать не только в завтрашний день, но и на века вперед делает неизбежным существование сверхдолгосрочных прогнозов. От чистой научной фантастики их отличают научная (не художественная) форма изложения и стремление к эмпирической и логической обоснованности (пусть даже эти требования выполняются лишь очень ограниченным образом). Следовательно, «дальний прицел», несмотря на сравнительно невысокую степень его прогностической надежности, – неотъемлемая составляющая футурологии. По-видимому, он служит удовлетворению той же природной потребности человека в предвидении, которой отвечала, например, христианская эсхатология.

Существует довольно устойчивое мнение, что прогресс ведет к неуклонному сокращению продолжительности эпох, к тому, что разного рода революции (социальные, экономические, научные, технические) будут следовать одна за другой все быстрее и быстрее – с неограниченно уменьшающимся интервалом времени между ними (Э. Тоффлер, Р. Курцвейл, Ч. Франкел и др.). Для области науки и техники это предполагаемое явление даже получило особое название – «технологическая сингулярность» (Р. Курцвейл). Встречается также термин «телескопирование революций» (Ч. Франкел). А поскольку мы не можем предсказать будущие принципиально новые открытия и изобретения, то заглядывать очень далеко вперед не имеет смысла. Данный аргумент футурология «ближнего прицела» вполне могла бы использовать в свою защиту от упреков в недальнорзости. Основными идеями этой ветви футурологии, вероятно, являются «постиндустриальное (информационное) общество» и только что упомянутая «технологическая сингулярность».

Концепция постиндустриального общества, оформившаяся в работах многих авторов (Д. Белл, Э. Тоффлер, Г. Кан, Э. Винер, А. Турен, С. Малле, Дж. Гелбрейт, Т. Стоуньер, П. Друкер, М. Кастельс, К. Кенистон, П. Гудмен и др.), стала своего рода общим местом современной социологии и футурологии. При этом разные исследователи применительно к новому обществу используют не вполне тождественную терминологию – трансиндустриальное, супериндустриальное, постэкономическое, технетронное, техникстское, сервисное, посткапиталистическое, постсовременное, постисторическое и т.п.

[2. С. 71; 3. С. 46–47, 133]. Не вполне одинаково и содержание терминов. Но родство смыслов здесь достаточно очевидно, и в обобщенном виде эта концепция задает ту социальную реальность, которую мы склонны видеть вокруг себя, частью которой себя считаем уже сейчас. При таком взгляде на вещи это не будущее, это уже настоящее, хотя во всей полноте возможностей такое общество, пожалуй, еще не раскрылось.

Идея возникла как экстраполяция последовательности «доиндустриальная (аграрная) цивилизация – индустриальная цивилизация» в условиях, когда зерна новейших, в основном информационных, технологий уже дали первые всходы (вторая половина XX в.). Это признают и некоторые футурологи: например, Э. Тоффлер датирует начало «подъема Третьей волны» (т.е. постиндустриального общества) 1950–1955 гг. [4. С. 40, 237]. Основными признаками так понятой постиндустриальности обычно считаются следующие [2, 4, 5]:

1. Смещение центра тяжести экономики от производства товаров в сферу услуг и наукоемкие отрасли.

2. Превращение знания в главный товар и, соответственно, выдвижение университетов, научно-исследовательских институтов на доминирующие позиции. Более высокая степень доступности этого товара и его неистощимость делают его также самым демократическим источником власти.

3. Революция в сфере транспорта и коммуникаций (радио, телевидение, компьютеры), что породило «сокращение расстояний» не только во временном и пространственном смысле, но и в смысле социальном, психологическом и эстетическом.

4. Стирание классовой дифференциации социума, замена ее на дифференциацию профессиональную. Складывание меритократии – правления тех, кто заслужил авторитет компетентностью и достижениями на ее основе, замена пролетариата когнитариатом.

5. Сокращение (благодаря техническим достижениям) издержек на производство и, как следствие, повышение доступности любых товаров, отсюда рост жизненного уровня и уменьшение неравенства. Некоторые футурологи (Г. Кан и Э. Винер) предполагают даже, что редких и малодоступных благ не будет вообще, а единственной проблемой станет их изобилие, стоимость теряет всякое практическое значение.

6. Сдвиг от массовости и унификации к индивидуализации (и децентрации) во всем – в производстве, в квалификации работников, в повседневной жизни, в управлении. Даже базовую ячейку общества – семью – ждут революционные сдвиги в этом направлении: брачные взаимоотношения окончательно уйдут от традиционной нуклеарности и станут прежде всего разнообразными.

7. Вместо крайностей утопии и антиутопии – «практопия», что значит «практическая утопия». Это не воплощение некоего воображаемого идеала прошлого, но и не концентрированное зло, не какое-то кошмарное продолжение индустриализма. Это мир практичный и более благоприятный для человека, это цивилизация, поощряющая индивидуальное развитие, приветству-

ющая всякое позитивное разнообразие, демократическая и гуманная, живущая в равновесии с остальной биосферой.

8. Приход малых и потому более гибких компаний на смену гигантским корпорациям. Все возрастающая, прежде всего информационная, интеграция производителей. Стирание границы между производителем и потребителем, расцвет «производства для себя».

Повторим: все это хотя бы отчасти уже осуществилось, а сами предсказания делались во времена, когда сдвиги в указанных направлениях были уже более или менее очевидны.

Концентрированным выражением идеи информационности в известном смысле является концепция технологической сингулярности, суть которой в том, что по причине в первую очередь неограниченно ускоряющейся циркуляции информации и обработки данных дальнейшие научные революции начнут в буквальном смысле наслаиваться друг на друга и в итоге сольются в одну сплошную полосу прогресса, содержание которого мы сейчас даже представить не можем. Концепция была развита Рэймондом Курцвейлом [6].

Несмотря на кажущееся многообразие футурологических прогнозов, все они, как мы полагаем, сводятся к нескольким основным типам. Ниже мы попытаемся нарисовать некую схему футурологии, охватывающую если и не абсолютно все, то по крайней мере основные возможные варианты развития событий в будущем.

В качестве основы системы, претендующей на высокую степень универсальности, мы берем классификацию космических цивилизаций, предложенную известным астрофизиком Николаем Кардашёвым в 1964 г. Положение дел, однако, таково, что до сих пор нам была и остается известной лишь одна космическая цивилизация – земная. Поэтому типы цивилизаций Кардашёва на сегодня суть, скорее, – и это надо подчеркнуть особо, – *потенциальные ступени развития именно земного человечества*. На любой из этих ступеней развитие может сильно замедлиться вплоть до полной остановки и даже окончательно прерваться. Последнее означает исчезновение человечества как вида.

Что касается Кардашёва, то он в качестве определяющей выбрал величину энергопотребления [7. С. 295]:

1) цивилизации I типа – порядка 10^{20} эрг/с (утилизация источников энергии планеты);

2) цивилизации II типа – порядка 10^{33} эрг/с (утилизация энергии своей звезды);

3) цивилизация III типа – порядка 10^{44} эрг/с (утилизация энергии своей галактики).

Очевидно, конечно, что и это не предел. Так, можно представить космическую цивилизацию, перешагнувшую границы своей галактики и развернувшую деятельность уже в метagalактическом масштабе. Таким образом, уместно говорить даже о цивилизациях еще более высоких уровней, нежели те, которые предусматривает классификация Кардашёва, – IV типа и т.д. В нашей схеме это будет отражено.

В табл. 1 представлены варианты, внушающие наибольший оптимизм.

Таблица 1. Оптимистические сценарии

Параметр	Сценарий			
	«Инфинитивная экспансия»		«Автаркия»	
Определение	Неограниченное вторжение во все сферы чувственно воспринимаемого мира (= цивилизация III типа по классификации Кардашёва и еще более высокоразвитая)		Потенциально неограниченное существование при почти нулевом росте, который установится в ближайшие столетия, поскольку для продолжения роста экспоненциального нет природных возможностей (= цивилизация II типа по классификации Кардашёва)	
Развернутая характеристика	Колонизация галактик и Метагалактики; астроинженерия; сотворение миров (на микро- и мегауровне); управление пространством и временем; киборгизация человека; новые виды человека; новые формы общественной жизни; контакты с другими цивилизациями; выращивание информации; бессмертие; воскрешение мертвых и т.п.		Использование ресурсов в пределах Солнечной системы; создание сферы Дайсона для полного поглощения энергии Солнца	
Подтипы	Цивилизация III типа с деятельностью в масштабе Галактики	Цивилизация еще более высокого уровня с деятельностью в масштабе Метагалактики	Жизнь в реальном мире	«Уход в себя»
Причины / условия / проявления	Условием такого «взлета» прежде всего должна стать общая благоприятная космическая ситуация – на Земле, в Солнечной системе, в Галактике и в Метагалактике. Совокупность подобных поддерживающих факторов часто обозначают как «антропный принцип»		Органичное встраивание в среду обитания, некий новый тип гармонии с природой (= отход от технологического пути развития)	Погружение в виртуальную реальность
Некоторые видные adeпты	Николай Федоров Константин Циолковский Александр Богданов (?) Олаф Стэплдон (?) Артур Кларк Николай Кардашёв Олег Газенко [7–12]		Фримен Дайсон Станислав Лем Иосиф Шкловский Олег Газенко Леонид Лесков Джерард О'Нейл Олаф Хелмер [7, 9, 10]	

Таблица 2 содержит значительно менее обнадеживающие сценарии.

Таблица 2. Неоднозначный и пессимистический сценарии

Параметр	Неоднозначный сценарий		Пессимистический сценарий	
	«Деградация»		«Терминация»	
Определение	Возвращение в первобытность и даже повторное «слияние» с природой		Естественное вымирание или самоуничтожение	
Развернутая характеристика	Деградация может быть делом будущего, но, возможно, как полагают некоторые, она уже давно идет, если допустить, что в прошлом на Земле существовала некая могущественная цивилизация («цивилизация богов»)		Ход процесса может быть весьма разнообразным. См. ниже: «Причины / условия / проявления»	
Подтипы	Безвозвратная деградация	Циклическое развитие	Внешняя природная катастрофа	Внутренняя (генетическая) программа самоуничтожения

Параметр	Неоднозначный сценарий	Пессимистический сценарий	
	«Деградация»	«Терминация»	
Причины / условия / проявления	Неблагоприятные условия на Земле резко сокращают численность человечества. Начиная с некоторой минимальной пороговой величины оно уже не сможет удержаться на технологическом пути развития и «скатится» в обычное животное состояние. В очень малых изолированных человеческих популяциях, кроме того, может начаться вырождение вследствие близкородственного скрещивания	Сверхмощное извержение. Астероидный удар (маловероятно). Повальная болезнь. Неспособность найти замену исчерпавшимся ресурсам. Масштабные космические катастрофы (взрывы звезд, поглощение черной дырой, «большой разрыв» Метагалактики и т.п.)	Война. Опасные научные и технические опыты (например, «бунт роботов», т. е. выход из-под контроля получившего самостоятельность искусственного интеллекта). Потеря интереса к жизни (отказ от продолжения рода и борьбы за существование)
Некоторые видные адепты	Андрей Складов [13]	Олаф Стэплдон Себастьян фон Хорнер Станислав Лем Стивен Хокинг [7, 10, 11]	

Отнесение того или иного эксперта к числу адептов некоторого сценария будущего не безусловно. Это связано с тем, что многие из них по понятным причинам колеблются и нередко не могут однозначно решить, какой вариант представляется им наиболее правдоподобным. Или же они просто рассматривают варианты с позиции стороннего наблюдателя и избегают высказывать однозначные предпочтения. Отсюда присутствие одного и того же имени более чем в одной ячейке таблицы. По этой же причине некоторые имена идут под вопросом: взгляды соответствующих лиц близки лишь к некоторым отдельным пунктам сценария.

Вероятно, не ошибемся, если добавим, что оптимистические сценарии предусматривают высокую (по крайней мере на старте) степень единства человечества, отказ от внутренних войн, что до сих пор серьезно сдерживало и продолжает сдерживать развитие земной цивилизации, – даже через одно только отвлечение огромных ресурсов на создание оружия и средств защиты от него, не говоря уже о вооруженных столкновениях как таковых.

Вся «постиндустриальная» футурология (Д. Белл, Э. Тоффлер, А. Турен и др.), которую мы обозначаем как «ближний прицел», укладывается, по нашей оценке, особенно если добавить к ней концепции «нулевого роста» и «глобального равновесия» от Римского клуба, во второй сценарий будущего – «Автаркия».

В вышеприведенных таблицах совсем нет «религиозного» варианта. Трудно сказать, насколько правомерно расценивать теистическую эсхатологию в качестве явления футурологического порядка. Вероятно, для полноты картины и она может здесь присутствовать. При этом, если быть точным, надо говорить о религиозных вариантах – во множественном числе! – поскольку очевидно, что разные религии рисуют различные образы грядущего.

Вселенское христианство (православие и католичество), во всяком случае, относительно оптимистично: конец света будет, но означает это лишь завершение истории человечества в его нынешнем виде, истории, которая

открылась грехопадением первых представителей человеческого рода; после *consummatio mundi* ожидается долгожданное воссоединение с Богом, пусть и не всех людей, но хотя бы праведников, число которых может оказаться достаточно большим. Нечто в этом роде встречается в христианстве и далеко за пределами православия и католичества, а также в ряде других религий (мусульманство, иудаизм). Причем некоторые известные и авторитетные христианские мыслители уже давно высказывают догадку (или, лучше сказать, надежду?), что Бог в итоге простит и примет вообще всех, – во всяком случае никакого адского огня, съедающего грешников, не будет (например, Ориген и Григорий из Кесарии, епископ Нисский [14. С. 146–153; 15. С. 67–69]). Довольно часто встречаются также, как мы склонны их называть, вырожденные религиозные варианты, где присутствует некая однообразная бесконечность без заметных признаков прогресса или регресса. Речь идет о неограниченном метемпсихозе, или реинкарнации: души переселяются из тела в тело вплоть до полного их нравственного очищения, перспективы которого, однако, очень туманны (Платон, Карпократ, отчасти вышеупомянутый Ориген и т.д.).

Есть одно обстоятельство, которое заставляет не проходить мимо религиозного видения будущего: дело в том, что религиозная эсхатология не совершенно обособлена от сциентистской футурологии. Через посредство некоторых мыслителей они плавно перетекают одна в другую. Так, «философия общего дела» Николая Федорова – это, по-видимому, и христианство, и в то же время типичная технологическая идололatria (= служению идолу технологии), как это определяет российский философ Владимир Катасонов [16. С. 133]. Мы склонны согласиться с его мнением.

Попытки оценить меру вероятности осуществления вышеописанных сценариев наталкиваются на известную проблему, проистекающую из следующего определения, которое фиксирует, например, Рудольф Карнап: вероятность есть относительная частота события в бесконечной последовательности сходных событий [17. С. 65]. Но в данном случае у нас нет не только бесконечной последовательности – у нас нет вообще никакой. Повторимся: нам известен пока единственный пример космической цивилизации. Следовательно, речь может идти лишь о так называемой логической [Там же. С. 71–85], или субъективной, вероятности, т.е. сугубо личной оценке, основанной на своем видении и понимании ситуации, с привлечением, разумеется, тех или иных свидетельств «за» и «против». В качестве примера приведем достаточно крайние точки зрения, принадлежащие соответственно оптимисту Николаю Кардашёву и пессимистически настроенному немецкому астроному Себастьяну фон Хорнеру.

Так, Кардашёв находил, что космос населен в основном суперцивилизациями (III тип). Их деятельность и способы связи таковы, что мы пока даже представить себе этого не можем, а потому лишены возможности выделить признаки их присутствия из всей массы наблюдаемых космических явлений [18. С. 139–140]. Фактически это означает, что, по мнению Кардашёва, вероятность достижения и земной цивилизацией соответствующего уровня в свое время очень и очень высока.

А вот возможное будущее земной – и любой технически развитой! – цивилизации (по фон Хорнеру) [7. С. 251–252] (табл. 3).

Таблица 3. Сценарий будущего по С. фон Хорнеру

Сценарий	Субъективная вероятность, %
Полное уничтожение жизни на планете	5
Уничтожение только разумных существ	60
Физическое или духовное вырождение и вымирание	15
Потеря интереса к науке и технике	20
Неограниченное (прогрессивное) существование	0

Подводя итоги, можно сказать следующее. До сих пор позитивная футурология (та, которая не увлекается теориями «конца света»), образно выражаясь, «разрывалась» между космосом и компьютером, т.е. между космическим будущим человечества и информационным. Обе возможности обозначились уже в ранней футурологии 60–70-х гг. XX в. «Ставку на космос» закономерно делали в «космический век» – в первые десятилетия освоения внеземного пространства, когда, если смотреть с высоты нашего времени, имели место явно завышенные ожидания в данной области. Когда же в последовавшие за этим 1980-е гг. компьютеры начали входить в повседневную жизнь людей, «ставка на космос» естественным образом сменилась «ставкой на информационные и виртуальные технологии». Причем точно так же и здесь не обошлось без соответствующей эйфории, которая наблюдается и по сей день.

Так, в существующих сборниках предсказаний Р. Курцвейла на период до 2099 г. (предсказания были сделаны в основном в 1989, 1999 и 2005 гг.) из примерно 100 пунктов около 70 посвящены информационным технологиям и тем изменениям в обществе, которые произойдут в самой прямой связи с ними. Еще около полутора десятков – медицина и биология (причем зачастую тоже в некой гибридизации с информатикой). Шесть-семь пунктов имеют социологический характер (описывается общество будущего). На энергетику и космические исследования – единичные пункты! Немногочисленные оставшиеся – для прочих достижений. Причем так называемая технологическая сингулярность на Земле «намечается» уже на 2045 г. На этом прогнозы, по сути, обрываются; затем Курцвейл делает прыжок в 2099 г. и объявляет, что тут технологическая сингулярность захватит уже целую Вселенную!.. (см.: [19, 20]).

В этом плане очень показательно различие выкладок Курцвейла и предсказаний, которые были типичны для 60–70-х гг. XX в. (физики Николай Кардашёв, Олег Газенко, Леонид Лесков, эксперты корпорации «Рэнд», писатели-фантасты Иван Ефремов, Сергей Снегов и др.). Ввиду большого объема они не могут быть приведены здесь, т.е. в рамках журнальной публикации. Обобщая же, можно сказать, что характерным для них является именно выраженный «центр тяжести» в области космических перспектив, а у информационных технологий скромное, иногда даже не приметное место.

Между тем уже раздаются голоса, предсказывающие резкое замедление или даже полную остановку развития компьютерной техники или по причине достижения принципиальных пределов элементной базы, или, что на сегодня более вероятно, из-за непосильного для человечества расхода энергии суперкомпьютерами. Таким образом, идея Кардашёва «классифицировать будущее» по уровням энергопотребления оказывается актуальной и здесь. В связи с данной проблемой уместно вспомнить и идею Станислава Лема о взрыве

«мегабитовой бомбы», т.е. об опережающем росте объема информации, на дальнейшую обработку которой не будет больше хватать ни умов, ни машин [10. С. 136–147]. На смену «векам» космонавтики и информатики, вполне возможно, придет «век» генной инженерии, расцвет которой, как представляется, уже на подходе.

Литература

1. *Энциклопедия фантастики* / под ред. Вл. Гакова. Минск : Галаксиас, 1995. 694 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 2004. 788 с.
3. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. 204 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти : Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М. : АСТ, 2009. 669 с.
6. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York, 2005. 438 p.
7. Шкловский И. Вселенная, жизнь, разум. 6-е изд., доп. М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. 320 с.
8. Кларк А. Черты будущего. М. : Мир, 1966. 288 с.
9. Газенко О., Пестов И., Макаров В. Человечество и космос. М. : Наука, 1987. 272 с.
10. Лем С. Сумма технологий. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. 668 с.
11. Стэзлдон О. Создатель звезд. М. : REFL-book, К. Ваклер, 1996. 304 с.
12. Федоров Н.А. Философия общего дела. М. : Эксмо, 2008. 752 с.
13. Скляр А. Боги, создавшие древние цивилизации. М. : Вече, 2016. 224 с.
14. Ориген. О началах. Самара : Рериховский центр, АГНИ, РА, 1993. 320 с.
15. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб. : Аксиома, Мифрил, 1995. 176 с.
16. Катаонов В.Н. О границах науки. М. : Познание, 2016. 296 с.
17. Карнап Р. Философские основания физики. М. : Прогресс, 1971. 390 с.
18. Глушанцев П.В. Одиноки ли мы во Вселенной. Л. : Дет. лит., 1981. 190 с.
19. Турчин А. Предсказания Курцвейла. URL: <http://www.proza.ru/2010/02/15/130> (дата обращения: 16.02.2018).
20. Что нас ждет в XXI веке? Футурологический прогноз Рэя Курцвейла. URL: <https://monocler.ru/chto-nas-zhdyot-polniy-futurologicheskiy-prognoz-reya-kurtsveyla/> (дата обращения: 16.02.2018).

Andrei Yu. Dolgikh, Vyatka State University of Humanities (Kirov, Russian Federation).

E-mail: regis-iii@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 55–64.

DOI: 10.17223/1998863X/50/6

CARDINAL VERSIONS OF THE FUTURE: AN ESSAY ON FUTUROLOGY SYSTEMATIZATION

Keywords: future scenarios; typology of civilizations; post-industrial society; technological singularity.

The article attempts to give, if possible, the universal system of both the existing and any possible futurology. Its universality is determined by the fact that one of the scenarios of the future within it must necessarily take place. There are two ‘layers’ of the corresponding direction of thought, which are designated as “short-range futurology” and “long-range futurology”. The natural dependence of futurology on the state of society and on the priority directions of the development of science and technology is shown. The former and the latter largely determine the people’s mood and their expectations from tomorrow. For example, for the early futurology of the late 1950s–1960s, hopes for the “cosmic” future of the humankind are more characteristic; for the later one (from the 1970s and especially from the 1980s) the hopes are for the “computer” future. Overviews are given of forecasts for the coming decades (the concepts of postindustrial, or informational, society and technological singularity are the main ones here) and tables of some ultimate prospects that outline though not the entire but at least the significant part of the futurological “field”. The distinctive features of the emerging

postindustrial society, the social problems intrinsic for its initial (modern) stage of development, the ambiguous results of the too rapid introduction of various technologies into life are shown. The basis for the typology of future scenarios is the astrophysicist Nikolai Kardashev's classification (proposed in 1964) of space civilizations in terms of energy consumption. The intelligent activity variations analyzed by Kardashev are regarded in the article as possible scenarios of the future of the terrestrial humankind. There are four cardinal versions: Infinitive Expansion (unlimited development with the capture of more and more new areas of life), Autarchy (closure within the solar system and reduction of growth to zero in all directions), Degradation (wildness, return to the "bosom of nature") and, finally, Termination (destruction).

References

1. Gakov, V.I. (ed.) (1995) *Entsiklopediya fantastiki* [The Encyclopaedia of the Fantastique]. Minsk: IKO Galaksias.
2. Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting]. Translated from English. Moscow: Akademiya.
3. Touraine, A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [The Return of An Active Man. Essay on Sociology.]. Translated from French by E. Sa4marskaya, M. Gretskey. Moscow: Nauchnyy mir.
4. Toffler, A. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English by A. Mirer et al. Moscow: AST.
5. Toffler, A. (2009) *Metamorfozy vlasti: Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka* [Power Shift. Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21 Century]. Translated from English by V.V. Belokoskov et al. Moscow: AST.
6. Kurzweil, R. (2005) *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Penguin Books.
7. Shklovsky, I. (1987) *Vselennaya, zhizn', razum* [Universe, Life, Mind]. 6th ed. Moscow: Nauka. Gl. red. fiz.-mat.
8. Clarke, A. (1966) *Cherty budushchego* [Profiles of the Future]. Translated from English. Moscow: Mir.
9. Gizenko, O., Pestov, I. & Makarov, V. (1987) *Chelovechestvo i kosmos* [Humankind and Cosmos]. Moscow: Nauka.
10. Lem, S. (2002) *Summa tekhnologii* [Summa Technologiae]. Translated from Polish by F.V. Shirokov. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica.
11. Stapledon, O. (1996) *Sozdatel' zvezd* [Star Maker]. Translated from English by O.O. Chistyakov. Moscow: REFL-book, K. Vakler.
12. Fedorov, N.A. (2008) *Filosofiya obshchego dela* [The Philosophy of Common Action]. Moscow: Eksmo.
13. Sklyarov, A. (2016) *Bogi, sozdavshie drevnie tsivilizatsii* [The Gods Who Created Ancient Civilizations]. Moscow: Veche.
14. Origenes. (1993) *O nachalakh* [On the Origins]. Samara: Rerikhovskiy tsentr, AGNI, RA.
15. Gregory of Nyssa. (1995) *Ob ustroenii cheloveka* [On the Making of Man]. Translated by V.M. Lurie. St. Petersburg: Aksioma, Mifril.
16. Katasonov, V.N. (2016) *O granitsakh nauki* [On the Limits of Science]. Moscow: Poznanie.
17. Carnap, R. (1971) *Filosofskie osnovaniya fiziki* [Philosophical Foundations of Physics]. Translated from English. Moscow: Progress.
18. Klushantsev, P.V. (1981) *Odinoki li my vo Vselennoy* [Are We Alone in the Universe?]. Leningrad: Det. lit.
19. Turchin, A. (2010) *Predskazaniya Kurtsveyla* [Predictions of Kurzweil]. [Online] Available from: <http://www.proza.ru/2010/02/15/130> (Accessed: 16th February 2018).
20. Kurzweil, R. (n.d.) *Chto nas zhdet v XXI veke? Futurologicheskiy prognoz Reya Kurtsveyla* [What awaits us in the 21st century? Futurological forecast of Ray Kurzweil]. [Online]. Available from: <https://monocler.ru/chto-nas-zhdyot-polnyi-futurologicheskiy-prognoz-reya-kurtsveyla/> (Accessed: 16th February 2018).

УДК 167+177

DOI: 10.17223/1998863X/50/7

И.В. Мелик-Гайказян

ОШИБКИ ТРАКТОВОК КОНЦЕПТА «СОБЫТИЕ» В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Обсуждаемый концепт перенесен в педагогические исследования из метафизики и из психологии развития детей. Итогом стало предложение понятия «образовательное событие», в котором произвольно смешаны разные трактовки. Игнорирование границ применимости и экстраполяции этих трактовок, непредсказуемость последствий большинства «образовательных событий» указывают на существование проблемы доказательности в отечественных педагогических исследованиях.

Ключевые слова: «образовательное событие», событие-происшествие, границы применимости, доказательность.

Во времена «пост» – *постиндустриального общества, постмодернистской культуры, постнеклассической науки* – конструктивная исследовательская позиция совпадает с точкой зрения «все правы». Этот оптимизм современной эпистемологии ограничен лишь пределами применимости к решению задачи тех теорий, концепций и учений, которые выбирает исследователь. Ошибкой будет игнорирование или нарушение границ применимости. Следствием ошибки – отсутствие доказательности ответов на вопросы, поставленных в исследовании. А отсутствие доказательности представляет собой основную проблему в таких значимых социальных практиках, как здравоохранение и образование. У медицины уже есть «сторож» доказательности – биоэтика, существующая в форме своеобразного диалога [1]: пока он возникает и происходит, у человека есть надежда на то, что биомедицинские инновации будут обрушены на него только в его же индивидуальных интересах, а не в эгоизме идеологической и / или экономической целесообразности. У педагогики этот «сторож» еще только обосновывает свою необходимость [2]. Позиции биоэтики определенным образом указывают на опасность путаницы в трактовках концепта «событие» в педагогических исследованиях: событие как диалог и событие как случайное происшествие. Опасность состоит в том, что эти события имеют разные границы применимости и влекут разные последствия. Трактовка события-диалога привлечена в отечественную педагогику на основе интерпретации утверждений М.М. Бахтина и М. Хайдеггера, лишенных концептуальной тождественности. Вторая трактовка связана с философией А.Н. Уайтхеда, реализованной И.Р. Пригожиным в исследовательской программе, которую в отечественных исследованиях относят к «синергетической парадигме» и / или «постнеклассической парадигме».

Эквивокация в трактовках обсуждаемого концепта в отечественных педагогических исследованиях имеет следующую аналогию. Представим себе исследователя, желающего разработать некую социальную практику, ко-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения темы № 35.5601.2017/БЧ Госзадания.

торая была бы: а) экономна в использовании; б) аргументирована в респектабельной научной теории; в) оправдана с высоких позиций культуры; г) реализуема в качестве технологии, т.е. в качестве способа, всегда приводящего к запланированным результатам. Представим себе, что этот исследователь наслышан о технологии направленного *взрыва* и о теории большого *взрыва*, был впечатлен названием книги Ю.М. Лотмана «Культура и *взрыв*» и эффектом любого действительного *взрыва*, спонтанно произошедшего и произведшего без видимых затрат большую работу в физическом смысле. Если к этому прибавить фигуру речи «*взрыв* смеха» в качестве одновременного указания на веселость этого действия и открытие М.М. Бахтиным смыслов смеховой культуры, то будет понятен ход обоснований эффективности разработки. Допустимость представленной аналогии составляют два обстоятельства. Во-первых, внедрение события в качестве образовательной технологии без точно рассчитанных последствий этой педагогической новации подобно внедрению спонтанного *взрыва* вместо точно рассчитанного действия *направленного взрыва*. Во-вторых, слово «событие» и слово «взрыв» (в приведенных примерах «направленный взрыв», «теория большого взрыва», «взрыв смеха») как термины выступают синонимами только в употреблении на русском языке. Эквивокация обнаруживает себя в выборе эквивалента при переводе на английский язык слова «событие» в перечислении ключевых слов к статьям, цитирующим трактовку А.Н. Уайтхеда, указывая «event», а не «occasion». Даже статью, сопровождаемую при публикации англоязычным заголовком со словом «occasion» [3], при цитировании «переименовали», употребив слово «event» [4], что можно было бы счесть лишь забавным, поскольку в ней «событие» предлагают применять для «профессиональной подготовки» уже взрослых людей. Забавным это перестало быть после того, как «образовательные события» [5], выдвинутые с опорой метафизику А.Н. Уайтхеда, предложили устраивать в детском саду [6].

Следует отметить, что различными словами переводят на немецкий язык концепт «событие» в трактовках М. Хайдеггера и М.М. Бахтина [7. С. 25]. Подчеркнуть необходимо еще три важных, но различных по значимости обстоятельства. Во-первых, в метафизике А.Н. Уайтхеда и в метафизике М. Хайдеггера событие «участвует» в разных соотношениях становления и бытия. Во-вторых, любая метафизика требует особой методологической работы при приложении ее позиций к решению частных задач. Многие из создателей философских систем специально создавали труды в стиле рассуждений «о природе» или «о воспитании», но и в этих случаях будет наивным прямой перенос их утверждений в решения задач естествознания или педагогики. В-третьих, в отечественные педагогические исследования труды, выполненные вне известных идеологических установок, вошли, как говорится, «одним махом» в краткий период после 1985 г. При этом метафизике А.Н. Уайтхеда в частных приложениях «повезло» больше, чем метафизике М. Хайдеггера, поскольку, благодаря ясным интерпретациям И.Р. Пригожина и его Нобелевской премии, была насыщена актуальностью трактовка события-происшествия для построения концептуальных моделей самоорганизующихся систем.

Эквивокация привела к тому, что авторов различных интерпретаций стали перечислять через запятую, как авторов одной концептуальной когорты [8.

С. 28], хотя весьма затруднительно привести к «общему знаменателю» событие-диалог [9], событие-ритуал [10. С. 60–61], событие-происшествие.

Событие-происшествие в трактовке А.Н. Уайтхеда стало основой для предложения понятия «образовательное событие» [5], что, в свою очередь, вызвало инициативы по внедрению подобных событий в педагогическую практику [6, 11–13]. В чем же состоит основная ошибка? Для ответа на этот вопрос рассмотрим траекторию интерпретации на одном показательном примере (таблица).

Сопоставление цитат*

№	Лобанов В.В. Образовательное событие как педагогическая категория // Образование и наука. 2015. № 1 (1). С. 36–42 [5]	Тумашева О.В. Методическая подготовка будущего учителя: погружение в профессиональную реальность // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 66 [11]
1	На с. 36: «Таким образом, педагогика, в противовес истории, ориентирована на преобразование процесса, который мы, вслед за А. Н. Уайтхедом, рассматриваем как чередование стадий, результат каждой из которых есть условие перехода к следующей стадии [14. С. 298]»	
2	На с. 36: «Последнее положение особенно важно в связи с тем, что в формировании личности ребенка (в широком смысле) задействована не только школа, но и семья, и улица, и иные факторы, и потому данный процесс продолжается вне зависимости от того, участвует в нем педагог или нет. Следовательно, «естественное течение жизни» [10], пользуясь словами Д.Б. Эльконина, не детерминируется образовательными событиями, но фрагментируется ими»	Согласно Д.Б. Эльконину, событие непосредственно связано с разрывом непрерывности опыта, с переходом в другую реальность, т.е. не является следствием и продолжением естественного течения жизни. Следовательно, событие должно быть понято как осмысленный акт перехода от одних представлений к другим, от непонимания чего-либо к его принятию и освоению. Поэтому событие нельзя трактовать как случайность [15]
3	На с. 36: «Развивая далее данную мысль, предположим, что на субъектном уровне образовательный процесс проявляется в “странствии” субъекта от одного нетипичного и уникально переживаемого события к другому. При этом событие задает <i>границы</i> возможного изменения процесса: как писал А.Н. Уайтхед, “событие определяет свой собственный мир, в котором оно возникает” [14. С. 297]»	
4	На с. 40: «Образовательное событие – это специально организованный уникальный педагогический факт, ограниченный образовательной ситуацией, но жестко не детерминированный ею и выводящий образовательный процесс за границы обыденности» [5. С. 40]	«Образовательное событие – это специально организованный уникальный педагогический феномен, ограниченный образовательной ситуацией, но жестко не детерминированный ею и выводящий образовательный процесс за границы повседневности» [5. С. 42]

* В тексте таблицы в квадратных скобках приведены ссылки, соответствующие нумерации списка литературы в данной статье. В столбце «№» приведены номера строк таблицы, определяющие последовательность комментария. Подчеркивание в тексте произведено автором данной статьи.

1. Приведено свидетельство того, что автор [5] идет в своих рассуждениях «вслед за А.Н. Уайтхедом». Пока для ответа на поставленный вопрос важнее фиксация отправной точки, чем характеристика самого рассуждения.

2. Обращают на себя внимание формальные и идейные обстоятельства. К формальным обстоятельствам принадлежит то, что слова «естественное течение жизни» из указанной в ссылке книги Б.Д. Эльконина [10] по оплошности приписаны его отцу – Д.Б. Эльконину. Во второй статье слова о «жизни» приведены без кавычек, сохранено указание Д.Б. Эльконина, но уже поставлена ссылка на его книгу [15], в которой *отсутствуют* рассуждения о событии. В годы жизни Д.Б. Эльконина было весьма затруднительно апеллировать к идеям, обсуждаемым в книге Б.Д. Эльконина [10]. Это определяет идейные обстоятельства. Согласно Б.Д. Эльконину, событие, во-первых, есть «идеальная форма», есть «свершение двух субъектов», «их взаимность», на которую «нельзя указать пальцем» [Там же. С. 46]. «Второй аспект события – это его недетерминированность, то, что оно не является следствием и продолжением естественного течения жизни» [Там же. С. 47]. «Событие связано как раз с перерывом этого течения и переходом в иную реальность» [Там же]. Свою мысль Б.Д. Эльконин поясняет на примере выводов Ю.М. Лотмана: «...событие это не всякое *происшествие*, а лишь то, которое связано с переходом персонажа... из обыденного в чудесный мир в волшебной сказке» (цит. по: [Там же]). «Событие, по Лотману, это то, что происходит не вследствие стечения обстоятельств, а несмотря на их стечение»; «событие – это всегда нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя и не должен был его иметь» (утверждение Ю.М. Лотмана цит. по: [Там же. С. 47–48]). Выводы, сделанные Ю.М. Лотманом, получают интерпретацию: «событием является только то, что произошло, хотя могло произойти с очень малой долей вероятности» [Там же. С. 47], «в представлении о непредзаданном характере события мы подходим к его наиболее интенсивной характеристике – пониманию событийности как какой-то, пусть и в минимальной степени, *чуждости*» [Там же. С. 48]. Все то, на что «нельзя указать пальцем», что связано с «переходом в иную реальность», что не является «следствием и продолжением естественного течения жизни», что есть «*чуждость*», – грозит исключить любую доказательность в установлении причин и последствий предлагаемых к внедрению новаций.

3. Утверждение А.Н. Уайтхеда приведено следующим образом: «событие определяет свой собственный мир, в котором оно возникает» [14. С. 297], что превращает в банальность утверждение философа в его полном виде: «Каждое актуальное событие определяет свой собственный мир, в котором оно возникает. Никакие два события не могут иметь тождественные миры» [Там же]. Хотя если тщательно вникнуть в безапелляционное указание «каждое», в разграничение потенциальное / актуальное, в запрет «не могут иметь тождественные миры», то ограничение на тиражирование событий-происшествий в педагогической практике станет ясным.

4. Из содержания соответствующей строчки таблицы следует, что первый автор формулирует понятие «образовательное событие». Второй автор, его принимает, по крайней мере почти цитирует (изменяет два слова в цитате и ошибается со страницей¹). Вниманию подлежит, что, во-первых, «образовательное событие» нужно и можно специально организовывать, во-вторых, цель такой деятельности – вывести «образовательный процесс за границы

¹ Ниже постоянное брзужание по поводу цитат и ссылок найдет свое объяснение при обсуждении вариантов равноправия ролей в событии-диалоге.

обыденности». Или «повседневности». Согласно положениям А.Н. Уайтхеда, совершение события-происшествия можно спровоцировать, и оно будет уникальным и точно преодолест «границы обыденности». Событие-происшествие вообще и в частном проявлении – взрыве – выведет организаторов, участников и свидетелей «за границы обыденности». Здесь ошибки нет. Ошибка состоит в рекомендации такого события в качестве педагогического приема, поскольку событие-происшествие можно спровоцировать, но принципиально невозможно угадать его последствия в их конкретных проявлениях для каждого «элемента» системы. Событие-происшествие приводит к определенному набору последствий: оно в кратком временном промежутке прекращает действие детерминированных законов, оно необратимо разделяет «жизнь» системы на «до» и «после», оно изменяет направленность и темп «жизни» системы. Есть еще одно *добавление* к перечню последствий, которое стоит обозначить отдельно, поскольку именно оно ограничивает применение события-происшествия в педагогической практике и именно оно проигнорировано сторонниками этого применения [5, 11–13]. Сутью *добавления* является своеобразный эгоизм самоорганизующейся системы. В краткости события система преследует единственную цель – достижение своей устойчивости. В своем эгоизме она легко пожертвует «жизненными интересами» любого из своих элементов. Если событие-происшествие происходит в социально-экономической системе, то ее возможный взлет будет оплачен разорением или утратой привычного образа жизни отдельными «элементами». Если событие-происшествие происходит в «образовательной ситуации», то памятные переживания гарантированы всем, но кто-то будет трансформирован, а кто-то деформирован. Отмеченные особенности события-происшествия возвращают к проблеме доказательности в педагогике, поскольку, как было иллюстрировано в приведенной выше аналогии, сторонники «образовательных событий» предлагают к использованию «*направленный взрыв*», который без необходимых расчетов остается катастрофическим «взрывом».

Событие-ритуал есть самое древнее педагогическое действо – обряд инициации. Этот обряд был призван устанавливать факт приспособленности человека к условиям взрослой жизни, фиксировать переход к взрослой жизни. В книге Д.Б. Эльконина сформулированы положения о событии, среди которых есть следующее: «Культурным способом и образцом „жизни на переходе“ и, соответственно, способом осуществления событийности является обрядово-мифологическая (обрядово-символическая) форма. В обряде и ритуале содержится взаимосвязь двух переходов, составляющих структуру события» [10. С. 61]. Это положение многое разъясняет из процитированных выше утверждений Д.Б. Эльконина о том, что событие «связано как раз с перерывом... [естественного течения жизни] и переходом в иную реальность» [Там же. С. 47], и о «чуждести» как «наиболее интенсивной характеристике» события [Там же. С. 48]. Вместе с тем Д.Б. Эльконин подчеркивает, что в его трактовке события важна та «взаимность» [Там же. С. 46], которая обозначена в формулировке М. Хайдеггера. «Речь о том, что надо попросту испытать, т.е. обратиться к тому Собственному (Eigen), в котором человек и бытие друг к другу при-способлены (ge-eignet), к тому, что мы называем событием» (формулировка М. Хайдеггера цит. по: [Там же]). Трудно было бы объяснить, что нового находят сторонники «образовательных собы-

тий» [4–6, 11–13] в событии-ритуале, если б не обстоятельства, которые они не приводят в явном виде. Дело в том, что во времена, когда миф есть идеология, а ритуал воспроизводит образ правильных действий, инициация происходит либо один раз, либо в конечном числе обстоятельств (например, октябренок, пионер и т.д.). Но в наши дни количество обстоятельств существенно возросло, что увеличивает потребность в количестве «переходов», в числе событий-ритуалов. Эта потребность обнаруживает себя в тех локусах образовательного пространства, где «образец для подражания» жестко задан. За пределами этих обширных локусов расположены узкие области, в которых происходит подготовка к инновационной деятельности.

Событие-диалог в обозначении «со-бытие» было введено в психологию развития В.И. Слободчиковым¹, указавшим М.М. Бахтина среди тех, на чьи идеи он опирается [9. С. 14]. В отечественной педагогике очень часто выводы психологии развития детей экстраполируют на всю образовательную деятельность. За результаты такой операции несет ответственность тот, кто экстраполирует, а не тот, чьи результаты экстраполируют.

С позиции современных забот педагогической деятельности рассмотрим специфику идей М.М. Бахтина. В том социальном состоянии, в котором мы сейчас живем и из которого будущее характеризуется как неопределенное, становятся неустойчивыми жизненные траектории, избираемые и / или планируемые человеком. Поэтому артикулирование профессиональной ориентации, профильного образования должно быть «переведено на язык участного мышления, должно подпасть вопросу, к чему меня единственного, с моего единственного места обязывает данное знание» [16. С. 113]. Процитированное здесь требование выдвинуто М.М. Бахтиным на пересечении двух актуальных линий его исследований: феноменов ответственности и свободы. Путь к пониманию личной ответственности – диалог (диалог с собой и со всем для меня актуальным миром), путь к освобождению – смех. В маршруте этого пути есть переходы – события. «Событие может быть только *участно* описано» [Там же. С. 105]. По свидетельству С.С. Аверинцева, собеседника М.М. Бахтина и составителя комментариев к изданию его трудов, сам мыслитель не уставал «повторять, что ни одно человеческое слово не является ни окончательным, ни завершенным в себе» [17. С. 7]. Это означает, что, во-первых, ситуация диалога есть ситуация длящаяся, во-вторых, событие-диалог опознаваемо изнутри этой ситуации – *участно*². Внедрение в педагогическую практику события-диалога зависит от понимания на теоретическом уровне причинно-следственной связи между ответственностью и свободой: ответственность ли есть следствие предоставленной свободы или свобода должна быть предоставлена тому, кто уже доказал свою ответственность. Эта дилемма имеет долгую историю, разные решения в спектре направлений социальной эпистемологии, касающихся образования, и разных политических контекст [19]. Но если счесть справедливой констатацию, что «современная

¹ В книге Б.Д. Эльконина специально отмечено, что «у нас термин со-бытие ввел в психологию развития В.И. Слободчиков» [10. С. 47], при этом подчеркнуто, что сам автор книги говорит «про другое» [Там же].

² Альтернативой этим требованиям является следующее: «Сам преподаватель когнитивно и психологически независим от этой ситуации, поскольку он ее создает и ею управляет. Ученик прекрасно осведомлен об этих обстоятельствах и подстраивает под них свое „образовательное поведение“ – приступает к поиску правильного ответа, который уже сконструирован до него» [18. С. 136].

школа нуждается в специалистах-практиках, а не теоретиках» [11. С. 63], как с подкупающей откровенностью утверждает один из сторонников «образовательных событий» и автор рассмотренной в таблице статьи, то на практике организация события-диалога будет зависеть от распределения ролей между участниками этого педагогического действия, от равноправия сторон в ситуации диалога. В медицинской и педагогической практике трудно соблюсти условие равноправия, поскольку одна из сторон – пациент и ученик – находится в уязвимом положении, в той уязвимости, которая обусловлена отсутствием знаний и опыта. Равноправие достижимо, когда ученик сам выбирает того, с кем он волен вступать в диалог, а у учителя отсутствуют заранее «сконструированные» ответы. Есть еще обстоятельства, обеспечивающие равноправие, но эти обстоятельства связаны с имитацией события-диалога. Равноправие достижимо, когда учитель и школяр ведут себя одинаково, заменяя фантазиями то, что надо было понять и / или выучить. Именно для иллюстрации единообразного поведения настойчиво ставили акценты в таблице на симптоматичной путанице в цитатах и ссылках. Равноправие достижимо в ситуации, при которой «образовательные события» падают одновременно на учителя и ученика, т.е. в ситуации отсутствия свободы выбора – принимать или не принимать участие в этом действе – у всех субъектов образования. Последствие этих имитаций связано с подделкой взаимосвязи «ответственность / свобода». Если человека лишают свободы, то тем самым его лишают возможности почувствовать ответственность за последствия своих действий в навязанной ему ситуации, что как минимум снижает эффективность воспитывающей функции образования. Слова «снижает эффективность воспитывающей функции» вместо категоричных слов «уничтожает эффективность воспитывающей функции» здесь употреблены по одной причине, к которой относится вероятность оказания сопротивления навязываемой ситуации. Подобное сопротивление может быть оказано тем, кто находится внутри подобной ситуации. В статье [18] представлено подробное описание некоего эксперимента, в котором студенты фактически такое сопротивление оказывают. Знаменательна форма сопротивления – смех [Там же. С. 148]. Проявленная форма возвращает к точке пересечения линий философии М.М. Бахтина – ответственности поступка и смеху как способу освобождения. Этот возврат замыкает пройденный круг рассуждений о педагогической сущности философии события-диалога: воспитания личной ответственности за образ мыслей, стиль жизни и свою судьбу.

Есть ли возможность «специально» [4–6, 11–13], как утверждают сторонники «образовательных событий», организовать такой диалог? Причем организовать за теми естественными пределами «со-бытия» взрослого и ребенка, которые обозначены в психологии развития детей [9]? Ответ на поставленный вопрос зависит от возможности педагога отказаться от своей авторитарной роли, отказаться от безошибочности своего знания того, что есть «правильное», что есть благо для ученика. Иначе «специальная» организация будет только имитацией события-диалога. Подтверждающей иллюстрацией служит параллель между специальной организацией «образовательных событий» и специальной организацией средств осмеяния тех, кто не желал следовать новым авторитетам. Два примера «средства для смеха» приводит С.С. Аверинцев [17. С. 14–15]. Эти примеры должны были зримо выразить

утверждение: «Бахтин всемерно подчеркивал неготовность, незамкнутость всего, в чем есть жизнь, и это были с его стороны поиски шанса борьбы против тех, кто хочет командовать жизнью и закрыть историю» [17. С. 15]. То есть ситуация диалога, как и ситуация смешного, не терпит роли командира. Вот обещанные примеры. «Во время Французской революции знаменитый Кондорсе придумал „средство для смеха“ – метод воздействия на монахинь, не признававших так называемого конституционного духовенства: монахинь ловили на улице, принародно заголяли и секли розгами, причем экзекуция должна была восприниматься как безобидный эпизод в детской... как наказание непослушных больших младенцев, просто не доросших до того, чтобы с ними обращались как со взрослыми» [Там же. С. 14]. «Второй случай ближе к нашему времени, он у всех на памяти – это употребление касторового масла при обхождении с инакомыслящими в Италии Муссолини... Монахиням по замыслу мучителей вроде бы дается шанс вернуться в детство и оттуда начать жизнь сначала, встать после порки бравыми законопослушными девочками, которые благодарят педагогов, научивших уму-разуму. Тому, чьи мысли были несозвучны эре фашизма, предлагалось осознать эти мысли как завалы нечистот, отравляющие его организм... затем подвергнуться действию слабительного, пройти через „смеховое“ унижение, разрушающее серьезность всей его прежней жизни, и опять-таки наподобие поротых монахинь ощутить себя маленьким мальчиком, марающим штанишки» [Там же. С. 14–15]. Конечно же, сторонники «образовательных событий» далеки от стремления унижить своих учеников, совершить над ними столь непотребные действия. Вместе с тем «специальная организация» события в своем «специальном» вовлечении ученика в диалог обладает потенциалом насилия патернализма.

Событие-диалог, событие-ритуал, событие-происшествие не могут быть подвергнуты операции сборки в одном понятии «образовательное событие». Понятие «образовательное событие» отвечает характеристикам события-ритуала. Границы применимости в образовании события-происшествия определены принципиальной непредсказуемостью его последствий. Преодоление этих границ требует решения проблемы измерения в гуманитарных исследованиях, поскольку успешное применение во всех современных областях науки нелинейной динамики (или, если угодно, синергетики) основано на численных методах. Интегральным выражением этих успехов стали, в частности, конвергентные технологии. Их конструирующий потенциал требует от подготовки специалистов в этой сфере воспитания особого чувства ответственности. Потребность вступать в событие-диалог может стать маркером эффективности соответствующей подготовки.

Литература

1. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Мирь, 2011. 328 с.
2. Первушина Н.А. Педагогическая биоэтика: семиотический аспект // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 186–201.
3. Мелик-Гайказян И.В. «Событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 54–76.
4. Прохорова М.П., Ваганова О.И. Проектирование и реализация образовательного события в профессиональной подготовке будущих менеджеров // Вестник Мининского университе-

та. 2019. Т. 7, № 1. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/925> (дата обращения: 02.04.2019).

5. Лобанов В.В. Образовательное событие как педагогическая категория // Образование и наука. 2015. № 1 (1) С. 36–42.

6. Виноградова Л.А., Нилова Т.М., Шейко Н.Г. Культурно-досуговая деятельность дошкольников как образовательное событие // Детский сад: теория и практика. 2016. № 12. С. 6–13.

7. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. Минск : И.П. Логвинов, 2002. 300 с.

8. *Переход к Открытому образовательному пространству*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. Ч. 1. 484 с.

9. Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 14–22.

10. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М. : Тривола, 1994. 168 с.

11. Тумашева О.В. Методическая подготовка будущего учителя: погружение в профессиональную реальность // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 63–70

12. Тамбовцева Т.А. Урок литературы как интерактивное образовательное событие // Современные образовательные технологии в мировом учебно-воспитательном пространстве. 2017. № 12. С. 121–125.

13. Артюхина А.И. Перспективы событийного образования в городской среде // *Sotsiologhiya Goroda*. 2018. № 3. С. 94–103.

14. Уайтхед А.Н. Процесс и реальность // Избранные работы по философии : пер. с англ. / сост. И.Т. Касавин / М. : Прогресс, 1990. С. 272–303.

15. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. 554 с.

16. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : ежегодник. 1984–1985. М. : Наука, 1986. С.80–160.

17. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М. : Наука, 1992. С. 7–19.

18. Третьякова Т.Е. Визуальное событие как образовательная инновация // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1. С. 134–156.

19. Касавин И.Т., Тухватulina Л.А. Образование как «продолжение политики другими средствами»: Дж. Ст. Милль и У. Хьюэлл об идее университета // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 148–168.

Irina V. Melik-Gaykazyan, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: melik-irina@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 65–74.

DOI: 10.17223/1998863X/50/7

ERRORS IN THE INTERPRETATION OF THE “OCCASION / EVENT” CONCEPT IN PEDAGOGICAL RESEARCH

Keywords: “educational event”; occasion; limits of applicability; evidence.

In the days of the “post” – *post-industrial society, postmodern culture, post-non-classical science* – a constructive research position coincides with the “everyone-is-right” point of view. This optimism of modern epistemology is restricted only by the limits of applicability of the theories, concepts and teachings the researcher chooses to the solving of the problem. It will be an error to ignore or violate the limits of applicability. The consequence of the error will be the lack of proving and of evidence in answers to questions posed in studies. In recent years, in the publications of Russian researchers, the notion of an “educational event” has appeared; it denotes a kind of an innovation proposed for introduction into the educational practice: from the teaching and rearing of children to the educating of adults. In the article, the trajectory of introducing the concept of “educational event” is retrospectively traced. It is established that there is an equivocation in the use of the different interpretations of the concept “occasion/event”, which are homonymous in the Russian language. The consequence of this equivocation is a mixture of interpretations of the “occasion / event” concept presented in Martin Heidegger’s and Alfred North Whitehead’s metaphysics and in Mikhail Bakhtin’s philosophical conclusions. As a result, there is a mixture of interpretations of the “occasion” given by Whitehead and interpretations of the “event” in the psychology of child development. In turn, in different directions of developmental psychology, the concept “event”, given by Heidegger and Bakhtin as, respectively, the event-ritual and the event-dialogue, received their own interpretations. The article successively examines the limits of applicability of the “occasion”, the event-ritual and the event-dialogue in pedagogical practice. The limits of applicability are constituted

by the unpredictability of the “occasion” consequences and by the purpose of the event-dialogue for individualised rearing and education. It has been established that supporters of “educational events” follow the tradition of the organization of the event-ritual that limits the novelty of their suggestions. Thereby, there are the following errors: (1) ignoring the limits of applicability and extrapolations of these interpretations of the concept “occasion/event”; (2) unpredictability of the consequences of the majority of “educational events”, which indicates the existence of the problem of evidence and proving in Russian pedagogical research.

References

1. Tishchenko, P.D. (2011) *Na granyakh zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovaniy bioetiki* [On the Borders of Life and Death. Philosophical Studies of Bioethics]. St. Petersburg: Mir.
2. Pervushina, N.A. (2018) Pedagogical bioethics: a semiotic aspect. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 186–201. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-186-201
3. Melik-Haikazyan, I.V. (2009) “Occasion-in-actuality” and “occasion-inreality”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(7). pp. 54–76. (In Russian).
4. Prokhorova, M.P. & Vaganova, O.I. (2019) Design and implementation of an educational event in the training of future managers. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*. 7(1). (In Russian). DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-1-4
5. Lobanov, V.V. (2015) Educational event as a pedagogical category. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 1(1). pp. 36–42. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2015-1-33-42
6. Vinogradova, L.A., Nilova, T.M. & Sheyko, N.G. (2016) Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' doskol'nikov kak obrazovatel'noe sobytie [Cultural and leisure activities of preschool children as an educational event]. *Det'skiy sad: teoriya i praktika*. 12. pp. 6–13.
7. Shchittsova, T.V. (2002) *Sobytie v filosofii Bakhtina* [Event in Bakhtin's Philosophy]. Minsk: I.P. Logvinov.
8. Prozumentova, G.N. (ed.) (2005) *Perekhod k Otkryтому obrazovatel'nomu prostranstvu* [Transition to the Open Educational Space]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
9. Slobodchikov, V.I. (1986) Psikhologicheskie problemy stanovleniya vnutrennego mira che-loveka [Psychological problems of human inner world formation]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 14–22.
10. Elkonin, B.D. (1994) *Vvedenie v psikhologiyu razvitiya (v traditsii kul'turno-istoricheskoy teorii L.S. Vygotskogo)* [Introduction to developmental psychology (in the vein of L.S. Vygotsky's cultural-historical theory)]. Moscow: Trivola.
11. Tumasheva, O.V. (2017) Metodicheskaya podgotovka budushchego uchitelya: pogruzhenie v professional'nyuyu real'nost' [Methodological preparation of the future teacher: immersion in professional reality]. *Vys'shee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russian*. 12. pp. 63–70. (In Russian).
12. Tambovtseva, T.A. (2017) Urok literatury kak interaktivnoe obrazovatel'noe sobytie [A lesson in literature as an interactive educational event]. *So-vremennye obrazovatel'nye tekhnologii v mirovom uchebno-vospitatel'nom prostranstve*. 12. pp. 121–125.
13. Artyukhina, A.I. (2018) Prospects of event education in the urban environment. *Sotsiologiya goroda*. 3. pp. 94–103. (In Russian).
14. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Translated from English by I.T. Kasavin. Moscow: Progress. pp. 272–303.
15. Elkonin, B.D. (1989) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Works on Psychology]. Moscow: Pedagogika.
16. Bakhtin, M.M. (1986) K filosofii postupka [On the philosophy of the act]. In: Frolov, I.T. (ed.) *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985* [Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook 1984–1985]. Moscow: Nauka. pp. 80–160.
17. Averintsev, S.S. (1992) Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura [Bakhtin, laughter, Christian culture]. In: Averintsev, S.S., Trubin, V.N. & Davydov, Yu.N. *M.M. Bakhtin kak filosof* [M.M. Bakhtin as a Philosopher]. Moscow: Nauka. pp. 7–19.
18. Tretyakova, T.E. (2018) Visual event as educational innovation. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 134–156. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-1-134-156
19. Kasavin, I.T. & Tukhvatulina, L.A. (2018) Education as the “continuation of politics by other means”: J.S. Mill and W. Whewell on the idea of university. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 148–168. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-148-168

УДК 140.8

DOI: 10.17223/1998863X/50/8

Е.И. Самофалова

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Описываются основные аспекты методологического анализа феномена образовательной миграции в социальной философии. Раскрываются основные составляющие феномена, ключевые аспекты онтологического понятийного аппарата и история изучения образовательной миграции в отечественной мысли.

Ключевые слова: социальная философия, история изучения образовательной миграции, методология анализа, образовательная миграция, учебная миграция.

Миграция населения – это общественный феномен, существующий на всем протяжении развития человеческого общества и социальных институтов. Население, являющееся с точки зрения социальной философии не просто «совокупностью людей, но и специфической системой общественных связей и отношений» [1. С. 102], представляет собой ценностную основу для изучения миграции и ее проблемных зон. Так, общеизвестно, что существование различных точек зрения по тем или иным научным проблемам довольно часто может быть объяснено просто: они возникают из-за того, что для одних и тех же понятий используются разные, а для различных понятий применяются одинаковые термины. В данном случае философскими выкладками могут пользоваться другие науки: социология, демография, культурология и т.д., так как анализ миграционных процессов без участия философского контекста попросту невозможен. Существуют также другие области применения философского анализа миграционных процессов. В частности, различные страны могут руководствоваться различными аксиологическими принципами миграционной политики в контексте обеспечения устойчивого развития [2].

В целом философский аспект миграции состоит в выяснении ее существенных и ценностных характеристик, динамического и статического опыта, различных личностных трансформаций, и именно специфика философских исследований способна объединить все существующие на данный момент знания о миграции в целостную систему. Таким образом, миграция есть «проявление социальной диалектики, что делает возможным восприятие ее как предмета для исследования в социальной философии» [3. С. 4], а общим предметом ее изучения является „пространственное“ выражение социального воспроизводства человеческой жизни, интеллекта и культуры» [Там же]. В современной традиции существуют также особенные термины – «человек мигрирующий» и «глобалмиграция» [4], обозначающие проблемно-ориентированный понятийный комплекс во всей его полноте.

Образовательная миграция, в свою очередь, – довольно специфическая область для изучения. С одной стороны, она имеет непосредственное отношение к необходимости социокультурной адаптации в чужой образовательной среде, переосмыслению индивидуального и социального бытия в контек-

сте нового социального опыта, а также к необходимости действовать и выражать собственные чаяния на другом языке, т.е. фактически создавать себе другую личность или образовывать новые специфические социальные общности – различные варианты национальных общин, гетто, анклавов или чайнатаунов в азиатском варианте. С другой стороны, человек – существо социальное, и поэтому его индивидуальные представления об образовательной реальности могут находиться в когнитивном, социальном и психологическом диссонансе с существующим положением вещей. Таким образом, миграционные образовательные процессы обусловлены как множеством объективных факторов (специфические исторические и национальные условия жизни стран, их культурное своеобразие, особенности существования экономики, действия господствующей в обществе политической элиты и т.д.), так и субъективными обстоятельствами, многие из которых носят трудно предсказуемый и противоречивый характер. Можно сказать также, что «... миграционный фактор предполагает указание пути не столько в географических, сколько в эмоциональных ориентациях» [5. С. 6; 6], охватывая, таким образом, как внешнюю, так и внутреннюю компоненту онтологического процесса поиска смысла. При этом лейтмотивом понимания образовательной миграции является ее «имманентная конфликтогенная природа» [3]: между мигрантом и принимающей средой, между мигрантами и принимающим обществом и социальными институтами, психологические личностные конфликты мигрантов и т.п. Также следует разделять понятия «эмигрант» и «иммигрант», являющиеся кардинально противоположными не только по смыслу, но и точки зрения влияния на индивида его социально-психологического статуса [7].

При философском анализе образовательной миграции необходимо учитывать несколько ключевых моментов, которые могут более четко определить ее гносеологический аспект:

- объективно-субъективный характер основного феномена – так, «до начала XX в. миграция зачастую могла быть вызвана или остановлена властными распоряжениями» [2]. Однако в постиндустриальном обществе в связи с большим социоэкономическим ресурсным разрывом между странами миграция обусловлена (за исключением вынужденной) либо индивидуальными стремлениями к материальному благу [8], либо образовательными целями в самом широком смысле слова;

- мотивы миграции – ранее таковыми являлись военные походы, колонизация, работорговля, освоение новых земель. В современном обществе преобладают экономические, политические и образовательные причины;

- формы миграции – традиционное общество было в большей степени оседлым, чем современное, поэтому в первом случае миграция оказывала меньшее влияние на социальные процессы, нежели в наше время, когда от интенсивности миграции зависят важные статистические (политические, культурные, экономические, образовательные, демографические, религиозные) показатели региона;

- масштабы миграции – по данным ООН, «с начала XXI в. миграцией охвачено 218 стран, количество людей, живущих вне стран своего рождения или гражданства, оценивается в 258 млн человек, что составляет около 3,4% от общей численности населения мира, из них более 2% – беженцы [6, 9];

– мировоззрение исследователя – зачастую в предлагаемых социально-философских концепциях содержатся «одномерные», или «линейные», решения конкретных миграционных вопросов вследствие отсутствия единого понимания феномена [10].

Таким образом, социальная философия, изучая предметное содержание феномена, может составить сущностное представление о миграционных процессах и актуализировать ранее не обсуждаемые вопросы. Однако для более глубокого понимания самой природы образовательной миграции и особенно ее интенсификации в настоящее время необходимо также исследовать общие предпосылки миграционных процессов. Если рассматривать эти факторы с точки зрения социальной философии, то все их можно разделить на два типа: *онтологические* и *гносеологические* [11].

Гносеологические предпосылки исследования миграционных процессов связаны с раскрытием сути и содержания миграции, изучением образовательной миграции как особого социального института. Изучением миграции традиционно занимаются демография, статистика и экономика, социология предлагает социальные основания для изучения, социальная философия – теоретическое обоснование проблемных аспектов. Среди известных исследователей миграции можно назвать Э. Равенстейна, К. Кэрри, У. Изарда (гравитационные модели миграции), С. Стоуффера («модель промежуточных возможностей»), Р. Викермана, М. Гринвуда, И. Лоури, А. Роджерса (регрессионный анализ) и т.п. В российской практике следует упомянуть Т.И. Заславскую, Л.Л. Рыбаковского, Ж.А. Зайончковскую, Г.С. Витковскую, Л.Ч. Курбанову, Е.Е. Письменную, В.И. Мукомеля, Т.Н. Юдину, А.Н. Николенко.

К *онтологическим* (т.е. имеющим отношение к социальной действительности), в свою очередь, можно отнести следующие предпосылки.

Экономические предпосылки. Современные миграционные процессы обусловлены в первую очередь неравномерным распределением ресурсов и информационных технологий в обществе. Так, по данным ООН, 6 из 7 людей планеты живут в малопригодных для жизни условиях [12]. «Развитие производства, формирование современного рынка, усилившего внутри- и межгосударственный обмен трудовыми ресурсами, оказали... сильнейшее влияние на интенсификацию миграций» [13]. Чем выше уровень постиндустриализации и, соответственно, выше уровень жизни, тем более эта территория привлекательна для мигрантов [2], особенно для мигрантов образовательного толка, из-за возрастающих социокультурных возможностей.

Демографические предпосылки. На данный момент, по мнению большинства исследователей, мир находится в состоянии демографического перехода, который обычно выражается в «стремительном росте популяции и наступающем затем стремительном спаде, после чего численность населения стабилизируется». В развитых странах этот переход уже завершен, в развивающихся странах – продолжается, а «страны третьего мира» только вступают в это состояние [Там же]. В свою очередь, образовательная миграция в мире занимает на данный момент около 15–20% от общего потока. Это означает, что каждый пятый-шестой человек предпочитает получать образование за рубежом. Демографические диспропорции также способствуют возрастанию миграционных потоков: например, по данным западных источников доля

женщин-мигрантов по отношению к мужчинам в мировой миграции составляет в среднем 5 : 3 [14].

Социальные предпосылки. В современном обществе большое значение приобретают социально-психологические аспекты взаимодействия людей; высока роль межличностных, межгрупповых и межобщинных связей; также необходимо учитывать реакцию на мигрантов принимающего общества.

Политико-правовые предпосылки. Современные политические процессы способны провоцировать обширные миграционные потоки, в основном вынужденного характера, вследствие войн, конфликтов, террористических актов, различных видов преследования по политическим мотивам или соответствующей политики правительства по отношению к некоренному населению [15]. Вынужденная миграция может заставить государство корректировать собственную нормативно-правовую базу в соответствии с условиями жизни мигрантов (например, в США, где представительства национальных меньшинств добиваются права участвовать в законодательном процессе страны) [16].

Этнокультурные предпосылки. В данном случае следует учитывать национальное самосознание и множественные конфликты на национальной почве, которые являются одной из причин вынужденной миграции, а также некоторые социокультурные аспекты: культурные ценности общества, общую гражданскую лояльность к мигрантам и возникающие в связи с этим проблемы с лояльностью (подробнее см.: [17]).

Экологические предпосылки. Новый фактор, который стремительно набирает силу начиная с середины XX в. Проблемы загрязнения окружающей среды и различных антропогенных воздействий на нее заставляют людей избирать себе другую среду для проживания. Однако, с другой стороны, сами мигранты способны создать чрезмерную нагрузку на окружающую среду вследствие целого ряда социокультурных факторов [18].

В теориях изучения миграции с точки зрения философского анализа нет единого подхода или разработанного категориального аппарата. В отечественной практике к концу XX в. можно проследить несколько подходов к общему изучению миграции; так, насчитывается около сорока определений в зависимости от объекта и метода исследований [1. С. 160]. При этом следует учитывать, что начиная с середины XX в. и вплоть до сегодняшнего времени в силу ряда причин (экономически и политически обоснованных) ученые обращались в основном к изучению трудовой миграции, феномена беженцев или изучению различных видов перемещения населения. Например, с точки зрения Б.С. Хорева, миграция рассматривается в узком смысле как «совокупность безвозвратных межпоселенных передвижений населения» и эквивалентна понятию «переселение» [19. С. 145]. Данного подхода придерживается и В.И. Староверов (рассматривал различные функции миграции: перераспределительную, демографическую и т.д.) [20. С. 22]. В.И. Переведенцев, наоборот, говорил о миграции в широком, философском смысле, смешивая понятия территориальности, социальности и т.п., определяя ее как «совокупность всяких перемещений людей в пространстве», зачастую приравнивая к понятию «мобильность» [21. С. 9]. К данной группе определений можно также отнести работы М.В. Курмана (миграция – это любая форма социального движения) [22] и А.У. Хомры (понимает под ми-

грацией все типы перемещений, начиная от понятия «подвижность» до любого перемещения в пространстве, иногда даже в метафизическом аспекте) [20].

На данный момент в российской научной среде чаще всего употребляется подход Л.Л. Рыбаковского, определившего в 1970-е гг. миграцию как «территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [23. С. 7]. Это определение считается в некоторой степени универсальным для отечественной социальной философии, так как учитывает основные черты нескольких подходов. Однако в основном ученые рассматривают и изучают миграцию в зависимости от типа, приводя определения к каждой отдельной ее составляющей.

На современном этапе можно выделить несколько основных теоретических подходов к исследованию миграционных процессов. Например, Н.И. Шекихачева [24] говорит о следующих направлениях для философского анализа:

1. Культурологическая концепция – миграция как процесс взаимодействия между людьми двух разных стран и в рамках пространства, включающего в себя обе стороны. Взаимодействие может осуществляться в рамках вынужденной, трудовой или образовательной миграции.

2. Теория ассимиляции – принцип однолинейности процесса адаптации мигрантов к обществу страны въезда. Данная теория является частью более общей функционалистской парадигмы в социальной философии, применяемой для изучения вопросов иностранных и национальных меньшинств.

3. Этносоциологическое направление – базируется на концепции культуры как коллективного способа адаптации к окружающей природной и социальной среде. На этом уровне учитываются исторические традиции народа, отражающие прежний миграционный опыт. Именно в рамках данного подхода получило развитие понимание не только межгосударственных миграций, но и внутренних перемещений людских потоков.

4. Теория социальных изменений – миграция рассматривается как своеобразная социальная система, процессуальность которой имеет атрибутивный характер.

5. Институциональный подход – миграционная мобильность населения как межинституциональная научно-практическая проблема.

Обратимся далее к собственно феномену образовательной миграции. Как было указано выше, конкретного определения феномена в социальной философии не существует до сих пор. Более того, в социально-философской мысли присутствует несколько различных точек зрения: что именно понимать под образовательной миграцией, отличаются ли образовательная и учебная миграции друг от друга ареалом для изучения, а также какие цели данные типы миграции преследуют. При этом в западной литературе деления на образовательную и учебную миграцию вообще нет. Направления для исследований в основном характеризуются конкретными целями в зависимости от науки, с одной стороны, и объекта изучения – с другой. Таким образом, феномен образовательной миграции остается одним из самых противоречивых областей знания. Тем не менее неизменной остается социальная направленность в проблематике, а также выяснение психологических особенностей об-

разовательного мигранта и различных типов взаимосвязей между ним и принимающим сообществом.

Исходя из анализа литературы, объектом исследования образовательной миграции в отечественной социальной философии можно считать «социальное взаимодействие индивидов, вовлеченных в социально-географическое перемещение с целью получения образования», а предметом – «динамику изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений индивидов в рамках прежнего и нового социумов» [25]. Это означает, что образовательная миграция в научной сфере охватывает достаточно специфическую область знаний, подразумевающую под собой различные способы объяснений одного и того же явления.

По существующему делению миграционных процессов в социальной философии феномен образовательной миграции возможно также разделить на несколько стадий: подготовительную, основную и заключительную [Там же]. Также существует деление образовательной миграции по пространственно-временным параметрам, условным и воображаемым границам, степени интенсивности, а также по степени комплементарности «принимающего» и «прибывающего» сообществ. В последнем случае область для изучения значительно расширяется.

Согласно общей социофилософской парадигме образовательной миграции все действия в данной сфере характеризуются принятой в обществе концепцией «трансграничного (транснационального) образования». Под этим термином подразумеваются в широком смысле слова все виды образовательных программ и действий, связанных с образованием, для которых необходимо пересечение границ государств, в узком – «образование, которое осуществляется на территории другой страны» [26. С. 4]. Таким образом, с точки зрения функций трансграничное образование позволяет популяризировать отечественную науку для мирового сообщества, расширить межкультурное сотрудничество между образовательными средами разных стран, а также обеспечить мигранту социокультурный комплекс условий для гармоничного развития личности. С точки зрения теории трансграничное образование позволяет определить онтологические, гносеологические и культурологические аспекты человеческого бытия в единую систему.

В отечественной философской традиции при изучении истории миграционных процессов и трансформации человеческого опыта в этой связи принято выделять следующие этапы:

- 1) дореволюционный (со второй половины XIX в. до 1917 г.);
- 2) с 1920-х гг. до начала 1930-х гг.;
- 3) с 1950–1960-х гг. до 1990-х гг.;
- 4) с 1990-х гг. по настоящее время [27. С. 56].

Во время первого этапа изучение образовательной миграции практически не велось, однако большое внимание уделялось в целом изучению миграционных процессов и управленческих процессов, с ними связанных. Это было обусловлено активной колонизацией Россией сопредельных территорий (в частности, Кавказа, Центральной Азии), поэтому политика освоения земель была тесно связана с общими миграционными исследованиями, одновременно велись различные статистические и демографические исследования. Основным источником информации по вопросам миграции служили так

называемые переселенческие пункты, где скапливалась информация о мигрантах. Мнения ученых, занимавшихся данным вопросом¹, в целом сводились к следующим принципам:

- колонизация – это позитивный опыт на этапах развития человечества, позволяющий развивать сельское хозяйство и наращивать военную мощь страны;

- возможное переселение завоеванных народов должно происходить поэтапно, желательно в близлежащие районы или необжитые места;

- благотворительные меры для стимулирования миграции пагубны, так как это способствует миграции более слабого, экономически незащищенного населения.

В 1905 г. А.А. Кауфман написал работу, связанную с учетом переселений и колонизации новых земель малоземельными крестьянами, объединив, таким образом, основные отечественные изыскания по этому поводу [22]. Касательно образовательной миграции особых научных исследований не проводилось, кроме общего учета количества иностранных студентов.

Второй этап исследования образовательной миграции связан с образованием СССР. Изучение образовательной миграции в стране шло в соответствии с социофилософскими принципами марксизма-ленинизма: значимость образования для каждого человека, необходимость применения учения Маркса–Ленина для образовательного процесса. Например, активно продвигалась мысль В.И. Ленина о том, что образовательный уровень населения – свидетельство его социального развития, органическим элементом которого является повышение его подвижности [23. С. 12]. Также образовательный и культурный подъем масс населения является одним из ключевых факторов повышения производительности труда [Там же. С. 40]; при этом личность должна воспринимать повышение собственного уровня образования как необходимую ценность, долг гражданина перед Родиной. Таким образом, общее среднее образование являлось одним из необходимых социальных рычагов управления страной. Понятие образовательной миграции по-прежнему не выделялось отдельной категорией в исследованиях, более того, миграция рассматривалась в основном в контексте исторических наук. Характерной чертой данного этапа также является в основном «обслуживающий», прикладной характер исследований миграционных процессов. Одновременно с практикой шли теоретические споры по поводу определения ключевых понятий: «миграция», «переселение», «факторы миграции» и т.д.

Третий этап изучения связан с окончанием Второй мировой войны, когда в СССР начали приезжать на обучение представители стран Восточной Европы – Польши, Румынии, Югославии, Болгарии. Значительно снизились показатели плановой миграции и возросли показатели индивидуальной. Особое внимание уделялось изучению образовательными мигрантами русского языка. Грамотная политика СССР по привлечению образовательных мигрантов, включающая в себя сложную систему долгосрочных договоров между странами, позволила количественно увеличить число образовательных мигрантов.

¹ Например, работы Г.К. Гинка, А.А. Кауфмана, И.А. Гурвича и т.д.

В сфере исследований миграции образовались две основных научных школы – московская и сибирская. Среди ученых, работавших над данным вопросом, можно выделить Л.Л. Рыбаковского, активно исследовавшего миграционные процессы в целом, обобщившего теоретические наработки в данной области. Образовательная миграция не выделялась в отдельную отрасль знания, однако можно определить основные научные разработки:

- социальная функция миграции всецело определяется уровнем экономического развития страны и проводимой ею политикой;

- показатели стабильности миграционных потоков (в том числе образовательной миграции) характеризуют степень стабильности состава населения;

- склонность к образовательной миграции наиболее сильна в молодом возрасте (до 30–35 лет), а затем постепенно снижается;

- исследование факторов миграции невозможно без учета психологических и социальных аспектов жизни индивида;

- вне зависимости от реакции индивида на окружающие его условия, от объективных или субъективных факторов, механизм принятия решения о миграции (в том числе и образовательной) выносится на поведенческий уровень и обусловлен внутренней структурой личности, с одной стороны, и процессами социализации его в родном и принимающем сообществе – с другой. Также имеет значение несоответствие между реальными потребностями индивида и возможностями для их удовлетворения [28. С. 34];

- для процесса принятия решения о миграции не нужно сопоставление реальной ситуации в стране (регионе)-реципиенте с желаемой – в данном случае, скорее, будет работать понятие «идеальной формы». Удовлетворенность образовательного мигранта будет связана с уровнем его «приживаемости» на новом месте, когда миграционный процесс будет завершен. Возможные возникающие противоречия будут, скорее всего, связаны с растущими потребностями личности (вследствие повышения уровня образования) и невозможностью их удовлетворить. Таким образом, речь может идти о своего рода фрустрации: иррациональной неудовлетворенности и желании перемен, при этом объективное положение вещей (экономическая, политическая ситуация, уровень заработной платы) не играет особо важной роли;

- большинство факторов, в соответствии с которыми происходит миграция – экономические; образовательная миграция, помимо процесса получения новых знаний, также имеет под собой устойчивую экономическую основу: стремление в будущем улучшить свое материальное и социальное положение.

Четвертый этап изучения образовательной миграции начался в 90-х гг. прошлого века и продолжается в настоящее время. Именно на данном этапе отечественные ученые обратились к опыту зарубежных коллег, четко разделив виды и особенности миграции между собой, обозначив теоретико-методологические аспекты миграции и факторы, ведущие к миграционному процессу. Образовательная миграция в этом случае начала представлять собой обширное поле для исследований вследствие необходимости привлечения в вузы иностранных студентов по экономическим, политическим и социально-демографическим причинам. Россия потеряла свои лидирующие позиции в мире в качестве страны-реципиента для образовательных мигран-

тов и до сих пор не смогла полностью восстановить их. В то же время начался активный процесс «утечки мозгов» – т.е. обратной образовательной миграции, когда из страны уезжали молодые и перспективные ученые, не имеющие возможности работать на родине. Феноменальный рост количества университетов (в середине 2000-х гг. примерно в 6 раз по сравнению с 1980-ми) не исправил ситуации, так как уровень образования в них был достаточно низким не только для образовательных мигрантов, но и для отечественных студентов. В 2006 г. в послании президента В.В. Путина впервые прозвучал призыв к инновационным способам развития общества и поддержке национальных образования и науки.

С другой стороны, в научных исследованиях образовательной миграции произошел резкий качественный скачок. Появились попытки выстроить собственную терминологию и методологию исследования в социальной философии, исследовать факторы образовательной миграции и ее место в миграционных процессах в целом. Также образовательная миграция перестала рассматриваться исключительно как территориальное перемещение: теперь дистанционное обучение при помощи Интернета или Скайпа также попадает в данную категорию.

Таким образом, на сегодняшний день в сфере философско-социологической мысли возможно выделить несколько направлений для изучения данного феномена.

Статистико-демографические аспекты – различные статистические данные необходимы для проведения социологических исследований, отслеживания результатов различных образовательных реформ, связанных с миграцией, а также статистического учета мигрантов. В основном в России этим успешно занимается Центр социального прогнозирования (в частности, Ф.Э. Шереги и А.Л. Арефьев), публикующий ежегодные отчеты об образовательной миграции в России, а также различные миграционные службы. Также к данной области изучения можно отнести прикладные исследования различных национальных групп мигрантов, которые проводятся регулярно и в достаточном количестве.

Философско-теоретические проблемы – исследования различных подходов к изучению феномена, роли миграции в жизни индивида или принимающего региона; разработка терминологии и различных методик для исследования; исследования в области социологии управления. Среди ученых, занимающихся данной проблематикой, можно выделить Л.Л. Рыбаковского, Ж.А. Зайончковскую, Е.Е. Письменную, В.И. Мукомеля.

Политический аспект – в данном случае изучается влияние миграционной политики России на иностранных студентов, а также различные последствия образовательных реформ и различные правовые аспекты образовательной политики по отношению к мигрантам. Данным вопросом занимаются, в частности, Е.Н. Алексеева, О.Д. Выхованец, С.В. Дементьева, М.В. Дюжакова, Д.Н. Митин.

Психолого-педагогическая адаптация образовательных мигрантов на новом месте обучения и к новым условиям жизни (России в целом, региону, конкретному населенному пункту) исследуется достаточно широко вследствие актуальности темы и больших методологических возможностей. Среди исследователей, занимающихся этим вопросом, следует упомянуть

С.В. Дементьеву, С.В. Бондаренко, Е.В. Афонину, Л.И. Бутенко, Д.В. Василенко, М.А. Иванову, Е.А. Нагайцеву, Л. Тьерри, Д.А. Соколова, А.С. Ильину, В.П. Филиппову и т.д. В основном исследования тесно взаимосвязаны с психологией и основываются на том, что современная высшая школа, признавая в качестве основополагающего принципа принцип гуманизации образования, выступает как система условий, обеспечивающих развитие личности во всех ее проявлениях. Поэтому влияние вуза на процесс социокультурной адаптации студентов-мигрантов позволяет провести этот процесс с наименьшими временными и психологическими затратами. С другой стороны, изучаются различные психологические проблемы, возникающие у студентов в процессе обучения: от чувства одиночества до суицидального поведения.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, для социальной философии образовательная миграция является важным с научной точки зрения феноменом, изучение которого позволит глубже понять состояние нашего общества и социальные процессы, происходящие в нем. Одновременно с этим «усложняющаяся реальность и отсутствие комплексного междисциплинарного подхода в миграционной политике способствуют неуправляемости современных миграций» [28]. Поэтому в сложившихся условиях предметом анализа социальной философии должна стать образовательная миграция как основа для социальной диалектики, как социальный институт, который в эпоху глобализации является одной из доминант общественного развития.

Литература

1. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социс. 2002. № 10. С. 102–108.
2. Петров В.Н. Социальные функции миграций населения в российском обществе: некоторые проблемы теоретико-методологического анализа региональных различий // Ломоносовские чтения. 2002. Т. 2. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&cl=CL1&d=HASH24e2b873166c0400e23bdb.15&gc=1> (дата обращения: 01.06.2019).
3. Дрокин М.С. Социально-философский анализ феномена миграции : дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 121 с. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/socialno-filosofskij-analiz-fenomena-migracii.html> (дата обращения: 06.05.2019).
4. Преображенская Н.М. Миграция в условиях глобализации: социально-философские аспекты : дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 190 с.
5. Метелев И.С. Феномен миграции (методология анализа и жизненный смысл). Омск : Изд. Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2010. 115 с.
6. Lüdemann E., Schwerdt G. Migration background and educational tracking. Springer-Verlag 2012. 27 p. URL: http://download.springer.com/static/pdf/318/art%253A10.1007%252Fs00148-012-0414-z.pdf?auth66=1386478054_ed44037922f476943bab2e3685a4eccf&ext=.pdf (accessed: 17.05.2019).
7. Дыжин С.Е. Социально-философский анализ проблемы национального самосознания мигранта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12, ч. 2. С. 82–85.
8. Смирнов С.А. Антропология перехода. URL: <http://www.anthropolog.ru/doc/persons/smirnov/smirnov2> (дата обращения: 15.05.2019).
9. Centre for Multicultural youth Issues. Information sheet № 11 – Refugee and CLD Young people: definition. Carlton, Victoria, 2005.
10. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975. 231 с.
11. Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration // Toward a Transnational Perspective on Migration / N. Glick Schiller, C. Basch (eds.). New York : New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.
12. World Migration Report 2017. International Organization for Migration. P. 5.
13. Выхованец О. Миграция. Развитие. Характеристика. Проблемы. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a302.htm> (дата обращения: 13.03.2019).

14. Varshney D., Lata S. Female migration, Education and Occupational Development: a Geo-spatial Analysis of Asian countries // *Environment and Urbanization Asia*. 2014. Vol. 5 (185). 33 p.
15. Belot M., Ederveen S. Cultural barriers in migration between OESD countries // *J. Popul Econ*. 2012. № 25. P. 1077–1105.
16. Patten E. Statistical portrait of the foreign-born population in the United States. Washington, DC : Pew Hispanic Centre, 2012.
17. *Философия и миграция*. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/filosofia-i-migracia> (дата обращения: 30.05.2019).
18. Piper N. Migration and social development / United Nations Research Institute for Social Development, Social Policy and Development Programme. Paper № 39, April 2009. 34 p.
19. Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор) : учебник. М. : Гардарики, 2003. 704 с.
20. Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни. М. : Наука, 1975.
21. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. М. : Статистика, 1976. 220 с.
22. Кауфман А.А. Переселения и колонизация. СПб., 1905. 443 с. (Библиотека «Общественной пользы»).
23. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (очерки теории и методов исследования). М. : Наука, 2001. 114 с.
24. Шекихачева Н.И. Теоретико-методологические основы изучения вынужденной миграции как социального процесса // Материалы XXXIV научно-технической конференции по результатам работы профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов за 2004 год. Ставрополь, 2005 // Северо-Кавказский государственный технический университет. URL: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения: 15.05.2019).
25. Самофалова Е.И. Образовательная миграция: проблемное поле и основные характеристики. URL: <http://scipeople.ru/publication/69692/> (дата обращения: 30.04.2019).
26. Ечевская О.Г. Академическая мобильность и образовательные миграции в Сибири: проблемы и перспективы // *Экономика. Вопросы школьного экономического образования*. 2012. № 3. С. 3–10.
27. Хомра А.У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. Киев : Наукова думка, 1979. 148 с.
28. Шереги Ф.Э., Дмитриев М.Н., Арефьев А.Л. Россия на мировом рынке образовательных услуг. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/097/analit03.php> (дата обращения: 10.05.2019).

Elena I. Samofalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: elena.sm83@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 75–87.

DOI: 10.17223/1998863X/50/8

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF EDUCATIONAL MIGRATION IN SOCIAL PHILOSOPHY IN THE DOMESTIC THOUGHT

Keywords: social philosophy; educational migration; methodological analysis.

The article deals with the main aspects of the methodological analysis of the educational migration phenomenon in the social philosophy. The main components of the phenomenon, the key aspects of the ontological conceptual apparatus and the history of educational migration studies in the domestic thought are revealed. Educational migration is a rather specific research field. Nowadays, there is no special definition of the phenomenon in social philosophy. On the one hand, educational migration is directly correlated with the need of a sociocultural adaptation in a foreign educational environment, of the rethinking of individual and social being in the context of a new social experience, as well as with the need to act and express one's own aspirations in another language, in fact, to create another personality or form new specific social communities, such as various versions of national communities, ghettos, enclaves, or Chinatowns. On the other hand, a person is a social creature; therefore, his/her individual ideas about an educational reality can be in a cognitive, social and psychological dissonance with the existing state of affairs. According to the general socio-philosophical paradigm of educational migration, all actions in this area are characterized by the concept of “cross-border (transnational) education” adopted in society. A philosophical analysis of educational migration needs to take into account several key points that can more clearly define its epistemological aspect. Among them are the objective-subjective nature of the main phenomenon, the motives and forms of migration,

its historical terms, as well as the philosophical view of the researcher. For a deeper understanding of the nature of educational migration and especially its intensification, it is also necessary to explain the general prerequisites of migration processes, which can be divided into two types: ontological and epistemological. There are several basic theoretical approaches to the study of migration processes, e.g., the culturological concept, the theory of assimilation, the ethno-sociological theory, the theory of social change and the institutional approach. Due to its functions, educational migration allows popularizing national science for the world community, expanding intercultural cooperation between educational environments of different countries, as well as providing a migrant with a socio-cultural complex of conditions for the harmonious development of a personality. From the conceptual point of view, the concept of cross-border education allows setting the ontological, epistemological and culturological aspects of human existence into a single system.

References

1. Yudina, T.N. (2002) O sotsiologicheskom analize migratsionnykh protsessov [On sociological analysis of migration processes]. *Sotsis – Sociological Studies*. 10. pp. 102–108.
2. Petrov, V.N. (2002) Sotsial'nye funktsii migratsiy naseleniya v rossiyskom obshchestve: nekotorye problemy teoretiko-metodologicheskogo analiza regional'nykh razlichiiy [Social functions of the population migration in the Russian society: some problems of theoretical and methodological analysis of the regional varieties]. *Lomonosovskie chteniya*. 2. Proc. of the Conference. [Online] Available from: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0lomon-00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&cl=CL1&d=HASH24e2b873166c0400e23bdb.15&gc=1> (Accessed: 1st June 2019).
3. Drokin, M.S. (2011) *Sotsial'no-filosofskiy analiz fenomena migratsii* [Socio-philosophical analysis of migration]. Philosophy Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/socialno-filosofskij-analiz-fenomena-migracii.html> (Accessed: 5th May 2019).
4. Preobrazhenskaya, N.M. (2011) *Migratsiya v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskie aspekty* [Migration under globalization: socio-philosophical aspects]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
5. Metelev, I.S. (2010) *Fenomen migratsii (metodologiya analiza i zhiznennyi smysl)* [The phenomenon of migration (methodology of analysis and life meaning)]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of Russian State University of Trade and Economics.
6. Lüdemann, E. & Schwerdt, G. (2012) *Migration background and educational tracking*. Springer-Verlag. [Online] Available from: http://download.springer.com/static/pdf/318/art%253A10.1007%252Fs00148-012-0414-z.pdf?auth66=1386478054_ed44037922f476943bab2e3685a4eccf&ext=.pdf (Accessed: 17th May 2019).
7. Dyzhin, S.E. (2017) Social and philosophical analysis of the problem of migrant's national self-consciousness. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 12(86-2). pp. 82–85. (In Russian).
8. Smirnov, S.A. (n.d.) *Antropologiya perekhoda* [Anthropology of Transition]. [Online] Available from: <http://www.antropolog.ru/doc/persons/smirnov/smirnov2> (Accessed: 15th May 2019).
9. Centre for Multicultural Youth Issues. (2005) *Information sheet № 11 – Refugee and CLD Young people: definition*. Carlton, Victoria.
10. Perevedentsev, V.I. (1975) *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods for Studying the Population Migration]. Moscow: Nauka.
11. Glick Schiller, N., Basch, L. & Szanton Blanc, C. (1992) Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration. In: Glick Schiller, N. & Basch, C. (eds) *Toward a Transnational Perspective on Migration*. New York : New York Academy of Sciences. pp. 1–24.
12. International Organization for Migration. (2018) *World Migration Report 2017*. pp. 5.
13. Vykhoanets, O. (n.d.) *Migratsiya. Razvitie. Kharakteristiki. Problemy* [Migration. Development. Properties. Problems]. [Online] Available from: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a302.htm> (Accessed: 13th March 2019).
14. Varshney, D. & Lata, S. (2014) Female migration, Education and Occupational Development: a Geo-spatial Analysis of Asian countries. *Environment and Urbanization Asia*. 5(185). DOI: 10.1177/0975425314521549
15. Belot, M. & Ederveen, S. (2012) Cultural barriers in migration between OESD countries. *Journal of Popul Econ*. 25. pp. 1077–1105. DOI: 10.1007/s00148-011-0356-x
16. Patten, E. (2012) *Statistical portrait of the foreign-born population in the United States*. Washington, DC: Pew Hispanic Centre.

17. Germany. (n.d.) *Filosofiya i migratsiya* [Philosophy and Migration]. [Online] Available from: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/filosofia-i-migracia> (Accessed: 30th May 2019).
18. Piper, N. (2009) *Migration and social development*. United Nations Research Institute for Social Development, Social Policy and Development Programme Paper. 39.
19. Alisov, N.V. & Khorev, B.S. (2003) *Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiya mira (obshchiy obzor)* [Economic and social world geography]. Moscow: Gardariki.
20. Staroverov, V.I. (1975) *Sotsial'no-demograficheskie problemy derevni* [Socio-demographic problems of the village]. Moscow: Nauka.
21. Kurman, M.V. (1976) *Aktual'nye voprosy demografii* [Topical Questions of Demography]. Moscow: Statistika.
22. Kaufman, A.A. (1905) *Pereseleniya i kolonizatsiya* [Migration and Colonization]. St. Petersburg: Biblioteka Obshchestvennoy pol'zy.
23. Rybakovsky, L.L. (2001) *Migratsiya naseleniya. Tri stadii migratsionnogo protsessa (Ocherki teorii i metodov issledovaniya)* [Population migration. Three stages of migration (Essays of theory and research methods)]. Moscow: Nauka.
24. Shekikhacheva, N.I. (2005) [Theoretical and methodological foundations of the study of forced migration as a social process]. *Materialy XXXIV nauchno-tehnicheskoy konferentsii po rezul'tatam raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov za 2004 god* [Proceedings of the 34th scientific and technical conference on the results of the work of the faculty, graduate students and students for 2004]. Stavropol. [Online] Available from: <http://www.ncstu.ru> (Accessed: 15th May 2019).
25. Samofalova, E.I. (n.d.) *Obrazovatel'naya migratsiya: problemnoe pole i osnovnye kharakteristiki* [Educational migration: the problem field and basic characteristics]. [Online] Available from: <http://scipeople.ru/publication/69692/> (Accessed: 30th April 2019).
26. Echevskaya, O.G. (2012) *Akademicheskaya mobil'nost' i obrazovatel'nye migratsii v Sibiri: problemy i perspektivy* [Academic mobility and educational migration in Siberia: problems and prospects]. *Ekonomika. Voprosy shkol'nogo ekonomicheskogo obrazovaniya*. 3. pp. 3–10.
27. Khomra, A.U. (1979) *Migratsiya naseleniya: voprosy teorii, metodiki issledovaniya* [Population migration: problems of theory and methods of research]. Kyiv: Navuk. Dumka.
28. Sheregi, F.E., Dmitriev, M.N. & Arefiev, A.L. (2003) *Rossiya na mirovom rynke obrazovatel'nykh uslug* [Russia on the world market of educational services]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/097/analit03.php> (Accessed: 10th May 2019).

УДК 304.42; 331.101.4
DOI: 10.17223/1998863X/50/9

Е.В. Старикова

БРЕМЯ ТРУДА, ИЛИ КАК НЕ НАДО РАБОТАТЬ

На примере текстов А. Гастева анализируется связь между ранним советским проектом организации труда и включением интеллектуальных компетенций работника в организацию труда при капитализме. Показано, как антропологизация трудовой деятельности времен Центрального института труда – отношение к труду как к самореализации – приводит к интеграции жизни индивида с производственным процессом. Производство становится тотальным, в качестве иллюстрации рассматривается труд фрилансеров – современных работников, как правило, лишенных большинства социальных гарантий.

Ключевые слова: философия труда, постфордизм, А.К. Гастев, фрилансеры, ранняя советская школа управления.

Документальный фильм «Видеократия», снятый в 2009 г. Эриком Гандини [1], демонстрирует нам пошлость и безыскусность итальянского коммерческого телевидения. Один из героев этого искаженного мира пошлых шоу и плоских шуток – простой итальянский парень Рикардо. Рикардо работает на заводе, но мечтает стать звездой ТВ-шоу и поэтому в свободное время репетирует свой звездный образ: смесь Рики Мартина и Жан-Клода Ван Дама, некий танец-каратэ, что получается у него довольно нелепо, впрочем, вполне в духе того формата, в который ему так хочется попасть.

Здесь налицо пассивность героя перед телевизионным потоком, его неспособность активно и критически его воспринимать. Но если мы вспомним про Бодрийяровский анализ отношений с телевидением, а точнее, с телевизором, то нас уже не будет удивлять эта пассивность потребления потока без личной обработки. Потому что именно сама покупка данного предмета и является, согласно Ж. Бодрийяру, главным шагом во всей этой истории, тем шагом, который вызван общественным давлением и социальным принуждением и связан с социальным признанием. Если телевизор куплен, то он в качестве функционального предмета должен работать и его стоит смотреть, поскольку именно просмотр обеспечивает рентабельность данной покупки, причем смотреть именно систематически, неизбирательно [2].

Однако нас сейчас интересует не столько искажающий телевизионный фон и его наложение на итальянскую реальность, сколько отношение нашего героя, Рикардо, к труду, к его работе на заводе. В фильме есть несколько кадров трудового процесса, незамутненного грезами о телевизионной славе. Здесь Рикардо стоит у станка, занимается сваркой – в общем, казалось бы, перед нами иллюстрация классического отчужденного труда. «Труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности... Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя... У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя» [3. Т. 42. С. 90].

Здесь же в качестве иллюстрации можно вспомнить, например, известный документальный фильм Луи Маля «*Humain, trop humain*» [4], где он демонстрирует ежедневный рутинный механизированный труд работников автомобильного завода – классический пример власти машин над людьми и одновременно отсылка к бесчеловечному конвейеру заводов Форда. В подтверждение этому мы видим, что о своей работе на заводе Рикардо говорит неохотно – она для него неважна, непрестижна, не нравится девушкам. В качестве таковой (отчужденной, непопулярной, низкооплачиваемой, изматывающей) работа на заводе, среди механизмов, уже традиционно воспринимается как неизбежное зло, дань обществу, и поэтому человеку по возможности следует ее избегать и стремиться реализоваться в некоем идеализированном «творческом, неотчужденном труде». Именно поэтому Рикардо мечтает поменять рутинный механический труд на заводе на «свободный творческий труд» на телевидении, этой мечтой о «настоящей» жизни, в которой у него появится, наконец, и девушка (здесь мы видим и его отложенную на потом сексуальную жизнь), он и живет пока.

Но что-то здесь не так, здесь многое по-настоящему не на своем месте: ведь мы видим, как прекрасно лицо Рикардо в момент работы у станка! Вид Рикардо на заводе нам симпатичен более, чем Рикардо на кастинге в телевизионной студии: его скованные движения и нелепые кривляния в угоду воображаемой телеаудитории лишь оттеняют серьезность, стабильность, самодостаточность его рабочего места. Работа на заводе – о ужас! – имеет вид человекомерной, достойной человека работы.

Чем же хороша работа на заводе? Проиллюстрируем это статьей Леонида Бершидского, вышедшей на аналитическом ресурсе Bloomberg 25 сентября 2018 г., которая посвящена современному пролетариату – фрилансерам [5]. Статья вышла с красноречивым подзаголовком: «*The so-called “future of labor” looks like a relic from Marx’s time*» (Так называемое «будущее труда» выглядит реликтом времен Маркса). Речь в ней идет о проблемах труда фрилансеров.

These mostly educated people spend many hours filling out questionnaires for academic researchers, transcribing audio, even moderating content for social networks, which means watching violent videos or reading hate-filled posts all day. This is not the nicest work, and some of it can even have a lasting psychological impact, yet the “crowdworkers” live in a world without the basic worker protections guaranteed even to holders of most menial real-world jobs. Not only do they earn less than the minimum wage, they are not protected against non-payment. (Эти в большинстве своем образованные люди проводят много часов, заполняя анкеты для академических исследователей, расшифровывая аудио, даже модерлируя контент для социальных сетей, что означает просмотр жестоких видео или чтение заполненных ненавистью постов в течение всего дня. Это не самая приятная работа, и она может даже оказать длительное психологическое воздействие, при этом фрилансеры живут в мире без базовой защиты, гарантированной даже обладателям большинства «черных» рабочих мест в реальном мире. Они не только зарабатывают меньше минимальной заработной платы, но и не защищены от неуплаты.)

В этой статье мы сталкиваемся с описанием бесправности фрилансеров и отсутствия у них каких-либо социальных гарантий, в отличие от самых «за-

худалых» рабочих мест с гарантированным соцпакетом. Поэтому основной вопрос здесь звучит так: должно ли современное общество быть толерантным к работе, в которой не защищены права работника?

Данная статья хорошо иллюстрирует такой феномен, как постфордизм, – современную форму производства, основные отличительные черты которой в сравнении с фордизмом выделяет Паоло Вирно. Прежде всего он указывает на то, что исчезает разница между рабочим и нерабочим временем, возникает кризис общества труда, связанный с тем, что капитал в основе своей опирается уже на информацию и науку, а не на наемный труд. Так, в своей работе «Грамматика множества» Вирно говорит о всеохватывающем производственном процессе, который уже включает в себя существовавшие прежде вне его лингвистически-коммуникативные навыки и политику. «Когда наемный труд побуждает к самостоятельному действию, стимулирует способность к общению и открытость присутствию других, т.е. все то, что предыдущее поколение проживало внутри местных партийных ячеек, можно сказать, что некоторые отличительные черты человеческого животного, и прежде всего его способность иметь язык, обобщаются в капиталистическом производстве. Включение самого *антропогенеза* в способ действующего производства – событие из ряда вон выходящее» [6. С. 72].

Итак, с одной стороны, отчужденный труд – это труд, согласно Марксу, посягающий на сущность человека, но в классическую эпоху хотя бы вне этого труда у человека оставался регион бытия, который принадлежал только ему, а не капиталу (время отдыха и время общения); с другой стороны, как мы видим в практиках постфордизма, – сейчас производство уже ориентируется не столько на сам наемный труд, но включает в себя и те регионы бытия, которые традиционно существовали вне его – лингвистические и политические компетенции человека теперь являются основой новых организационных форм производства [7]. Такого рода отграничение рабочего времени от прочего времени жизни может быть стратегией сопротивления излишнему постфордистскому вовлечению и тотализации производства.

Однако вернемся ненадолго к нашему герою. Работа на заводе гарантирует Рикардо устойчивость его положения – ежемесячная заработная плата, социальные гарантии, она же обеспечивает ему *свободное время*, которое он тратит по своему усмотрению, и здесь уже неважно, насколько бездарно или талантливо он это делает. Так, Рикардо находит время для посещения разноплановых телешоу в качестве зрителя, для прохождения кастингов в телепроекты, для тренировок а-ля ниндзя, и наконец, для съемок в фильме «Видеократия». Именно работа на заводе гарантирует ему все его творческие экзерсисы. В отличие от Рикардо, работник современного «творческого производства» лишен такой роскоши, как свободное время, все его время является временем рабочим, временем, занятым на производстве. И следствием этого, как мы увидели в статье Бершидского, является то, что творческий труд при отсутствии стабильного рабочего места (фриланс) будет столь же отчужденным и не приносящим радости работнику, как труд на заводе времен Тейлора или Форда.

Капитализм – есть животное всеядное. Йоэль Регев характеризует это свойство так: «Способность капитализма интегрировать в себя противостоящие ему силы, превращая подрывающее в легитимирующее и обосновывающее, распространяется на этот раз на бунтарские движения конца шестидеся-

тых. Вот уже более тридцати лет как основой успеха всякого офисного менеджера является способность быть реалистом и требовать невозможного, а „Тысяча плато“ превращается в базисную модель бизнес-плана. В этом новом „проектно-ориентированном граде“ от работника требуется уже не умение исполнять одну и ту же задачу (как в предыдущем, фордистском типе оправдания капитализма); наоборот, залогом успешного функционирования является флексибельность, способность принимать участие в как можно большем количестве взаимно не связанных друг с другом проектов, ежесекундная готовность к перемещению в новые области и пространства» [8. С. 116–117].

Получается, что любой выпад против себя самого капитализм оборачивает себе на пользу (как это произошло недавно с уничтоженной сразу после продажи картиной Бэнкси), поэтому бессмысленно противостоять капитализму, но следует обеспечить себе устойчивость своего рабочего места и, что более важно, отграничить свое свободное, не поглощенное производством время. У Регева единственная фигура, способная к этому, способная в то же время обеспечить подключенность к реальности, но не производящая ничего нового, – это прокрастинатор [Там же. С. 121], но и это слабый выпад, скорее рефлексивный, чем продуктивный в плане социального взаимодействия.

Для того чтобы найти возможные ответы на такой захват со стороны производства, заглянем ненадолго в его историю. Каким образом произошла трансформация капитализма в новую форму? Какие изменения произошли в организации производства, что позволило включить в него интеллектуальные компетенции работников, а не просто организовывать их физический труд? Как труд перестал быть лишь частью жизни и как наша частная жизнь стала частью тотального производственного процесса?

Мне представляется, что особое влияние на формирование этой новой формы капитализма оказали, как бы это ни выглядело парадоксально, советские научные разработки, которые были созданы на базе Центрального института труда (ЦИТ) в 20-е гг. XX в. Они были инициированы одним из создателей ЦИТа Алексеем Капитоновичем Гастевым, которого мы знаем и как поэта, и как революционера, и как теоретика труда [9]. На базе ЦИТа разрабатывались методология и педагогика трудовой деятельности, а также осуществлялась трансформация идей американской школы научного управления, созданной Тейлором, – так появилась «научная организация труда» (НОТ). Если кратко обозначить основное отличие американской организации производства от ее советского преломления, НОТ основана на принципах самоорганизации – каждый работник здесь должен быть работником интеллектуальным, а не просто последовательным исполнителем [10]. Именно на базе такой трактовки труда возникает такой значимый феномен, как производственное искусство, в котором творчество уже не самостоятельный процесс – оно теперь прочно связано с реализацией всего жизненного трудового проекта и поэтому оказывается частью производства. «Если общество преодолело социальные противоречия, связанные с классовой борьбой и неравенством, то это означает, что художник как отдельная профессия начинает постепенно исчезать, уступая место инженеру – будь то инженер на производстве или же инженер социальных интеракций» [11. С. 26].

Для Гастева как выразителя идей своего времени и инженер, и социальный «инженеризм» были крайне важными понятиями. Пафос этих преобразо-

ваний, конечно, в высшей мере гуманистический, но, как ни странно, приведет он не только к началу реализации коммунистического проекта, но главным образом – к трансформации масштабов и способа эксплуатации работника внутри капиталистического производства.

Рассмотрим подробнее, каким образом коммунистический проект трудовой деятельности, разрабатываемый ЦИТ, и преимущественно Гастевым, осуществляет эту фатальную трансформацию. Мы будем рассматривать в основном те тексты Гастева, которые представлены в книге «Как надо работать» [12] (отметим, что в целом работы Гастева вообще мало исследованы в российском научном контексте, хотя, безусловно, этого заслуживают) [13]. Здесь остановимся на двух принципиальных моментах – *формировании трудовой культуры и антропологизации трудовой деятельности*.

Формирование трудовой культуры

Гастев напоминает нам о том, что на работе мы проводим лучшую часть жизни. Но это вовсе не означает необходимости смещаться в сферу творчества и избегать всякой обусловленности, чтобы наполнить жизнь смыслом. Это означает «включить голову», или, как у Регева, «включить свет [прояснения]»¹ – нужно сделать работу сознательной. Вот, например, первое из 16 основных правил труда по Гастеву: «Прежде чем браться за работу, надо всю ее продумать, продумать так, чтобы в голове окончательно сложились модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов. Если все до конца продумать нельзя, то продумать главные вехи, а первые части работ продумать досконально» [12. С. 33]. Итак, здесь работник не просто пассивный участник трудового процесса, но он со-участник, со-организатор всего процесса труда. Далее правила НОТ говорят о порядке на рабочем месте, спокойном, плавном вхождении в работу, удобном положении тела, обязательном отдыхе и психологической ловушке успеха. То есть речь всегда идет, несмотря на общий, универсальный характер правил, о конкретном работнике и конкретной работе – той работе, которую ты как работник всегда будешь выполнять осознанно, инициативно и внимательно. Здесь универсальность оборачивается индивидуальной персонализацией данных правил. Работник должен быть включен в трудовой процесс именно потому, что работа – это лучшая часть его жизни и было бы слишком расточительно прожить эту лучшую часть с «выключенным светом». Как раз переосмысление труда внутри ранней советской школы управления позволяет обозначить труд (а речь шла преимущественно о физическом труде) не как отчужденный, но как человекомерный и способствующий творческому раскрытию человеческого потенциала, но не в абстрактном воодушевлении, а в ежедневной упорной работе. По сути дела, коммунистический труд представляет собой с этой точки зрения обратную переработку отчуждения, вымысливание и вчувствование себя в мир посредством осознанного труда. Можно сказать, что постфордизм родился из преодоления отчуждения и как реакция на коммунистический проект осознанного труда.

¹ В этой связи интересно отметить, что особое внимание Гастев уделяет необходимости электрификации всей страны, которую он, можно сказать, понимает в смысле, близком к маклюэновскому расширению человека – в связке технологий с биологией, что способствует созданию нового типа человека, «человека-монтера».

Речь в идеологии ЦИТ идет о целой *культуре труда*, осознанного труда, которая связана прежде всего с настойчивостью и усилиями, – она, по мнению Гастева, необходима, чтобы соответствовать инженерному духу эпохи. Вот некоторые составляющие трудовой культуры, которые, согласно его «трудовым установкам», необходимо в себе воспитывать: *острая наблюдательность, любовь к трудовым орудиям, школа трудовых движений, искусство работать с наименьшей затратой силы, экономные движения в пространстве*. Здесь очевиден аспект антропологизации и соматизации труда, т.е. труд – это не просто социально обусловленное и потому насильственное по отношению к человеку действие, но он глубинно связан со становлением человека, расширением возможностей его тела; не случайно человек здесь самоопределяется прежде всего изнутри сферы своей деятельности, он важен самому себе в качестве активно действующего профессионала, и только затем этот профессионал уже годен для всего общества.

Сформированная культура труда должна преодолеть отношение к трудовой деятельности как к деятельности, навязанной извне некими вынуждающими обстоятельствами, – социальное принуждение, и как к деятельности, инспирированной неким азартом и воодушевлением, так как эти состояния быстро проходят, следовательно, истощают силы, а с ними и интерес к работе. Современный культурный человек, согласно Гастеву, должен уметь заставить себя работать сам, причем делать это ежедневно, согласно производственному графику. В этом директор ЦИТа видит более высокий уровень развития человека и общества в целом. Творческий труд не значит только «творческий», но и труд, аскетику и усилие, само творчество в труде уже мыслится как планомерный процесс. Эта установка затем переходит и в технологию ТРИЗ Генриха Альтшуллера. Гастев так характеризует эту сознательную установку в труде: «Только дикарь или только ребенок может проявлять непосредственный интерес при работе или при игре. Для культурного человека не может быть интересен каждый атом его работы. Надо приучаться работать тогда, когда не хочется, тренироваться тогда, когда „нет настроения“» [12. С. 57].

Для столь масштабной цели был сформирован целый институт – Центральный институт труда, в котором задача формирования трудовой культуры преломлялась и в теоретических, и в практических исследованиях. Здесь, конечно, всегда необходимо иметь в виду исторический контекст: молодое советское государство было и послевоенным, и послереволюционным, что не могло не отразиться на стилистике работ Гастева – многие его тексты носят агитационный, пропагандистский и полемический характер, поскольку их содержание следовало донести до широких народных масс. Задача была – сагитировать к самой работе, объяснить, как надо работать, и сформировать трудовую культуру, снять примитивное отношение к труду. Эту сложнейшую задачу – формирования нового трудового мировоззрения, ориентированного на инициативный и ответственный труд, – решали всеми силами ЦИТа.

«В предчувствии этого нового мира мы создаем в Москве Центральный институт труда, который хочет одновременно с технической проблемой электрификации России энергетизировать человека. Здесь далеко не то, о чем говорил Тэйлор; он разрешал лишь или технологическую, или административ-

но-организационную проблему. Мы же хотим биться за новую культуру, которая была бы достойна грядущей электрификации» [12. С. 53].

Трудовая культура, таким образом, представляет собой не только принципиально новый подход к трудовой деятельности, но и существенное преобразование самого человека труда, которое оказывается возможным за счет включения в производство и телесных, и интеллектуальных способностей человека.

Антропологизация трудовой деятельности

Концептуализация труда у Гастева связана не столько с необходимостью увеличивать производительность (хотя, конечно, это был важный аспект, поскольку страну следовало восстановить после ряда исторических потрясений), сколько с конкретной жизнью конкретного работника, включающегося в процесс труда. Все отношения и вся коммуникация здесь сугубо персональны и требуют развития определенных индивидуальных навыков, таких как наблюдательность и культура движений. Именно поэтому в работах Гастева актуализируется главным образом антропологическое видение трудового процесса: труд понимается как важная составляющая жизни каждого человека. Труд и есть подключение (согласно Марксу) индивида к целому обществу.

Антропологические аспекты трудовой деятельности у Гастева проявляются во внимании к предметам и орудиям труда, ведь одной из важнейших составляющих новой трудовой культуры является наблюдательность. Здесь речь идет о воспитании особой новой чувственности, направленной на привычные вещи.

«Наблюдательность мы считаем шагом к жизненному анализу. Только тот человек может серьезно анализировать действительность, точно раскалывать ее на определенные отдельные звенья, кто привык точно наблюдать, быстро фиксировать свое внимание, развязывать своим наблюдением отдельные связанные вещи» [Там же. С. 96]. Такой навык, как наблюдательность, тем самым способствует раскрытию организационного потенциала работника. Что же это за вещи, наблюдать за которыми предлагает Гастев? Это те предметы, с которыми работник взаимодействует в трудовом процессе. «Что угодно: заводской резец, сверло, топор, молоток, лопата, карандаш, цеп, удило, – все это надо признать нашим человеческим сокровищем. Культура орудия шла веками и тысячелетиями, ее создавала стихийная инерция всего человечества. В наше время необходимо изучать какой-нибудь плотницкий топор так же, как биологи изучают кровь, как физики – закон магнетизма» [Там же. С. 44].

Здесь интересным представляется отметить, что антропологический поворот в трудовой деятельности с необходимостью предполагает овеществление человека, человек раскрывается через взаимодействие с вещами и только через вещи. Как справедливо замечает Бруно Латур, «стоит положить глаз на твердые и неизменные вещи, и они становятся мягкими, гибкими, человеческими. Обрати взгляд на людей – и наблюдай, как они превращаются в электрические цепи, автоматические устройства, программный код» [14. С. 169]. Любовь к трудовым орудиям у Гастева и «фиксированное внимание» на любой цели, даже такой, как простой плотницкий топор, – это словно живые

иллюстрации к цитате из статьи. Наблюдательность и активизация вещей – орудий труда и строгие требования к самому работнику (живой машине) – необходимость работать мерно, методично, машиноподобно. Но это и хорошо! В этом уже нет марксовской отчужденности труда, когда работник делается частью бездушного механизма, например станка, потому что здесь всегда присутствует момент включенности в работу, самодисциплины, самоорганизации, самоответственности пусть за небольшой, даже за минимальный, трудовой регион. Вещи более антропоморфны, чем сам человек; человек есть вещь, трудовая единица, но это его сознательный выбор – быть вещеподобным, активировать вещи и, значит, быть частью трудового процесса.

Трудовая культура в работах Гастева обязательным образом связана с определенной телесной культурой и дисциплиной тела. Это прежде всего двигательная культура, т.е. умение двигаться определенным образом – экономно, без лишних движений, – причем это должно быть характерно не только для трудовых процессов, но и для повседневных практик. Умение двигаться экономно является частью воспитательного процесса нового советского человека. Двигательная культура обязательным образом включает в себя физические упражнения и работу с дыханием – все это на регулярной ежедневной основе.

«Утром – гимнастика для определенного заряда на день. Вечерняя гимнастика для определенного успокоения и устранения тех неудобств, которые получились в организме. Гимнастика – это в то же время и моральное воспитание человека: храброго, решительного, хорошо дышащего, всегда готового к самому реальному действию» [12. С. 100]. Уже на базе этих ежедневных упражнений формируется и культура трудовых движений – *удар, нажим, перенос и подъем тяжестей*.

Практики телесного совершенствования включают в себя также режим дня, хороший сон, жевательную культуру, ежедневный уход за телом – это те моменты, которые большинством, как правило, вообще не проблематизируются и нивелируются как незначимые.

Так, режим дня является важнейшим для трудовой культуры моментом – именно поэтому Гастев фактически закладывает основы для такой современной дисциплины, как тайм-менеджмент (по сути, любой тайм-менеджмент связан с самоменеджментом). Необходимость учета времени позиционируется как одна из главных задач для человека, с этой целью Гастев разрабатывает «хронокарты» для индивидуального учета времени и рекомендует использовать их как минимум каждые полчаса (но лучше – чаще) с целью анализа затрат времени – этого ценнейшего ресурса. Именно «фотография рабочего дня», полученная благодаря хронокарте, позволяет трудящемуся стать «инженером собственного времени».

Итак, внимание к трудовым орудиям, дисциплина тела на повседневной основе и внутри трудовых процессов и управлением временем – вот те основные аспекты трудовой деятельности, которые мы можем обозначить именно как антропологические, так как они связаны с саморазвитием человека.

Марксизм оказывается ближе к пониманию человека, к антропологии, чем к социологии и социальной философии, поскольку именно Маркс сформулировал понятие отчужденного труда, связанного с принуждением и потому разрушительного для человека. Но в противоположность ему должен воз-

обладать труд добровольный, являющийся следствием потребности самого человека в труде и развивающий его «физическую и духовную энергию». Именно на такой труд свободного инициативного человека ориентируется ранняя советская школа управления – научная организация труда. В своей книге «Миссия пролетариата» философ А. Секацкий справедливо отмечает, что труд внутри коммунистического проекта уже обусловлен не извне, но изнутри потребности самого человека в самореализации. «Свободный труд, он же, если угодно, коммунистический труд, он же, если угодно, и сам коммунизм, совсем не обязательно должен быть самым производительным. У него другие параметры и другие задачи. То, что прежде было эпифеноменом (воспроизводство рабочей силы), ставится в качестве свободно избранной цели такого труда. Или, лучше сказать праксиса. При этом труд ближе всего оказывается к идее самореализации, но опять же не в протестантском смысле, не как преумножение и подтверждение наличного (наличной индивидуальной избранности), а как некое первоположение сущего, включающее в себя и правоположение, и даже коррекцию законов природы, прежде всего человеческой природы» [15. С. 94].

Благодаря НОТ оказывается, что труд неотчужденный возможен только как творческий труд, поскольку он всегда уже есть наш индивидуальный проект, связанный с самоопределением себя как человека. В этом смысле помимо трудовой деятельности нет никакого творчества, равно как и наоборот – всякое творчество есть непрерывный тяжелый труд. «Большая цель достижения лишь большим трудом. И отличие гениев, выбравших гигантские цели, от негениев как раз и состоит в умении вкладывать гигантские усилия» [16. С. 66]. Именно такой подход к творчеству отчетливо сформировался впоследствии (1960–1970-е гг.) внутри методик ТРИЗа. Так, для Альтшуллера творчество (а это, как мы помним, «точная наука») было поставлено на конвейер решения конкретных производственных задач с целью устранения существующих там противоречий.

Возвратимся снова к герою «Видеократии» Рикардо – что делает его несчастным? Как раз желание избежать всякого труда – ведь он не стремится в чем-то реализоваться (для этого нужно прикладывать усилия), он хочет стать известным и *не работать* – является желанием паразитарным, ложным, не связанным с проектом самореализации. Вполне возможно, что не будь он отравлен ядом телевидения, он бы смотрел во все глаза – и сделал бы интересную карьеру на своем заводе.

Однако снова что-то не так! – ведь таким образом мы могли бы обозначить проблему и ее решение внутри коммунистического трудового проекта. Но мы понимаем, что все уже не так просто (*мир изменился?*): осознанная включенность в работу и самореализация уже не делают человека счастливым, что понятно на примере с трудом фрилансеров.

Да, мир со времен Тейлора и Форда существенным образом изменился. И оказалось, что коммунистический проект с его гуманным посылом в организации труда, его вниманием к человеку оказался апроприирован внутри капитализма. Теперь уже старая добрая форма эксплуатации оказывается не столь бесчеловечной, как новая, которая становится все глубже и всеохватнее. Механистическое производство как триумф нечеловеческого отношения к человеку, несмотря на всю обрушившуюся на него критику, все же, как ни

парадоксально, оставляло человеку его человечность, отграничивая ее за пределами самого времени производственного процесса. Современное же производство, то, что может быть обозначено термином «постфордизм», стало настолько всеобъемлющим и тотальным, что жизнь конкретного индивида оказывается лишь частным случаем производственного процесса с периодами отдыха и труда. Сюда же можно отнести и различные сценарии потребления отдыха: планирование, туры «все включено» или же, напротив, – «выключись» из мира графиков и расписаний, – все это уже тотализовано временем производства. Иными словами, у человека уже не остается некой ниши, в которой он мог бы быть свободен от производства. Или, снова обращаясь к комментариям Вирно, «частные места» уже не столь актуальны, как прежде, гораздо важнее «общие места».

«Группа болельщиков, религиозная община, партийная ячейка, место работы – все эти „места“, конечно, продолжают существовать, но ни одно из них не является достаточно характерным и характеризующим, чтобы предоставить нам „розу ветров“, или критерий для ориентации, надежный компас, набор определенных привычек, определенных способов говорения / думания. Повсюду, при любых обстоятельствах мы говорим / думаем одинаковым образом, базируясь на фундаментальных и в то же время самых общих логико-лингвистических конструкциях. Этико-риторическая топография исчезает» [6. С. 30].

Немалую роль в этом преобразовании мира сыграла именно советская школа управления, которая с необходимостью включала в производственный процесс все человеческие способности, т.е. изначально предполагала, что *поскольку человек реализуется только на работе, он должен преобразовать трудовой процесс в жизненный проект и использовать для этого все свои навыки, не только трудовые, но и телесные и интеллектуальные*. Интеллектуальные (самосознательные) работники возникли внутри советского производства именно как необходимое следствие критики производства Тейлора и Форда, где работники ценились только за физическую силу и готовность следовать указаниям менеджера. То есть уже изначально советская модель управления была ближе к современному производству, нежели модель фордистская. Именно поэтому тексты Гастева, несмотря на всю спорную с сегодняшней точки зрения риторику, выглядят вполне современными.

Современное производство основано на знании и информации, что и делает этот проект тотальным. От механического производства мы совершили скачок к технологиям, которые, как мы знаем еще со времен Маклюэна, способствуют главным образом расширению человека, т.е. использованию его во всей полноте. Такого рода расширение, по сути, и является требованием перехода от человека как частного случая к человеку универсальному, который отныне всегда является частью общего [производства].

Теперь трудовое место Рикардо на заводе обесценено за счет этого нового требования современного производства – быть максимально в него включенным, но зато оно пока еще оставляет ему свободное время, его «частное место», где проявляются его человеческие усилия. Рикардо презирует свой труд на заводе, но именно этот труд его и освобождает. Он не понимает, где и в чем проявляется его свобода как человека – а она проявляется именно в

наличии у него времени, свободного от производства – в отграничивании частной жизни.

Почему нам нравится Рикардо, работающий за станком? Здесь перед нами визуально зафиксированная ностальгия по «детству» капитализма, когда включенность в производство была для человека только частью времени жизни. Работа на заводе именно поэтому и кажется нам человекомерной, поскольку она не является всеобъемлющей, она лишь частично потребляет для себя человеческое, которое здесь всегда избыточно. Работа на заводе оставляет место для самого человека – как мы видим теперь, из дальнейшего развития производства. Но в то же время, нам не надо забывать, что *и это лишь форма ностальгии* – наше регрессивное стремление сгладить все противоречия и укорениться в настоящем.

Мир изменился и изменится еще – вот ускользающее, шаткое основание для человека. Но именно потому все рецепции человека внутри коммунистического проекта и являются конфликтными по отношению к самому человеку – все дело в устойчивом основании. Только труд как сущностный проект, устойчивая основа для самореализации все еще воссоздает старый сценарий эксплуатации.

Но не только труд делает человека человеком. Обязательный постоянный пересмотр своих оснований как вариант новой нормы (ингуманизм Негарестани [17]), возможно, еще способен на это.

Литература

1. *Видеократия*: о фильме. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/470999/> (дата обращения: 20.11.2018).
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Академический проект, 2007. 335 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит., 1974.
4. *Человечно, слишком человечно*: о фильме. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/33802/> (дата обращения: 20.11.2018).
5. Bershidsky L. Gig-Economy Workers Are the Modern Proletariat. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-09-25/gig-economy-workers-are-last-of-marx-s-oppressed-proletarians> (дата обращения: 12.11.2018).
6. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.
7. Старикова Е.В. Жизнь как часть производственного процесса: некоторые следствия постфордизма // Проблемы управления рыночной экономикой : межрегион. сб. науч. тр. Томск : Изд-во ТПУ, 2015. Т. 1. С. 47–49.
8. Реgev Й. Невозможное и совпадение. Пермь : HylePress, 2016. 146 с.
9. Гастев Алексей Капитонович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гастев,_Алексей_Капитонович (дата обращения: 10.12.2018).
10. Богданов А.А. Между человеком и машиной (о системе Тэйлора). СПб. : Прибой, 1913.
11. Жилев А. Авангардная музеология. К истории одного пилотажного эксперимента // Авангардная музеология. М. : V-A-C press, 2015. С.15–45.
12. Гастев А.К. Как надо работать. М. : Экономика, 1972. 478 с.
13. Старикова Е.В., Преображенский Г.М. Поэзия «прозы труда»: научная организация труда А.К. Гастева и ее место в контексте современной теории управления // Вестник науки Сибири. 2018. № 3 (30). С. 83–93.
14. Латур Б. Берлинский ключ // Логос. 2017. № 2 (117).
15. Секацкий А.К. Миссия пролетариата. СПб. : Лимбус Пресс, 2016. 496 с.
16. Альтиуслер Г.С. Как стать гением. Минск, 1994.
17. Негарестани Р. Мертвая невеста. URL: <https://syg.ma/@yana-volkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta> (дата обращения: 15.12.2018).

Ekaterina V. Starikova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: katstr00@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 88–100.

DOI: 10.17223/1998863X/50/9

THE BURDEN OF LABOR, OR HOW NOT TO WORK

Keywords: work philosophy; post-Fordism; Aleksei Gastev; freelancers; early Soviet school of management.

The reason for writing the article is watching the movie *Videocracy*, in which the Italian guy Ricardo wants to work in a TV show and despises his work at the factory. Moreover, in the film, it is the work at the plant that is shown as suitable and meaningful, as opposed to the television show conveyor. The author of the article aims to clarify why alienated labor in a factory seemed to be better than creative work on television. Modern creative work is not such a pleasant activity as the hero of the film dreams of. As an example, the article presents the work of freelancers – modern workers, deprived of any social guarantees and not insured against non-payment. The question is posed of how intellectual work, which has always been thought of as unalienated, creative and conducive to development, turned into a new version of total exploitation. For a possible answer to this difficult question, the author appeals to the early Soviet school of management, especially to Aleksei Gastev and his works on the organization of labor. It is believed that, unlike Taylor and Ford, it was the Soviet school that humanized the work, that is, made it a fundamental project in human life. And indeed it is. Labor in the context of Gastev's works is supposed to be an initiative and conscious process that allows labor operations to be carried out consciously rather than mechanically. The article examines in detail the concept of "labor culture", the creation of which Gastev pays special attention to. In addition, the main points are highlighted on which the anthropologization of labor activity within the Soviet school of management is based: body culture and body discipline, attention to labor tools, time management. However, what should have relieved the worker's fate will eventually turn into a new burden: for example, capitalism adapts to use self-criticism to its advantage, and now the employee needs not only the ability to work mechanically, machine-like, but to work like a human being, it means to use all his/her competencies at work. Thereby, all the time becomes working time, because the worker thinks about work even during non-working hours. Gastev turns out to be a very modern author because in part he was the one who invented this modernity. In the article, besides the texts of Gastev, the texts of Paulo Virno, Yoel Regev, Bruno Latour and Reza Negarestani are used. Labor as the last essential project can be overcome, since not only labor makes a person human. Labor at the plant, which seems to be humane, is only a form of nostalgia for the time when work was not total; therefore, there is no way back. The conclusion is made about further research, for example, on the texts of Negarestani, especially in connection with his Inhumanism project as a constant revision of anthropological grounds.

References

1. Kinopoisk.ru. (n.d.) *Videokratiya* [Videocracy]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/470999/> (Accessed: 20th November 2018).
2. Baudrillard, J. (2007) *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Toward a Critique of the Political Economy of the Sign]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii Proekt.
3. Marx, K. & Engels, F. (1974) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
4. Kinopoisk.ru. (n.d.) *Chelovechno, slishkom chelovechno* [Humain, trop humain]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/33802/> (Accessed: 20th November 2018).
5. Bershidsky, L. (2018) *Gig-Economy Workers Are the Modern Proletariat* [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-09-25/gig-economy-workers-are-last-of-marx-s-oppressed-proletarians> (Accessed: 12th November 2018).
6. Virno, P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni* [A Grammar of the Multitude. For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Translated from Italian. Moscow: Ad Marginem Press.
7. Starikova, E.V. (2015) *Zhizn' kak chast' proizvodstvennogo protsessa: nekotorye sledstviya postfordizma* [Life as part of the production process: some consequences of postfordism]. In: Nikulina, I.E., Derevyanchenko, S.S. & Tukhvatullina, L.R. (eds) *Problemy upravleniya rynochnoy ekonomikoy* [Problems of market economy management]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 47–49.

8. Regev, Y. (2016) *Nevozmoznoe i sovpadenie* [Impossible and coincidence]. Perm: HylePress.
9. Wikipedia.org. (n.d.) *Gastev Aleksey Kapitonovich*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gastev,_Aleksey_Kapitonovich (Accessed: 10th December 2018).
10. Bogdanov, A.A. (1913) *Mezhdru chelovekom i mashinoyu (O sisteme Teylora)* [Between Man and Machine (About Taylor's System)]. St. Petersburg: Priboy.
11. Zhilyaev, A. (2015) Avangardnaya muzeologiya. K istorii odnogo pilotazhnogo eksperimenta [Avant-garde museology. To the history of one flight experiment]. In: Zhilyaev, A. (ed.) *Avangardnaya muzeologiya* [Avant-garde museology]. Moscow: V-A-C press. pp. 15–45.
12. Gastev, A.K. (1972) *Kak nado rabotat'* [How to work]. Moscow: Ekonomika.
13. Starikova, E.V. & Preobrazhensky, G.M. (2018) Poeziya “prozy truda”: nauchnaya organizatsiya truda A.K. Gasteva i ee mesto v kontekste sovremennoy teorii upravleniya [The poetry of “prose of labour”: the scientific organization of labour by A.K. Gastev and its place in the context of the modern theory of management]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 3(30). pp. 83–93.
14. Latour, B. (2017) The Berlin Key, or How to Do Words with Things. *Logos – The Logos Journal*. 2(117).
15. Sekatsky, A.K. (2016) *Missiya proletariat* [Mission of the Proletariat]. St. Petersburg: Limbus Press.
16. Altshuller, G.S. & Vertkin, I.M. (1994) *Kak stat' geniem* [How to become a genius]. Minsk: Belarus.
17. Negarestani, R. (n.d.) *Mertvaya nevesta* [The Dead Bride]. [Online] Available from: <https://syg.ma/@yana-volkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta> (Accessed: 15th December 2018).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/50/10

С.А. Гашков

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО КОНЦЕПТА НЕОБХОДИМОСТИ: ОТ ФУКО ДО МЕЙЯСУ. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Смысл интертекстуального анализа философского концепта необходимости мы видим не просто в более точном раскрытии творчества анализируемых нами современных философов (французов Мишеля Фуко, Франсиса Вольффа, Квентина Мейясу и американца Хилари Патнema), критиковавших и развивавших положения друг друга, а в том, чтобы показать, что философия в наши дни продолжает существовать через оспаривание и опровержение устоявшихся мнений о «конце субъекта» или «конце метафизики», «эпохе постмодерна» или «постструктурализме». В этом состоит, по нашему мнению, необходимость самой философии, ради доказательства которой мы и предприняли это исследование.

Ключевые слова: концепция необходимости, М. Фуко, Х. Патнем, Фр. Вольфф, К. Мейясу.

Введение

Вопрос об исторической необходимости может быть истолкован как вопрос общественно-политический, но мы видим в этом противоречие: философия теряет границу, отличающую ее от мировоззрения. Поэтому вопрос об исторической необходимости может быть истолкован как вопрос о философии вообще, так как философия представляет собой радикальное вопрошание о смысле бытия, истории, знании в целом, а также о знании и понимании собственной истории. В этом смысле вопрос об исторической необходимости есть вопрос о возможности возрождения философии: философия проходит через этапы скептицизма, критицизма, системности. В истории философии принято противопоставлять философию классическую – постклассической, аналитическую – континентальной и т.д.

При этом вопрос о том, как понимать отдельный философский акт, каждое «я мыслю», может войти в противоречие со стремлением научным образом систематизировать философскую мысль. Также возникает законный вопрос: если современная философия не представляет собой ничего, кроме истории мнений философов прошлого, игнорирует всякую живую мысль и ставит под сомнение ценность всякого рассуждения, то какой смысл имеет такая философия? В этом отношении вопрос о необходимости есть, по сути, не вопрос о сущности истории, а вопрос о том, каким образом философская мысль существует и может быть помыслена «по ту сторону» собственной категоризации и систематизации.

Итак, «принцип необходимости», с нашей точки зрения, состоит прежде всего в возможности постановки философских вопросов, которые мы способны мыслить и формулировать, не прибегая к двусмысленным мыслительным образам, подобным «концу субъекта» или «завершению метафизики», «постмодернизму», «постструктурализму» или «иррационализму». Кроме того, мы никогда не должны забывать о вопросе необходимости, как он ставится в гуманитарных науках, особенно в истории.

В нашей работе мы попытаемся применить методы текстуального и *интертекстуального* анализа: нас интересует не только мысль одного автора, но и то, как эта мысль была развита, интерпретирована, подхвачена другим философом, который на нее опирается. Таким образом, мы показываем эволюцию концепта на основании обсуждения его одним философом, рефлектирующим над положениями другого. На основании такого анализа мы хотим представить парадигму эволюции философского концепта необходимости.

Мишель Фуко и Хилари Патнем: необходимость истории

Радикальную попытку помыслить *контингентность* всякого знания предпринимает, на наш взгляд, Мишель Фуко в своей «археологии». Он предполагает, что характер знания определенной эпохи определяется «историческим априори» этой эпохи, а не *необходимостью* точных знаний и общественных практик, как это считает история науки. «Археологическая» эпистемология Фуко выступает одновременно и как «превращенная» феноменология, и как кантовская критика, и как ответ (или критика) гегелевской «Феноменологии духа».

Что нас заставляет подумать о необходимости, если мы говорим о Фуко? Конечно, речь должна идти, прежде всего, об «универсальном матезисе», т.е. о «классической теории знака» Фуко, в которой, как это ни странно, Фуко не находит места ни проблеме сознания, ни проблеме мира, ни проблеме воли, ни проблеме протяженности, оставляя все наследие рационализма и эмпиризма «на откуп» представления и порядка. Собственно говоря, то, что Фуко называет «непрерывностью» и «порядком», и является тем, что мы называем здесь «необходимостью».

В отличие от традиционного истолкования «классической эпохи» как открытия рационального начала (которое Гегель сравнивал с открытием морями твердой земли посреди океана), Фуко утверждает, что «классические» логика, онтология и философская рефлексия XVII в. являются следствием изменений эпистемы, в которой мысль «столкнулась» (по словам Фуко) с универсальным *матезисом*, преследуя собственные задачи. «Основная проблема классического мышления, – пишет Фуко, касалась отношений между именем и порядком: открыть номенклатуру, которая была бы таксономией, или же установить систему знаков, которая была бы прозрачной для непрерывности бытия» [1. С. 235]. Иными словами, указывает Фуко в «Словах и вещах», проблема квазиэссенциалистской необходимости во всем сущем, а следовательно, *математизации* всего знания не является исходной задачей философской классики, а только следствием эпистемической («исторической») *контингентности*.

Итак, феномен *математизируемости* сущего как объективности протяженной субстанции и *операциональности* сознания как субъективности мыс-

лящей субстанции – не причина, а следствие. В этом смысле рациональная необходимость не есть единственно возможная. Из такого тезиса, если принять его всерьез, можно сделать далеко идущие выводы, поэтому Фуко часто подвергался справедливой критике.

Например, американский философ Х. Патнем посвящает основательному анализу археологии Фуко часть своей книги «История и разум». Патнем спрашивает, опираясь на рассуждения Фуко, какова природа суждений о рациональности в истории [2]? Он отмечает, что Фуко является автором многочисленных сочинений, в которых выступает последовательным «релятивистом». В этом смысле, как утверждает Патнем, все практики и «идеологии» (термин Патнема), по Фуко, относительно культуры.

Правдивость и точность эрудиции Фуко относительно исторических фактов, отмечает Патнем, подвергаются сомнению. Из всех произведений Фуко Патнем выбирает «Рождение клиники». Он пишет: «Фуко показал, что „клиника“, т.е. больница и связанные с ней медицинские заведения, представляет собой отражение подъема определенной идеологии относительно болезни и здоровья, а также роста знания и научной техники. Эта идеология, в свою очередь, была связана с более широкими идеологическими изменениями, и в частности с ростом индивидуализма в XVII веке» [Там же. С. 202]. В этом смысле, заключает философ, читатель делает из чтения Фуко вывод: клиника не является самым лучшим способом лечения больных. Продолжая эту мысль, можно сказать, что реальных альтернатив тюрьмам, больницам или дисциплине Фуко нигде не предлагает, фокусируясь на отождествлении их исторической относительности и рациональной несостоятельности.

Патнем стремится не дать нам здесь полный анализ произведений Фуко, а поставить Фуко и читателям встречный вопрос: если возможно «релятивировать» всякое современное суждение о рациональности и об истине, объявив его историю в целом нерациональной и зависящей от ряда субъективных факторов, возможно ли считать поэтому, что истина и разум в истории не существуют как таковые [Там же]? В этом смысле мы можем спросить себя вместе с Патнемом, как получается так, что мы считаем нечто исторически рациональным? «В идеологических дискуссиях невозможно занять объективную позицию», – такой вывод Патнем делает из своего анализа релятивизма Фуко [Там же]. Не секрет, что в истории (как и в этике) существуют моменты, вызывающие ожесточенные споры, которые трудно свести к вопросам вкуса. Суждения участников этих споров и всех размышляющих на подобные темы вряд ли могут быть, как отмечает Патнем, приведены в сравнение с суждениями типа «Джон любит ваниль, а Смит любит шоколад».

Иными словами, Патнем подводит нас к такому общему выводу, что как бы ни «констеллировалась» («констелляция» – термин Фуко) контингентная «эпистема», реальный объективный мир существует, и наши представления о нем носят структурированный характер. Более того, наши представления о мире и рациональности необходимым образом связаны, по Патнему, с историей: мы не можем знать, считали ли, например, древние греки золотом то же, что и мы, до открытия химических элементов. В то значение, которое мы связываем сегодня с золотом, необходимо входит представление о химии.

Фуко убедительно показывает, что необходимость в истории находится в прямом противоречии с детерминирующим «натурализмом»: событие мира

мысли не является следствием или, наоборот, естественной причиной исторического события. Патнем же делает вывод, что необходимость обнаруживает свое присутствие в истории тогда, когда мы начинаем сомневаться в универсальной применимости «идеологического релятивизма», признавая при этом структурированность рациональной истины.

Франсис Вольфф и Квентин Мейясу: необходимость субъекта

То, что объединяет между собой Фуко и Патнема здесь, – это присутствие необходимости истории, т.е. и тот и другой понимают рациональность высказывания или значения на основании его исторического содержания. То, что кажется нам противоречивым в подходе как Фуко, так и Патнема, – это их отказ от признания необходимости структурированной корреляции субъекта и внешнего мира. Идею о необходимой корреляции сознания и языка, мышления и познания развивают, в частности, французские философы Фр. Вольфф и К. Мейясу.

Итак, то, что мы называем «необходимостью», Мейясу определяет как присутствие математических свойств в «данных нам эмпирически» объектах. Таким образом, все, что мы знаем о мире объективного, – *математизируемо*, является неоспоримым достижением классического философствования, причем в обращении к этому достижению различия между кантианством, феноменологией и аналитической философией оказываются вторичными. Ссылаясь на труд Вольффа «Говорить мир», Мейясу пишет: «Сознание и язык были двумя основными „средами“ корреляции в 20-м веке, обуславливая соответственно феноменологию и различные течения аналитической философии» [3. С. 13]¹. Таким образом, философы оспаривают, с одной стороны, идущий от кантианства тезис о том, что необходимость является категорией рассудка, с другой – объективистский тезис научной философии о так называемом «детерминизме».

Интересно, что один из соавторов Вольффа профессор Ж.-Г. Гранже, рассуждая о детерминизме и необходимости, приходит к выводу, что математическая необходимость (детерминизм) и необходимость (детерминизм) в эмпирических науках имеют разную природу. Необходимость в собственном, эссенциалистском смысле слова характеризует математические науки, а в эмпирических науках всегда присутствует элемент объективной беспорядочности, который следует, однако, интерпретировать не в терминах хаотичности, а в терминах недостатка знаний. Для верной оценки необходимости, заключает Гранже, нужно различать между собой «иерархию необходимостей» и «иерархию предсказуемостей» (*prévisibilités*). «Наука есть знание необходимого, как говорил Аристотель, – заключает Гранже, – но следует признать в каждой области, на каком онтологическом уровне возникает необходимость» [4. С. 23]. Как Вольфф, так и Мейясу очень внимательны к уровню, который связывает истину и субъективность, уровню, который мы называем здесь «необходимостью субъекта».

¹ Фр. Вольфф является, прежде всего, видным специалистом по Аристотелю, но также автором оригинальной философской концепции, базирующейся на интерпретации аристотелевской мысли.

В работе «Я и этика» Вольфф ставит под вопрос классическую парадигму этического, которая находит свое выражение в ригоризме Канта. «Классическая теория... метафизически оспорима, логически некогерентна, она не позволяет мыслить крайние формы зла» [5. С. 93]. Этика существует, поскольку существует зло. Можно допустить, что злодей действует в интересах собственного «я», ставя их выше интересов всего человечества, но история знает случаи преступлений против человечности, когда преступления совершались во имя счастья человека или самой Истории. Безрассудное следование долгу в полном сознательном отказе от своей субъективности, без отношения к собственному «я» может также оказаться крайне опасным и злодейским. Таким образом, Вольфф демонстрирует здесь ту же мысль, что и Гранже: необходимость можно признать объективной только в том случае, если она существует на различных порядках иерархии: например, мораль не может быть оторвана от отношения к собственному «я» действующего, и это, к тому же, должно быть одно и то же «я» в случаях «я действую» и «я терпел».

В работе «Бытие. Человек. Ученик» (2000) Вольфф присоединяется к Фуко в том, чтобы не рассматривать более историю в эволюционистском ключе, т.е. как «длительное разворачивание того же самого Разума (Raison)», но «изучать человеческую историю не как таковую, а как «историю систем мышления» (по названию кафедры, которую Фуко организовал в свое время в Коллеж де Франс) [6. С. 312]. В этом смысле можно говорить о многих рациональностях, что не означает само по себе релятивизма в вопросах истории и разума (как думалось Патнему). Дело в том, что системообразующим для рациональности является «техника истины», т.е. то, как истина подается субъекту. Например, при изложении и доказательстве математической теории математик обращается к слушателю как к «идеальному субъекту», способному проследить когерентность его выводов во всякое время. При демократии же «техника истины» состоит в том, что участники обсуждения и решения признают за всеми равное право на говорение и понимание истины. Такое равномерное и равноправное отношение к истине, которое утвердилось благодаря институтам демократии, с одной стороны, и важной роли математики – с другой, философ называет «изокритическим».

Кроме того, Фуко в «Порядке дискурса» подчеркивал, что для греческих поэтов истиной было то, что вызывало уважение и страх, ведь речь поэтов оставалась связанной с религиозным ритуалом. Однако, как отмечает Вольфф, современное представление об истине, произносимой, например, физиком, противоположно: ученый не вещает истину (как поэт, царь или прорицатель), а реализует истину в своем слове, истину, соответствующую реальности, причем известно, что слово и язык могут ее затемнить.

Необходимость – принцип метафизический. Вольфф сравнивает напрямую метафизические принципы (начала) у Аристотеля и Декарта. Метафизические начала, по Аристотелю, суть начала онтологические, а не логические, как это было признано впоследствии. Да, они «необходимы для дедуктивной процедуры, но необходимы в особом смысле. Они необходимы не для самой формы вывода, для его достоверности... а для самой *истинности* (*vérité*) выводимых положений» [Там же. С. 78]. Таким образом, метафизические принципы суть принципы познания самого бытия, а не наших суждений о нем.

Для Декарта же основным принципом его философии был и остается принцип «когито».

Однако в известном смысле определения принципа у Аристотеля и Декарта обнаруживают ряд существенных аналогий, которые анализирует Вольфф. Метафизические принципы являются для них, прежде всего, «первым звеном» цепи истин, будь они онтологическими или логическими. *Возможность* всякой науки, независимо от ее собственных принципов, и для Аристотеля, и для Декарта определяется метафизическими истинами, отмечает Вольфф.

Разница между принципами Декарта и Аристотеля лежит не в самих принципах и не в их установлении и познании, а в том типе рациональности – диалогической для греков или рефлексивной для модерна, – в котором истина «дается». «Если объективность априори гарантирована в диалогической рациональности, в ней не гарантирована истина. В рефлексивной рациональности – все наоборот: истина дана с объективностью, с помощью двойной роли, которую играет великий Другой, т.е. Бог» [6. С. 99]¹. Итак, метафизические принципы не являются чем-то утраченным. Они получают смысл благодаря особенной «привязке» к субъекту: субъект существует не сам по себе, а как сообщающий или воспринимающий истину о бытии.

Близкие рассуждения о судьбе метафизики мы находим и у Мейясу. В то время как Хайдеггер научил нас думать о метафизике как о безвозвратно ушедшем прошлом, историческая роль которого состояла в том, чтобы подготовить «немыслящую» науку Нового времени, Мейясу (как и Вольфф) пытается помыслить метафизику «по ту сторону» современной научности (но в неразрывной связи с «современным» философствованием). Как так получилось, что метафизический вопрос «не может быть поставлен»? Речь идет о том, чтобы критиковать как «догматический принцип», так и «его ироническое растворение, с помощью которого теоретический скептицизм... поддерживает свой религиозный смысл» [3. С. 104]. Априорность классической философии приучила нас также не видеть различия между противоречием мышления и противоречием, содержащимся в сути вещей, в реальности. Такое противоречие наше мышление может раскрывать в спекулятивной сути фактичности, которую Мейясу предлагает называть «фактуальностью» (*factualité*).

Чтобы отойти от идущей от Канта ассоциации необходимости с априорностью, Мейясу предлагает «обжить» кантовское «в-себе» и для этого предлагает «спекулятивное решение» скептического затруднения Юма. В этом смысле затруднение Юма не есть затруднение эпистемолога, сомневающегося в достоверности наших знаний о мире, а затруднение, связанное с непредсказуемостью самой природы, которая неожиданно может изменить свои законы.

Представление о галилео-коперниканской модели мира Мейясу во многом дополняет, «исправляет» и обосновывает идеи Фуко о «классической эпистеме», в которой универсальный «матезис» является не причиной, а следствием интерпретации взаимоотношения (корреляции) мира и сознания, логики и онтологии. Мейясу показывает, как протяженная субстанция становится *математизируемой*, т.е. то, что для картезианской картины мира ма-

¹ «Двойная роль» состоит в том, что Бог по Декарту не только «истинен», но и «правдив».

тематизируемость – не просто свойство, привносимое извне сознанием, а свойство самих вещей, самого объективного мира. «Картезианский мир протяженного – это мир, который приобретает независимость от субстанции, который можно помыслить независимо от всего, что в нем отсылает к конкретной жизненной связи, которую он с нами поддерживает» [3. С. 171]. Как и в случае с переходом от эпистемы Ренессанса к классической эпистеме по Фуко, математизация мира, по Мейясу, «с самого начала» означала максимальное исключение присутствия живой связи человеческого сознания и законов мироздания, возвращение к «доисторическому» представлению о необходимости как действию законов внешних (природных) сил.

Как и Фуко, Мейясу продумывает условия исторической возможности математизации мира. Но отличие Мейясу от Фуко состоит в том, что он вводит в это рассуждение проблему «я», «сознания», так же как делает и Вольфф, рассуждая об этике и говоря о том, что *этика невозможна без корреляции с «я», которое думает и решает*, что же морально, а не просто следует императиву долга. «Опустошение, заброшенность, внесенные современной наукой в представление человека о себе и космосе, – продолжает философ, – имеют следующую фундаментальную причину: мышление было осмыслено как контингентность внутри мира, стало возможно мышление о мире, мире, который может обойтись без мышления, мире, сущностно независимом от факта его осмысления или неосмысления» [Там же. С. 173]. Таким образом, вопреки общему убеждению человек в результате галилеокоперниканской революции оказался более не в центре мира, математически возможное стало абсолютным, человечество стало, в свою очередь, «избыточным» (следуя определению Сартра).

Итак, современная философская мысль, на примере того же Мейясу, не отгораживается от проблемы необходимости, а пытается раскрыть ее «спекулятивный» (термин Мейясу) характер. И в этом смысле математическое, как говорил тот же Гранже, есть преимущественная сфера необходимого. Что касается «контингентного» мира, т.е. мира природного и исторического, здесь представление о необходимости мы получаем путем «тотализации», рационального приведения общих закономерностей к всеобщим правилам и законам. В отличие же от Гранже, Мейясу не просто противопоставляет между собой абсолютную математическую необходимость и «рациональную» природную, а призывает к математическому объяснению возможности каждой контингентной «вещи» или «закона».

Таким образом, философ считает, что нужно идти до конца в применении картезианского принципа «то, что математически мыслимо, абсолютно возможно». В этом смысле «субъект» не исключает себя из времени мира, а мыслит мир, исходя из его «фактуальности», и его законы, исходя из их свойства «темпоральности». То есть необходимость становится онтологической в том случае, если ей не приписывается свойство абсолютной всеобщности. И наоборот, всякий раз, когда мы говорим о необходимости как тотализации той или иной реальности, мы имеем дело не с онтологическим, а с онтическим. «Абсолютизация канторовского не-Всего, – пишет в заключение Мейясу, – предполагает отнюдь не онтическую, а онтологическую абсолютизацию... Возможное как таковое (а не то или иное возможное сущее) должно *необходимо* быть нетотализуемо» [3. С. 192].

Заключение

Наше исследование показало, что применение как текстуального, так и интертекстуального метода исследования философских концептов оказывается продуктивным и позволяет не только делать выводы непосредственно о творчестве тех или иных авторов, но и переходить к обсуждению более широких философских проблем. Целью такого рода исследования должно быть не просто реферативное отслеживание эволюции того или иного концепта в толще философских текстов, а более точная и точечная постановка философских проблем, нежели если бы речь шла об их раскрытии «от первого лица». Только выдержав грань между реферативностью и самореферентностью, мы способны прийти к желаемым результатам.

Результаты нашего исследования мы можем обобщить следующим образом.

1. Проблема рациональной необходимости в философии возникает прежде всего на поле осмысления реальных исторических процессов. Отвергая претензии как идеализма, так и диалектического материализма на познание законов истории как таковой, Фуко представляет историю как абсолютную контингентность, обуславливающую собой структуры научного познания. В этой связи уместно возражение Патнема: не получаем ли мы, таким образом, абсолютизацию рациональности, исключающей всякое спекулятивное различие между тем, что рационально необходимо, или нет? В этом смысле мы можем мыслить необходимость природно-математических законов и историко-философских истин с равной степенью достоверности, что само по себе абсурдно.

2. В привычных терминах мы пытаемся прояснить нашу критику представления об исторической необходимости через противопоставление «современной» мысли метафизике, а также субъективизму предшествующих эпох. Но не является ли такой подход лишь некоторым «школьным» упрощением, попыткой свести проблему субъективного и метафизического к некоторым историческим казусам? Например, Вольфф показывает нам, что из представления о моральном невозможно исключить «темпоральность» субъекта, как и его «фактуальность», т.е. реальное жизненное отношение как к добру, так и особенно к злу. В противном случае мы получаем анекдотическое представление о моральном долге, невозможность его структурировать.

3. Таким образом, решением парадокса, который Патнем увидел в работах Фуко, является, по Вольффу и Гранже, структуризация необходимости, противопоставление необходимости математической и естественнонаучной. Мейясу предлагает идти дальше: он говорит о «необходимости контингентности», т.е., по сути, утверждает обратное тезису Фуко. Речь идет не о том, чтобы признать математическую необходимость вторичной по отношению к исторической контингентности, а о том, чтобы отказаться от исторической (онтической) контингентности как таковой в пользу абсолютизации математической необходимости.

Литература

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994.
2. Патнем Х. Разум. История. Истина. М., 2002.

3. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. с франц. Л. Медведевой. Екатеринбург – Москва : Кабинетный ученый, 2015.

4. Granger G.-G. Déterminisme et nécessité // *Philosophes en liberté*, Textes réunis par Fr. Wolff. Paris : Ellipses Editions, 2001. P. 9–24.

5. Wolff Fr. «Je» et l'éthique // *Philosophes en liberté*, Textes réunis par Fr. Wolff. Paris : Ellipses Editions, 2001. P. 85–111.

6. Wolff Fr. L'être, l'homme, le disciple. Figures philosophiques empruntées aux Anciennes. Paris : Quadrige, PUF, 2000. 359 p.

Sergey A. Gashkov, Baltic State Technical University “Voenmech” named after D.F. Ustinov (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: sgachkov@hotmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 101–109.

DOI: 10.17223/1998863X/50/10

THE EVOLUTION OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF NECESSITY: FROM FOUCAULT TO MEILLASSOUX. AN INTERTEXTUAL ANALYSIS

Keywords: concept of necessity; Michel Foucault; Hilary Putnam; Francis Wolff; Quentin Meillassoux.

The meaning of an intertextual analysis is not only to contribute to a best interpretation of philosophical theories. (The author chose French philosophers Michel Foucault, Francis Wolff and Quentin Meillassoux, and American philosopher Hilary Putnam because they criticized and developed the ideas of one another). The author's aim is to show that philosophy continues to exist by arguing against and refuting claims of the “end of the human”, the “end of metaphysics”, the “postmodern” epoch or “post-structuralism”. The author believes that this makes philosophy necessary, and this research is to prove this point. First of all, the necessity problem appears with a philosophical reflection on rationality in history. Foucault claims any historical rational structure is contingent. Then, Putnam criticizes Foucault saying that in this way there is no difference of quality between different kinds of rationalities. Wolff develops the idea of the structured rational necessity. He says that even the metaphysical principles by Aristotle and Descartes are to be considered as temporal and historical structures of rationalities. Wolff's co-author, Gilles-Gaston Granger, writes about the difference between the absoluteness of a mathematical necessity and the totality of the laws of the nature. Meillassoux radically changes Foucault's paradox claiming that there is nothing but a mathematical necessity and philosophy must stop thinking in the terms of the Kantian opposition of necessity in the nature and in the world to the contingency of the spirit.

References

1. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things. Archeology of the Human Sciences]. Translated from French. St. Petersburg: A-cad.

2. Putnam, H. (2002) *Razum. Istoriya. Istina* [Reason, Truth, and History]. Translated from English by T.A.Dmitriyeva, M.V.Lebedeva. Moscow: Praksis.

3. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French by L. Medvedeva. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.

4. Granger, G.-G. (2001) Déterminisme et nécessité. In: Wolff, Fr. (ed.) *Philosophes en liberté*. Paris: Ellipses Editions. pp. 9–24.

5. Wolff, Fr. (2001) “Je” et l'éthique. In: Wolff, Fr. (ed.) *Philosophes en liberté*. Paris: Ellipses Editions. pp. 85–111.

6. Wolff, Fr. (2000) *L'être, l'homme, le disciple. Figures philosophiques empruntées aux Anciennes*. Paris: Quadrige, PUF.

УДК 141.33+(470+571)+167.5
DOI: 10.17223/1998863X/50/11

Н.Г. Митина

СИМВОЛ ТРОИЦЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ УТОПИИ (Дм. МЕРЕЖКОВСКИЙ И Д. АНДРЕЕВ)

Рассматриваются религиозные основы утопических проектов Дм. Мережковского и Д. Андреева. Раскрывается особое внимание к догмату Троицы в русской философской утопии. Определено, что догмат о Троице отражает соотношение мужского и женского начал в мире, роль и значение каждого из них. Подчеркивается роль духовности и ценностных характеристик в создаваемом проекте будущего общества.
Ключевые слова: утопия, Троица, пол, феминное, маскулинное.

Утопия, как идеальный конструкт, всегда в определенной степени религиозна, но русская утопия религиозна в своей основе благодаря сформировавшей ее культуре. Данные особенности русской культуры не раз подчеркивали исследователи [1, 2]. Специфические черты русской утопии (образность, религиозность, нравственная сущность, символизм) обусловили появление проектов, связанных с изменением христианских основ будущего общества и трактовки религиозных символов.

Особое значение в философских утопиях придается проблеме духовных ценностей. Философы отмечают их важную роль в формировании будущего общества. Это обусловило актуальность темы для современного общества, где одной из важнейших является проблема кризиса ценностных установок, предпринимаются попытки найти пути выхода из создавшейся ситуации, выстроить систему ценностных характеристик. Цель исследования – рассмотреть трактовку одного из самых значимых символов в христианстве – Троицы, предлагаемую в проектах Дм. Мережковского и Д. Андреева, с позиции соотношения в природе мужского и женского начал.

Проблеме соотношения женского и мужского начал в русской философии посвящены многие исследования [3–7]. Некоторые из них останавливаются и на трактовке образа Троицы в русской философии, высказывая свою позицию относительно предлагаемых изменений [3, 8–11]. Несмотря на различия в оценке равнозначности мужского и женского, исследователи подчеркивают важность женского начала в развитии цивилизации [3, 8]. Это свидетельствует о значимости философских концепций и необходимости их анализа для осмысления ценностных характеристик современного общества. В данном исследовании мы обратимся к религиозным проектам в утопиях Дмитрия Мережковского и Даниила Андреева.

В философской утопии «Третье царство» Дм. Мережковский особое внимание уделяет проблеме духа и плоти. Развитие человечества, как и развитие религиозное, проходит у него три этапа: первое – допотопное человечество, второе – современное философу, третье – будущее. Философ подчеркивает связь религиозного и духовного развития и предлагает религию Третьего Завета, которая должна примирить тело и душу и, таким образом,

разрешить существующие противоречия, достичь гармонии природы и социума. Главная цель проекта – Царство Божье, а основным составляющим его элементом выступает эволюция христианства.

Дм. Мережковский выделяет три ступени в религиозной эволюции человечества: первая ступень – религия плоти, вторая – противостояния духа и плоти, третья – синтез двух начал, соединение первого Царства Отца и второго Царства Сына в третьем Царстве Духа Святого [12]. В религии Третьего Завета произойдет слияние небесного человечества с земным, язычества и христианства, Духа и Плоти, что приведет к раскрытию тайны Трех – Божественной Троицы. В Божественной Троице раскроется смысл Бога, человека и мира для человечества, считает философ. Для него Троица, как и Пол, выступает мистическим элементом и играет особую роль.

Философ указывает на троичность природы Христа, выделяя три сущности в Боге: Отец, Мать и Сын. Святой Дух имеет женскую природу, следовательно, Троица Мережковского включает женскую сущность. Более того, женское начало для него играет особую роль, соединяя сущности Троицы, оно завершает сам догмат. Через нумерологию (число Два – это число войны, а число Три – математический символ вечного мира) он указывает на невозможность преодоления антиномии двойственности двумя ипостасями Троицы – Отец и Сын, выраженной в противоречиях, существующих в социуме (сильный–слабый, богатый–бедный...). Предлагаемая Дм. Мережковским религия Трех, по его мнению, может разрешить существующее противоречие, когда два низших порядка – плоть и дух – соединятся в высшем Третьем порядке в любви, что приведет к гармонии и вечному миру, в Царство Божие [13; 14. С. 67; 15]. Отсутствие женской сущности, таким образом, для философа является не только противоречием внутри традиционной Троицы, но и причиной отсутствия гармонии во всем мире. Для него отправной точкой проекта становится андроцентризм современной культуры, а спасением для всего человечества станет Мать-Дух.

Подобная Дм. Мережковскому трактовка роли феминного в мире содержится в концепции экофеминизма, связывающего появление иерархии человеческого общества со сменой системы женских ценностей на мужские [16]. Как отмечает О.А. Воронина, женские богини, символизирующие природные стихии в греческой мифологии, были заменены мужским богами, утверждавшими овладение природой, что стало основой дифференциации природного и рационального, маскулинного и феминного как культурных символов [4. С. 91–93].

В концепции Дм. Мережковского Пол определяется русской философией женственности как космическое и метафизическое начало, в этом проявляется характерная черта русской философии в целом. В проекте Третьего Царства и религии Третьего Завета используются символические практики репрезентации пола. Для философа Пол выступает двигателем цивилизации, через него одно бытие проникает в другое и рождается новое. Как точка соприкосновения с трансцендентным, Пол соединяет противоположности с помощью любви. В Троице любовь выступает связующей силой между Отцом, Сыном и Матерью, где Мать соединяет вместе любовь к земле и к небу, любовь к миру и к Богу [17. С. 307].

Для Дм. Мережковского в Божественной Троице раскроется тайна божественного Эроса, переданная первым допотопным человечеством второму. Раскрывая роль мужского и женского в Троице, он указывает, что вечно-мужественное начало находится в Отце, вечно-женственное в Матери-Духе, а Сын вмещает и сочетает в себе оба начала. И далее философ делает вывод: тайна Одного – Сына – открывается в христианском эоне, а в дохристианском открывается тайна Двух – Отца и Матери [18. С. 237–242]. Следовательно, для него верхом совершенства является божественная Двуполость – священный андрогин.

Идея андрогина уходит корнями в монистический гностицизм, где Бог рассматривается как пара противоположностей, что свидетельствует о равенстве мужского и женского начал. Концепция андрогина присутствует и в социокультурном проекте Н. Бердяева [19. С. 68–70], она характерна для культуры Серебрянного века как культурная форма экспликации Эроса. Г.Д. Гачев указывает на специфику русской цивилизации – рост бесполого среднего рода, что можно рассматривать как предпосылки формирования андрогинного Эроса [5. С. 14–16]. Но идея андрогина для Н. Бердяева выступает как способ победы над женским, природным, а в концепции Дм. Мережковского противопоставление женского и мужского отсутствует. Философ стремится сохранить единство мужских и женских ценностей, для него это было важным условием достижения гармонии социума. Таким образом, концепция Третьего Завета, где символика Троицы играет ключевую роль, и концепция Третьего Царства в целом отводят феминному ведущее место, Мать-Дух должна выполнить свою миссию – спасти человечество и привести его в Царство Божие.

Религиозно-социальное учение «Роза Мира», созданное Даниилом Андреевым, также включает в себя собственную трактовку символа Троицы. Роза Мира представляет собой утопический проект Всемирного Братства, в основе которого переплетаются мировые религии и культы. Философ сам определяет черты новой религиозной доктрины – интеррелигиозность и универсальность.

Интеррелигия строится на учении о Вечной Женственности Владимира Соловьева, но для Д. Андреева, в отличие от Вл. Соловьева, Вечная Женственность выступает как космическое, божественное начало. Его идея Мировой Женственности трансформируется в идею Женственного Божества, лежащую в основе его символики Троицы. Исходя из новой трактовки Троицы, философ выстраивает и иерархию пяти священств (три первые, основные, составляют Троицу): золотая – почитание Бога-Отца (Солнце Мира), голубая – почитание Богини-Матери (Приснодевы Матери), белая – почитание Бога-Сына (Планетарный Логос, Иисус Христос), пурпурная – почитание национальных богов, зеленая – почитание природных стихий [20. С. 555–561].

В его учении о Троице и о Женственном аспекте Божества через полярность мужского и женского начал раскрывается «полярность в существе Бога». Божественная Женственность Мать Логоса и всей Вселенной, союз между Отцом и Матерью – это Приснодева – Мать миров. Бог есть любовь, в этой любви рождается Третье: Основа Вселенной, Отец – Приснодева-Мать – Сын [20. С. 255–257]. У Д. Андреева Святой Дух заменяется Женским Боже-

ством, как и у Дм. Мережковского. Женственная ипостась Троицы у него – Звента-Свентана, рождение которой станет основанием Розы Мира.

Для Д. Андреева включение в Троицу Женственной ипостаси – Звенты-Свентаны – необходимо для достижения гармонии в мире. Развивая свое учение, он делает вывод о преобладании в мире мужского, мужественного начала, что привело к росту жестокости. А женское начало, выжившее благодаря своему участию в продолжении человеческого рода, должно изменить это преобладание. В человеке, по мнению философа, необходимо присутствие мужских и женских качеств, которые должны совершенствовать личность, но не отвечать ложным предрассудкам. В Розе Мира человек будет гармонично сочетать в себе мужественность и женственность: «женственное в человечестве проявит себя с небывалой силой, уравновесившая до совершенной гармонии самовластие мужественных начал» [20. С. 262–264]. Таким образом, приход в мир Звенты-Свентаны (Женственной ипостаси) позволит достичь равновесия мужского и женского в мире.

Философ обращается и к вопросу любви в своей религиозной концепции. Тайна любви в Божественной Троице «не отражается» в человеческой любви, она выражается как внутренняя тайна союза Отца и Матери (двух ипостасей Троицы). Выражение этой любви происходит в чувстве величайшей жалости, жертвенности, вере в конечное просветление [Там же. С. 257–258].

В его концепции происходит разделение любви на любовь ко всему живому и любовь между мужчиной и женщиной. Любовь между мужчиной и женщиной может быть благословенной и святой, считает философ, только если эта любовь творческая. К творческой любви он относит рождение и воспитание детей, совместный труд, взаимное совершенствование личности и самосовершенствование, вдохновение на творчество и т.д. Философ характеризует их как богосотворчество, ведущее к просветлению, где присутствует дух сотворчества, товарищества, дружбы, которыми проникнута эта любовь. Сотворчество, товарищество, спутничество, дружба являются для него качествами, благословенными свыше. Д. Андреев предполагает, что в будущем «физическое размножение» заменит воплощение монад, и изменится содержание творчества любви [Там же. С. 259–260]. Но поскольку человечество еще не достигло преображения, таким видом творческой любви остаются для него рождение и воспитание детей.

Однако, в отличие от Дм. Мережковского, Д. Андреев не считает мужское и женское начала равноценными. Для него женщина не является совершенным созданием, как мужчина. Это следует из его рассуждений о творческой любви, где он указывает на различие задач каждого пола. Поэтому философ считает необходимым изменить женщину духовно и нравственно, довести ее до «совершенного» мужчины [Там же. С. 260–262]. Женщина и мужчина – это два взаимодополняющих начала, что, как отмечает О.В. Рябов, свидетельствует о сходстве с концепциями Серебряного века, где различия двух начал, мужского и женского, трактуются как комплементарные [7. С. 237]. А введение женского начала в символику Троицы должно было, по мнению философа, вдохновить на творчество, гармонизировать, уравновесить будущее сообщество, т.е. привести его к Всемирному Братству.

С точки зрения М. Эпштейна, новую трактовку Троицы Д. Андреевым можно рассматривать как попытку утвердить новый богословский догмат или

как идею женской антропологии. А «решающим тезисом» концепции является эротизация, или «гендеризация», Божества, в чем заключается догматическая дерзость Д. Андреева [10. С. 2; 11. С. 142–147]. М.И. Штеренберг, наоборот, считает, что Женская ипостась Троицы – это Богородица, почитаемая всеми христианами, кроме протестантов, что, по его мнению, обусловило и название проекта «Роза Мира» (символ «розы» и Дева Мария). Более того, он согласен с Д. Андреевым в том, что Женское Начало играет и будет играть большую роль в судьбе человечества [9. С. 73–77]. На значимость Божественного женского начала в России указывает в своем исследовании и О.В. Рябов, он подчеркивает, что Мария в России представлена в материнской ипостаси, как Богородица [6. С. 114–116]. Следовательно, в основе утопического проекта «Роза Мира» и религиозной концепции философа находится образ Троицы, который отражает отношения между двумя началами – мужским и женским, и баланс между ними, по мнению Д. Андреева, должен привести к гармонии мира, реализовать идею Царства Божия.

Таким образом, рассмотренные утопии «Третье царство» и «Роза Мира» соотносятся с культурой Серебряного века. Несмотря на то, что проект Д. Андреева создавался уже в эпоху распространения в отечественной философии марксистско-ленинской идеологии, он сохраняет традиции русской философии зарубежья, продолжавшей в какой-то мере традиции Серебряного века. Оба проекта объединяет попытка переосмысления роли женского начала в развитии цивилизации, желание раскрыть его значение для будущего человечества. С этой целью философы изменяют трактовку центрального христианского догмата – Троицы, внося в нее женский элемент. Изменения в соотношении феминного и маскулинного в мире обосновываются ими необходимостью внесения равновесия, гармонии в развитие общества, мира.

Литература

1. *Черткова Е.* Утопия как тип сознания // *Общественные науки и современность.* 1993. № 3. С. 71–81.
2. *Черткова Е.Л.* Специфика утопического сознания и проблема идеала // *Идеал, утопия и критическая рефлексия.* М. : РОСПЭН, 1996. С. 156–187.
3. *Богин И.* Вечная женственность. СПб. : Алетейя, 2003. 488 с.
4. *Воронина О.А.* Пол / гендер как категория феминистской философии // *Философские исследования.* 1995. № 4. С. 80–98.
5. *Гачев Г.Д.* Национальный Эрос в культуре // *Национальный Эрос и культура : в 2 т. / сост. Г.Д. Гачев, Л.Н. Титова.* М. : Ладомир, 2002. Т. 1: Исследования. С. 1–38.
6. *Рябов О.В.* «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М. : Ладомир, 2001. 202 с.
7. *Рябов О.В.* Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново : Юнона, Иванов. гос. ун-т, 1999. 359 с.
8. *Рекуненко А.* Женское начало – ипостась Святого Духа изначальной Троицы. URL: http://rekunenko.inc.ru/article_2.htm (дата обращения: 01.03.2018).
9. *Штеренберг М.И.* «Роза Мира» Даниила Андреева и современность. М. : Полиграфресурсы, 2000. 240 с.
10. *Эпштейн М.Н.* «Роза Мира» Даниила Андреева: религиозное откровение или тоталитарная утопия? // *Ответ М. Эпштейна Ф. Синельникову и С. Кладу* (май 2001). URL: http://www.veer.info/28/v28_rozamira_epstein.html (дата обращения: 25.02.2018).
11. *Эпштейн М.Н.* Роза Мира и царство Антихриста: о парадоксах русской эсхатологии // *Религия после атеизма. Новые возможности теологии.* М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 416 с.
12. *Мережковский Д.С.* Меч. VII // *Публицистика. Не мир, но меч* // *Мережковский Д.С.* Полное энциклопедическое собрание сочинений. Сер. Электронная библиотека. М. : ИДДК, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

13. Мережковский Д.С. Мессия. Ч. II. IX // Египетские романы. Мессия // Мережковский Д.С. Полное энциклопедическое собрание сочинений. Сер. Электронная библиотека. М. : ИДДК, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
14. Мережковский Д.С. Иисус неизвестный. М. : Республика, 1996. 687 с.
15. Мережковский Д.С. Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии // (Россия и большевизм). Тайна русской революции // Мережковский Д.С. Полное энциклопедическое собрание сочинений. Сер. Электронная библиотека. М. : ИДДК, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
16. Айслер Р. Чаша и клинок / пер. с англ. Л. Васильевой. М. : Дерево Жизни, 1993. 76 с. URL: <http://www.lib.ru/URIKOVA/AJSLER/klinok.txt> (дата обращения: 27.02.2018).
17. Мережковский Д.С. Не святая Русь (религия Горького) // Акрополь : избр. лит.-критич. ст. М. : Книжная палата, 1991. С. 304–314.
18. Мережковский Д.С. Тайна Запада. Атлантида–Европа. М. : Эксмо, 2007. 671 с.
19. Бердяев Н.А. О назначении человека: опыт парадоксальной этики // О назначении человека. М. : Республика, 1993. С. 20–253.
20. Андреев Д.Л. Роза мира. М. : Мир Урании, 2002. 608 с.

Natalya G. Mitina, Far Eastern State Institute of Arts (Vladivostok, Russian Federation).

E-mail: Millkonf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 110–116.

DOI: 10.17223/1998863X/50/11

THE SYMBOL OF THE TRINITY IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL UTOPIA (DMITRY MEREZHKOVSKY AND DANIIL ANDREEV)

Keywords: utopia; Trinity; sex; feminine; masculine.

The article considers the changes in the religious foundations of society proposed in the utopian projects of Russian philosophy focusing on the interpretation of the tenet of the Trinity. For analysis, two utopias were selected (Dmitry Merezhkovsky's "The Third Kingdom" and Daniil Andreev's *The Rose of the World*), in which special attention is paid to the changing of the religious foundations of the future society. Merezhkovsky's project was created within the framework of the concept of the "new religious consciousness" that took shape in the philosophy of the Silver Age. Important for the philosopher is the union of religion and culture through the spiritual rebirth of man in a new society. The main goal of the project is the Kingdom of God, in which the evolution of Christianity took place, a single world church was created, the secret of sex was revealed and the harmony of nature and society was established. His religion of the "Third Testament" was to resolve all existing contradictions. The use of symbolism gives him the opportunity to reveal the significance of the religious tenet of the Trinity. In this utopia, the feminine plays a leading role, which helps trace the connection with feminist projects of the 20th century. Andreev's utopia, like Merezhkovsky's project, is built on the new religious teaching of the philosopher, which he calls interreligion. The ultimate goal is the World Brotherhood reminiscent of the ideal of the Kingdom of God. At the core is also a change in the interpretation of the tenet of the Trinity – the introduction of the Female Deity. Thus, the polarity of the two principles – male and female – manifests itself in the Divine. The philosopher examines the role of the feminine and the masculine and comes to the conclusion that they need a relative balance in the world. These are two projects offering their vision of religious ideas in the future society, which are built on the relationship in the nature of the male and female principles. Through the interpretation of the Trinity, the philosophers show the importance of the female principle in the world, its role in the harmonization of society.

References

1. Chertkova, E.L. (1993) Utopiya kak tip soznaniya [Utopia as a type of consciousness]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 3. pp. 71–81.
2. Chertkova, E.L. (1996) Spetsifika utopicheskogo soznaniya i problema ideala [Specificity of utopian consciousness and the problem of the ideal]. In: Lektorsky, V.A. (ed.) *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* [Ideal, Utopia and Critical Reflection]. Moscow: ROSPEN. pp. 156–187.
3. Bogin, I. (2003) *Vechnaya zhenstvennost'* [Eternal Femininity]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Voronina, O.A. (1995) Pol/gender kak kategoriya feministkoy filosofii [Sex / gender as a category of feminist philosophy]. *Filosofskie issledovaniya*. 4. pp. 80–98.

5. Gachev, G.D. (2002) *Natsional'nyy Eros v kul'ture* [National Eros in Culture]. In: Gachev, G.D. & Titova, L.N. (eds) *Natsional'nyy Eros i kul'tura* [National Eros and Culture]. Vol. 1. Moscow: Ladomir. pp. 1–38.
6. Ryabov, O.V. (2001) *“Matushka-Rus’”: Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii* [“Mother Russia”: an experience of gender analysis of national identity search in Russian and Western philosophy of history]. Moscow: Ladomir.
7. Ryabov, O.V. (1999) *Russkaya filosofiya zhenstvennosti (XI–XX veka)* [Russian philosophy of femininity (11th – 20th centuries)]. Ivanovo: Yunona, Ivanovo State University.
8. Rekunenko, A. (n.d.) *Zhenskoe nachalo – ipostas' Svyatogo Dukha iznachal'noy Troitsy* [The feminine principle as the hypostasis of the Holy Spirit of the Original Trinity]. [Online] Available from: http://rekunenko.inc.ru/article_2.htm (Accessed: 1th March 2018).
9. Sterenberg, M.I. (2000) *“Roza Mira” Daniila Andreeva i sovremennost'* [“Rose of the World” by Daniil Andreev and Modernity]. Moscow: Poligrafresursy.
10. Epstein, M.N. (2001) *“Roza Mira” Daniila Andreeva: religioznoe otkrovenie ili totalitarnaya utopiya?* [“Rose of the World” by Daniil Andreev: religious revelation or totalitarian utopia?]. [Online] Available from: http://www.veer.info/28/v28_rozamira_epstein.html (Accessed: 25th February 2018).
11. Epstein, M.N. (2013) *Religiya posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* [Religion after atheism. New possibilities of theology]. Moscow: AST–PRESS KNIGA.
12. Merezhkovsky, D.S. (2007a) *Polnoe entsiklopedicheskoe sobranie sochineniy* [Complete Encyclopaedic Works]. [CD-ROM]. Moscow: IDDK.
13. Merezhkovsky, D.S. (2007b) *Polnoe entsiklopedicheskoe sobranie sochineniy* [Complete Encyclopaedic Works]. [CD-ROM]. Moscow: IDDK.
14. Merezhkovsky, D.S. (1996) *Iisus neizvestnyy* [Jesus unknown]. Moscow: Respublika.
15. Merezhkovsky, D.S. (2007c) *Polnoe entsiklopedicheskoe sobranie sochineniy* [Complete Encyclopaedic Works]. [CD-ROM]. Chapter 23. Moscow: IDDK.
16. Eisler, R.T. (1993) *The Chalice and The Blade: Our History, Our Future*. New York: Harper & Row.
17. Merezhkovsky, D.S. (1991) *Akropol': Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [Acropolis: Selected literary and critical papers]. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 304–314.
18. Merezhkovsky, D.S. (2007) *Tayna Zapada. Atlantida – Evropa* [Mystery of the West. Atlantis – Europe]. Moscow: Eksmo.
19. Berdyaev, N.A. (1993) *O naznachanii cheloveka* [The Destiny of Man]. Moscow: Respublika. pp. 20–253.
20. Andreev, D.L. (2002) *Roza mira* [The Rose of the World]. Moscow: Mir Uranii.

УДК 161/162, 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/50/12

Ю.Ю. Черноскутов

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СЕМАНТИКИ В ЛОГИКЕ И ФИЛОСОФИИ XIX ВЕКА¹

Рассматривается процесс развития английской и немецкоязычной семантических теорий в XIX в.: изменения традиционной теории сигнификации в логике Р. Уэтли и Дж.С. Милля; как немецкие переводы логики Милля и Британских философов привели к появлению системы семантических терминов, не являвшейся прямым аналогом английской терминологии; некоторые результаты семантических исследований в школе Brentano – рецепция Британских теорий в диссертации А. Мейнонга и лингвистическая теория значения А. Марти.

Ключевые слова: *сигнификация, значение, Милль, Мейнонг, Марти, Фреге.*

Введение

Основания современной семантической теории именования заложены усилиями Э. Шрёдера, Э. Гуссерля и Г. Фреге едва ли не одновременно, в работах, опубликованных в течение 1890–1892 гг. Они удивляют разнообразием толкования используемой терминологии. В предлагаемой здесь статье мы предприняли попытку проследить истоки и причины появления такого смыслового разброса, а также концептуальных предпосылок самих этих теорий в процессе ассимиляции Британских теорий именования немецкой философией.

1. Теория сигнификации в английской логике

Проблемы семиотики всегда занимали важное место в Британской философии Нового Времени. Основным термином здесь была «сигнификация». Это был максимально общий термин, допускавший различные толкования и споры по их поводу, «обозначаемое» вообще. Основной вопрос, связанный с сигнификацией, состоял в том, является ли сигнификацией имени предмет или идея в сознании. Большинство авторов, включая Д. Локка, Дж. Беркли и Д. Юма, делали выбор в пользу второго. Наиболее тщательно этот комплекс проблем был исследован Локком, и его теории долгое время служили определяющим контекстом исследований на эту тему. Хотя в дальнейшем мы будем иногда ссылаться на некоторые из его положений, подробный анализ философии семиотики Локка остается за рамками нашего исследования. В качестве введения в нее и в наше дальнейшее повествование с ней можно ознакомиться в [1, 2].

В начале XIX в. данная проблематика усилиями Р. Уэтли и Дж.С. Милля была импортирована в логику. Как нами уже отмечалось в [3, 4], Британская традиция изложения логики видела предмет логики в рассуждении, которое

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00895.

осуществляется в языке. Поэтому вопрос о значении языковых единиц, из которых состоит рассуждение, возникал естественным образом: логические законы и принципы приходилось разъяснять и обосновывать в терминах содержания языковых выражений. Это обусловило некоторые важные изменения, которые были внесены логиками в традиционные для Британской философии способы постановки и методы решения семантических проблем.

1.1. Ричард Уэтли: сигнификация и класс

Уэтли, книга которого «Элементы логики» вызвала возрождение логических исследований в Британии, не только приводит в логику семиотику Британских эмпиристов, но и возрождает тот традиционный номинализм, который господствовал в позднесcholастическом Оксфорде. Он безоговорочно отвергает мнение, что логика занимается мышлением и абстрактными идеями. Эта наука, убежден Уэтли, имеет дело только с языком: «Я вынужден признаться, что ничего не знаю об этих „абстрактных идеях“ или каких-либо „универсалиях“, кроме их *Знаков*»¹ [5. Р. 46]. Соответственно, логика Уэтли строится не из понятий или представлений, но из имен и их значений.

Из старых схоластических делений он считает важным для логики только деление имен на общие и единичные. Для описания их свойств он использует термины «сигнификация» и «денотация», иногда «десигнация». Он не приводит разъяснений по поводу смысловых различий между ними, и, даже опираясь на контекст употребления, не всегда можно понять, в чем состоит это различие и есть ли оно вообще. Как мы сейчас увидим, склонность не различать смыслы этих терминов легко объяснима. Сигнификация единичного имени состоит в том, что оно замещает одного индивида. Общее имя может делать это с несколькими индивидами, поскольку «охватывает их одной сигнификацией» и потому приложимо к каждому из таких индивидов или обозначает любого из них. Он дважды описывает это различие, но в одном месте выражает отношение между именем и индивидом (или индивидами) глаголом *stand for* [6. Р. 60], а в другом – *denote* [Ibid. С. 47]. Самих же индивидов он называет «сигнификатами» [5. Р. 88; 6. Р. 61]. Казалось бы, естественно выражаться так, что имена денотируют денотаты, но сигнифицируют сигнификаты, однако в книге Уэтли они денотируют сигнификаты. Подобное словоупотребление неудивительно, если учесть резкую аллергию автора на любые абстракции. По этой причине ему остается говорить только об индивидах, а к ним удобней прилагать более конкретное «денотирование», чем слишком общее «сигнифицирование». Поэтому из всех возможных видов сигнификации Уэтли затруднительно было бы найти что-либо, помимо денотации; различение этих терминов не имеет под собой реальной почвы.

Уэтли, насколько можно судить, впервые импортирует в логику понятие класса. В первом издании он не считает нужным разъяснять, что имеется в виду под классом, такое определение появляется лишь позднее. «Под словом «класс» разумеется не только «общее понятие», или «совокупность общих признаков», или «общее описание», под которое действительно подходят многие предметы, но такое, под которое можно *мысленно подвести* неопре-

¹ Здесь и далее при ссылках на оригинальный текст перевод выполнен мной. – Ю. Ч.

деленное число предметов, а именно столько предметов, сколько (говоря разговорным языком) их может «подойти под описание»» [7. С. 74–75]. В привычных нам ныне терминах понятие класса невозможно охарактеризовать как экстенционал или интенционал. Он употребляется для указания на индивиды, но понимается как общее описание с помощью атрибутов. Такое понимание класса впоследствии долгое время воспроизводится и другими Британскими логиками.

Уэтли, воспроизводя номиналистские установки, как мы уже указывали, изначально отвергает какие-либо реально существующие абстрактные идеи. Поэтому общим именам не соответствует ничего, что могло бы напоминать о каких-либо абстрактных или идеальных сущностях. Общему имени соответствует только класс индивидов. Различие между родом и видом, например, состоит только в том, что первое имеет более экстенсивную сигнификацию, чем второе. Это находит отражение и в его теории общих имен: семантического звена, подобного Фрегевскому «смыслу» или субъективным идеям / представлениям, им принципиально не допускается. Имя «гора» не предполагает реального существования горы вообще, оно не обозначает никакой абстракции. Такое имя просто выражает неполное или неадекватное понятие об Этне, или Эльбрусе, или любой другой индивидуальной горе. Словами самого автора, «понятие, выраженное общим термином, есть просто неадекватное (или неполное) понятие об индивиде; и из-за самого обстоятельства своей неадекватности оно равно успешно приложимо к любому из нескольких индивидов» [5. Р. 77; 6, Р. 49–50, 67]. При желании здесь можно усмотреть смутное предвосхищение идеи Фреге об имени понятия как неполном и ненасыщенном, но в радикально номиналистском исполнении.

Это различие общих и единичных имен важно для логики прежде всего потому, что играет роль при построении высказываний (*propositions*). Общее имя, благодаря приложимости к классу индивидов, имеет свойство предиктируемости: оно без ограничений может утвердительно утверждаться о других терминах. Единичное же имя в общем случае такого свойства не имеет: оно не может выступать в качестве предиката высказывания, за исключением двух случаев: во-первых, в отрицательных высказываниях, во-вторых, в случае равенства терминов субъекта и предиката, или, словами Уэтли, «если субъект и предикат были только двумя выражениями одного и того же индивидуального объекта» [5. Р. 76].

Уэтли использует значения имен для объяснения логических принципов, но не предлагает отдельной теории сигнификации и других семантических терминов. Он использует их как будто в силу необходимости, как нечто само собой разумеющееся, поскольку без этих слов невозможно обойтись.

1.2. Джон Стюарт Милль: сигнификация и смысл

В «Системе логики» Дж.С. Милля некоторые семантические понятия становятся предметом отдельно и целенаправленно разрабатываемой теории. Если Уэтли просто привлек эту семантическую методологию в современную логику, то Милль может считаться основателем теории именования, поскольку осознанно сделал ее фундаментом философии логики и последовательно построил логику на этом фундаменте. Он явно фиксирует, что, поскольку рассуждение может совершаться только при помощи слов, логические прин-

ципы должны излагаться в терминах содержаний языковых выражений. Обоснованию этого подхода посвящена вся первая глава книги, которая так и озаглавлена: «О необходимости начать с анализа языка». В последнем параграфе этой главы дается категоричное заключение: «Сигнификация имен и общее отношение между именами и сигнифицируемыми ими вещами должна занимать первое место в предпринятом нами исследовании» [8. Р. 24]. Исследованию этого посвящена вторая глава, «Об именах».

Семантическая теория Милля, казалось бы, достаточно проста и прозрачна, ей посвящено и продолжает посвящаться достаточное число исследований. Тем не менее в ней есть тонкости и неоднозначности, некоторые важные термины остаются без определений и разъяснений, употребляются в разных смыслах, в том числе и противоречивых. Но по порядку.

На основной вопрос Британской семиотики Милль, как и Уэтли, дает номиналистический и антилокковский ответ: имена являются именами вещей, но не наших идей о вещах. Вот известная цитата, без которой не обходится ни одно изложение семантической теории Милля: «Говоря „солнце причина дня“, я не хочу сказать, что моя идея солнца причиняет или возбуждает во мне идею дня... Я хочу сказать, что известный физический факт, который называется присутствием солнца... производит другой физический факт, называемый днем» [9. С. 29]. Заметим, что в этой известной цитате, как и во всем содержащем ее двухстраничном первом параграфе, не встречается ни слово «сигнификация», ни какой-либо другой семантический термин. Милль постоянно использует здесь оборот «the name of».

В дальнейшем традиционное различие предмета и идеи нигде не вспоминается. Уяснив, что имена относятся только к предметам, Милль вновь начинает использовать слово «сигнификация», но, на мой взгляд, для того, чтобы характеризовать не виды обозначаемого – с ними все ясно, это предметы и только предметы, – но способы, какими имя указывает на эти предметы. Иначе говоря, в связи с семантической теорией Милля уместней говорить не о видах сигнификации, но о способах сигнификации.

Во всяком случае, когда речь идет о самой известной части теории Милля, касающейся различения коннотативных и неконнотативных имен, это представляется несомненным. Она излагается в пятом параграфе второй главы. Здесь он выделяет два способа сигнификации: денотацию (прямое указание на предмет или атрибут) и коннотацию (указание на них же через атрибут или атрибуты, подразумеваемые в имени). Денотация является *прямой*, а коннотация – *косвенной* сигнификацией. В зависимости от того, какой сигнификацией обладают имена, они могут относиться к одному из двух видов: во-первых, имена, обладающие только денотацией – к ним относятся имена собственные; во-вторых, имена, обладающие не только денотацией, но и коннотацией.

У Милля появляется еще одна важная характеристика имени – его смысл (meaning). Милль не разъясняет, что он под этим имеет в виду, но из тех ситуаций, где он ставит о вопрос о смысле и как он на него отвечает, можно вывести, что смысл для него – это, во-первых, информация, которую сообщает имя, и, во-вторых, то, благодаря чему мы можем понимать и познавать имена. Действительно, слово «смысл», которое изредка появлялось в тексте и раньше, часто как синоним сигнификации, начинает систематически исполь-

зоваться, когда Милль обращает внимание на особый вид имен, которые после Рассела стали называться дескриптивными. Эти имена, как и собственные, являются единичными, но, в отличие от них, представляют собой еще один вид коннотативных имен. В контексте этих разъяснений выясняется, что собственные имена не только не-коннотативны, но и *неосмысленны* (*unmeaning*), потому что только показывают, «о каком именно предмете мы говорим, но не сообщая о нем ничего» [8. Р. 41]. Дескриптивные же имена единичны, потому что частью их *смысла* является то, что *набору атрибутов* соответствует только один индивид (первый Римский император), или потому что некоторое *общее* имя так ограничивается другими словами, что может, не противореча *смыслу* составного имени, предикцироваться только об одном индивиде (нынешний премьер-министр Англии). Словом, единичность таких имен «выявляется из их *смысла*» [Ibid. Р. 42].

Таким образом, хотя имена предназначены для того, чтобы называть предметы, их смысл Милль усматривает не в денотации, а в коннотации. «Как скоро имена, данные объектам, сообщают какую-либо информацию, т.е. как скоро имеют сами по себе смысл (*meaning*), то смысл этот заключается не в том, что они денотируют, а в том, что ими коннотируется». Поэтому собственные имена, по убеждению Милля, представляют собой лишь бессмысленные метки (*unmeaning mark*), предназначенные только для того, чтобы выделить предмет для внимания, отличить его от других предметов. Имена «Софрониск» и «отец Сократа» – имена одного индивида, но они имеют разный смысл.

Собственно, нетрудно заметить, и многими уже отмечалось, что «смысл» (*meaning*) Милля по многим важным характеристикам достаточно близко соответствует «смыслу» (*Sinn*) Фреге. Но я бы хотел указать на одно принципиальное различие: фрегевская пара «*Sinn–Bedeutung*» возвращается к традиционному членению в области обозначаемого, а у Милля разделение смысла (идентифицируемого с коннотацией) и денотации относится не к обозначаемому, но к способу обозначения.

Необходимо отметить, что в довольно обширной литературе, посвященной теории именования Милля, различие сигнификации и смысла игнорируется. По крайней мере мне нигде не удалось его обнаружить. Дело в том, что, в отличие от денотации и коннотации, Милль так и не дал каких-либо разъяснений, что же он понимает под сигнификацией и под смыслом. Буквальное прочтение, кажется, не может не создать впечатления, что Милль понимает и использует эти слова как синонимы. Но, на мой взгляд, он просто употребляет слово «сигнификация» в разных смыслах.

Слово «смысл», как мы заметили, он начинает активно употреблять, когда ему понадобилось объяснить различие между собственными и дескриптивными именами. После этого в течение одной-двух страниц смысл словно поглощает сигнификацию: в начале соответствующих разъяснений он характеризует собственные имена как неосмысленные (*unmeaning*), а заканчивает тем, что они «строго говоря, не имеют никакой сигнификации» [Ibid. Р. 43]! А на следующей странице говорится, что слова, сообщающие новую информацию, представляют собой, в отличие от собственных имен, «не просто метки, но нечто большее, это сигнификантные метки; и их сигнификанс образован коннотацией» [Ibid. Р. 44]. Но оба эти утверждения, что собственные

имена не имеют сигнификации и что сигнификация состоит в одной только коннотации, прямо противоречат всему, что он говорил об этом на предыдущих страницах пятого параграфа. А говорилось там, что денотация – это прямая сигнификация, т.е. вид последней, что неконнотативные имена сигнифицируют только предмет или только атрибут, но ведь сигнифицируют! Такое ощущение, что где-то на с. 42 незаметно произошла подсознательная революция, и Милль начал отождествлять всю сигнификацию только со смыслом и коннотацией. Или наоборот, учитывая прецеденты нечеткого словоупотребления в остальных местах трактата, на первых страницах пятого параграфа произошло временное торжество другой революции, сигнификация ненадолго стала обозначать нечто большее, чем только смысл, за это время Милль успел построить теорию денотации и коннотации, после чего сигнификация опять стала смыслом и свелась к одной только коннотации.

Таким образом, Милль не дал четкого определения понятиям сигнификации и смысла, что ставит перед нами интерпретативную проблему. Мы вынуждены выбирать между двумя стратегиями. Либо сигнификация и смысл действительно взаимозаменяемые синонимы, тогда излагаемая на первых страницах пятого параграфа теория двух способов сигнификации противоречит самому смыслу слова «сигнификация». Либо признать, что текст «Системы логики» позволяет осуществить две реконструкции теории сигнификации, и в рамках второй из них последняя не совпадает с понятием смысла. Мне представляется более естественным выбрать второе, причем соответствующую вторую реконструкцию принять в качестве основной. Тогда мы сохраняем без противоречий теорию двух способов сигнификации и будем вынуждены согласиться, что «смысл» является самостоятельной категорией в семантике Милля. При этом также придется иметь в виду, что во многих других местах книги, кроме первых пяти страниц пятого параграфа второй главы, слово «сигнификация» используется в другом, более узком смысле.

1.3. Рецепция теории сигнификации в немецкоязычной философии

В германской философии семантическая проблематика долгое время оставалась в лучшем случае на периферии, а то и вовсе не вызывала интереса. Ситуация резко изменилась, насколько можно судить, после перевода трудов Британских философов на немецкий язык. Причем воздействие Британской философии происходило в Германии по двум каналам. Во-первых, это перевод «Системы логики» Дж.С. Милля. Он был издан в 1849 г. – всего через шесть лет после выхода оригинала, а в 1868 г. появилось уже его третье издание, которым пользовались Фреге и Шрёдер. Во-вторых, это третье издание вошло в своеобразный резонанс с публикацией переводов основополагающих трудов классиков Британской философии Нового времени. В 1868 г. появился первый немецкий перевод «Трактата о принципах человеческого познания» Дж. Беркли, выполненный Фридрихом Ибервегом, затем в 1869 г. выходит «Трактат о человеческой природе» Д. Юма, а в 1872 – «Опыт о человеческом разумении» Дж. Локка, переведенные Юлиусом Кирхманом. Последние два труда издавались в немецком переводе еще в XVIII в., в 1755 и 1757 гг. соответственно, когда немецкий философский язык находился в стадии формирования, поэтому переводы Кирхмана фактически заново ввели их в обиход

немецкой философской мысли. Поэтому, когда в конце 1860-х гг. почти одновременно появились переводы трактатов Беркли и Юма, немедленно вслед за ними начали одна за другой издаваться посвященные им монографии, статьи, защищаться диссертации. Так, уже в 1870 и 1871 гг. вышли две монографии Фредерикса о философии Беркли, 1871 и 1872 гг. две монографии Йодля, а в 1874 г. – Пфляйдера, посвященные философии Юма.

Наконец, важную роль в росте интереса к Британской философии сыграло вышедшее в 1875 г. второе издание книги Куно Фишера «Фрэнсис Бэкон и его последователи». Текст был значительно расширен и дополнен по сравнению с первым изданием 1856 г., фактически это была другая книга, в два раза превосходившая первое издание по объему. В числе прочего было добавлено и подробное освещение учений Локка и Беркли о значении имен. Это исследование К. Фишера достойно внимания уже потому, что его лекции по логике и истории философии в Йенском университете слушал в 1869/70 г. молодой студент Готтлоб Фреге.

Немецкий перевод «Системы логики» Дж.С. Милля имел по крайней мере одну содержательную особенность, сыгравшую, как мне кажется, важную роль в том развороте, который несколько позднее произошел с семантическими исследованиями в немецкоязычной философии. Речь идет о переводе некоторых ключевых терминов – тех самых, на неопределенность значения которых в книге Милля мы обратили внимание в предыдущем разделе.

Дж.С. Милль, как мы там отметили, не приводит точных разъяснений по поводу того, что понимает под смыслом, а что под сигнификацией, и нетрудно найти места, где он употребляет их как синонимы. Тем не менее не только в его «Системе логики», но и в более широком контексте англоязычной философской литературы достаточно очевидно, что эти два термина несут разную смысловую нагрузку и выполняют разные функции. Сигнификация – достаточно нейтральный термин, выражающий обозначаемое в самом общем и широком смысле. В качестве видов сигнификации могут рассматриваться не только денотация и коннотация, но и референция и, наконец, сам смысл. Смысл (meaning) систематически ассоциируется с информацией, сообщаемой именем, с тем, что имя выражает результат неких познавательных усилий.

Тем не менее переводчик «Системы логики» на немецкий язык не придал значения этим тонкостям, вследствие чего и signification, и meaning постоянно, за единичными исключениями, переводятся как Bedeutung¹. В результате у немецкого Милля «Bedeutung» стал всеохватывающим семантическим термином [10]. Именно такую логику Милля имели перед собой Шрёдер, Гусерль и Фреге.

В упомянутых переводах философских трактатов, выполненных Ибервегом и Кирхманом, meaning всегда передается как Sinn, благодаря чему немецкий читатель улавливал смысловое различие, соответствующее различию между смыслом и сигнификацией. Но, с другой стороны, сам термин

¹ Стоит заметить, что аналогичная ситуация наблюдается и в русском переводе [9]. Кажется, что выбор слов «смысл», «значение», «содержание» и тому подобных для передачи любого из слов «signification», «sense», «import» и других произволен и продиктован только стилистическими соображениями.

«signification», как и производные от него слова, они не стремились переводить единообразно, передавая его то как *Bezeichnung*, то как *Bedeutung*. Больше того, Ибервег постоянно передает часто используемое Беркли *denote* с помощью того же *bezeichnen*.

А если мы добавим сюда, в каких терминах излагал учения Британских философов К. Фишер, то картина еще больше усложнится. Тот тоже описывает связь между словом и представлением, т.е. сигнификацию, обоими словами: то с помощью *Bezeichnung*, то с помощью *Bedeutung*; плюс к тому для общего указания на содержания и назначения слов Фишер использует слова «*Geltung*» и «*Wert*» [11. S. 592–600, 705–707]. Словом, если у кого-то затеплится надежда установить стандартные соответствия между традиционными британскими и новоизобретающимися немецкими семантическими терминами, то его ждет неизбежное разочарование.

Это было усилено общей тенденцией национального романтизма, овладевшей умами многих философов и ученых, когда многие стремились выработать национальную терминологию, часто отказываясь от общепринятых терминов латинского и греческого происхождения. Например, Фреге предпочитал не использовать даже такие привычные логические термины, как «импликация», «дедукция», «модус поненс», «контрапозиция» и др., используя, а иногда и изобретая вместо них слова немецкого происхождения. Все это привело к тому, что в немецкой логико-философской литературе была вытеснена на периферию традиционная семантическая терминология, а вместе с ней подчас и стоявшие за этими терминами концепции и проблемы. В результате перевода трудов британских логиков и философов на немецкий язык фактически сформировались предпосылки для появления новой системы семантических терминов, которая не имела точного соответствия с английским первоисточником.

2. Теория именования в школе Brentano

Одна только описанная выше деформация в переводах едва ли могла бы стать исчерпывающей причиной тех новых подходов к разработке семантической проблематики, которую мы встречаем в 1890-е гг. в трудах немецких логиков. Не менее важную роль сыграло то, как заимствованные семантические теории соединились с некоторыми традиционными концепциями немецкоязычной логики и философии языка, в частности с некоторыми установками школы Brentano. Во второй части рассмотрим некоторые особенности теории именования в работах двух представителей этой школы – А. Мейнонга и А. Марти.

2.1. Алексиус Мейнонг: сигнификация в терминах объема и содержания

В первой опубликованной работе А. Мейнонга «Юм-штудии I. К истории и критике английского номинализма» (1877), которая содержит текст его докторской диссертации, можно увидеть лишь крайне слабые намеки на созданную им значительно позднее теорию предмета. По этой причине она вызывает незначительный интерес исследователей. Мы можем указать лишь посвященные ей статьи К. Барбера [12, 13], а также исследования Р.Д. Роллингера [14]. Диссертация посвящена проблеме абстрактных и общих

идей в британской философии, прежде всего у Беркли и Юма. Он тщательно анализирует аргументы этих авторов, пытаясь найти в них слабые и сильные места, с позиций дескриптивной психологии Brentano.

Как мы уже знаем, Британскими философами Нового Времени, как и логиками в XIX в., вопрос о сигнификации имени ставился с той предпосылкой, что значением имени следует считать либо предмет, либо идею. Но никогда в качестве кандидата не обсуждалась пара объем / содержание (экстенционал / интенционал) – Британская логико-философская традиция долгое время просто не знала соответствующего учения. Несмотря на кажущееся сходство, предмет или класс предметов, очевидно, не тождественны экстенционалу континентальной логики, как и индивидуальная идея (представление) не тождественна содержанию понятия.

Кажется, первую попытку если не прямого отождествления сигнификации с экстенционалом и / или интенционалом, то по крайней мере интерпретации соответствующей проблематики в этих терминах мы встречаем в упомянутой работе Мейнонга. Он прибегает к такой интерпретации уже на второй странице диссертации, анализируя отрывок из Локка, где последний проводит мысль, что общая идея треугольника невозможна, потому что она «не должна быть идеей ни косоугольного, ни прямоугольного, ни равноугольного, ни равнобедренного, ни неравнобедренного треугольников; она должна быть всеми ими и ни одним из них в одно и то же время». Как следствие, заключает Локк, «не может существовать идея, в которой соединены части нескольких различных и несовместимых друг с другом идей» [15. Т. 2. С. 74]. Мейнонг указывает, что Локк приходит к такому странному заключению из-за того, что путает объем и содержание понятия (на это уже обращал внимание Роллингер [14. Р. 35–36]). И в дальнейших рассуждениях он то и дело излагает выкладки Локка, Беркли и Юма в терминах объема и содержания представлений, стремясь с их помощью прояснить, а местами и усовершенствовать теории этих авторов. Непосредственно после указанного замечания о путанице у Локка он переходит к разбору аргументов Беркли, который, с одной стороны, отвергал абстрактные идеи Локка, но, с другой стороны, отстаивал существование общих идей. При этом один из ключевых моментов анализа Мейнонга состоит в том, что абстрактное характеризует содержание представления, а общее – его объем [16. С. 200]. Поэтому рассматривая рассуждения Беркли, утверждает Мейнонг, мы вынуждены переходить «от вопроса о содержании понятия к вопросу о его объеме» [16. С. 198]. Кроме того, в соответствии с пониманием, возобладавшим в Австрийской логической традиции еще до пришествия Brentano, он понимает под объемом понятия не совокупность подчиненных ему видов, но совокупность подпадающих под него индивидов [Ibid. S. 211]. Благодаря такой интерпретации объема понятия его отождествление с предметами как сигнификатами общего имени происходит довольно просто и даже естественно, если и не провозглашается явно.

Если иметь в виду эти наблюдения, смысл и мотивы усилий Мейнонга по интерпретации и улучшению теорий значения Британских философов становятся более прозрачными и объяснимыми. Локк видит сигнификацию общего имени (Мейнонг, видимо, следуя переводам Ибервега и Кирхмана, передает

это то как *Bezeichnung*, то как *Bedeutung*¹) в абстрактной идее, но ни в коем случае не в предмете. Для Беркли слово является общим не в силу неких собственных особенностей, но потому, что соответствующая ему частная идея используется для указания на все подобные ей другие частные идеи. (При желании в этом рассуждении Беркли можно усмотреть предвосхищение принципа квантификации свободной переменной.) Фактически за рассуждениями Мейнонга стоит не всегда явно проговоренная, но довольно прозрачная мысль, что Локк смотрел на сигнификацию как на интенционал, а Беркли – как на экстенционал. Поскольку же для него, как для человека, воспитанного в континентальной логико-философской традиции, эти две характеристики неотделимы друг от друга, достаточно естественно, что он, завершая часть исследования, посвященную Беркли, делает вывод, не встречавшийся ни у одного Британского автора. Он ставит под сомнение целесообразность сведения сигнификации имени к одной из двух сторон: «Утверждать, что слова обозначают [*bezeichnen*] *только* предметы было бы столь же однобоко, как и утверждать, что они обозначают *только* идеи. Скорее, они делают и то и другое, хотя, необходимо отметить, в разном смысле» [16. S. 214]. Насколько можно судить, это первый зафиксированный в литературе прецедент, когда пересаженная на немецкоязычную почву британская теория сигнификации претерпевает подобную трансформацию. Тут возможно возражение, что подобный радикальный пересмотр был совершен уже Миллем, но следует вспомнить, что его денотация и коннотация относятся не собственно к обозначаемому, но к *способам обозначения*.

Поскольку такой подход к пониманию семантики имени стал для нас привычным благодаря статье Фреге «О смысле и значении», можно поставить вопрос о том, не был ли Фреге знаком с этой работой Мейнонга. Прямого и однозначного ответа на него мы дать не можем. Нет никаких подтверждений, что Фреге знакомился с текстом диссертации Мейнонга. Но можно отметить по крайней мере один любопытный факт. Мейнонг, анализируя теорию абстракции Милля, рассуждает о равенстве и тождестве и при этом указывает, что только ограниченность языка заставляет нас говорить, что *a* и *b* имеют «одно и то же» свойство Φ там, где вполне можно говорить, что свойство Φ предмета *a* «равно» свойству Φ предмета *b* (переменные здесь введены мною для удобства пересказа, изложение Мейнонга обходится без них). А это значит, что только особенности используемого нами языка заставляют нас усматривать тождество там, где имеет место равенство [Ibid. S. 205]. Почти такой же ход мысли мы встречаем в § 65 «Оснований арифметики» Г. Фреге. В рассуждениях, предваряющих определение численности через абстракцию, Фреге замечает: «Хотя, как кажется, „один и тот же“ выражает полное совпадение, а „равный“ – только совпадение в том или ином отношении; можно тем не менее принять такое прочтение, которое упразднит это различие, если, например, вместо „расстояния равны по длине“ говорить

¹ Цитаты из британских авторов приводятся Мейнонгом в немецком переводе, но в примечаниях делаются ссылки на оригинальные английские заголовки их трактатов без указания на издания и номера страниц, а только на номера глав и параграфов. Немногие приводимые им цитаты из Локка заметно отличаются от того, как они переведены в издании Кирхмана. Либо Мейнонг пользовался неуставленным мной переводом, либо переводил эти отрывки самостоятельно. Цитаты же из Беркли отличаются от содержащихся в переводах Ибервега лишь несущественными стилистическими или грамматическими расхождениями.

„длина расстояний равна“ или „одна и та же“, вместо „пятна равны по цвету“ – „цвета пятен равны“» [17. S. 73–74]. Мейнонг возвращается к этой мысли во второй части своих исследований, «Hume Studien II», вышедшей через пять лет и посвященной теории отношений. Там этот ход мысли воспроизводится и излагается более развернуто: отношению тождества посвящена отдельная, седьмая глава [18. S. 707–713]. Вскоре рецензию на это исследование Мейнонга опубликовал А. Хёфлер в седьмом томе ежегодного журнала «Ежеквартальник научной философии» за 1883 г., т.е. за год до появления упомянутого труда Фреге. В этой рецензии Хёфлер достаточно подробно воспроизводит соответствующие рассуждения Мейнонга, приводя пространственные цитаты [19. S. 489–490]. То, что Фреге регулярно знакомился с публикациями этого журнала и отправлял туда некоторые свои работы, не является секретом¹. Нам не известно никаких свидетельств того, что Фреге читал эту рецензию Хёфлера, тем более свидетельств того, что знакомство с этой рецензией побудило его заняться изучением самой рецензируемой работы, да еще и первой ее части. Там не менее сам факт такого любопытного совпадения мыслей представляется достойным упоминания. Один из фундаментальных принципов семантики Фреге – что содержание имени имеет две равноправные стороны, смысловую и предметную – был предвосхищен за пятнадцать лет до выхода в свет статьи «О смысле и значении» одним из учеников Brentano.

Что же касается Гуссерля, который, как и Мейнонг, был учеником Brentano, то его знакомство с этим ранним исследованием Мейнонга не является секретом. Обмен идеями между ними был настолько интенсивен, что Мейнонг даже находил поводы для обвинения Гуссерля в плагиате. Хороший сравнительный анализ идей, содержащихся в ранних работах этих двух авторов, можно найти в исследовании К. Иерны [20].

2.2. Антон Марти: этимон как посредник между знаком и значением

Антон Марти – один из первых последователей философии Brentano, ставший его учеником еще в Вюрцбургский период. Его шутливо называли министром по делам языка в школе Brentano, и его роль в применении принципов брентанизма к философии языка достаточно хорошо исследована (см., напр.: [21] и приводимую там в примечаниях библиографию). Вместе с тем, кажется, не предпринималось попыток рассмотреть его результаты в контексте становления логической теории именования, в частности в контексте развития соответствующих взглядов Фреге. Здесь мы хотели бы обратить внимание на одну из его ранних работ, «О бессубъектных предложениях и отношении грамматики к логике и психологии», опубликованную в 1884 г., т.е. до появления первых работ по логической семантике, в которой содер-

¹ В 1882 г. Фреге отправлял в этот журнал статью «Булев логический формульный язык и мое понятийное письмо», в 1887–1889 гг. в нем публиковались первые статьи исследования Б. Керри, на содержащиеся в которых критические замечания в свой адрес Фреге отвечал статьей «О понятии и предмете». В этом журнале регулярно публиковались статьи, посвященные логике и философии математики. Поэтому предположение, что он знакомился с публикациями журнала за 1883 и 1884 гг., представляется вполне правдоподобным, тем более что в одной из них, как будет отмечено ниже, благосклонно разбирается одна из его работ.

жаты основные тезисы его теории языкового значения. Но сначала сделаем несколько замечаний об общем контексте лингвистических исследований, в котором появилась эта статья.

К середине XIX в. в языкознании, как и в логике, установилось доминирование психологизма. Язык рассматривался как порождение и отражение народной либо индивидуальной психологии. Одним из центральных методологических понятий стало введенное В. Гумбольдтом понятие «внутренней формы языка». У Гумбольдта оно было довольно расплывчатым и в дальнейшем получило разнообразные толкования. Сам автор этого термина тесно связывал его смысл с мировоззрением народа, которое находит выражение в его языке. У Х. Штейнтала и М. Лацаруса это привело к разработке этнопсихологии. Здесь внутренняя форма языка рассматривалась как фундамент особого языкового мышления, которое противопоставлялось логическому, или предметному, мышлению, основанному на представлениях. У других исследователей, например у А.А. Потебни, смысл этого термина сдвинулся к внутренней форме *слова*. Под этим, как правило, подразумевалось этимологическое значение слова. Собственно же проблемы языкового значения не были предметом специализированной рефлексии и находились на периферии лингвистических исследований. Штейнталь и Лацарус, различая понятийное и языковое (или символическое) мышление, настойчиво проводили мысль, что язык – не только средство сообщения, но и средство выражения, оформления мысли. В упомянутой статье Марти излагает и разъясняет некоторые ключевые идеи в форме обширной полемики с этими двумя учеными, а также с В. Вундтом, Х. Зигвартом и др. Одно из центральных положений состоит в том, что даже если допустимо принимать различие этих двух видов мышления, связь между ними не является однозначной. Во всяком случае за понятийно-логическим мышлением следует признать существенную независимость, поскольку логические формы не находят однозначного отражения в формах грамматических; мы не можем познать первые, изучая вторые.

Его аргументация в значительной степени опирается на тезис Brentano, что все суждения, как бы они ни формулировались в естественном языке, являются экзистенциальными. Согласно учению Brentano суждение, будучи действием сознания, надстраиваемым над действием представления, состоит в признании либо отвержении существования представленного предмета. Поэтому для суждения несущественно наличие терминов субъекта и предиката: совершенно не важно, какое количество терминов потребуется для описания принимаемого / отвергаемого предмета представления. Brentano также показал, как все известные логике разновидности суждений можно редуцировать к экзистенциальным [22. С. 49–50]. Марти же интерпретирует технику Brentановских редуций таким образом, что разнообразие других видов суждений, отличных от экзистенциальных, он относит не к логике, но к языку. Это язык устроен так, что позволяет одну и ту же мысль выражать не только экзистенциальным, но и категорическим, и гипотетическим, и каким угодно другим предложением.

Во второй части статьи, где излагаются эти идеи, Марти уделяет четыре страницы обзору фрегевской теории суждения, представленной в «Понятийном письме». Вообще довольно странно, что историки, уделявшие внимание реакции, вызванной этой первой революционной работой Фреге, упустили из

виду этот отрывок. Ведь это едва ли не единственный из появившихся в первые годы после публикации положительный отзыв, пусть даже он касался только теории суждения и оставил без внимания все остальные идеи Фреге, связанные с логикой и основаниями арифметики.

Марти приветствует не только результат Фреге – освобождение сути суждения от субъектно-предикатного анализа, но и теоретическое основание, которое смогло к этому привести, а именно отделение логики от естественного языка. Как пишет Марти, «попытка освободить мысль от привычных языковых выражений тоже привела его к наблюдению, что между субъектом и предикатом нет логического различия» [23. S. 185]. Действительно, различие в формульном языке Фреге черты содержания и черты суждения совершенно соответствует сути брентановского учения о суждении, которое состоит в отделении содержания, которое утверждается, и самой функции суждения. Есть и два момента в теории Фреге, которые вызывают досаду у Марти. Первый касается того, что Фреге характеризует утверждаемое содержание как «соединение представлений». Марти видит в этом некий пережиток, уступку разоблачаемой теории, показывающую, что Фреге «тоже находится под чарами категорической высказывательной формулы» [Ibid. S. 186]. Второй момент касается того, что Фреге рассматривает отрицание как часть содержания суждения. Для Марти же, который в этом вопросе ни на шаг не отступает от догмы мастера Brentano, утверждение и отрицание представляют собой две равноценные функции суждения. «В высшей степени достойно сожаления, что Фреге не признает в отрицании форму функции суждения, равноценную с утверждением, но рассматривает его как признак утверждаемого содержания (материи)» [Ibid. S. 188]. Заметим также, что не только Марти дал первый положительный отзыв на теорию суждения Фреге, но можно зафиксировать и обратную «симпатию»: логический проект Фреге можно оценить как первое развернутое построение логики, основанное на принципах теории суждения Brentano.

Итак, во второй части статьи Марти использовал открытую Brentano технику сведения всех видов суждений к экзистенциальным, чтобы показать, что понятийное мышление автономно относительно естественного языка. Выделение в структуре суждения субъекта и предиката относится к языковому оформлению суждения, но не касается его логической природы. Вообще категории языка не могут служить основанием для изучения логических категорий, а различения языковых высказываний не должны рассматриваться как различения логических суждений. Поэтому Марти ставит вопрос о том, в чем же тогда состоит и на чем основано различие между разными языковыми выражениями для одного мыслительного содержания. Для ответа на этот вопрос он предлагает в третьей части статьи свою теорию значения и внутренней формы языкового знака, которую он также называет *этимоном*.

Марти утверждает, что возможность такого различия служит проявлением более общей закономерности. Состоит она в том, что «...сила определенных знаков и их воздействие на душевное состояние слушающего могут быть различными, даже если оба имеют одинаковое значение [Bedeutung] в самом строгом смысле. Имена, которые обозначают одно и то же представление, могут быть внутренне различны» [Ibid. S. 293]. Это внутренне различие и обозначено этимоном. Одно и то же представление может обозначаться разными

словами с разными этимонами. Опережая события, заметим: как тут не впечатлиться, что Марти начинает изложение теории этимона практически с того же вопроса, с которого позднее Фреге начинает изложение теории смысла?

Итак, что же такое, согласно Марти, этимон знака, и как он связан с его значением?

Марти рассматривал язык в первую очередь как средство общения, а не результат выражения народного духа или даже содержаний сознания. Поэтому его теорию значения можно обозначить как «коммуникативную». Как правило, не только упоминавшиеся выше философы, но и многие лингвисты вслед за Локком усматривали значение слова в той идее (представлении), которая ассоциирована с этим словом в сознании говорящего. Согласно же теории Марти, значением [Bedeutung] является представление, которое говорящий желает вызвать в сознании адресата своего сообщения с помощью звучащих знаков. Чтобы достичь этой цели, знак, или внешняя форма слова, должен сначала вызвать некое опосредующее побочное представление [Nebenvorstellung], сопровождающее то представление, которое является собственно значением. Вообще идея о том или ином виде посредничества через побочное вспомогательное представление является одной из ключевых для всего учения Марти и привлекается им неоднократно для объяснения различных родственных феноменов. Для нас наиболее важны два из них, связанные именно со значением. Первый – это посредник между представлением, которое должно быть вызвано в сознании адресата, и представлением в сознании говорящего. Это такое побочное представление, которое всего лишь должно обратить внимание слушающего на сам факт наличия соответствующего представления в сознании говорящего. Второй – посредник между знаком и значением. Именно последний он и называет этимоном.

Словами самого А. Марти, «„Внутренняя языковая форма“, или этимон средства выражения, есть представление, которое служит связующим ассоциативным звеном между внешним воспринимаемым знаком и его значением, т.е. психическим содержанием, которое оно желает возбудить в адресате» [23. S. 298]. Слово, утверждает Марти, способно выполнить эту работу только благодаря тому, что обладает внутренней формой, или этимоном. Но этимон является, если так можно выразиться, более универсальным посредником, чем тот, который мы привели в качестве первого. Он относится к обоим представлениям: и тому, которое есть у говорящего, и тому, которое должно быть возбуждено в слушающем.

В этой связи Марти выделяет две функции знака. Первая из них, та, ради которой знак и используется, – функция обозначения. Хотя она, казалось бы, является главной и целевой, он характеризует ее как вторичную. А вот другую функцию, которая выполняется благодаря этимону, – функцию выявления [Kundgebung], он объявляет первичной.

Этот акцент на первичности опосредующей функции этимона отчасти объясняется тем, что, как я уже упомянул чуть выше, жанровой особенностью этой работы является то, что многие тезисы он формулирует, разъясняет и уточняет в контексте полемики со своими постоянными оппонентами. Сам термин «этимон» как уточнение Гумбольдтовской «внутренней формы» ввел Штейнталь. Он подразумевал под этим изначальное значение слова, которое оно имело в момент появления, «архисему». Но слова меняют значение в

процессе исторического развития языка, и Штейнталь позволяет понять себя так, что предметом такого изменения является этимон. Как следствие, этимон слова практически отождествляется им с его значением. Во всяком случае Марти именно так понял теорию Штейнталья, и именно за это он его критикует. Марти подхватил у последнего этот термин и при этом обвинил его в том, что тот неправильно понял, в чем на самом деле состоит суть этимона. Хотя автор анализируемой нами статьи тоже видит в этимоне нечто близкое по смыслу к изначальной этимологии, он категорически настаивает на недопустимости смешения этимона слова с его значением. Основной акцент при анализе этимона Марти делает на его опосредующей функции. Статья и завершается провозглашением этого тезиса: «Внутренняя языковая форма не является ни обозначенной мыслью, ни ее органом, но это просто... вспомогательное средство рассудка» [23. S. 340].

Изложение Марти не создает полной ясности относительно онтологического статуса этимона. Он называет этимон «голым представлением» в том смысле, что он не содержится ни в чем индивидуальном сознании. Но где его собственная сфера пребывания, остается неясным. Он является посредником не между представлениями говорящего и слушающего, но прежде всего посредником между знаком и значением. Вместе с тем, за счет чего осуществляется это посредничество, тоже не вполне ясно. Наконец, пути, способы и конечные пункты опосредования понимаются автором статьи очень широко, но без проникновения в подробности. Как пишет сам автор, «этимон опосредует, там где это вообще требуется, каждый способ, которым языковое выражение является знаком, а также его выявляющую функцию» [Ibid. S. 303]. Как и за счет чего этимон все это выполняет, понять затруднительно.

Другой особенностью теории Марти является то, что этимоном обладает не всякий знак, но только слова естественного языка, которые однажды неким естественным образом возникли. Остальные знаки могут выполнять обозначающую функцию и без помощи этимона, т.е. прямо и непосредственно. Во-первых, это врожденные знаки. Например, крик – непосредственный знак боли. Во-вторых, это знаки и слова, вводимые соглашениями, например в науке, для игры и т.п. Они тоже не имеют этимона. Наконец, если бы язык служил исключительно для выражения мысли, если бы он был просто орудием понятийного мышления, то не было бы и никакого повода говорить о его внутренней форме. Так, например, числовые знаки, как он считает, являются прямыми репрезентантами числовых понятий и не могут характеризоваться этимоном.

Наконец, последняя важная особенность, которую нельзя обойти вниманием в связи с интересующей нас темой. Внутренней формой, или этимоном, обладает и высказывание [Aussagen]. Этим термином Марти обозначает произнесенное предложение. Его значением является суждение слушающего, т.е., в соответствии с учением Ф. Brentano, согласие слушающего с тем, что внешний предмет, соответствующий тому представлению, которое есть в сознании говорящего и о котором последний сообщает, действительно существует. В случае суждения также наблюдается, во-первых, посредничество между сознаниями говорящего и слушающего, и, во-вторых, реализуемое этимоном посредничество между предложением и суждением. Благодаря успешному выполнению выявляющей функции адресат моего высказывания

имеет возможность узнать, как я сужу о предмете. Благодаря успешному выполнению обозначающей функции адресат соглашается с моим суждением.

В теории внутренней языковой формы в том виде, как она изложена Марти в статье «О бессубъектных предложениях...», на мой взгляд, есть и другие неясные и даже противоречивые места. Здесь мы не будем углубляться в анализ этих специфически лингвистических и психологических тонкостей, поскольку не они нас в первую очередь интересуют. Нам интересно заметить некоторые замечательные предвосхищения появившихся позднее логических теорий именования, особенно теории Фреге, в рамках лингвистической теории, основанной на методологии Brentano.

Действительно, если отвлечься от содержательных моментов теории Марти, но остановить внимание на ее структурных свойствах, то можно подытожить следующее.

1. Между языковым знаком и его значением необходимо полагать наличие некоего опосредующего звена.

2. Знак имеет две функции, причем обозначающая функция является вторичной и зависит от успеха первичной.

3. Разные знаки с разными опосредующими звеньями могут иметь одинаковое значение.

4. Предложение тоже является знаком, для которого выполняются все предыдущие тезисы

Как нетрудно заметить, все эти тезисы совпадают с тезисами Г. Фреге. Остается добавить, что статья Марти «О бессубъектных предложениях», в которой сформулированы все эти тезисы, была опубликована в том же 1884 г., что и «Основания арифметики» Фреге. В этой работе Фреге нет ни одной из перечисленных идей, но, как мы знаем, именно они образуют ядро семантического учения зрелого Фреге, изложенного в работах 1891–1893 гг. Разумеется, это не может рассматриваться как доказательство влияния Марти на Фреге. Мы видим только некоторые концептуальные совпадения, Фреге никогда не ссылается на Марти в своих работах. Но нельзя не признать, что совпадения эти очень впечатляющи.

Имелись ли между этими двумя мыслителями личные контакты? Опишем внешнюю сторону дела. В Гёттингене в начале 1870-х гг. их жизненные траектории весьма сблизились, но, по всей видимости, личного знакомства между ними так и не случилось. Фреге, отучившись в Гёттингенском университете пять семестров, защитил там докторскую диссертацию по математике в декабре 1873 г., а в мае 1874 г., предварительно защитив уже в Йенском университете habilitationную работу, приступил там же к чтению лекций. Марти в период обучения Фреге в Гёттингене преподавал философию в лицее в родном Швице, и как раз в мае 1874 г., по примеру своего наставника Brentano отказался от сана священника и лишь после этого, по причине вызванного этим решением скандала, был вынужден оставить не только преподавание, но и Швейцарию. Диссертацию по философии он защитил в Гёттингене под руководством Р.Г. Лотце уже в 1875 г. Марти был дружен с Карлом Штумпфом, вместе с которым посещал лекции Brentano в Вюрцбурге. В свою очередь, Штумпф защитил диссертацию по философии математики в Гёттингене под руководством того же Лотце уже в 1870 г. и после этого до 1873 г. в должности приват-доцента преподавал в том же Гёттингенском уни-

верситете. Имя Фреге не числится в списке записавшихся на его курс, тем не менее факт их личного знакомства выглядит почти достоверным. Сам тон сохранившихся писем, которыми они обменялись в 1882 г., заставляет думать, что мы имеем дело с коммуникацией людей, которые лично общались до того, как начали писать письма друг другу. В переписке Фреге, изданной в 1969 г., письмо от 29 августа 1882 г. идентифицировано как письмо, адресованное А. Марти. Однако в ходе дальнейших исследований достаточно убедительно показано, что на самом деле его адресатом следует считать К. Штумпфа и что письмо последнего к Фреге от 9 сентября 1882 г. было ответом именно на первое. Словом, Марти и Фреге, скорее всего, не были знакомы ни лично, ни по переписке. Но оба были в довольно тесных и доверительных (а Марти – в дружеских) отношениях со Штумпфом. Будучи ровесниками и находясь в несовпадающие буквально временные промежутки, но в один и тот же исторический период в Гёттингенском университете, они имели сильно пересекающиеся круги общения и испытывали одинаковые интеллектуальные влияния – достаточно упомянуть Р.Г. Лотце и К. Штумпфа. В отличие от описанного выше случая Фреге и Мейнонга, который только говорит о слабой возможности наличия между ними интеллектуальной связи, в случае Фреге и Марти вероятность подобной связи выглядит очень высокой.

Заключение

Теории именования, разработанные немецкими логиками, которые легли в основание одного из разделов современной логической семантики, появились во многом благодаря своеобразному забвению старых теорий сигнификации, развивавшихся в Британской философии Нового Времени. Это частичное забвение старого, или, если угодно, его растворение в новом, произошло в ходе нескольких взаимосвязанных процессов. Во-первых, эти Британские теории были модернизированы при переносе в английскую логику в первой половине XIX в. Уэтли и Миллем. Во-вторых, они претерпели смысловые сдвиги в базисной терминологии при переводе на немецкий язык. В третьих, некоторые из их фундаментальных принципов были переинтерпретированы в терминах, привычных для немецкоязычной логики и философии, но чуждых для Британской традиции. Наконец, как мы пытались показать, очень вероятно, что они были соединены с другими идеями, самостоятельно развивавшимися в школе Brentano и немецком языкознании. За рамками представленного здесь исследования остался анализ того, какие из перечисленных процессов и в каких формах нашли отражение в построениях Шрёдера, Гуссерля и Фреге. Последняя тема, безусловно, заслуживает отдельного внимания.

Литература

1. Dawson: Locke, Language and Early-Modern Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
2. Скрипник К.Д. «Σημιωτική» Дж. Локка : историко-философская ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 172–182.
3. Черноскутов Ю.Ю. Развитие семантических идей в Британской логике XIX века // Рацио.ru. 2016. № 2 (17). С. 111–133.

4. Черноскотов Ю.Ю. Язык и предмет логики в Британской логической традиции XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 1. С. 3–15.
5. *Whately R.* Elements of Logic. From the 8th London ed. revised. New York : Harper & Brothers, 1855. 396 p.
6. *Whately R.* Elements of Logic. London : Printed for J. Mawman, 1827. 348 p.
7. Уэтли Р. Основания логики. СПб. : Изд. А.В. Заленского, 1873. 547 с.
8. *Mill J.S.* A System of Logic, Ratiocinative and Inductive. London : J.V. Parker, 1843. Vol. 1. 580 p.
9. Милль Дж.С. Система логики : в 2 т. СПб. : Изд. М.О. Вольфа, 1865. Т. 1. 553 с.
10. *Mill J.S.* System der deduktiven und inductiven Logik / Übersetzt von J. Schiel. Braunschweig : Friedrich Vieweg und Sohn, 1868. Bd. 1.
11. *Fischer K.* Francis Bacon und seine Nachfolger. Entwicklungsgeschichte der Erfahrungsphilosophie. Leipzig : F.U. Brockhaus, 1875. 788 S.
12. *Barber K.* Meinong's Hume studies. Part I: Meinong's Nominalism // Philosophy and Phenomenological Research. 1970. Vol. 30, № 4. P. 550–567.
13. *Barber K.* Meinong's Hume studies II: Meinong's Analysis of Relations // Philosophy and Phenomenological Research. 1971. Vol. 31, № 4. P. 564–584.
14. *Rollinger R.D.* Meinong and Husserl on Abstraction and Universals: From Hume Studies I to Logical Investigations II. Amsterdam–Atlanta : Rodopi, 1993. 196 p.
15. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения : в 3 т. М., 1985.
16. *Meinong A.* Hume Studien I. Zur Geschichte und Kritik des modernen Nominalismus // Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften. 1877. Bd. 78. S. 185–260.
17. *Frege G.* Grundlagen der Arithmetik. Hamburg : F.Meiner, 1986.
18. *Meinong A.* Hume Studien II. Zur Relationstheorie // Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften. 1882. Bd. 101. S. 573–752.
19. *Höffler A.* Meinong, Alexius. Hume-Studien I... Anzeige // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1883. Bd. 7. S. 482–491.
20. *Ierna K.* Relations in the early Works of Meinong and Husserl // Meinong studies. 2009. Vol. 3. P. 7–36.
21. Громов Р.А. Антон Марти. Философия языка Брентановской школы // Логос 1991–2005. Избранное. М. : Территория будущего, 2006. Т. 1. С. 197–235.
22. Черноскотов Ю.Ю. Ф. Брентано: опыт реформирования силлогистики // Логико-философские штудии. 2010. № 8. С. 46–53.
23. *Marty A.* Ueber subjectlose Sätze und das Verhältniss der Grammatik zu Logik und Psychologie // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1884. Bd. 8, Art. 1. S. 56–94; Art. 2. S. 161–192; Art. 3. S. 292–340.

Jurij Ju. Chernoskutov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: chernoskutov@mail.ru; ju.chernoskutov@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 117–136.

DOI: 10.17223/1998863X/50/12

DEVELOPMENT OF THEORETICAL AND TERMINOLOGICAL FOUNDATIONS OF SEMANTICS IN THE LOGIC AND PHILOSOPHY OF THE 21st CENTURY

Keywords: signification; meaning; Whately; Mill; Meinong; Marty; Frege.

The article traces some principal points of the history of the development of terms and conceptions which served as the basis for German logical doctrines of semantics in the 1890s. The first part of the article considers the theory of signification inside English logic and the deformations it underwent when translated into German. Semantic issues were part of logic in the British tradition because the latter used to view the subject of logic as a reasoning, and language as the only bearer of that reasoning. In addition, the theory of signification was an important part of British modern philosophy. These approaches were incorporated into logic by Richard Whately, but with some modifications. He in fact reduced signification to denotation and, in order to explicate the nature of common names, introduced the notion of class into logic. It was John Stuart Mill who explicitly developed the logical theory of signification. He did not share Whately's radical nominalism and founded his theory not on class, but on the distinction of two kinds of signification: denotation, or direct way of representing an object, and connotation, which does the same work indirectly, via attributes. Along with signification, he intro-

duced the concept of meaning into logic. When Mill's and classical British philosophers' works were translated into German, some terminological shifts crept in. The difference between signification and meaning disappeared in the German text of Mill's *Logic*, and between signification and denotation in the German translation of Berkeley. The second part of the article considers some treatments of the name theory in the school of Brentano. On the material of Meinong's doctoral thesis of 1877, the author traces how British issues were adapted in continental philosophy. Namely, he tries to interpret the British discussion of abstract ideas in terms of "Inhalt" and "Umfang", which were alien for British logic and philosophy. As a consequence, he came to a conclusion principally foreign for the latter: object and idea should be viewed as different sides of signification. On the material of Anton Marty's article on subjectless propositions, published in 1884, the author attracts attention to the possible influence of linguistic theories of meaning on the logical semantic theories. The principal idea of Marty's doctrine is that of a need in a mediating link between a sign and its meaning which he called "etymon". He describes the meaning as a secondary function of a sign while an etymon as a primary one. Different words with different etymons can have the same meaning. The sentence is a kind of a name; consequently, it has an etymon as well. Thus, there is an evident formal correspondence between Frege's logical semantics and Marty's linguistic semantics. Finally, the author gives some arguments for the idea that Frege was acquainted with the considered ideas of Meinong and Marty.

References

1. Dawson, H. (2007) *Locke, Language and Early-Modern Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Skripnik, K.D. (2017) J. Locke's "σημωτή": History of philosophy's retrospective. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 2. pp. 172–182. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182
3. Chernoskutov, Yu.Yu. (2016) The Development of Semantic Ideas in the British Logic of 19th Century. *Ratsio.ru*. 2(17). pp. 111–133. (In Russian).
4. Chernoskutov, Yu.Yu. (2012) Yazyk i predmet logiki v Britanskoy logicheskoy traditsii XIX veka [Language and the subject of logic in the British logical tradition of the 19th century]. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Poli-tologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 3–15.
5. Whately, R. (1855) *Elements of Logic*. From the 8th London ed. revised. New York: Harper & Brothers.
6. Whately, R. (1827) *Elements of Logic*. London: Printed for J. Mawman.
7. Whately, R. (1873) *Osnovaniya logiki* [Elements of Logic]. Translated from English. St. Petersburg: A.V. Zalsensky.
8. Mill, J.S. (1843) *A System of Logic, Ratiocinative and Inductive*. Vol. 1. London: J.V. Parker.
9. Mill, J.S. (1865) *Sistema logiki: v 2 t.* [A System of Logic. In 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. St. Petersburg: M.O. Wolf.
10. Mill, J.S. (1868) *System der deduktiven und induktiven Logik*. Vol. I. Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn.
11. Fischer, K. (1875) *Francis Bacon und seine Nachfolger. Entwicklungsgeschichte der Erfahrungsphilosophie*. Leipzig: F.U. Brockhaus.
12. Barber, K. (1970) Meinong's Hume studies. Part I: Meinong's Nominalism. *Philosophy and Phenomenological Research*. 30(4). pp. 550–567.
13. Barber, K. (1971) Meinong's Hume studies II: Meinong's Analysis of Relations. *Philosophy and Phenomenological Research*. 31(4). pp. 564–584.
14. Rollinger, R.D. (1993) *Meinong and Husserl on Abstraction and Universals: From Hume Studies I to Logical Investigations II*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi.
15. Locke, J. (1985) *Sochineniya: v 3 t.* [Works. In 3 vols]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
16. Meinong, A. (1877) Hume Studien I. Zur Geschichte und Kritik des modernen Nominalismus. *Sitzungsbereiche der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften*. 78. pp. 185–260.
17. Frege, G. (1986) *Grundlagen der Arithmetik*. Hamburg: F. Meiner.
18. Meinong, A. (1882) Hume Studien II. Zur Relationstheorie. *Sitzungsbereiche der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften*. 101. pp. 573–752.
19. Höffler, A. (1883) Meinong, Alexius. Hume-Studien I... Anzeige. *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. 7. pp. 482–491.

-
20. Ierna, K. (2009) Relations in the early Works of Meinong and Husserl. *Meinong Studies*. 3. pp. 7–36.
21. Gromov, R.A. (2006) Anton Marti. *Filosofiya yazyka Brentanovskoy shkoly* [Anton Marty. Philosophy of the language of the Brentano School]. In: Anashvili, V.V. & Pogorelsky, A.L. (eds) *Logos 1991–2005. Izbrannoe* [Logos 1991–2005. Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 197–235.
22. Chernskotov, Yu.Yu. (2010) F. Brentano: opyt reformirovaniya sillogistiki [F. Brentano: on reforming syllogistics]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 8. pp. 46–53.
23. Marty, A. (1884) Ueber subjectlose Sätze und das Verhältniss der Grammatik zu Logik und Psychologie. *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. 8. pp. 56–94.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 332.14:338.24

DOI: 10.17223/1998863X/50/13

З.А. Данилова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Дана характеристика экологической ситуации, определены источники загрязнения акватории и побережья озера Байкал. Выявлено отношение респондентов к экологическим рискам, составлены рейтинги социально-экономических и экологических угроз, актуальности мер по их снижению. Рассмотрены риски хозяйственной деятельности в бассейне озера Байкал.

Ключевые слова: регион, экологические риски, население, рейтинг, экологические практики, актуальные мероприятия.

Экологическая ситуация на побережье озера Байкал

В последние годы экологическая ситуация на побережье озера Байкал приобретают угрожающий характер вследствие участвовавших природных катаклизмов, усиления антропогенного воздействия на окружающую среду. Постоянными явлениями становятся лесные пожары, которые возможно рассматривать как тест на способность общества с ними справляться. По данным мониторинга Гринпис в 2018 г. Иркутская область и Республика Бурятия стали лидерами по уничтожению лесного покрова в РФ, главной причиной которого стали лесные пожары [1]. Негативное воздействие на окружающую среду оказывают промышленные предприятия, топливно-энергетический комплекс, транспорт, добыча полезных ископаемых и др.

Основными источниками загрязнения бассейна озера являются промышленные и бытовые отходы таких крупных населенных пунктов, как Иркутск, Улан-Удэ, Северобайкальск, Байкальск, Слюдянка, где очистные сооружения либо являются устаревшими и не справляются с возросшей нагрузкой, либо отсутствуют. Иркутская область и Бурятия, особенно их центры Иркутск и Улан-Удэ, являются одними из самых экологически опасных территорий России. В экологическом рейтинге 2017 г. 85 субъектов РФ, в котором анализировались показатели состояния воздуха, воды, сбросов, выбросов, а также ответственность власти, активность общественных экологических организаций и др., Республика Бурятия заняла 78-е, а Иркутская область 82-е место [2].

Негативное воздействие на природную среду отмечается во многих населенных пунктах Байкальского региона, ареалами его максимального воздействия являются Улан-Удэнский, Закаменский, Кяхтинский, Гусиноозерский, Нижне-Селенгинский промышленные узлы [3. С. 61]. Промышленные и бытовые отходы, нефтепродукты, фосфаты, пестициды и другие вещества попадают в озеро преимущественно через самый крупный его приток – р. Селенгу.

За последние годы значительно возросла антропогенная нагрузка на побережье озера вследствие активного развития туризма, побережье Байкала ежегодно посещают от 1,0 до 1,5 млн туристов. В инфраструктуре туристического бизнеса практически не предусмотрены очистные сооружения. Существенный вред окружающей среде наносит неорганизованный туризм. От массового туристического паломничества загрязнена окружающая среда, в то время как в муниципальных структурах отсутствует строка бюджета на утилизацию бытовых отходов.

В 2011 г. в акватории Байкала была найдена водоросль спирогира, стремительно разрастающаяся на огромной территории, преимущественно напротив хозяйственных объектов, туристических баз. По данным исследований специалистов Лимнологического института СО РАН, в 2015 г. около 60% мелководья прибрежной зоны Байкала заросло этой водорослью, отмечается массовая гибель ветвистой губки – фильтра воды озера [4]. В результате в акватории Байкала появились зоны экологического бедствия, где распространена спирогира, – в районах расположения Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, г. Северобайкальска и бухты Лиственничная.

Многие эксперты считают сложившееся положение в бассейне озера Байкал катастрофическим, требующим немедленного реагирования и проведения дальнейших исследований. Важным представляется изучить социально-экономические и экологические риски социума в условиях проживания на уникальной природной территории, рассмотреть экологические практики населения в повседневной жизни, выявить актуальность мер по снижению уровня экологических угроз и опасностей.

Научные подходы и методы исследования

В работе использовались социологические теории У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, О. Яницкого об обществе риска, в которых феномен риска рассматривается через процессы модернизации и глобализации. По определению У. Бека, риск выступает условием систематического взаимодействия общества с опасностями, создаваемыми модернизацией [5]. Согласно О.Н. Яницкому, в условиях модернизации изменился характер отношений экосистемы со средой. Если ранее «природная и созданная человеком среда (социо-биотехническая система)» в определенной мере, хотя и недостаточно, сохранялась, поддерживалась обществом, то ныне интенсивно эксплуатируется и не восстанавливается даже в минимальных масштабах. В результате эта среда из нейтрализатора рисков превратилась в их производителя, породив эффект длительного выброса «энергии распада» [6. С. 5].

В исследовании применялся парадигматический подход (Т. Кун) к изучению экологической ситуации, позволяющий рассматривать поведенческие действия индивидов и групп в экстремальных ситуациях, в условиях изменяющихся в негативную сторону детерминант повседневного бытия, а также институциональный подход, предполагающий изучение экологической ситуации с позиций взаимодействия систем социальных институтов: экономических, государственных и общественных.

В рамках Года экологии 2017 г. сотрудниками лаборатории геоэкологии Байкальского института природопользования СО РАН под руководством автора было проведено социологическое обследование «Социально-экологи-

ческая безопасность населения Байкальского региона» [7]. Опрос проведен в 10 населенных пунктах, расположенных на побережье озера Байкал в Иркутской области и Республике Бурятия. Всего опрошено 423 респондента, из них 61,9% в Бурятии, поскольку на ее территории находится большая часть поселений на побережье озера. На берегах озера проживает более 120 тыс. человек, из них 78,5 тыс. человек в Республике Бурятия.

При опросе применялась стратифицированная выборка, репрезентативная по полу и возрасту. Акцент в исследовании делался на проблемные с точки зрения экологии территории. В частности, п. Усть-Баргузин, где накопившиеся проблемы стали рассматриваться на федеральном уровне, а также с. Максимиха, п. Хужир на острове Ольхон. Экологически проблемной территорией остается г. Байкальск, где не приступили к обезвреживанию ядовитых отходов Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Материалы опроса обработаны научным сотрудником Э.А. Батоцыреновым на базе программы SPSS, версия 22.0.

Обследование проводилось по следующим направлениям: оценка экологической ситуации, рейтинг социально-экономических и экологических угроз; последствия распоряжения Правительства РФ № 368 р, ограничивающего хозяйственную деятельность населения в водоохраной зоне оз. Байкал; информирование населения об экологической обстановке в стране и регионе; реализация программ по защите окружающей среды; экологические практики населения; ответственность за неблагоприятную экологическую обстановку и принятие необходимых мер для улучшения экологической ситуации.

Социум об экологической ситуации

По сравнению со страной в целом социум Байкальского региона менее позитивно оценивают экологическую ситуацию в местности проживания. Если в 2017 г. как «скорее неблагоприятную» экологическую обстановку отметили больше половины респондентов региона, то в стране в целом – 31,0% (рис. 1). При этом более отрицательно настроены женщины, чем мужчины, а также люди зрелого возраста. Данное отношение населения региона вполне ожидаемо в условиях общего снижения уровня жизни, продолжающихся лесных пожаров, неэффективной работы властных структур по утилизации твердых и жидких бытовых отходов, несанкционированных свалок не только в сельских поселениях, но и в городской черте.

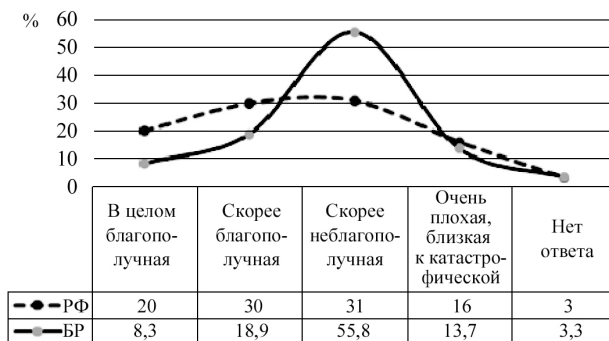

Рис. 1. Оценка экологической обстановки в РФ и БР. Сост. по: [7, 8]

При ответе на многовариантный вопрос «Если экологическая ситуация ухудшилась, то в чем конкретно это проявляется?» 72,3% респондентов Байкальского региона указали на антисанитарное состояние территории, мусор, свалки, 52,2% – на исчезновение лесов, зеленых зон, парков, 35,2% – загрязнение водоемов, 32,9% – ухудшение здоровья людей, 29,3% – загазованность воздуха, 24,3% – изменение климата, 18,7% – воздействие вредных химических веществ на продукты, питьевую воду, почти столько же отметили исчезновение отдельных видов птиц, рыб, животных, 12,1% – загрязнение питьевой воды. Незначительная часть респондентов указали на появление кислотных дождей, повышенный уровень шума и радиации.

Рейтинг социально-экономических и экологических угроз

В качестве определения рейтинга социально-экономических угроз респондентам было предложено несколько вариантов ответа по пятибалльной шкале, где 1 балл – не представляет угрозы и 5 – наиболее опасная или критичная угроза для населения. Более половины (50,4%) респондентов отнесли предложенные угрозы к наивысшей мере опасности, среди них лидируют низкий уровень жизни и доходов и безработица населения (рис. 2). Четверть респондентов оценили угрозы на 4 балла. Первые места в этой категории принадлежат ответам «инфляция, рост цен на товары первой необходимости» и «упадок производства и сельского хозяйства». В целом большинство респондентов оценивают указанные угрозы в диапазоне от 4 до 5 баллов, что свидетельствует о высокой степени их неудовлетворенности существующим материальным положением, угрозе быть невостребованным в обществе. Население также отмечает низкий уровень поддержки властью хозяйственной деятельности и др.

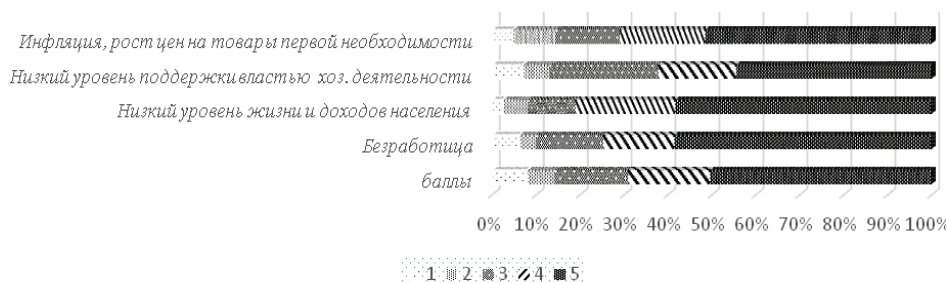

Рис. 2. Рейтинг оценок респондентами БР социально-экономических угроз

Наиболее критичным (5 баллов) для экосистемы бассейна оз. Байкал население считает угрозу лесных пожаров (73,3%), интенсивную вырубку лесов (64,1%), истощение запасов и загрязнение подземных вод (48,7%). В качестве опасных угроз (4 балла) респонденты отметили неблагоприятные климатические условия, а также загрязнение воздуха промышленными выбросами, выхлопными газами (рис. 3). Немаловажными угрозами население считает свалки, места складирования твердых бытовых отходов, загрязнение почвы химикатами, тяжелыми металлами. Большинство респондентов тревожит влияние экологических угроз на здоровье, безопасность жилищ во время лесных пожаров и других экологических катаклизмов.

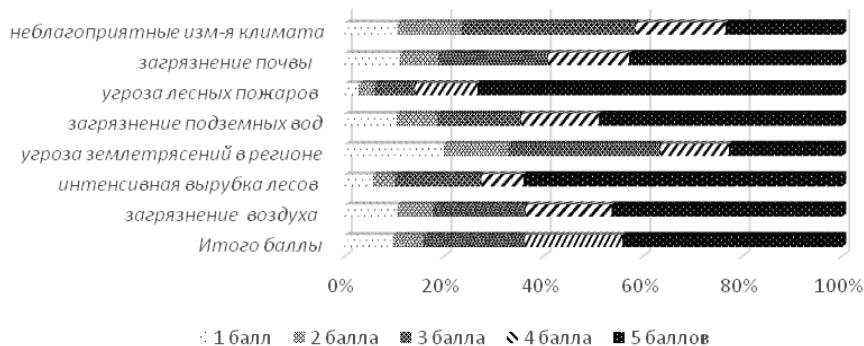

Рис. 3. Рейтинг оценок респондентами БР экологических угроз

Как и при выявлении рейтинга социально-экономических угроз, большинство респондентов оценивают экологические угрозы как «критичные» и «опасные». Вместе с тем степень риска отдельных экологических угроз для респондентов не представляется столь значительной. В частности, население менее обеспокоено угрозой землетрясений, хотя они являются довольно частыми в регионе. Городские жители в отличие от населения прибрежных сел оз. Байкал более умеренно реагируют на сложившуюся экологическую обстановку. Как и сельских жителей, их волнует угроза лесных пожаров, утилизация бытовых отходов, несанкционированные свалки в пригородных лесах и др. Вполне ожидаемым явилось то, что на экологически проблемных территориях, в частности на острове Ольхон, п. Усть-Баргузин, население более остро реагирует на имеющиеся угрозы и опасности.

Экологические риски хозяйственной деятельности

Проблемой сел, расположенных на территории водоохранной зоны оз. Байкал, стала хозяйственно-экономическая деятельность, многие виды которой запрещены. Однако почти все предприятия, в том числе туристического комплекса, находящиеся в этой зоне, продолжают функционировать. Только в п. Усть-Баргузин действует более 100 частных пилорам, которые практически не занимаются утилизацией отходов деятельности, что представляет угрозу для окружающей среды и здоровья местного населения. Не случайно в проведенном опросе лишь менее 1/4 респондентов отметили снижение уровня жизни в связи с ограничением хозяйственной деятельности, а 51,5% опрошенных дали отрицательный ответ.

В апреле 2018 г. Правительство РФ приняло поправки, которые регламентируют исключение территорий населенных пунктов из границ водоохранной зоны Байкала. За пределами 200-метровой водоохранной зоны в прибрежных населенных пунктах появится возможность вести хозяйственную деятельность. Корректировка границ вызвала неоднозначные оценки специалистов, предлагаются разные варианты [9]. Наиболее оптимальным, по нашему мнению, является «подход зонирования», разделения участков земли с более строгим регламентом ведения хозяйственной деятельности и менее строгим.

Остается низким уровень доверия населения к власти, а также бизнес-структурам в сферах туризма, строительства, лесозаготовок, охоты и рыболовства. На экологически проблемных территориях нарастают конфликты между риск-производителями и населением, большинство которого критиче-

ски относится к их деятельности. Многие респонденты сравнивают современную экологическую ситуацию с советским периодом, когда фактически отсутствовали экологические катаклизмы, в частности лесные пожары. Давно известны экономические причины этого явления, однако интересы лесной мафии, частных заготовителей древесины длительное время доминируют. Обуславливают экологические преступления и малообеспеченность, безработица населения. Отсутствует эффективный государственный контроль и за рациональным использованием морепродуктов, в результате в оз. Байкал сокращаются рыбные запасы, особенно популяция бренда Сибири – омуля.

Ответственность за сохранение окружающей среды

По мнению респондентов, в сложившейся экологической ситуации в большей степени виноваты власть (72,9%) и население (41,8%), более 1/3 респондентов отметили туристов и бизнес-структуры. При уточнении «кто, по Вашему мнению, в первую очередь должен нести ответственность за состояние окружающей среды в регионе?» 55,8% респондентов указали на региональную и 21,5% федеральную власть, 36,2% – специальные службы (МЧС и др.). Таким образом, респонденты в основном считают виновными в ухудшении экологической ситуации властные структуры, при этом многие из них уклоняются от ответственности за состояние окружающей среды. Экологический пессимизм, некоторое отчуждение от природы особенно характерны для городского населения. Вместе с тем в словесной риторике респондентов присутствуют элементы осуждения отношения к природной среде: «сами вырубаем лес», «сами загрязняем окружающую среду» и др.

Уровень осведомленности респондентов о проводимых экологических мероприятиях в регионе достаточно высокий: 42,8% населения знают о специальных программах по защите Байкальской природной территории, охране окружающей среды. В то же время подавляющая часть респондентов обеспокоена низкой эффективностью реализации данных программ, мероприятий в регионе. Порой экологические проблемы решаются лишь при помощи общественности, волонтерского движения. На вопрос «Считаете ли Вы, что в стране и регионе сегодня делается достаточно для решения экологических проблем?» только 11,6% опрошенных ответили утвердительно.

Несмотря на то, что основной части населения не приходилось участвовать в экологических мероприятиях (29,3% принимали участие в акциях по охране окружающей среды), 83,0% из них выразили готовность принять участие в субботниках по уборке мусора и около половины – внести посильный денежный взнос на охрану окружающей среды. В повседневной жизни 82,5% жителей экономят воду и электроэнергию, 92,7% соблюдают правила поведения при наступлении режима чрезвычайной ситуации (не выезжают в лес, не разжигают огонь, информируют о ЧС и др.).

Актуальность мер по улучшению экологической обстановки

В процессе обследования представлен рейтинг актуальности мер по улучшению экологической ситуации в регионе, который выглядит следующим образом: первое место занимает ужесточение наказаний за преступления в сфере экологии; второе – введение и реализация программ экологического развития территории; третье – разработка программ утилизации бытового

мусора, пластиковой тары и др.; четвертое – повышение уровня жизни населения; пятое – ограничение развития туризма; шестое – повышение уровня экологической культуры населения.

Несмотря на то, что главной экологической проблемой в регионе остается катастрофическое уничтожение лесного массива, сокращается финансирование на его охрану, лесхозы занимаются несвойственными им задачами, например заготовкой древесины, выдаются разрешения на лесозаготовку без обязательной утилизации отходов производства, отсутствует ответственность бизнес-структур в лесной промышленности за экологическое состояние окружающей среды и др.

Отдельные экологические проблемы можно решить на региональном и муниципальном уровнях. В качестве конкретных мер возможно было объявить мораторий на вырубку строительного, в том числе горелого, леса на ближайшие годы, ввести строку в местных бюджетах на уборку территории поселений и береговой линии оз. Байкал, ограничить использование препаратов бытовой химии и др.

Сегодня экологическая безопасность уникального объекта находится под угрозой вследствие распространения «мусорной культуры». «Мусорная культура» как форма культуры общества всеобщего риска становится нормой бытия и для социума Байкальского региона. При этой культуре производство отходов, мусора в широком смысле (бытового, производственного, информационного) постепенно становится преобладающей формой общественного производства. Накопление, разложение, миграция отходов и его носителей преобладает над процессами обновления и созидания [10. С. 217]. Подобная культура получает благодатную почву на фоне отчуждения общества от природы. Данный процесс может быть снижен посредством активного включения населения в создание оптимальной среды обитания, смещения акцента в сознании на зеленую экономику, воспитания ответственности каждого индивида за состояние экосистемы.

В сложившихся условиях экологоориентированные ценности мировых религиозных конфессий, в том числе христианства и буддизма, представляют собой альтернативу «обществу потребления», где природная среда активно эксплуатируется, но слабо сохраняется и поддерживается. На экологическое поведение населения определенное воздействие оказывают универсальные экологические императивы – уважительное и доброе отношение к природе, ко всему живому, ограничение хозяйственной деятельности строгими нравственными предписаниями и требованиями. В частности, экологическая этика буддизма способствует сакрализации природных объектов, отказу человека от насильственного и репрессивного воздействия на окружающую среду, он становится предрасположенным к экологически ориентированному поведению [11. С. 169]. Природа по канонам буддизма не является объектом экспансии, и все живые существа находятся во взаимозависимости и моральной ответственности [12. С. 159].

Заключение

Массовые опросы, проводившиеся на протяжении последнего десятилетия в стране, показали, что в рейтинге угроз экологические проблемы не занимают лидирующих позиций. Однако на особо охраняемых природных территориях данные проблемы, наряду с социально-экономическими,

приобретают острый характер. Население Байкальского региона, в отличие от страны в целом, более негативно оценивает сложившуюся экологическую обстановку в местности проживания. Респонденты считают ответственными за проблемные экологические зоны преимущественно властные структуры, отрицательно относятся к риск-производителям в сфере бизнеса, выступают за жесткие меры к нарушителям экологического законодательства. Несмотря на рост волонтерского движения, общественных инициатив в сфере экологии, для социума региона характерен экологический пессимизм, не столь значимой остается роль рядовых граждан в природоохранной деятельности, сохранении окружающей среды.

В регионе отсутствует эффективный государственный контроль за рациональным использованием природных ресурсов, экологическим состоянием оз. Байкал. Необходимы оперативная (реал-тайм) диагностика проблемных зон, экологических рисков, принятие необходимых мер в целях их минимизации. Важными представляются повышение ответственности государственных и бизнес-структур за экологическое состояние окружающей среды, увеличение финансирования на природоохранную деятельность, восстановление сети лесхозов и др. Однако в современном социуме присутствует реальная сензитивность, когда отмечается повышенная чувствительность к существующим экологическим угрозам и на всех уровнях подчеркивается важность сохранения уникальной экосистемы озера, но мало что реально предпринимается в этом направлении.

Литература

1. *Гринпис*: Иркутская область в числе лидеров регионов с высокой потерей леса. URL: <http://vestiirk.ru/news/nature/236392/> (дата обращения: 23.08.2018).
2. *Экологический рейтинг субъектов РФ*. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/42727> (дата обращения: 10.10.2017).
3. *Экологический атлас бассейна озера Байкал*. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. Б.В. Сочавы СО РАН, 2015. 145 с.
4. *Ученые бьют тревогу: Байкал болен*. URL: <https://www.pravda.ru/science/academy/16-03-2015/1252578-baikal-0/> (дата обращения: 08.07.2018).
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-традиция, 2000. 383 с.
6. Яницкий О.Н. Россия как экосистема // Социс. 2005. № 7. С. 1–23.
7. Данилова З.А. Отчет опроса «Социально-экологическая безопасность населения Байкальского региона». Улан-Удэ, 2018. 36 с.
8. *Электронный каталог ВЦИОМ. Данные опросов*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116333> (дата обращения: 25.08.2018).
9. *Байкалу стало тесно*. Новые границы водоохранной зоны уникального озера все еще вызывают вопросы. URL: <https://rg.ru/2018/04/25/novye-granicy-vodoohrannoj-zony-bajkala-vyzyvaiut-voprosy.html> (дата обращения: 09.07.2018).
10. Яницкий О.Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ / Институт социологии РАН // Официальный сайт ИС РАН. 2013. 258 с.
11. Мякинников С.П., Юрлова А.В. Общие воззрения на отношения человека к природе в мировоззрении традиционной Индии // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. № 5. С. 168–171.
12. Уланов М.С. Буддийская культура и экологическое сознание // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 34 (2). С. 157–162.

Zinaida A. Danilova, Baikal Institute of Nature Management of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation).

E-mail: ziha@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 137–145.

DOI: 10.17223/1998863X/50/13

ECOLOGICAL RISKS ON THE COAST OF LAKE BAIKAL**Keywords:** region; risks; population; rating; environmental practices; current events.

Scientific approaches and methods for studying environmental risks are defined. The research used paradigmatic and institutional approaches to the study of the ecological situation in extreme conditions, sociological theories of risk society, the ecological imperatives of Christian and Buddhist cultures. The ecological situation in the Baikal region was studied, and the sources of pollution of the water area and the coast of Lake Baikal were examined, indicating an increase in the anthropogenic load on the ecosystem. On the basis of a sociological survey, an assessment of the environmental situation was given, the respondents' attitudes toward environmental risks were identified, socio-economic and environmental threats were rated, and measures to improve the environmental situation were revealed. The inhabitants of the region, in contrast to the country as a whole, assess the current environmental situation in the area of residence more negatively. The respondents consider the authorities primarily responsible for the problem ecological zones, negatively refer to the risk-producers, advocate tough measures against violators of the environmental laws. Despite the growth of the volunteer movement, public initiatives in the field of ecology, environmental pessimism, some alienation from nature is typical for the inhabitants of the region. The risks of economic activity on the coast of Lake Baikal, environmental practices of the population in everyday life are considered. The main part of the population did not have to participate in environmental events, at the same time they expressed their readiness to take part in them. The author comes to the conclusion that the region lacks effective state control over the rational use of natural resources and the ecological state of Lake Baikal. In society, there is not enough moral responsibility for the state of the environment, elements of the "junk culture" predominate. It is important to increase the responsibility of the state and society for the ecological state of the environment.

References

1. Vestiir.ru. (2018) *Grinpis: Irkutskaya oblast' v chisle liderov regionov s vysokoy poterey lesa* [Greenpeace: Irkutsk Oblast is among the leaders of regions with high forest loss]. [Online] Available from: <http://vestiir.ru/news/nature/236392/> (Accessed: 23rd August 2018).
2. RT. (n.d.) *Ekologicheskiy reyting sub"ektov RF* [The environmental rating of the constituent entities of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://russian.rt.com/russia/article/42727> (Accessed: 10th October 2017).
3. B.V. Sochava Institute of Geography, SB RAS. (2015) *Ekologicheskiy atlas basseyna ozera Baykal* [Ecological Atlas of the Baikal Basin]. Irkutsk: B.V. Sochava Institute of Geography, SB RAS.
4. Pravda.ru. (2015) *Uchenye b'yut trevogu: Baykal bolet* [Scientists sound the alarm: Baikal is sick]. [Online] Available from: <https://www.pravda.ru/science/academy/16-03-2015/1252578-baikal-0/> (Accessed: 8th July 2018).
5. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [The Risk Society. On the way to another modern]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-traditsiya.
6. Yanitsky, O.N. (2005) *Rossiya kak ekosistema* [Russia as an ecosystem]. *Sotsis – Sociological Studies*. 7. pp. 1–23
7. Danilova, Z.A. (2018) *Otchet oprosa "Sotsial'no-ekologicheskaya bezopasnost' naseleniya Baykal'skogo regiona"* [Report of the survey "Socio-environmental safety of the population of the Baikal region"]. Ulan-Ude: [s.n.].
8. VTsIOM. (n.d.) *The electronic catalog of VTsIOM. Survey data*. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116333> (Accessed: 25th August 2018).
9. Berezhina, E. & Sterman, I. (2018) *Baykalu stalo tesno. Novye granitsy vodoohrannoy zony unikal'nogo ozera vse eshche vyzyvayut voprosy* [Baikal has become crowded. The new boundaries of the water protection zone of the unique lake still raise questions]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2018/04/25/novye-granicy-vodoohrannoy-zony-bajkala-vyzyvaiut-voprosy.html> (Accessed: 9th July 2018).
10. Yanitsky, O.N. (2013) *Ekologicheskie katastrofy: strukturno-funktsional'nyy analiz* [Environmental disasters: structural and functional analysis]. Moscow: RAS. [Online] Available from: https://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky_Monografiya_Ecokatastrofy.pdf.
11. Myakinnikov, S.P. & Yurlova, A.V. (2012) General views on the relationship of man to nature in the outlook of the traditional India. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 5. pp. 168–171. (In Russian).
12. Ulanov, M.S. (2017) *Buddiyskaya kul'tura i ekologicheskoe soznanie* [Buddhist culture and environmental awareness]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta – Vestnik of Kalmyk University*. 34(2). pp. 157–162.

УДК 316.37

DOI: 10.17223/1998863X/50/14

С.Г. Карпова, А.Н. Пинчук, С.В. Некрасов, Д.А. Тихомиров

КОРРУПЦИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуализируется изучение коррупции как воспринимаемого в пространстве личностных смыслов феномена. Представлены результаты социологического исследования особенностей повседневного восприятия и понимания коррупции современной российской молодежью. Выявлена рассогласованность основных полей осмысления различных сторон коррупции, показано, что основания легитимации коррупции артикулируются в плоскости «общественное–частное». Проанализированы взгляды и суждения молодых людей о проблеме борьбы с коррупцией в России.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, восприятие коррупции, молодежь, фокус-групповое исследование.

Введение

В условиях ускоренного развития и усложнения социальных отношений феномен коррупции приобретает новые характеристики, постепенно видоизменяясь в теневых практиках взаимодействия, латентно угнетающих стабильное функционирование социальных институтов. Борьба с таким явлением требует взвешенной государственной политики и обоснованных решений в выборе ключевых приоритетов и мер противодействия коррупции, среди которых особое значение приобретает антикоррупционная деятельность в сфере воспитания и образования, направленная на формирование антикоррупционного сознания молодого поколения.

Актуализируя роль воспитательно-образовательной антикоррупционной деятельности, следует учитывать одну важную особенность коррупции, которая присуща ей с давних времен и характеризует специфику ее проявления в различных странах. Как лаконично заметила С. Роуз-Аккерман, «то, что для одного взятка, для другого – подарок» [1. С. 5]. Иными словами, коррупция относится к тем редким социальным явлениям, отношение к которым достаточно противоречиво и неоднозначно в обществе, а придаваемые смыслы в повседневном понимании могут размываться в зависимости от контекста восприятия данного феномена представителями различных социальных групп. В данном случае существенной становится мысль Д. Тенцлера о том, что «коррупция – это прежде всего проблема определения, которая варьирует в зависимости от времени, места и даже между социальными группами отдельно взятого общества» [2. Р. 4]. Именно поэтому в различных странах понятие «коррупция» может приобретать особую смысловую коннотацию, что расширяет ее понимание в публичном дискурсе и усложняет поиск консенсуса в теоретических дискуссиях об общепризнанной научной трактовке.

В этой связи следует отметить многоплановость интерпретации коррупции в рамках социально-гуманитарного знания [3]. Так, в научной литературе коррупция рассматривается как феномен, обладающий политическими [4–7], экономическими [1, 8–10], социально-культурными [11–14], социально-психологическими характеристиками [15, 16].

Необходимо уточнить, что развернутые концептуальные идеи о коррупции прежде всего оформились в рамках политико-правового и экономического направления научной мысли. В политическом контексте упор делается на сферу государственной власти, и коррупция определяется как злоупотребление должностными полномочиями ради незаконной личной (или групповой) выгоды [7, 17].

С экономической точки зрения коррупция представляет ценовой механизм, который может в форме взятки обеспечить ограниченные привилегии определенному кругу лиц, снизить издержки либо открыть доступ к налоговым льготам [1. С. 7–8]. В экономическом анализе коррупции важно учитывать три условия для ее появления и воспроизводства, на что указывает Т.С. Айдт [8]. В качестве оснований возникновения коррупции автор выделяет дискреционные полномочия, экономическую ренту и слабые социальные институты [Ibid. P. 633].

Вместе с тем современные специалисты считают, что комплексный характер коррупции требует учета социокультурных [13] и социально-психологических [18] особенностей, которые раскрывают данное явление с новой стороны и позволяют глубже понять его сущностные свойства. Так, анализируя коррупцию в социокультурном контексте, М.Ю. Попов обращает внимание на трансформацию в индивидуальном и массовом сознании [19]. В этом ракурсе возникновение коррупции рассматривается в процессе деформаций в экономической, социальной, политической сферах общества, которые приводят к сдвигу общечеловеческих норм и ценностей на периферию сознания, их замещению примитивными духовными и материальными потребностями и жизненными ориентирами [Там же. С. 25].

Акцентируя изменение ценностей в рамках модернизации, С. Хантингтон указывал на то, что коррупция является результатом не столько отклонения поведения от общепринятых норм, сколько отклонения норм от установившихся форм поведения, когда «...новые стандарты и критерии того, что хорошо и что плохо, ведут к осуждению по меньшей мере некоторых традиционных форм поведения как противозаконных» [4. С. 76].

Значимые идеи о сущности феномена коррупции оформились в психологических теориях. В частности, К. Дюпюи и С. Несет, исследуя коррупцию в рамках когнитивной психологии, отмечают, что люди склонны совершать коррупционные действия, когда они преследуют личную выгоду, имеют низкий уровень самоконтроля, осознают косвенный вред коррупции и работают в организациях, где неэтичное поведение не наказывается [20. P. 4].

Согласно психологической концепции личностных детерминант коррупционного поведения, предложенной О.В. Ванновской, склонность к коррупции определяют следующие свойства коррупциогенной личности: стремление к роскоши, неосознанная мотивация и недифференцированная структура установок поведения, негативная самооценка, низкий уровень удовлетворен-

ности жизнью, экстернальный локус контроля и импульсивный тип реагирования [21].

Рассматривая комплексно социетальные и социально-психологические аспекты коррупции [22], ученые все больше внимания уделяют субъективному восприятию коррупционной среды в обществе, акцентируют необходимость изучения внутренних установок и диспозиций индивида в отношении к коррупции, которые в значительной степени определяют мотивацию к коррупционному поведению [23]. Как подчеркивают зарубежные авторы, представления о коррупции оказывают существенное влияние на осознание обществом этой проблемы и, следовательно, на успех предпринимаемых превентивных антикоррупционных мер [24. Р. 4].

Следует уточнить, что в научной и аналитической практике исследования коррупции проблема неоднозначного понимания данного феномена в обыденной жизни рядовых граждан становится особым предметом анализа. Так, в международных научно-исследовательских разработках повседневное понимание и восприятие коррупции анализируется в тесной связи с этноцентризмом [25], с культурными диспозициями (*cultural dispositions*), рассмотренными в рамках релятивистской концепции (*relativist concept*) [2]. В ином аспекте раскрываются особенности восприятия коррупции в рамках подхода к общественным благам (*public goods approach*), исходя из которого утверждается, что коррупцию необходимо изучать как незаконное присваивание общественных благ, которые затем превращаются в частные блага [26. Р. 7]. Контекстуальность восприятия и определения коррупции на обыденном уровне иллюстрируют результаты антропологических исследований Д. Холе-ра, С. Шора, которые рассматривают представления о коррупции в повседневной реальности жителей различных стран [27].

Для России изучение восприятия коррупции в повседневной жизни чрезвычайно актуально, однако теоретическая база исследования данной проблематики недостаточно разработана. Следует отметить вклад в развитие этой области отечественных психологов, которые значительно углубляют понимание особенностей отношения к коррупции в российском обществе. Так, В.А. Соснин, Д.А. Китова фиксируют то, что изменения в отношении к проблеме коррупции в последние два десятилетия произошли в контексте столкновения западной цивилизационной парадигмы и коллективистической культуры России [28]. Ученые полагают, что западные жизненные ориентиры и ценности, которые нередко выдвигались в качестве приоритетов развития страны, не всегда соответствуют российскому культурному архетипу. Как заключают авторы, ориентации в пользу материальных, а не духовных ценностей, на которые молодые люди реагируют более позитивно, чем старшее поколение, «...неизбежно приводят (не обязательно явно и прямолинейно) к большей терпимости к коррупции» [Там же. С. 140].

Таким образом, восприятие коррупции как социально-дестабилизирующего и негативного явления может размываться в индивидуальном и массовом сознании, а ее определение в обыденном понимании может не совпадать с публичным дискурсом. В научной литературе утверждается, что коррупция не имеет устойчивых моральных оснований для субъективно-оценочных суждений, поэтому «чтение о морали или о высоких этических нормах – бесполезное средство для решения этой проблемы» [14. С. 135]. Это делает уяз-

вимой антикоррупционную политику в молодежной среде. Серьезной проблемой для реализации антикоррупционной деятельности в этой сфере может стать легитимное отношение молодых людей к коррупции, наделение позитивными чертами образа коррупционера, толерантность к участникам коррупционных сделок. В контексте усиления образовательно-воспитательной деятельности в сфере антикоррупционной политики уделяется недостаточно внимания особенностям восприятия коррупции молодыми людьми. Более того, если учитывать, что именно молодое поколение является носителем будущего вектора общественного сознания, становится крайне актуальным изучение восприятия коррупции современной молодежью при рассмотрении дальнейших направлений развития антикоррупционной политики. В этом случае необходимы содержательная конкретика повседневного понимания явления коррупции молодыми людьми и выявление их отношения к нему в контексте личностных смыслов, что и является целью данной статьи.

Методы и информационная база исследования

С целью выявления особенностей повседневного понимания и восприятия коррупции молодым поколением было проведено социологическое исследование с опорой на качественную методологию. Необходимо заметить, что коррупция представляет сложный предмет анализа, так как затрагивает действия криминального характера, что может насторожить потенциальных респондентов и подтолкнуть их отвечать, исходя из общепринятых представлений. Количественные методы могут поверхностно отразить срез социальной реальности, показывая те варианты ответа, которые изначально были предложены респондентам, а в силу специфики предмета исследования повышается риск получить преимущественно социально одобряемые оценки. Качественные методы исследования, таким образом, становятся крайне значимым источником информации о реальных представлениях российской молодежи, взглядах, установках, ценностно-нормативных ориентациях, которые содержатся в высказываниях и рассуждениях молодых людей, выраженных своими словами, а не ограниченных заранее сформулированным перечнем вопросов. Поэтому для сбора эмпирических данных использовался метод фокус-группового интервью, поскольку он позволяет отразить многообразие существующих позиций и представлений в ходе дискуссии и при этом раскрыть мнение каждого респондента, получить информацию в качестве ответных комментариев и аргументов, а также спонтанные ответы [29].

Эмпирической базой исследования послужили материалы 12 фокус-групп, осуществленных в 2018 г. в трех гуманитарных московских вузах. Участниками исследования были молодые люди из разных российских городов, которые приехали на обучение в Москву. Всего в исследовании приняли участие 79 человек в возрасте от 17 до 21 года, обучающихся по программам бакалавриата по направлениям подготовки специалистов экономического и политического профиля, что обеспечивает вариативность мнений будущих сотрудников сферы политики, бизнеса и коммерческих структур, которые подвержены коррупционным рискам в дальнейшей профессиональной деятельности. В каждую фокус-группу входили от 5 до 7 студентов разных курсов обучения.

В центре проведенного социологического исследования находились не только особенности субъективного восприятия коррупции молодыми людьми, но также их возможное поведение в случае возникновения коррупционной ситуации при решении вопросов бытового характера. Еще одним аспектом исследования стали оценка и анализ мер борьбы с коррупцией в России, что особенно актуально в контексте усиления антикоррупционной политики по работе с молодежью.

Исследование было направлено на изучение следующих вопросов:

- как студенты определяют сущность коррупции; обладает ли коррупция отличительными социально-культурными характеристиками в контексте личностных смыслов молодых людей;

- каково эмоциональное (положительное, негативное, нейтральное) восприятие коррупции;

- какие основные негативные последствия коррупции для общества выделяет современная молодежь, видит ли возможную пользу от коррупции и в чем она состоит;

- какова потенциальная поведенческая реакция молодых людей, если бы они столкнулись с фактами коррупции; насколько осведомлена современная молодежь о своих правах в сфере антикоррупционного законодательства;

- какие меры борьбы с коррупцией в России, по мнению современных студентов, будут наиболее эффективными; на кого возлагается основная ответственность в процессе искоренения коррупции, насколько актуализирована субъективная ответственность молодых людей в противодействии коррупции.

Косвенным образом предполагалось выявить элементы легитимации и изучить основы терпимого отношения к коррупции, отразить эмоциональный фон легитимного восприятия коррупции, показать ситуативную рамку, в которой индивид готов участвовать в коррупционных отношениях и на каких основаниях.

Результаты исследования

В повседневном понимании современной молодежи коррупция представляет прежде всего незаконные действия, такие как «взятки», «подкуп взятками», что демонстрирует смысловую актуализацию данного феномена в юридическо-правовом пространстве. При этом некоторые респонденты акцентировали профессиональную деформацию в сущностном определении коррупции, указывая на то, что *«коррупция – это нарушение служебных обязанностей работником путем получения взятки»* (м., 20 лет, фокус-группа № 6).

Для части студентов коррупция представляет «кражу государственных средств», «воровство», что становится следующим видом противозаконных действий, используемых в правоприменительной трактовке коррупции. Менее значимо морально-ценностное основание интерпретации коррупции, которое встречалось редко в ответах студентов, определяющих коррупцию как «плохая вещь», «несправедливость», «продажность должностных лиц».

Панораму восприятия коррупции расширяют данные об отличительных характеристиках данного явления в России. Необходимо отметить, что современная молодежь не рассматривает коррупцию как феномен, обладающий

общими и универсальными свойствами в разных странах. Практически каждый участник исследования согласился с тем, что коррупция имеет свою специфику в зависимости от социокультурных условий конкретного региона, что актуально и для российской действительности. Согласно социальным представлениям молодежи, коррупция в российском обществе имеет «слишком большие масштабы», «повсеместна», распространена в основных сферах жизнедеятельности социума и, что примечательно, имеет открытый характер: *«То есть все знают, что этого нельзя делать, но при этом берут и дают взятки»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 7).

В материалах фокус-групп встречались ответы, в которых особо подчеркивались этнокультурные особенности коррупции, воспринимаемой как укоренившийся феномен российской повседневности: *«В России коррупция – это такое явление, которое очень сложно искоренить, потому что оно, во-первых, повсюду, а во-вторых, иногда бывает вообще по-другому никак, например, в медицине без коррупции не обойтись»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 1).

Изучение когнитивно-эмоционального аспекта восприятия коррупции показывает преимущественно отрицательный тон эмоциональных высказываний, в которых коррупция оценивается как негативное для общества явление. По мнению студентов, существенный вред от коррупции состоит в том, что в обществе увеличивается социальное неравенство, растет разрыв между доходами населения, возникают безнаказанность и несправедливость. Помимо этого, респонденты обеспокоены тем, что денежные средства, выделенные государством для решения различных социальных проблем, незаконно присваиваются коррупционерами и *«расходятся не на социальные нужды, а поступают в личное пользование»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 10).

Примечательно, что у определенной части респондентов не возникало особых негативных эмоций по отношению к коррупции. Как утверждала одна студентка, *«...если бы создавались такие условия, при которых коррупция не нужна была, то, возможно, все было бы проще, но из-за того, что существуют такие сложности, коррупция – это не так плохо»* (ж., 18 лет, фокус-группа № 4). В целом эмоционально-нейтральные оценки выражали отношение к коррупции как к части российского менталитета либо допустимому явлению в условиях современной реальности.

Отдельной темой для обсуждения стала возможная польза от коррупции. Некоторые студенты придерживались четкой и однозначной позиции в этом вопросе и утверждали, что *«никакой пользы от коррупции нет, все – негативно»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 8). Тем не менее ответы, демонстрирующие устойчивое негативное отношение к коррупции, встречались редко. Гораздо чаще участники дискуссий признавали, что определенная польза от коррупции все-таки есть. В своих рассуждениях они исходили из того, что коррупция *«упрощает процесс рассмотрения дел, все решается быстрее»* (м., 18 лет, фокус-группа № 2).

Некоторые опрошенные рассматривали коррупцию положительно со стороны тех, кто берет взятки: *«Я считаю, что коррупция обществу пользу не приносит, но отдельным людям – да. Таким людям, которые получают маленькую зарплату, поэтому они берут взятки»* (м., 20 лет, фокус-группа № 3).

Следует заметить, что положительные аспекты восприятия коррупции актуализируются в контексте разграничения сферы общественного и частного. Студенты неоднократно подчеркивали, что в целом для общества «пользы от коррупции нет», но для отдельного индивида в решении повседневных вопросов либо для того, кто нелегально получает взятку, возможны положительные эффекты.

Одной из ключевых задач исследования стало выявление возможной поведенческой реакции респондентов при столкновении с коррупцией в повседневной реальности. В рамках фокус-групповых дискуссий респондентов попросили представить ситуацию, когда у них вымогают взятку, которую они не хотят давать, и описать, как они поступили бы в таком случае. В своих рассуждениях студенты, как правило, опирались на примеры бытовой коррупции, которая послужила ситуативной рамкой анализа потенциальной стратегии поведения.

Фокус-групповое исследование показывает три наиболее распространенных поведенческих реакции. Первые две из них отражают полярные позиции, фиксирующие на противоположных полюсах категоричное неприятие коррупции, с одной стороны, и терпимое отношение к ней – с другой. Почти в равных долях молодые люди разделились между этими позициями, полагая, что необходимо отказаться от участия в коррупции в любом случае, либо утверждая, что лучше согласиться на коррупционную сделку. В свою очередь, третью стратегию поведения продемонстрировала категория респондентов, которые заняли неопределенную позицию, слабо проявляя склонность к возможному совершению коррупционных действий в силу сложившихся обстоятельств.

Студенты, которые утверждали, что не готовы участвовать в коррупции, считают, что необходимо зафиксировать факт вымогательства взятки и с данными материалами обратиться в специальные государственные органы: *«Я записала бы на диктофон или на видео, как у меня вымогают взятку, и пошла бы в суд, полицию» (ж., 20 лет, фокус-группа № 12).*

В ином ракурсе рассматривают коррупционную ситуацию те респонденты, которые продемонстрировали склонность к участию в коррупционных отношениях. Необходимо уточнить, что выбранная стратегия поведения чаще всего артикулируется в ситуации правонарушения, в которой респондент представлял себя в качестве виновного. Вот как объяснил это один из участников дискуссии: *«Я все равно дал бы взятку. Допустим, если тебя остановил сотрудник ДПС, а ты нарушил правила, переехал две сплошные, и ты понимаешь, что тебе грозит лишение прав, то я бы дал лучше деньги и от этого избавился бы таким способом» (м., 20 лет, фокус-группа № 9).*

Воспринимая коррупционное поведение как допустимое, нередко молодые люди указывали на экономические выгоды. В частности, несколько студентов рассматривали ситуацию потенциального правонарушения в области дорожного движения, за что предусматривается определенный штраф. Если сумма штрафа превышает сумму, которую можно заплатить в виде взятки должностному лицу, то, как считают некоторые юноши и девушки, вполне возможно согласиться на коррупционную сделку. Исследование также показало, что, помимо финансовых затрат, студенты учитывают временные и моральные издержки.

Многие респонденты в целом подчеркивали личную выгоду. Как заметила одна из участниц исследования, *«взятки я давала бы, если бы мне было выгодно»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 5).

Отдельную группу составляют неопределившиеся в выборе четкой линии поведения молодые люди. Они в основном выражают неприятие к участию в коррупции, но не исключают такой возможности в определенных жизненных ситуациях: *«Тут все зависит от ситуации в любом случае... В такой ситуации, когда никто не пострадает, если это не влияет на жизнь других людей, это не назвать незаконным, то, наверное, я бы еще подумала, а так вряд ли»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 11).

Необходимо заметить, что потенциальная траектория поведения многих опрошенных определялась контекстуальными условиями и границами, очерченными в пространстве «общественное–частное». Рассматривая коррупцию как возможный случай в повседневной практике, студенты неоднократно уточняли, что участие в коррупционных отношениях возможно, если затрагиваются исключительно частные интересы и не наносится ущерб обществу: *«Если от меня не пострадает общество и будет обоюдная вина, того, кто берет взятку и моя, тогда можно дать взятку. Опять же все зависит от ситуации, и если ситуация не представляет другого выхода»* (м., 20 лет, фокус-группа № 2).

В ходе исследования проявилась проблема правовой неосведомленности современной молодежи в сфере антикоррупционного законодательства. Респонденты в большинстве случаев не знали, как защитить свои права с помощью закона, если у них вымогают взятку, что отразил специально сформулированный вопрос. Немногочисленная группа молодых людей заявила, что необходимо обратиться в правоохранительные органы («полицию», «суд», «вышестоящие инстанции») и написать заявление. Однако ни один из опрошенных не назвал конкретный закон либо иные нормативно-правовые акты, определяющие правовой статус лиц, заявляющих о фактах коррупции.

На фоне усилившегося внимания к молодежи в рамках антикоррупционной политики, где особое место занимает деятельность в сфере образования и воспитания молодого поколения как носителя вектора развития национального сознания [30, 31], особую значимость приобретает восприятие респондентами проблемы борьбы с коррупцией в России. Следует констатировать тот факт, что абсолютное большинство участников исследования считают, что победить коррупцию в современном российском обществе невозможно. Студенты указывали на отсутствие достаточных оснований для полной ликвидации коррупции в условиях современной России, что связано с социально-политическими, экономическими и социально-культурными факторами. В частности, респонденты подчеркивали, что на сегодняшний день коррупция крепко укоренилась в социуме и приобрела характер опривыченных действий.

Несколько молодых людей видят ситуацию более оптимистично и считают, что победить коррупцию в современных условиях все-таки можно. В своих рассуждениях они исходили из того, что многое зависит от самого человека: *«Если человек захочет, он все может сделать. Просто надо захотеть это сделать, и тогда все получится»* (м., 21 год, фокус-группа № 8).

Определенная часть студентов признала, что коррупцию в России полностью искоренить не удастся, однако возможно минимизировать ее уровень, что демонстрирует лаконичное замечание одной из девушек: *«Можно сократить, победить нельзя»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 10).

Другие респонденты допускают возможность победить коррупцию, но отмечают положительные сдвиги в долгосрочной перспективе: *«Мне кажется, от коррупции можно избавиться, это реальная цель, но именно в российском обществе, если честно, я не могу предположить, какие меры нужно предпринять, чтобы сделать это в ближайшие 10 лет, на это необходимо много времени»* (ж., 18 лет, фокус-группа № 8).

В вышеприведенной цитате студентка уточняет, что не знает, какие меры наиболее эффективны в борьбе с коррупцией в России. Стоит отметить, что это достаточно актуальный вопрос на данный момент, который мы предложили респондентам для обсуждения.

В проведенном фокус-групповом исследовании мнения большинства студентов склонились в сторону ужесточения мер пресечения и наказания, применяемых в случае совершения коррупционных преступлений. Современная молодежь считает необходимым «ужесточить санкции», ввести «пожизненное тюремное заключение», «увеличить уголовный срок», «применять смертную казнь» и «усилить контроль в обществе». Вместе с тем некоторые респонденты не уверены в эффективности ужесточения антикоррупционного законодательства. Их беспокоят риски ошибочных обвинений, вердиктов либо преднамеренных уголовных преследований невиновных людей.

Отдельно отметим позицию современной молодежи в отношении роли информационных технологий в решении проблемы коррупции. Сегодня возможность подавать обращения в электронно-цифровой форме, заказывать необходимые государственные услуги на специальных сайтах, отслеживать документооборот в личном кабинете интернет-пользователя создали новые рамки общения между государственными и муниципальными организациями и населением. Но изменится ли ситуация с коррупцией в новых контекстуальных условиях, по мнению молодежи?

Следует констатировать тот факт, что опрошенные студенты неоднозначно оценивают возможность изменить уровень коррупции в России после расширения использования современных технологий. Многие опрошенные утверждали, что *«новые технологии не повлияют как-то значительно, не сыграют особой роли»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 10).

Бесперспективность использования информационных технологий в борьбе с коррупцией, как полагают молодые люди, связана с этнокультурной спецификой: *«...в России менталитет влияет. Русские всегда гонятся за деньгами, поэтому ничего не поможет»* (м., 20 лет, фокус-группа № 8).

Некоторые респонденты считают, что в новых условиях «чиновники становятся более изобретательными». *«Допустим, у них есть специальные службы, которые их проверяют, – попытался изобразить возможную теневую схему один из юношей. – Так они могут просто подкупить эти службы. И сами брать дальше взятки. Просто отдавать проценты»* (м., 21 год, фокус-группа № 7).

В материалах фокус-групп также встречались мнения, что внедрение информационно-коммуникационных технологий сначала улучшит ситуацию с

коррупцией, однако *«потом люди привыкнут к этому и будут знать, где, что и как можно обойти»* (м., 21 год, фокус-группа № 2).

Противоположную позицию занимают те студенты, которые считают, что активное внедрение информационных технологий в государственные, муниципальные и иные организации способно снизить уровень коррупции. Эти студенты полагают, что технологические нововведения, усиление видео- и аудиоконтроля могут оказать существенное влияние на ситуацию с коррупцией из-за увеличенных рисков быть пойманными за совершение коррупционных действий.

Отчасти соглашаясь с тем, что информатизация в определенной степени позволит лимитировать уровень коррупции, несколько человек обратили внимание на другие факторы, акцентируя роль морально-нравственных ценностей, либо на меры правового воздействия. Они утверждали, что *«...даже, если установить видеокамеры во всех полицейских участках или медицинских учреждениях, полученные записи можно будет стереть, поэтому ситуацию нельзя изменить посредством расширения технологий. Это нужно делать путем внедрения правильных ценностей в общество»* (ж., 18 лет, фокус-группа № 11).

Особое место в поле групповых дискуссий занял вопрос о том, на кого должна возлагаться основная ответственность в процессе борьбы с коррупцией. Как показывает исследование, большинство опрошенных считают, что основным субъектом антикоррупционной деятельности являются органы государственной власти либо государство в целом, *«потому что это единственное русло воздействия на людей»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 6).

К наиболее значимым субъектам антикоррупционной политики также относятся «общество», «все население» либо институты гражданского общества: «общественные движения», «специальные общественные организации». Часть респондентов указывали на первостепенное значение семьи и образовательных организаций.

Некоторые студенты выделяли личную ответственность индивида, указывая на то, *«что каждый человек должен понимать всю свою ответственность за дачу взятки»* (ж., 21 год, фокус-группа № 3).

Нередко студенты отмечали несколько субъектов антикоррупционной деятельности одновременно, полагая, что *«...семья должна закладывать воспитание человека, государство должно применять санкции, предусмотренные за коррупцию»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 12). Это демонстрирует комплексный подход к решению проблемы коррупции, в рамках которого подчеркивается необходимость социальной консолидации и совместных усилий.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать ряд важных выводов о смысловой наполненности используемого в повседневной жизни молодых людей понятия «коррупция» и особенностях субъективного восприятия данного явления в молодежной среде.

Определение коррупции как самостоятельного феномена в основном репрезентирует юридическо-правовой аспект его понимания. В данном случае моральная составляющая понятийного основания коррупции смещается на

периферию сознания. Вместе с тем в представлениях современных студентов сильно акцентированы этнокультурные особенности коррупции. Молодые люди воспринимают коррупцию как особую проблему российского общества, которую отличают «большие масштабы», «открытость» и повсеместное распространение в основных социальных институтах.

Многогранность осмысления феномена коррупции оттеняет неоднородно окрашенный эмоциональный спектр. Как и предполагалось, участники исследования чаще всего определяли коррупцию как негативное для общества явление, что отражает основную экспрессивную нагрузку восприятия феномена коррупции. Однако существенно сегментируют эмоциональную картину нейтральные оценки. Слабо выраженная эмотивность проявилась в тех высказываниях, в которых коррупция рассматривается как привычный атрибут российской социальной реальности, приемлемая часть повседневной жизни в современных условиях.

Примечательно, что положительные стороны коррупции актуализируются не в пространстве морально-нравственных норм и ценностей, а в плоскости общественных и частных интересов, что показал вопрос о возможной пользе коррупции. В этой же плоскости выявляется терпимое отношение к коррупции на уровне возможных поведенческих реакций. Отметим, что современные молодые люди продемонстрировали три потенциальных поведенческих стратегии. Первая из них отражает твердые убеждения и сформированные антикоррупционные установки. Вторая поведенческая реакция демонстрирует противоположную позицию, допускающую коррупцию в определенных условиях. Третья линия поведения отражает склонность к возможному совершению коррупционных действий в «неизбежной ситуации».

Две последние стратегии поведения привлекают особое внимание, так как свидетельствуют об определенной готовности индивида участвовать в коррупционных отношениях. Складывается противоречивая ситуация. Несмотря на то, что большинство респондентов интерпретировали коррупцию как действия преступного характера, в прикладном контексте они оправдывали коррупционные практики для решения бытовых проблем. Речь идет о том, что следует акцентировать не только содержательный контент понимания коррупции, но особое пространство актуализации той или иной стороны данного феномена. Об этом свидетельствует то, что потенциальная стратегия поведения многих респондентов определялась в пространстве «общественное–частное». Так, рассматривая коррупционные риски, студенты неоднократно подчеркивали границу между общественной и частной сферами жизни, артикулируя легитимные основания в плоскости «частных интересов», где коррупция теряет свое юридическо-правовое определение, нравственно-этическую оценку и рассматривается как допустимый способ решения возникшей проблемы.

Отдельно следует отметить пробелы в правовой компетентности современной молодежи, обнаруживающиеся в сфере антикоррупционного законодательства. Молодые люди слабо осведомлены о конкретных нормативно-правовых актах, которые могут послужить правовой базой противодействия коррупции и защиты прав при столкновении с фактом вымогательства взятки.

Современные студенты в большинстве своем сходятся во мнении, что победить коррупцию в современных реалиях практически невозможно. Ситу-

ацию усугубляет то, что коррупция воспринимается как глубоко укорененный феномен в российском социуме, опосредованный социально-культурными факторами. В этой связи отмечается достаточно скептическое отношение молодежи к возможности изменить ситуацию с коррупцией в России в результате перехода к электронно-цифровой форме введения документооборота и обработки обращений граждан. При этом большинство респондентов считают, что наиболее действенными мерами ликвидации коррупции в стране являются ужесточение наказания (увеличение тюремного срока, введение смертной казни) и усиление контроля в обществе.

Тематика основной роли различных субъектов антикоррупционной деятельности в борьбе с коррупцией также актуализирует поле общественных и частных интересов. Признание ведущей роли государства, социума в целом, институтов гражданского общества отражает макроуровень локализации социальной ответственности основных субъектов антикоррупционной политики. Роль отдельного человека смещается на задний план, что отражает слабо выраженную субъективную ответственность и понимание значимости личного вклада в ликвидацию коррупции как социетальной проблемы.

Таким образом, изучение коррупции в восприятии молодежи показывает рассогласованность основных полей осмысления различных сторон коррупции. Моральная составляющая данного феномена практически не актуализирована. В основном преобладает срез социальной реальности, артикулирующий отношение макро- и микроконтекста восприятия данного феномена, демонстрируя плоскость разграничения сферы общественных и частных интересов.

В заключение заметим, что полученные данные открывают широкий горизонт для дальнейших исследований. Так, учитывая значительную долю опрошенных, которые допускают коррупционные действия в определенных условиях, укажем на необходимость изучения скрытого коррупционного потенциала молодого поколения. Рассмотренный как самостоятельный феномен, коррупционный потенциал отражает латентные возможности индивида, способного совершить (не совершить) коррупционные действия при наличии и использовании определенных средств и ресурсов в соответствующих условиях. Немногие студенты однозначно ответили, что готовы дать взятку, тем не менее достаточно часто респонденты выражали согласие на участие в коррупции при определенных условиях. Проводя демаркационную линию между сферами общественных и частных интересов, респонденты очерчивали границы, в которых коррупция теряет свое юридическо-правовое определение, нравственно-этическую оценку и оценивается как допустимый способ решения возникшей проблемы. Полученный материал послужит ценной информацией для дальнейших научных разработок и междисциплинарных исследований коррупционного потенциала.

Литература

1. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2010. 356 с.
2. Tänzler D. Cultures of Corruption – An Empirical Approach to the Understanding of Crime // Discussion Paper Series. 2007. № 2. URL: http://kops.unikonstanz.de/bitstream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_No_2_Dirk_Taenzler_June_2007.pdf?sequence=1 Treisman, D (accessed: 10.08.2018).

3. *Dimant E.* The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective // Economics Discussion Papers. Kiel Institute for the World Economy. 2013. № 59. URL: <http://www.economics.ejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59> (accessed: 10.08.2018).
4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
5. *Amundsen I.* What is political corruption? Bergen: Chr. Michelsen Institute. U4, 2006. Is. 6. URL: <http://www.u4.no/publications/political-corruption/> (accessed: 10.08.2018).
6. *Treisman D.* What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. P. 211–244. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418
7. *Fjelde H., Hegre H.* Political Corruption and Institutional Stability // Studies in Comparative International Development. 2014. Vol. 49 (3). P. 267–299. DOI: 10.1007/s12116-014-9155-1
8. *Aidt T.S.* Economic Analysis of Corruption: A Survey // The Economic Journal. 2003. Vol. 113 (491). P. 632–652. DOI: 10.1046/j.0013-0133.2003.00171.x
9. Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 36–47.
10. *Olken B.A.* Corruption Perceptions vs. Corruption Reality // Journal of Public Economics. 2009. Vol. 93 (7–8). P. 950–964. URL: <http://www.nber.org/papers/w12428.pdf> (accessed: 10.08.2018).
11. *Getz K.A., Volkema R.J.* Culture, Perceived Corruption, and Economics: A Model of Predictors and Outcomes // Business and Society. 2001. Vol. 40 (1). P. 7–30. DOI: 10.1177/000765030104000103
12. *Barr A., Serra D.* Corruption and Culture: An Experimental Analysis // Journal of Public Economics. 2010. Vol. 94 (11–12). P. 862–869. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.006
13. *Judge W.Q., McNatt D.B., Weichu Xu.* The antecedents and effects of national corruption: A meta-analysis // Journal of World Business, Elsevier. 2011. Vol. 46 (1). P. 93–103. DOI: 10.1016/j.jwb.2010.05.021
14. *Панако́стас А.* Становление цивилизационной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.
15. Журавлев А.Л., Соснин В.А. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
16. *Bicchieri C., Ganegoda D.* Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis // Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery / P. Nichols, D. Robertson (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 177–178.
17. *Greed,* Corruption, and the Modern State. Essays in Political Economy / S. Rose-Ackerman, P. Lagunes (eds.). Cheltenham; Northampton MA: Edward Elgar, 2015. DOI: 10.4337/9781784714703
18. *Климовицкий С.В., Карпова С.Г.* Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. № 4. С. 206–222.
19. *Попов М.Ю.* Институты гражданского общества против коррупции // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 2. С. 24–31.
20. *Duqu K., Neset S.* The cognitive psychology of corruption. Micro-level explanations for unethical behavior // U4. 2018. Is. 2. URL: <https://www.u4.no/publications/the-cognitive-psychology-of-corruption/pdf> (accessed: 21.09.2018).
21. *Ванновская О.В.* Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.
22. *Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н.* К интерпретации понятия «коррупция»: социетальные и социально-психологические аспекты // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 52–64. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/755>. DOI: 10.17805/ggz.2018.2.5 (дата обращения: 21.09.2018).
23. *Коррупция:* социально-психологическое измерение. М.: ИСПИ РАН, 2015. 230 с.
24. *Tänzler D., Maras K., Giannakopoulos A.* Crime and Culture. Breaking New Ground in Corruption Research // Discussion Paper Series. 2007. № 1. URL: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11588/Discussion_Paper_No_1_Project_Presentation_June_2007.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 21.09.2018).
25. *Ruud A.E.* Corruption as Everyday Practice. The Public Private Divide in Local Indian Society // Forum for Development Studies. 2000. № 2. P. 271–294. URL: <https://www.uio.no/studier/emner/hf/ikos/SAS1504/v06/Corruption%20as%20everyday%20practice.pdf> (accessed: 21.09.2018).

26. Rothstein B., Torsello D. Is corruption understood differently in different culture? // *Anthropology meets Political Science*. QoG Working Paper Series. 2013. № 5. URL: https://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1443/1443545_2013_5_rothstein_torsello.pdf (accessed: 21.09.2018).
27. *Corruption: Anthropological Perspectives* / D. Haller, C. Shore (eds.). London : Pluto Press, 2005. 262 p.
28. Соснин В.А., Китова Д.А. Макропсихологические аспекты исследования коррупции // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1. С. 129–141.
29. Тихомиров Д.А. Прикладная социология в политической сфере // *Горизонты гуманитарного знания*. 2018. № 1. С. 91–112. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/704>. DOI: 10.17805/ggz.2018.1.6 (дата обращения: 21.09.2018).
30. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы : Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (дата обращения: 21.09.2018).
31. Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг. : Распоряжение Правительства РФ от 14 мая 2014 г. № 816-р // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70555558/> (дата обращения: 21.09.2018).

Svetlana G. Karepova, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Svetlran@inbox.ru

Antonina N. Pinchuk, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Sergey V. Nekrasov, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: sv_79@inbox.ru

Dmitry A. Tikhomirov, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: dat1983@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 146–161.

DOI: 10.17223/1998863X/50/14

CORRUPTION AND ANTI-CORRUPTION AS PERCEIVED BY THE RUSSIAN YOUTH: A FOCUS-GROUP RESEARCH EXPERIENCE

Keywords: corruption; anti-corruption; perception of corruption; youth, focus-group research.

The article aims to analyze the content of the concept “corruption” used in the daily life of young people and the features of this phenomenon subjectively perceived by the youth. Considering educational activities within the anti-corruption policy, the authors point out that the legitimate attitude to corruption, endowing a corrupt official’s image with positive features, tolerance to participants in corruption among the youth can significantly complicate the implementation of anti-corruption activities in the education of young people. Thus, the authors identify the significant features of understanding corruption by young people and their attitude to the problem of anti-corruption in Russia. The article uses the materials of focus groups conducted with the students of the Russian humanitarian universities. The research results show that the grounds for legitimizing corruption are actualized in the space of public and private interests rather than of moral norms. The authors conclude that the transition from the sphere of public interest to the sphere of private interest erodes a clear understanding of corruption as a socially dangerous phenomenon and forms an ambivalent attitude. A fight against corruption also articulates the distinction between the fields of public and private interests. The authors emphasize that young people determine the main area of actors’ responsibility for the anti-corruption policy in the macro-context, actualizing the primary role of the state and society in eliminating corruption, which indicates a weak subjective responsibility. Modern students also show ethno-cultural features when perceiving corruption.

References

1. Rose-Ackerman, S. (2010) *Korrupsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform]. Translated from English by O.A. Alyakrinsky. Moscow: Logos.

2. Tänzler, D. (2007) Cultures of Corruption – An Empirical Approach to the Understanding of Crime. *Discussion Paper Series*. 2. [Online] Available from: http://kops.unikonstanz.de/bits-tream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_No_2_Dirk_Taenzler_June_2007.pdf?sequence=1 Treisman, D. (Accessed: 10th August 2018).
3. Dimant, E. (2013) The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *Economics Discussion Papers*. 59. [Online] Available from: <http://www.economics.ejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59> (Accessed: 10th August 2018).
4. Huntington, S. (2004) *Politicheskii poriadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Amundsen, I. (2006) What is political corruption? *Bergen: Chr. Michelsen Institute*. 6. [Online] Available from: <http://www.u4.no/publications/political-corruption/> (Accessed: 10th August 2018).
6. Treisman, D. (2007) What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? *Annual Review of Political Science*. 10. pp. 211–244. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418
7. Fjelde, H., & Hegre, H. (2014) Political Corruption and Institutional Stability. *Studies in Comparative International Development*. 49(3). pp. 267–299. DOI: 10.1007/s12116-014-9155-1
8. Aidt, T.S. (2003). Economic Analysis of Corruption: A Survey. *The Economic Journal*. 113(491). pp. 632–652. DOI: 10.1046/j.0013-0133.2003.00171.x
9. Barsukova, S.Yu. (2008). Korruptsiya: nauchnye debaty i rossiyskaya real'nost' [Corruption: Academic Debates and the Russian Reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 36–47.
10. Olken, B.A. (2009) Corruption Perceptions vs. Corruption Reality. *Journal of Public Economics*. 93(7-8). pp. 950–964. [Online] Available from: <http://www.nber.org/papers/w12428.pdf>. (Accessed: 10th August 2018).
11. Getz, K.A., & Volkema, R.J. (2001) Culture, Perceived Corruption, and Economics: A Model of Predictors and Outcomes. *Business and Society*. 40(1). pp. 7–30. DOI: 10.1177/000765030104000103
12. Barr, A., & Serra, D. (2010). Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*. 94(11-12). pp. 862–869. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.006
13. Judge, W.Q., McNatt, D.B. & Weichu Xu (2011) The antecedents and effects of national corruption: A meta-analysis. *Journal of World Business*. 46(1). pp. 93–103. DOI: 10.1016/j.jwb.2010.05.021
14. Papakostas, A. (2016) *Stanovlenie tsivilizatsionnoy publichnoy sfery : Nedoverie, doverie i korruptsiya* [Civilizing the Public Sphere: Trust, Distrust and Corruption]. Moscow: VTsIOM.
15. Zhuravlev, A.L. & Sosnin, V.A. (2013) Fenomen korruptsii v Rossii kak sotsiopoliticheskaya i psikhologicheskaya problema [The phenomenon of corruption in Russia as a sociopolitical and psychological problem]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*. 2. pp. 8–24.
16. Bicchieri, C., & Ganegoda, D. (2017) Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis. In: Nichols, P. & Robertson, D. (eds) *Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 177–178)
17. Rose-Ackerman, S. & Lagunes, P. (eds) (2015) *Greed, Corruption, and the Modern State. Essays in Political Economy*. DOI: 10.4337/9781784714703
18. Klimovitsky, S.V. & Karepova, S.G. (2016) Metodologiya izmereniya sotsial'no-psikhologicheskikh faktorov korruptsii [Methodology of the measurement of socio-psychological factors of corruption]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 4. pp. 206–222.
19. Popov, M.Yu. (2010) Instituty grazhdanskogo obshchestva protiv korruptsii [The institutions of civil society against corruption]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2(4). pp. 24–31.
20. Dupuy, K. & Neset, S. (2018) *The cognitive psychology of corruption. Micro-level explanations for unethical behavior*. [Online] Available from: <https://www.u4.no/publications/the-cognitive-psychology-of-corruption/pdf>. (Accessed: 21st September 2018).
21. Vannovskaya, O.V. (2009). Personal determinants of corruptional behaviour. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 102. pp. 323–328. (In Russian).
22. Karepova, S.G., Nekrasov, S.V. & Pinchuk, A.N. (2018) On the interpretation of the concept “corruption”: Societal and socio-psychological aspects. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 2. pp. 52–64. (In Russian). DOI: 10.17805/ggz.2018.2.5
23. Osipov, G.V. (ed.) (2015) *Korruptsiya: sotsial'no-psikhologicheskoe izmerenie* [Corruption: Social and Psychological Measurement]. Moscow: Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences.

24. Ruud, A.E. (2000) Corruption as Everyday Practice. The Public Private Divide in Local Indian Society. *Forum for Development Studies*. 2. pp. 271–294. [Online] Available from: <https://www.uio.no/studier/emner/hf/ikos/SAS1504/v06/Corruption%20as%20everyday%20practice.pdf>. (Accessed: 21st September 2018).
25. Tänzler, D., Maras, K. & Giannakopoulos, A. (2007) Crime and Culture. Breaking New Ground in Corruption Research. *Discussion Paper Series*. 1. [Online] Available from: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11588/Discussion_Paper_No_1_Project_Presentation_June_2007.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed: 21st September 2018).
26. Rothstein, B. & Torsello, D. (2013) Is corruption understood differently in different culture? Anthropology meets Political Science. *QoG Working Paper Series*. 5. [Online] Available from: https://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1443/1443545_2013_5_rothstein_torsello.pdf. (Accessed: 21st September 2018).
27. Haller, D. & Shore, C. (eds) (2005) *Corruption: Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press.
28. Sosnin, V.A. & Kitova, D.A. (2018) Makropsikhologicheskie aspekty issledovaniya korruptsii [Macropsychology, corruption and their socio-psychological aspects]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 1. pp. 129–141.
29. Tikhomirov, D.A. (2018) Applied sociology in the political sphere. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 1. pp. 91–112. (In Russian). DOI: 10.17805/ggz.2018.1.6
30. President of the Russian Federation. (2018) *The Presidential Decree of the Russian Federation of June 29th, 2018, No. 378 "On anticorruption national plan for 2018–2020"*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (Accessed: 21st September 2018).
31. The Government of the Russian Federation. (2014) *Order No. 816-p of the Government of the Russian Federation of May 14, 2014, On approval of the anticorruption education programme for 2014–2016*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70555558/> (Accessed: 21st September 2018).

УДК 316.444

DOI: 10.17223/1998863X/50/15

А.Б. Рахманов

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ЦАРСТВЕ МАРСА: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ В 1912 ГОДУ

Статья посвящена исследованию закономерностей социальной мобильности в офицерском корпусе Российской императорской армии накануне Первой мировой войны. В разных родах войск и военных округах Российской империи темпы карьер офицеров заметно различались. Анализируются образование и сословность как важнейшие детерминанты социальной мобильности офицеров. Национальность в ряде случаев обуславливала и темпы карьер офицеров, и их размещение в военных округах. На социальную мобильность офицеров в некоторых военных округах влияли боевые заслуги, связанные с участием в русско-японской войне. Офицерский корпус армии России лишь отчасти соответствовал принципам рациональной бюрократии М. Вебера.

Ключевые слова: социальная мобильность, карьера, офицеры, генералы, образование, сословия, национальности, Российская императорская армия, Питирим Сорокин, Макс Вебер.

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию восходящей социальной мобильности внутри офицерского корпуса Российской императорской армии (РИА) накануне Первой мировой войны. Под восходящей социальной мобильностью здесь вслед за российско-американским социологом П.А. Сорокиным понимается перемещение индивидуума из нижестоящего социального слоя в вышестоящий [1. С. 373]. Речь пойдет о подъеме по иерархической лестнице офицерских чинов, т.е. карьерном восхождении офицеров РИА.

Различные аспекты карьер офицеров РИА периода конца XIX и начала XX в. рассматривались дореволюционными военными социологами К.М. Оберучевым [2, 3], П.А. Режепо [4–6], современными историками С.В. Волковым [7], И.И. Гребенкиным [8], А.П. Корелиным [9], В.Н. Суряевым [10–13], Г.С. Чувардиным [14–16] и др. Отличительная особенность настоящей статьи в том, что в ней будет предпринята попытка выявить *систему закономерностей* восходящей социальной мобильности офицеров РИА данного периода, т.е. речь пойдет об исследовании этого явления с точки зрения не истории, а исторической социологии. В то время как историческая наука рассматривает явления прошлого сквозь призму их описания, а также выявления частных и поверхностных казуальных связей, историческая социология посредством сравнительного анализа совокупности однотипных исторических явлений устанавливает целостные и глубокие закономерности общественного развития, устремляясь к границам философии истории, впрочем, лишь отчасти достигая их.

Офицерский корпус РИА подразделялся на три иерархически соподчиненные категории чинов – генералов¹, штаб-офицеров² и обер-офицеров³, и поэтому исследование восходящей социальной мобильности в первую очередь выступит как исследование перемещения индивидуумов из слоя обер-офицеров в слой генералов. Для краткости для обозначения восходящей социальной мобильности ниже мы будем использовать понятие «социальная мобильность».

Подобное исследование с необходимостью будет являться эмпирическим, и в качестве его методологии закономерно выступит индуктивная логика британских философов Ф. Бэкона и Дж.С. Милля⁴. Источником эмпирических данных послужит «Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год» (далее – «Ежегодник») [19], изданный Главным штабом военного министерства Российской империи в 1914 г. «Ежегодник», будучи официальным изданием, является самым полным статистическим исследованием из всех, посвященных РИА, данного периода⁵. Этот труд содержит многообразный статистический материал о личном составе РИА, включая офицеров, врачей, чиновников и нижних чинов, о преступности и заболеваемости в армии и т.д. Для нас интерес представляют сведения о различных характеристиках офицерского корпуса – образовании, возрасте, сословности, национальности, распределении по родам войск и военным округам и т.п. Данные «Ежегодника» позволяют судить не только о состоянии РИА в 1912 г., но и о тенденциях ее развития в ходе целого периода накануне Первой мировой войны.

«Ежегодник» осуществляет статистический анализ РИА в предметно-отраслевом и территориальном аспектах. Первый предполагает рассмотрение всех родов войск РИА, а также такого структурного компонента армии, как «управления, учреждения и заведения военного ведомства» (УУЗВВ), взятого как единое целое. К этому компоненту относились штабы, разведывательные управления, интендантские и иные вспомогательные службы и т.д. Второй предполагает рассмотрение 12 военных округов Российской империи. Предпримем в рамках нашего исследования анализ офицерского корпуса основных родов войск РИА – пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск, УУЗВВ, а также офицерского корпуса всех 12 военных округов. Всего в РИА (без казачьих войск) в 1912 г., согласно «Ежегоднику», было 40 908 офицеров. Среди них – 932 генерала, 6 448 штаб-офицеров и 33 528 обер-офицеров [Там же. С. 228].

¹ Генералы – это полные генералы, генерал-лейтенанты, генерал-майоры.

² Штаб-офицеры – это полковники, подполковники, войсковые старшины.

³ Обер-офицеры – это капитаны, ротмистры, есаулы, штабс-капитаны, штаб-ротмистры, подьесаулы, поручики, сотники, подпоручики, корнеты, хорунжи, прапорщики.

⁴ Бэкон в труде «Новый Органон» писал о том, что для установления причинно-следственных связей между явлениями следует составлять таблицы: 1) сущности или присутствия, 2) отклонения или отсутствия, 3) степеней или сравнения [17]. Развивая идеи Бэкона, Милль в книге «Система логики силлогистической и индуктивной» выделил пять форм индуктивного метода: 1) сходства, 2) различия, 3) соединенный метод сходства и различия, 4) остатков, 5) сопутствующих изменений, которые полагалось необходимым применять в единстве [18].

⁵ Всего вышло три выпуска «Военно-исторического ежегодника армии» – в 1911 г. (с данными за 1910 г.), в 1913 г. (1911 г.) и в 1914 (1912 г.). В силу известных исторических причин последний выпуск, самый содержательный из всех трех, оказался последним.

Возрастные экстремумы и темпы социальной мобильности в офицерском корпусе РИА

Для того чтобы выявить закономерности социальной мобильности в офицерском корпусе РИА, определим ее скорость (темпы). Сделаем это с помощью анализа возрастной структуры трех категорий офицерского корпуса. Для решения указанной задачи выделим два типа групп офицеров: 1) группы минимальных возрастных экстремумов, т.е. офицеров, наиболее молодых для своих чинов («молодых, да ранних»); 2) группы максимальных возрастных экстремумов, т.е. офицеров, наиболее возрастных для своих чинов («перестарков»). К первому типу групп мы условно отнесем обер-офицеров в возрасте до 30 лет¹, штаб-офицеров до 40 лет и генералов до 50 лет, ко второму типу групп – обер-офицеров старше 40 лет, штаб-офицеров старше 50 лет и генералов старше 60 лет. Рассмотрим, каков вес каждой из выделенных возрастных когорт в составе данной группы чинов в офицерском корпусе РИА. Проблему исследуем вначале в предметно-отраслевом аспекте – в рамках основных родов войск РИА, а затем в территориальном – в рамках 12 военных округов Российской империи. Рода войск и военные округа выступают как предмет сравнительного анализа.

Группы возрастных экстремумов офицерского корпуса РИА по родам войск выглядели следующим образом (табл. 1). Рода войск приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

*Таблица 1. Возрастные экстремумы офицерского корпуса родов войск РИА в 1912 г. *, %*

Род войск	Группа минимальных возрастных экстремумов			Группа максимальных возрастных экстремумов		
	Обер-офицеры до 30 лет	Штаб-офицеры до 40 лет	Генералы до 50 лет	Обер-офицеры старше 40 лет	Штаб-офицеры старше 50 лет	Генералы старше 60 лет
Пехота	41,26	5,76	15,66	21,80	42,46	8,94
Кавалерия	54,03	12,70	28,00	12,26	30,42	4,00
Артиллерия	59,44	8,72	25,77	3,62	35,12	7,22
Инженерные войска	68,19	15,08	28,57	2,72	22,42	–
УУЗВВ**	11,72	16,41	18,95	30,39	38,47	21,92
Вся армия	44,60	10,37	19,31	17,68	38,27	14,38

* Подсчет автора по: [19. С. 232–233].

** В УУЗВВ, очевидно, направляли офицеров не сразу по окончании учебных заведений, а после приобретения некоторого опыта полевой службы, поэтому в УУЗВВ молодых офицеров было немного. Но это компенсировалось командированием в УУЗВВ офицеров других родов войск после окончания военных академий.

На основе данных табл. 1 рассчитаем индикатор социальной мобильности внутри каждого из родов войск по формуле $I = (X + Y + Z) - (S + D + F)$, где X – количество обер-офицеров до 30 лет, Y – количество штаб-офицеров до 40 лет, Z – количество генералов до 50 лет, S – количество обер-офицеров в возрасте свыше 40 лет, D – количество штаб-офицеров в возрасте свыше 50 лет и F – количество генералов в возрасте свыше 60 лет. Этот индикатор отражает темпы восхождения офицеров по карьерной лестнице в родах войск РИА. Помимо этого, вычислим формальные карьерные шансы офицеров, т.е.

¹ «Ежегодник» среди молодых офицеров выделяет группы лиц в возрасте до 20 лет, до 25 лет и 25–30 лет. Мы объединяем эти три группы в одну возрастную когорту офицеров до 30 лет.

шансы абстрактного обер-офицера стать генералом, приняв их равными частному от деления численности генералов на численность обер-офицеров, относящихся к данному роду войск. Приведем оба ряда полученных результатов, расположив рода войск в порядке убывания значения индикатора социальной мобильности (табл. 2).

Таблица 2. Индикатор социальной мобильности в офицерском корпусе и формальные карьерные шансы офицеров в родах войск РИА в 1912 г.^{*}, баллы

Род войск	Индикатор социальной мобильности в офицерском корпусе	Формальные карьерные шансы офицеров
Инженерные войска	86,70	0,004
Кавалерия	48,05	0,027
Артиллерия	47,97	0,018
Пехота	–10,52	0,014
УУЗВВ	–43,70	0,207
Вся армия	3,95	0,028

^{*} Подсчет автора по: [19. С. 228].

Скорость подъема офицеров по карьерной лестнице в разных родах войск была весьма различной: быстрее всего карьеру делали офицеры инженерных войск, несколько медленнее, но все же относительно быстро восхождение совершалось в артиллерии и кавалерии, медленно – в пехоте, очень медленно – в УУЗВВ¹. Амплитуда колебаний формальных карьерных шансов офицеров в родах войск также была существенной, что определялось в значительной мере предметной специализацией родов войск. Вполне логично, что этих шансов больше в УУЗВВ, поскольку тип деятельности этого компонента РИА предполагал наибольшую плотность генералов. На втором месте находилась кавалерия, на третьем – артиллерия. На последнем месте с точки зрения формальных карьерных шансов офицеров оказались инженерные войска.

Обратимся к рассмотрению возрастных экстремумов офицерского корпуса РИА в территориальном аспекте – в 12 военных округах Российской империи (табл. 3). Округа приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

Обер-офицеров младше 30 лет больше всего было в Варшавском, Омском, Иркутском и Петербургском округах, штаб-офицеров младше 40 лет – в Приамурском, Туркестанском, Петербургском и Иркутском округах, генералов младше 50 лет – в Петербургском, далее, с очень значительным отставанием, – в Туркестанском, Приамурском и Варшавском округах. Обер-офицеров старше 40 лет больше всего в Кавказском, Омском, Одесском и Туркестанском округах, штаб-офицеров старше 50 лет – в Омском, Кавказском, Московском и Киевском округах, генералов старше 60 лет – в Омском, Кавказском, Одесском, Киевском и Московском округах. В Петербургском округе доля молодых генералов была намного выше, чем во всех других округах. Одновременно здесь наблюдалась невысокая доля генералов преклонного возраста – их меньше только в Приамурском, Иркутском и Варшавском округах.

¹ П.А. Режепо в 1903 г. отмечал, что в РИА офицерские карьеры были наиболее быстрыми в кавалерии, средними – в пехоте, наименее быстрыми – в артиллерии. Получившие чин генерал-майора в кавалерии шли к этому 30,4 года, в пехоте – 31,7, в артиллерии – 33,2 года [5. С. 25–26]. Таким образом, к 1912 г. иерархия родов войск РИА по степени благоприятствования офицерским карьерам несколько изменилась.

Таблица 3. Возрастные экстремумы офицерского корпуса военных округов Российской империи в 1912 г.*, %

Военный округ	Минимальные возрастные экстремумы			Максимальные возрастные экстремумы		
	Обер-офицеры младше 30 лет	Штаб-офицеры младше 40 лет	Генералы младше 50 лет	Обер-офицеры старше 40 лет	Штаб-офицеры старше 50 лет	Генералы старше 60 лет
Петербургский	46,51	13,78	34,92	13,76	26,90	9,52
Виленский	44,81	9,18	16,48	19,31	41,50	15,39
Варшавский	49,84	10,63	18,90	16,87	38,54	8,66
Киевский	43,59	7,82	10,48	18,36	43,73	18,55
Одесский	36,17	10,45	18,46	19,59	38,25	21,54
Московский	44,55	6,52	18,56	18,74	44,09	18,55
Казанский	41,52	11,35	17,19	19,64	41,54	10,94
Кавказский	41,77	7,96	15,86	21,38	44,88	23,17
Туркестанский	38,97	15,12	22,86	19,10	38,49	14,28
Омский	48,72	8,66	18,75	19,60	45,66	31,25
Иркутский	48,72	12,00	14,89	15,44	27,33	8,51
Приамурский	45,91	16,11	20,69	13,38	24,37	3,45

* Подсчет автора по: [19. С. 236–239].

Вычислим по вышеуказанной формуле значения индикатора социальной мобильности для 12 военных округов. Помимо этого, определим формальные карьерные шансы обер-офицеров в каждом из округов, приняв их равными частному от деления численности генералов на численность обер-офицеров, служивших в соответствующих округах. Округа ранжированы в порядке убывания значения индикатора социальной мобильности (табл. 4).

Таблица 4. Социальная мобильность в офицерском корпусе и формальные карьерные шансы офицеров в округах Российской империи в 1912 г.*, баллы

Военный округ	Индикатор социальной мобильности в офицерском корпусе	Формальные карьерные шансы офицеров
Петербургский	45,03	0,031
Приамурский	41,51	0,022
Иркутский	24,33	0,028
Варшавский	15,30	0,030
Туркестанский	5,08	0,030
Казанский	–2,06	0,031
Виленский	–5,73	0,026
Московский	–11,75	0,022
Одесский	–14,30	0,030
Киевский	–18,75	0,027
Омский	–20,38	0,032
Кавказский	–23,84	0,030

* Подсчет автора по: [Там же. С. 204–226].

Быстрее всего офицерские карьеры в РИА делались в Петербургском, Приамурском, Иркутском и Варшавском округах. Медленнее всего карьерное восхождение совершалось в Кавказском, Омском, Киевском и Одесском округах. Остальные округа предоставляли офицерам в этом плане средние возможности. Амплитуда колебаний формальных карьерных шансов в военных округах была незначительной, но этих шансов было больше у офицеров в Омском, Петербургском и Казанском округах.

Одновременный анализ офицерских карьер в родах войск и военных округах создает возможность исследовать детерминанты социальной мобильности в командном составе РИА. Функционирование детерминант могло

иметь тройкую направленность: они могли ускорять, замедлять или вовсе блокировать карьеры. Данные «Ежегодника» позволяют исследовать значение таких детерминант социальной мобильности офицеров, как образование, сословность и национальность¹.

Образование как детерминанта социальной мобильности офицеров РИА

«Ежегодник» предоставляет сведения об уровне общего и военного образования офицеров. Поскольку общее образование в данном случае играло явно вспомогательную роль, обратимся к анализу влияния на социальную мобильность военного образования.

Офицеры по уровню военного образования подразделялись на тех, кто окончил: 1) военные академии, 2) только военные училища, 3) только юнкерские училища, 4) тех, кто не имел вообще никакого военного образования. Последних среди офицеров РИА крайне немного, и посему отвлечемся от их анализа. Юнкерские училища давали среднее военное образование, военные училища, предлагавшие курс в 2–3 года, соответствовали первой ступени высшего военного образования, академии с их курсом в 2 года – полному высшему военному образованию. Выпускники академий («академики») являлись самыми образованными, самыми подготовленными офицерскими кадрами РИА. Если исходить из гражданской образовательной системы современной России, то выпускников юнкерских училищ можно сопоставить с выпускниками колледжей, военных училищ – с бакалаврами, выпускников военных академий – с магистрами.

Мы можем оценить уровень образованности офицеров каждого из родов войск и РИА в целом, опираясь на данные о численности «академиков» и численности офицеров, окончивших только военные училища. Для этого введем индикатор их образованности, значения которого рассчитаем по формуле $E = 2A + B$, где A – доля офицеров всех категорий, окончивших академии, среди всех офицеров данного рода войск, %; B – доля офицеров всех категорий, окончивших только военные училища, среди офицеров данного рода войск, %. Полученные данные представим в табличном виде, ранжировав рода войск в порядке убывания значения индикатора образованности (табл. 5).

Таблица 5. Индикатор образованности офицеров родов войск РИА в 1912 г.*, баллы

Род войск	Индикатор образованности
Инженерные войска	368,36
УУЗВВ	338,67
Артиллерия	333,67
Кавалерия	274,47
Пехота	239,39
Армия в целом	286,08

* Подсчет автора по: [19. С. 232].

Самым образованными офицерами в РИА были офицеры инженерных войск, вторые и третьи позиции занимали офицеры УУЗВВ и артиллерии, им заметно уступали офицеры кавалерии, а офицеры пехоты оказались наименее

¹ Рассмотрение влияния классовых и имущественных характеристик на карьеры офицеров РИА остается за пределами настоящего исследования, поскольку «Ежегодник» не содержит соответствующих данных.

образованными. Такое распределение уровней образованности вполне логично вытекало из предметной специализации данных родов войск.

Аналогичным способом рассчитаем уровень образованности офицеров 12 военных округов (табл. 6). Округа ранжированы по убыванию уровня образованности офицеров.

Таблица 6. Индикатор образованности офицерского корпуса военных округов Российской империи в 1912 г., баллы*

Военный округ	Индикатор образованности
Туркестанский	324,36
Петербургский	305,98
Одесский	293,73
Варшавский	291,00
Виленский	287,84
Кавказский	283,01
Приамурский	282,45
Омский	279,96
Киевский	276,51
Московский	275,32
Казанский	272,03
Иркутский	271,35

* Подсчет автора по: [19. С. 236, 238].

Наиболее образованным был офицерский корпус Туркестанского, Петербургского, Одесского и Варшавского округов, а в наименьшей степени знаниями, или по крайней мере дипломами о получении образования, мог похвастать офицерский корпус Киевского, Московского, Казанского и Иркутского военных округов. Заметим, что с точки зрения оптимальной подготовки к приближающейся мировой войне наиболее подготовленные офицерские кадры должны были быть сосредоточены в округах, развернутых против потенциальных противников – Германии, Австро-Венгрии и Турции. Как показывает табл. 6, это требование было соблюдено лишь отчасти.

Исследуем, как образование детерминирует социальную мобильность в количественном аспекте, введя понятие индикатора ее образовательной детерминации. Индикатор образовательной детерминации карьеры для всех трех типов военного образования в каждом из родов войск и военных округов примем равным частному от деления доли генералов с определенным типом образования на долю обер-офицеров с подобным же типом образования в данном роде войск или округе – например, доли генералов-«академиков» на долю обер-офицеров-«академиков». Рассмотрим индикатор образовательной детерминации социальной мобильности в родах войск (табл. 7). Рода войск приведены в порядке их перечисления в «Ежегоднике».

Таблица 7. Индикатор образовательной детерминации социальной мобильности в родах войск РИА в 1912 г., баллы*

Род войск	Военная академия	Военное училище	Юнкерское училище
Пехота	40,83	1,04	0,15
Кавалерия	22,99	0,91	0,12
Артиллерия	6,73	0,79	0,00
Инженерные войска	11,71	0,46	0,00
УУЗВВ	3,15	0,59	0,19
Вся армия	17,49	0,72	0,15

* Подсчет автора по: [Там же. С. 232].

Полученные данные показывают, что наличие образования в объеме военной академии резко ускоряло карьеру офицеров во всех родах войск, и в наибольшей степени это касалось пехоты, в наименьшей – УУЗВВ. Это вполне логично, если вспомнить о том, что в пехоте было относительно мало офицеров всех категорий, окончивших курс военных академий, а в УУЗВВ – довольно много: чем меньше в определенной социальной среде индивидуумов с каким-либо положительно выраженным профессиональным качеством, тем легче делать карьеру, опираясь на его наличие, и наоборот. В то же время наличие образования в объеме только военного училища почти всегда замедляло карьеру офицеров (исключение – пехота), а в объеме только юнкерского училища – очень сильно замедляло ее или делало невозможным подъем до генеральского чина (в случае артиллерии и инженерных войск)¹.

Данные табл. 7 можно интерпретировать следующим образом: если мы умножим формальные карьерные шансы офицеров (см. табл. 2) на индикатор образовательной детерминации соответствующего рода войск РИА или военного округа, то определим их реальные шансы достичь генеральских чинов, опираясь на образование. Значение индикатора по определенному типу образования свыше 1 говорит о том, что данный вид образования в среднем и типическом случае ускоряет карьеру; значение, равное или очень близкое 1, означает, что он совсем или почти не влияет на карьеру; значение заметно ниже 1 показывает, что данный вид образования замедляет карьеру; значение, равное 0, свидетельствует о том, что он блокирует карьеру, останавливая офицера на пути к генеральскому чину.

Рассмотрим, как образование влияло на карьеру офицеров в 12 военных округах Российской империи (табл. 8). Округа ранжированы по убыванию значения индикатора детерминации по образованию, полученному в военных академиях.

Таблица 8. Индикатор образовательной детерминации социальной мобильности в военных округах Российской империи в 1912 г. *, баллы

Военный округ	Военная академия	Военное училище	Юнкерское училище
Казанский	36,88	0,73	0,18
Московский	29,68	0,80	0,10
Одесский	24,14	0,59	0,13
Варшавский	24,09	0,67	0,09
Иркутский	21,56	0,94	0,04
Виленский	19,54	0,77	0,11
Киевский	17,56	0,84	0,13
Туркестанский	14,43	0,51	0,07
Приамурский	12,73	0,83	0,31
Омский	11,36	0,53	0,42
Кавказский	11,25	0,50	0,37
Петербургский	9,47	0,71	0,19

* Подсчет автора по: [19. С. 236, 238].

Во всех военных округах, как и во всех родах войск, академическое образование резко ускоряло карьеру офицера, образование на уровне военного училища заметно замедляло ее, а образование на уровне лишь юнкерского

¹ Данные результаты подтверждают выводы, сделанные П.А. Режепо в 1903 и 1905 гг., о том, что академическое образование ускоряло получение офицерами РИА чинов генерала и полковника [5. С. 13–17; 6. С. 13].

училища замедляло ее в высшей степени. В наибольшей степени академическое образование ускоряло карьеры в Казанском, Московском, Одесском и Варшавском округах, в наименьшей – в Петербургском округе. Последнее вполне закономерно, если учесть, что он по уровню образованности офицеров превосходил все другие округа (за исключением Туркестанского).

Сословность как детерминанта социальной мобильности офицеров РИА

Важнейшей характеристикой командного состава РИА являлась его сословная структура. В офицерском корпусе РИА в 1912 г. доминировали привилегированные сословия, в первую очередь потомственное дворянство. Сословная принадлежность в офицерском корпусе (без казачьих войск) распределялась следующим образом: потомственные дворяне составляли 54,33%, потомственные почетные граждане – 13,67%, лица духовного звания – 3,65%, лица купеческого звания – 3,34%, лица из бывших податных сословий – 24,81% от числа всех офицеров [19. С. 228–229]. Согласно переписи 1897 г. среди населения Российской империи потомственные и личные дворяне составляли 1,5%, почетные граждане – 0,3%, купцы – 0,2%, духовенство – 0,5% [20. С. 54]. Иначе говоря, более 75% офицерского корпуса РИА происходило из среды привилегированных сословий, составлявших совокупно примерно 2% населения Российской империи. Таким образом, сословная структура офицерского корпуса совершенно не соответствовала сословной структуре общества Российской империи. При этом сословная структура офицерского корпуса РИА после 1861 г. эволюционировала чрезвычайно медленно. Согласно данным, приводимым А.П. Корелиным, среди офицеров РИА потомственных дворян¹ в 1864 г. было 58%, в 1874 г. – 54,8%, в 1897 г. – 53,7% [9. С. 86]. Как видим, с 1864 по 1912 г. изменение сословной структуры офицерского корпуса РИА было незначительным, и абсолютное преобладание дворян воспроизводилось.

Потомственные дворяне в 1912 г. доминировали во всех категориях командного состава всех родов войск, за исключением группы обер-офицеров пехоты. Если говорить о привилегированных сословиях в целом, то их господство во всех категориях командного состава всех родов войск было абсолютным. Проявлялась следующая закономерность: чем выше чин, тем в большей степени среди офицеров с соответствующим чином были представлены выходцы из привилегированных сословий, но особенно – из потомственного дворянства. Среди генералов РИА (без казачьих войск) в 1912 г. дворян было 87,45% [19. С. 233]. И этот порядок изменялся крайне медленно после 1861 г.: по А.П. Корелину, в 1864 г. среди генералов и адмиралов потомственные дворяне составляли 95,7%, в 1874 г. – 97,9%, в 1897 г. – 100% [9. С. 86].

Нижние чины РИА по своему сословному происхождению были полной противоположностью ее офицерского корпуса. В 1912 г. среди нижних чинов было: выходцев из потомственных дворян – 0,42%, потомственных почетных граждан – 0,46%, лиц духовного звания – 0,19%, лиц купеческого звания – 0,38%, лиц из бывших податных сословий – 98,55% [19. С. 373].

¹ Совокупно взятых дворян и по происхождению, и «по чину» или «по ордену».

Для выявления более полной картины и в первую очередь для сравнительного анализа сословной структуры офицерского корпуса родов войск и округов РИА в 1912 г. введем индикатор сословности (по определенному сословию), рассчитав его по формуле $G = 3K + 2V + N$, где K – доля лиц из данного сословия среди генералов, V – доля лиц из этого сословия среди штаб-офицеров, N – доля лиц из этого же сословия среди обер-офицеров. Индикатор покажет вес представителей каждого из сословий в баллах. Рассчитаем значения индикатора вначале для родов войск РИА (табл. 9). Рода войск приведены в порядке убывания значения индикатора сословности по потомственному дворянству.

Таблица 9. Индикатор сословности офицерского корпуса по родам войск РИА в 1912 г.*, баллы

Род войск	Потомственное дворянство	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Кавалерия	538,92	27,56	5,03	13,09	15,40
Артиллерия	509,80	38,02	6,32	6,03	39,83
Инженерные войска	509,52	40,11	6,32	10,27	33,75
УУЗВВ	458,49	66,45	17,69	9,81	47,56
Пехота	428,17	62,50	19,97	11,19	78,17
Вся армия	455,63	58,66	16,21	10,48	59,02

* Подсчет автора по: [19. С. 232].

Согласно индикатору сословности наиболее «дворянским» среди офицерских корпусов всех родов войск был офицерский корпус кавалерии. Командный состав артиллерии и инженерных войск незначительно уступал ему в этом. Наиболее выраженным присутствие выходцев из непривилегированных сословий было в пехоте. И все же и в этом роде войск офицеры в абсолютном большинстве были из привилегированных сословий, а дворяне составляли относительное большинство. При этом дворяне располагали абсолютным большинством среди генералов и штаб-офицеров, и только в рядах обер-офицеров присутствие выходцев из бывших податных сословий было сопоставимым с присутствием дворян. В связи с этим лишь условно можно сказать, что офицерский корпус пехоты среди прочих родов войск РИА был наиболее простонародным, «плебейским».

Рассчитаем сословность офицерского корпуса военных округов тем же способом (табл. 10). Округа приведены по убыванию значения индикатора сословности по потомственным дворянам.

Таблица 10. Индикатор сословности офицерского корпуса войск по военным округам Российской империи в 1912 г.*, баллы

Военный округ	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Петербургский	504,23	36,51	13,08	6,11	40,07
Варшавский	480,99	50,23	15,75	8,30	44,73
Виленский	471,82	53,29	14,09	4,89	55,91
Киевский	466,30	55,60	13,49	7,20	57,41
Одесский	463,19	42,99	15,75	7,77	70,24
Московский	450,64	70,12	24,59	7,68	48,77
Туркестанский	448,16	62,66	13,26	20,89	55,03
Приамурский	445,08	63,47	11,67	15,33	64,45
Кавказский	442,89	72,59	9,32	8,94	66,26
Казанский	434,97	63,26	32,25	14,77	54,75
Омский	409,33	89,59	16,56	25,96	60,06
Иркутский	293,04	105,04	19,13	36,13	146,76

* Подсчет автора по: [Там же. С. 236–238].

Самыми «дворянскими» были офицерские корпуса Петербургского, Варшавского, Виленского и Киевского округов, а, условно говоря, самым простонародным, «плебейским» – офицерский состав Иркутского военного округа, в котором, впрочем, также абсолютно доминировали дворяне. Выходцев из непривилегированных сословий всюду, кроме Иркутского округа, было немного. Офицеры-дворяне концентрировались преимущественно в западных (европейских) военных округах Российской империи.

Вычислим индикатор сословной детерминации социальной мобильности родов войск РИА по той же методике, что и выше – индикатор образовательной детерминации, но в данном случае вместо типов образования в качестве детерминант выступают сословные статусы (табл. 11). Рода войск приведены в порядке убывания значения индикатора сословной детерминации по дворянству.

Таблица 11. Индикатор сословной детерминации социальной мобильности в родах войск РИА в 1912 г.*, баллы

Род войск	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Пехота	2,17	0,55	0,21	0,16	0,08
Инженерные войска	1,55	0,00	0,00	0,00	0,00
УУЗВВ	1,47	0,67	0,60	0,28	0,12
Кавалерия	1,29	0,12	0,00	0,31	0,00
Артиллерия	1,27	0,24	0,93	0,00	0,44
Вся армия	1,74	0,53	0,39	0,21	0,10

* Подсчет автора по: [19. С. 233].

Как видим, дворянское происхождение ускоряло карьеру офицеров во всех родах войск, но более всего это касалось пехоты¹. Все иные сословные статусы препятствовали карьере или даже делали ее невозможной. Примечательно, что здесь объектом дискриминации были даже три привилегированных сословия. Например, в инженерных войсках генералами могли стать только дворяне. И, разумеется, в наибольшей степени дискриминация касалась выходцев из бывших податных сословий: их сословный статус либо крайне затруднял карьеру, либо вовсе блокировал ее.

Вычислим значения индикатора сословной детерминации социальной мобильности в военных округах РИА (табл. 12). Округа приведены в порядке убывания значения этого индикатора по потомственным дворянам.

Во всех военных округах дворянский статус значительно ускорял карьеру офицеров. Вполне закономерно, что в наименьшей степени это было характерно для Петербургского округа, который больше других был насыщен дворянами-офицерами. В то же время во всех округах недворянское происхождение ощутимо замедляло карьеру или же блокировало ее. Исключениями выступали Иркутский округ, в котором делали успешную карьеру офицеры из потомственных почетных граждан, Казанский округ (из духовного звания), а также Омский и Приамурский округа (из купеческого звания). И без исключений сословное происхождение блокировало карьеру офицеров из бывших податных сословий.

¹ П.А. Режепо пришел к выводу, что наличие титула (князя, графа или барона) ускоряло получение офицерами РИА чинов генерала и полковника [5. С. 18; 6. С. 17–18], причем в наибольшей степени получению чина генерала из всех титулов способствовал титул графа.

Таблица 12. Индикатор сословной детерминации социальной мобильности в военных округах Российской империи в 1912 г.*, баллы

Род войск	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Иркутский	2,15	1,41	0,63	0,13	0,44
Омский	2,14	0,61	0,00	2,63	0,00
Виленский	2,04	0,31	0,34	0,00	0,00
Одесский	1,97	0,18	0,50	0,00	0,15
Казанский	1,87	0,82	1,38	0,00	0,05
Туркестанский	1,87	0,36	0,00	1,06	0,00
Приамурский	1,81	0,47	0,45	1,88	0,05
Киевский	1,78	0,53	0,00	0,00	0,11
Московский	1,71	0,81	0,54	0,00	0,00
Варшавский	1,62	0,49	0,20	0,38	0,00
Кавказский	1,56	0,81	0,00	0,54	0,18
Петербургский	1,43	0,15	0,67	0,00	0,17

* Подсчет автора по: [19. С. 236–238].

Устойчивое дворянское доминирование в офицерском корпусе РИА всех родов войск и всех военных округов определило превращение этого корпуса в квазисословие (квазикасту), сословную корпорацию. В свою очередь, офицерские корпуса родов войск и округов, а также категории офицерского состава выступали как квазисубсословия, субкорпорации. Сословиеобразность (кастовость) офицерства распространялась и на офицеров с низким социальным происхождением, хотя различия сословных статусов внутри офицерского состава сохранялись. Ярким проявлением сословности в РИА было уже само существование гвардии как ее элитной части, в которой офицерский корпус был почти полностью укомплектован выходцами из знати, т.е. из наиболее родовитого дворянства. Известный русский военачальник А.И. Деникин писал: «Вследствие ряда причин и в русской армии существовала некоторая рознь между родами оружия – явление старое и свойственное всем армиям. Общими чертами ее были: гвардия глядела свысока на армию; кавалерия – на другие роды оружия; полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойденной вниманием и власти, и общества» [21. С. 52]. Причины подобной розни, на мой взгляд, – в первую очередь не предметная дифференциация родов войск, а стоявшие за родами войск сословные и квазисословные различия.

Совокупное функционирование образования и сословности как детерминант социальной мобильности офицеров РИА

Рассмотрим, как образование и сословность вкупе обуславливали карьеры офицеров РИА. Если говорить о родах войск, то наиболее быстрые темпы восходящей социальной мобильности в офицерском корпусе инженерных войск (см. табл. 2), на мой взгляд, были обусловлены тем, что офицеры этого рода войск отличались и высоким уровнем присутствия дворян, и высоким уровнем образования. В кавалерии и артиллерии темпы карьер были ниже,

что можно объяснить тем, что офицеры этих родов войск отличались высокой долей присутствия дворян, но по образованности уступали офицерам-инженерам. Практически одинаковые темпы карьер в кавалерии и артиллерии следует объяснить тем, что несколько большее дворянское представительство в кавалерии компенсировалось большим уровнем образования офицеров-артиллеристов. Наконец, очень низкие темпы карьер были в пехоте, офицеры которой сочетали самый низкий уровень дворянского представительства и самый низкий уровень образования. Самые низкие темпы карьер были в УУЗВВ, чьи офицеры отличались простонародным происхождением (их «плебейскостью» превосходили только офицеры пехоты), и даже очень высокий уровень образования не компенсировал этого. Кроме того, можно предположить, что руководство Российской империи недооценивало роль штабной и обеспечивающей работы в войсках.

Если говорить об округах, то самые быстрые темпы карьер офицеров наблюдались в Петербургском, Приамурском, Омском и Варшавском округах (см. табл. 4). Петербургский и Варшавский округа заняли 2-е и 4-е места соответственно в рейтинге 12 округов по образованности офицеров и вместе с тем поднялись на 1-е и 2-е места соответственно по степени присутствия дворян в офицерском корпусе. Самые медленные карьеры офицеров мы обнаружили в Одесском, Киевском, Омском и Кавказском округах. Киевский округ был одним из четырех округов с наименее образованным офицерским корпусом. Кавказский и Омский округа входили в число округов с наименьшим присутствием дворян в офицерском корпусе. Туркестанский округ располагал самым образованным офицерским корпусом, а по присутствию дворян этот округ занимал лишь 7-е место, и, по всей вероятности, фактор образования обусловил его вхождение в число пяти округов с наиболее высокими темпами социальной мобильности офицеров. Все это совокупно позволяет сделать вывод, что наилучшими шансами на блестящую карьеру обладали индивидуумы, сочетавшие высокий уровень образования, и дворянский статус. И напротив, невысокий уровень образования и / или отсутствие дворянского статуса препятствовали офицерским карьерам.

Для того чтобы в чистом виде выявить эффективность образования и сословности как детерминант социальной мобильности в офицерском корпусе РИА, исследуем реальные карьерные шансы сословно-образовательных офицеров-антиподов – с одной стороны, выходцев из бывших податных сословий, окончивших военные академии (комбинация «худшего» происхождения и лучшего образования), и с другой стороны – дворян, окончивших только юнкерские училища (комбинация «лучшего» происхождения и худшего образования). Модели этих антиподов послужат средством отражения закономерностей социальной мобильности в офицерском корпусе РИА. Реальные шансы данных антиподов стать генералом будут равны произведению формальных карьерных шансов (см. табл. 2), индикатора образовательной (см. табл. 7) и индикатора сословной детерминации социальной мобильности (см. табл. 11). Рассмотрим реальные шансы сословно-образовательных антиподов в родах войск (табл. 13). Полученные значения округлены до трех цифр после запятой. Рода войск приведены в порядке их перечисления в «Ежегоднике».

Таблица 13. Реальные карьерные шансы сословно-образовательных антиподов офицерского корпуса РИА по родам войск в 1912 г., баллы

Род войск	Дворянин, окончивший только юнкерское училище	Выходец из бывших податных сословий, окончивший военную академию
Пехота	0,005	0,047
Кавалерия	0,000	0,000
Артиллерия	0,000	0,053
Инженерные войска	0,000	0,000
УУЗВВ	0,058	0,078
Вся армия	0,007	0,049

В кавалерии и инженерных войсках оба антипода не могли стать генералами, тогда как в пехоте, артиллерии, УУЗВВ и армии в целом шансы сделать блестящую карьеру у выходцев из бывших податных сословий с академическим образованием были заметно выше, чем у дворян, окончивших только юнкерские училища (по армии в целом – в 7 раз!). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в офицерском корпусе РИА накануне Первой мировой войны вполне определенно оформилась тенденция превалирования образования над сословностью в системе детерминации социальной мобильности офицеров. Но все же дворянское происхождение продолжало играть огромную роль в карьерном росте офицеров РИА, и шансы сделать блестящую карьеру у «академика»-дворянина в типическом и среднем случае были намного выше, чем у «академика»-простолюдина¹.

Сословные характеристики влияли и на горизонтальную мобильность офицеров – на размещение в том или ином военном округе. Наиболее «дворянским» был офицерский корпус Петербургского округа, офицерство других западных округов (Виленского, Варшавского, Киевского, Московского, Одесского) по степени дворянского присутствия превосходило офицерский корпус восточных и южных округов (Казанского, Кавказского, Туркестанского, Омского, Иркутского, Приамурского). Это можно объяснить, во-первых, стремлением наиболее привилегированной части офицерского корпуса РИА служить и быть расквартированными в более развитой и цивилизованной части страны, а следовательно, в более комфортных условиях, во-вторых, политикой командования по размещению офицеров-дворян как наиболее надежной части армии, с одной стороны, в ключевых округах Российской империи, с другой – в округах, которые должны были бы в случае войны быть развернутыми во фронты, противостоящие наиболее грозным потенциальным противникам – Германии и Австро-Венгрии. Рекордную концентрацию дворян в офицерском корпусе Петербургского округа, вероятно, следует объяснить тем, что на карьере офицеров влияли близость ко двору, военному министерству и другим высшим органам военного управления, высокая плотность аристократических и богатых буржуазных семейств в столице им-

¹ П.А. Режепо в 1903 г. указывал на то, что титул князя, графа или барона в большей степени способствовал получению офицером чина генерала, чем академическое образование. При этом он отмечал рост значения образования и личной службы [5. С. 18]. К.М. Оберучев в 1909–1910 гг. делал вывод, что в РИА карьеры быстрее всего делают офицеры Генерального штаба, им несколько уступают офицеры гвардии, тогда как армейские офицеры серьезно отстают от этих двух категорий [2, 3]. Первые были выпускниками академии Генштаба, вторые происходили, как правило, из наиболее знатной части дворянства.

перии и ее окрестностях и т.п. В Иркутском округе дворян среди офицеров было меньше, чем в любом другом округе, и при этом он по доле молодых генералов уступал почти всем другим округам.

Быстрые карьеры офицеров Приамурского и Иркутского округов при том, что они обладали невысокими показателями образования и родовитости, на мой взгляд, объясняются тем, что войска именно этих округов в первую очередь принимали участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. Офицеры Приамурского и Иркутского округов, проявившие доблесть, мужество и профессионализм в условиях боевых действий, были повышены в чинах не благодаря образованию и высокому происхождению, а благодаря своим боевым заслугам. Офицеры из социальных низов («кухаркины дети») получили благодаря русско-японской войне шанс на ускорение своей карьеры. Для тех из них, кто не обладал ни высшим военным образованием, ни дворянским происхождением, но располагал необходимыми интеллектуальными, морально-волевыми качествами и военной компетентностью, этот шанс был уникальным. Не будь войны, многих из этих офицеров, вероятнее всего, ожидало прозябание на первых ступеньках карьерной лестницы вплоть до увольнения на пенсию в скромных чинах. В связи со сказанным здесь следовало бы уточнить подход П.А. Сорокина, который рассматривал армию как один из каналов восходящей социальной мобильности [1. С. 393]: армия, командный состав которой подчинен преимущественно сословным принципам комплектования, в мирных условиях предоставляет очень ограниченные возможности для восхождения индивидуумов из социальных низов, тогда как в военное время круг этих возможностей заметно расширяется. Но все же война – это важный союзник офицеров из непривилегированных сословий в том, что касается карьеры, но не всеисильный: в РИА боевые заслуги лишь в ограниченной мере могли скомпенсировать «плебейское» происхождение и отсутствие академического образования¹.

Национальность как детерминанта социальной мобильности офицеров РИА

Рассмотрим влияние национальности на социальную мобильность офицеров. Для офицерского корпуса РИА было характерно абсолютное преобладание русских, что вполне закономерно, если учесть национальный состав и Российской империи, и нижних чинов РИА. При этом статистика Российской империи к русским относил великороссов, украинцев и белорусов. В 1912 г. среди генералов РИА русские составляли 86,48% (среди штаб-офицеров – 85,84%, среди обер-офицеров – 86,7%), немцы – 6,55% (3,26 и 2,61%), поляки – 3,33% (6,28 и 5,71%), татары² – 1,39% (0,57 и 0,56%), кавказцы – 1,29%

¹ К.М. Оберучев в 1909 г. писал, что в РИА «при движении офицеров по служебной стезе к высшим строевым командным должностям нестроевому элементу отдается большее предпочтение, чем строевому, деятелям мирного времени большее, чем боевым, гвардейцам больше, чем армейцам, и над всеми офицерскими корпорациями парит Генеральный штаб как военные избранники, которым уготованы в армии лучшие места, независимо от их талантов, способностей, дарований и подготовки всей прежней службой» [2. С. 50].

² К татарам статистика Российской империи относил не только татар в узком (современном) смысле слова, но и представителей ряда других тюркских народов. Но среди офицеров-татар РИА все же в силу ряда исторических причин преобладали татары в узком смысле слова.

(2,65 и 2,54%), литовцы и жмудины¹ – 0,32% (0,29 и 0,21%), латыши – 0,21% (0,42 и 0,78%) [19. С. 234].

Определим национальную структуру офицерского корпуса РИА тем же способом, что и в случае с сословностью, определив значения индикатора национального состава родов войск офицерского корпуса РИА (табл. 14). Индикатор покажет вес национальностей в офицерском корпусе каждого из рода войск. Рода войск приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

Таблица 14. Индикатор национальной структуры офицерского корпуса родов войск РИА в 1912 г.*, баллы

Рода войск	Русские	Поляки	Немцы	Латыши	Литовцы	Татары	Кавказцы
Пехота	506,48	37,34	31,72	3,13	1,85	5,56	11,90
Кавалерия	497,19	33,16	43,00	0,04	0,59	1,66	18,77
Артиллерия	526,57	17,62	18,01	0,62	0,08	8,94	18,98
Инженерные войска	470,89	63,75	16,81	0,38	42,9	0,25	3,78
УУЗВВ	535,23	17,45	27,07	1,81	1,64	5,95	7,48
Вся армия	517,82	28,26	28,78	2,25	1,75	5,87	11,71

* Подсчет автора по: [Там же. С. 234].

При повсеместном доминировании в офицерском корпусе русских в наибольшей степени это явление было выражено в УУЗВВ, вторую и третью позицию занимали артиллерия и пехота. Присутствие других национальных групп в офицерском корпусе РИА в целом было на порядок или на два порядка более скромным. Поляков и литовцев было более всего среди офицеров инженерных войск, немцев – кавалерии, латышей – пехоты, татар и кавказцев – артиллерии.

Вычислим значения индикатора национальной структуры офицерского корпуса военных округов Российской империи (табл. 15). Округа приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

Таблица 15. Индикатор национальной структуры офицерского корпуса военных округов Российской империи в 1912 г.*, баллы

Военный округ	Русские	Поляки	Немцы	Латыши	Литовцы	Татары	Кавказцы
Петербургский	529,29	23,12	38,41	0,55	0,05	0,95	2,62
Виленский	496,03	26,56	40,92	5,48	3,63	13,06	11,52
Варшавский	507,29	26,79	45,14	1,74	0,18	4,47	6,43
Киевский	524,67	24,84	24,42	2,52	0,75	5,66	15,63
Одесский	489,67	52,19	38,21	4,90	0,00	5,04	8,49
Московский	562,76	20,18	7,60	3,40	0,52	0,49	2,45
Казанский	532,34	31,73	19,47	1,35	4,68	0,61	9,16
Кавказский	474,60	26,21	22,19	0,56	4,15	17,34	51,37
Туркестанский	496,34	48,95	25,23	0,77	8,58	1,81	16,60
Омский	554,70	16,37	5,12	0,40	0,00	0,00	2,57
Иркутский	522,84	31,22	18,54	1,37	1,63	13,29	6,21
Приамурский	531,49	23,78	21,55	2,79	0,63	6,29	10,19

* Подсчет автора по: [Там же. С. 240–242].

Наиболее русским по составу был офицерский корпус Московского, Омского, Приамурского и Петербургского округов. На фоне абсолютного русского большинства командного состава относительно заметным было присутствие среди офицеров поляков в Одесском и Туркестанском, немцев –

¹ Жмудины (жемайты) – литовский субэтнос.

в Варшавском и Виленском, кавказцев – в Кавказском округе. Вычислим индикатор национальной детерминации социальной мобильности в родах войск (табл. 16). Рода войск приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

*Таблица 16. Индикатор национальной детерминации социальной мобильности в родах войск РИА в 1912 г. *, баллы*

Род войск	Русские	Поляки	Немцы	Латыши	Литовцы	Татары	Кавказцы
Пехота	0,99	0,63	3,49	0,30	1,10	2,91	0,34
Кавалерия	1,03	0,76	1,70	0,00	0,00	0,00	0,32
Артиллерия	0,96	0,51	1,29	0,00	0,00	3,22	2,77
Инженерные войска	0,80	3,18	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
УУЗВВ	0,95	1,21	2,30	0,44	4,60	4,18	0,74
Вся армия	1,00	0,58	2,51	0,27	1,52	2,48	0,51

* Подсчет автора по: [19. С. 234].

Согласно табл. 15 и 16, на карьеру офицеров русской национальности их этническая принадлежность серьезного влияния не оказывала, что вполне закономерно в условиях повсеместного абсолютного преобладания русских в командном составе РИА. Некоторые затруднения у офицеров русской национальности существовали в инженерных войсках, но, вероятно, это следует объяснить случайностями, которые привели к заметному числу поляков среди генералов этого рода войск.

В целом ситуация с нерусскими офицерами выглядела намного сложнее. Значения индикатора по всей армии показывают, что карьера складывалась в основном успешно у офицеров из числа немцев и татар, в меньшей степени у литовцев – их доля среди генералов заметно превосходила их долю среди обер-офицеров. В первую очередь это касалось немцев (значения индикатора превышают 1 по всей армии и по четырем родам войск из пяти). Несколько противоречивой была ситуация офицеров-татар: они не могли стать генералами в кавалерии и инженерных войсках, но обладали прекрасными шансами в трех других родах войск. Хуже была ситуация у офицеров-литовцев: они обладали блестящими шансами на карьеру в УУЗВВ, стандартными в – пехоте, но были полностью лишены возможностей карьерного восхождения в трех других родах войск. Рассуждая логически, превосходные шансы на карьеру офицеров определенных национальностей можно объяснить либо тем, что они обладали профессиональными (квалификация, дисциплинированность, доблесть и т.д.) и / или политическими качествами (лояльность и т.д.) на уровне выше среднего по офицерам армии, либо тем, что командование проводило политику по их продвижению, либо тем, что существовала комбинация этих двух факторов.

Противоположный случай – офицеры из числа поляков, латышей и кавказцев, чья карьера, как показывают значения индикатора по всей армии, была затруднена. Офицеры-поляки имели прекрасные шансы на карьеру в инженерных войсках, шансы, близкие к стандартным – в УУЗВВ, плохие – в остальных трех родах войск. Офицеры-кавказцы имели отличные шансы в артиллерии, не имели никаких шансов в инженерных войсках и располагали плохими шансами в прочих трех родах войск. Офицеры-латыши не могли рассчитывать на блестящую карьеру во всех родах войск. И вновь чисто логически мы можем предположить, что это надлежит объяснить либо тем, что

офицеры данных национальностей обладали профессиональными и / или политическими качествами на уровне ниже среднего, либо тем, что проводилась политика по препятствованию их продвижению, либо тем, что существовала комбинация этих двух факторов. Рискну выдвинуть уточняющее предположение, что решающую роль играло то, что латыши (в отличие от всех рассматриваемых национальностей) были народом, который характеризовался почти абсолютным отсутствием дворянства. Таким образом, в данном случае за национальной детерминантой таилась сословная.

Рассчитаем индикатор национальной детерминации социальной мобильности в военных округах (табл. 17). Значение индикатора по латышам во всех округах было равно нулю, поэтому соответствующая колонка в таблице отсутствует. Округа приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

*Таблица 17. Индикатор национальной детерминации социальной мобильности в военных округах Российской империи в 1912 г. *, баллы*

Род войск	Русские	Поляки	Немцы	Литовцы	Татары	Кавказцы
Петербургский	0,96	1,03	2,27	0,00	0,00	0,81
Виленский	1,07	0,00	1,90	0,00	2,43	4,58
Варшавский	0,97	0,37	4,23	0,00	1,41	0,00
Киевский	0,95	0,35	3,30	0,00	10,73	4,03
Одесский	0,84	1,53	6,65	0,00	0,00	1,03
Московский	1,10	0,00	0,00	14,71	0,00	0,00
Казанский	1,02	1,19	1,32	0,00	0,00	0,82
Кавказский	1,16	1,12	3,28	11,09	2,01	0,00
Туркестанский	0,87	2,63	2,20	0,00	0,00	1,13
Омский	1,03	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Иркутский	0,98	0,83	2,37	0,00	0,00	0,00
Приамурский	1,01	0,36	2,13	0,00	7,17	1,19

* Подсчет автора по: [19. С. 240–242].

На карьеру офицеров русской национальности в округах их этничность не влияла – во всех округах они составляли абсолютное большинство среди офицеров всех категорий. Только в Одесском и Туркестанском округах происходило небольшое замедление карьер русских офицеров, что, вероятнее всего, связано со случайными факторами.

Для поляков их этничность была фактором торможения карьер в 7 округах, в том числе и в округах, на территории которых доминировало польское население или присутствовали заметные польские меньшинства – в Виленском, Варшавском и Киевском. Офицеры-поляки могли делать успешную карьеру только в Туркестанском, Одесском, Казанском и Кавказском округах, т.е. округах, расположенных на территориях, на которых в той или иной степени проживали другие национальные меньшинства. В Петербургском округе шансы офицеров-поляков были стандартными.

Для немцев шансы на карьеру были превосходными в 10 из 12 округов, в том числе и в Петербургском округе. И в случае немцев наилучшими были шансы на карьеру в округах, населенных в основном другими национальными меньшинствами, – Одесском, Варшавском, Киевском и Кавказском.

Для татар карьерные шансы были отрицательными в семи округах. Офицеры-татары не могли рассчитывать на блестящую карьеру, т.е. на получение генеральских чинов, в столичном Петербургском округе. Помимо этого, у них не было оснований надеяться на такую карьеру в Казанском округе,

Одесском (в Таврической губернии 13% населения составляли тюрко-татары, т.е. крымские татары), Омском (в Акмолинской губернии было 64,4%, в Семипалатинской губернии – 89,9% тюрко-татар), Туркестанском военном округе, населенном главным образом тюрко-татарами (родственными тата-рам узбеками, казахами, киргизами и туркменами), в Иркутской губернии, в которой тюрко-татары составляли 82,9% населения [19. С. 511–514]. Из 5 военных округов, благоприятных для карьер офицеров-татар, четыре были населены иными национальными меньшинствами – Киевский, Кавказский, Виленский и Варшавский округа.

Карьерные шансы у офицеров-кавказцев отсутствовали или были незначительными в 7 военных округах, в том числе были равны нулю в близком им этнически Кавказском округе. Отличные или неплохие карьерные шансы существовали у кавказцев в 4 округах, из которых 3 были округами, населенными иными национальными меньшинствами – Виленском, Киевском и Туркестанском.

Литовцы обладали прекрасными карьерными шансами только в Московском и Кавказском округах, тогда как в других округах шансы на карьере у них отсутствовали напрочь. Но к выводам, касающимся офицеров-литовцев, следует отнестись осторожно в силу их малочисленности и, следовательно, большой роли случайных факторов.

На основе сказанного следует сделать следующие выводы о закономерностях влияния национальности на социальную мобильность офицеров. Во-первых, нерусские офицеры, кроме немцев и поляков, практически не могли рассчитывать на службу в генеральских чинах в Петербургском округе: «Ежегодник» сообщает, что среди 126 генералов округа русские составляли 87,3%, немцы – 8,73, поляки – 3,17, прочие – 0,8% [Там же. С. 240]. Во-вторых, создавались препятствия для генеральских карьер офицеров из числа национальных меньшинств в военных округах, к которым относились территории, где соответствующий народ составлял большинство или заметную часть населения. В-третьих, для офицеров национальных меньшинств, кроме немцев, генеральская карьера была возможной только в военных округах, которые населяли другие национальные меньшинства. Очевидно, действовал известный принцип «разделяй и властвуй». Национальность в случае поляков, татар, литовцев, кавказцев и отчасти немцев выступала в качестве средства ускорения горизонтальной социальной мобильности.

Выше мы рассмотрели шансы обер-офицеров стать генералами, т.е. сделать корпоративную карьеру, в зависимости от образования, сословности и национальности. Речь шла о внутрикорпоративной мобильности. Но важно поставить вопрос и о шансах молодых граждан Российской империи стать обер-офицерами, войти в офицерскую корпорацию, т.е. об инфракорпоративной мобильности. В Российской империи потомственные дворяне составляли 1%, потомственные и личные почетные граждане – 0,3%, купцы – 0,2%, лица духовного звания – 0,5%, а выходцы из бывших податных сословий¹ – 96,6% населения [20. С. 54]. Однако в 1912 г. среди обер-офицеров РИА дворяне составляли 50,36%, а выходцы из бывших податных сословий – только 27,99% [19. С. 233]. Таким образом, шансы юношей из бывших податных со-

¹ К бывшим податным сословиям здесь отнесены крестьяне, мещане, казаки и инородцы.

словий войти в состав обер-офицеров были незначительными, тогда как, напротив, для юношей-дворян двери в офицерский корпус были раскрыты настежь.

Национальная структура нижних чинов РИА в 1912 г. была следующей: русских было 76,85%, поляков – 8,66%, евреев – 4,18%, татар – 3,16%, кавказских народностей – 2,16%, немцев – 1,57%, латышей и литовцев – 1,98 [19. С. 374]. В то же время среди обер-офицеров РИА русские составляли 86,7%, поляки – 5,71%, немцы – 2,61%, латыши – 0,78%, литовцы и жмудины – 0,21%, татары – 0,56%, кавказцы – 2,54% [Там же]. Это означает, что шансы русских юношей стать обер-офицерами, т.е. войти в офицерский корпус, были весьма благоприятными, немцев – отличными (самыми лучшими среди всех национальностей), кавказцев – ограниченными, поляков, литовцев и латышей – очень ограниченными, татар – ничтожными¹, евреи же вообще не имели таких шансов. Безусловно, одним из важных факторов, обусловивших трудность вступления в офицерский корпус РИА для молодежи нерусских национальностей, особенно из социальных низов, было плохое знание русского языка.

Офицерский корпус РИА и концепция рациональной бюрократии Макса Вебера

В Российской империи начала XX в. существовало полуфеодально-полукапиталистическое общество, и вполне закономерно, что ее государственный аппарат, ее бюрократия, включая и офицерский корпус вооруженных сил, имели соответствующий характер. Российское императорское государство было основано, если использовать категории выдающегося немецкого социального теоретика М. Вебера, на смешении традиционного и легального типов господства². Это обусловило синтез не просто разных, а противоречащих друг другу оснований социальной мобильности в офицерском корпусе: карьеры офицеров были детерминированы и образованием, и сословностью (включая степень близости офицера к царскому двору, к знати), и национальностью, и боевыми заслугами. В случае отдельных индивидуумов, групп личностей, родов войск и округов соотношение веса этих детерминант могло существенно различаться.

Из концепции господства М. Вебера следует, что офицерский корпус РИА для того, чтобы в полной мере представлять собой рациональную (современную) бюрократию, должен был бы быть построен на следующих принципах: 1) подчинение только функциональным служебным обязанностям, 2) подчинение строгой должностной иерархии, 3) подчинение должностной компетенции, 4) поступление на службу в силу контракта, т.е. на основе свободного отбора, 5) назначение на должность на основе профессиональной квалификации, подтвержденной сдачей экзаменов и получением со-

¹ Кажущийся парадокс – разительное противоречие между быстрыми карьерами татар внутри офицерского корпуса и трудностью их вступления в офицерский корпус – объясняется очень легко. Дворян среди татар было немного, и татары-дворяне не только вступали в офицерский корпус РИА, но и делали успешные карьеры в нем, тогда как татары из непривилегированных сословий практически не имели шансов стать офицерами.

² Согласно Веберу, (рациональная) бюрократия являлась штабом управления в случае легального господства.

ответствующих дипломов, 6) вознаграждение строго определенным денежным содержанием и – по уходу в отставку – пенсионным обеспечением, 7) фигурирование должности в качестве главной или основной профессии, 8) ориентация на карьеру, осуществляющуюся в соответствии со стажем работы и результатами деятельности (повышение квалификации и боевые заслуги), 9) полное отделение от средств управления (т.е. запрет коррупции), 10) подчинение строгой единой дисциплине и контролю [22. С. 126–127]. Все пункты, кроме 4 и 6, в офицерском корпусе РИА соблюдались, как показало наше исследование, лишь отчасти.

Фактор сословности определял даже не двойную, а, скорее, плюралистическую политику командования по отношению к офицерам из разных сословий. Весомый вклад в отдаление офицерского корпуса РИА от канонов рациональной бюрократии вносил и рассмотренный выше порядок функционирования национального фактора. Кроме того, наличие, вопреки седьмому пункту, у части дворян обширных земельных владений или у выходцев из среды потомственных почетных граждан и купечества предприятий обуславливало иное отношение к службе, чем у выходцев из бывших податных сословий, для которых офицерское жалованье было единственным источником дохода. (Это, в частности, приводило к тому, что офицеры из социальных низов в отличие от офицеров из привилегированных сословий стремились выйти в отставку как можно позже. Правда, это было характерно и для беспоместных дворян, коих было немало.) Девятый из веберовских принципов рациональной бюрократии, запрещающий использование должности в личных (корыстных) целях, в РИА также нарушался, о чем позволяют судить данные о преступности среди генералов и офицеров, приводимые «Ежегодником». В 1912 г. за «преступления при хранении имущества» были осуждены 34 офицера, за «подлоги, мздоимство и лихоимство» – 3 генерала и 105 офицеров [19. С. 394]. Однако факт углубляющегося кризиса, который переживала Российская империя в начале XX в., а также неизбежное в условиях сословного общества снисходительное отношение к служебным проступкам офицеров знатного происхождения заставляют предложить, что коррупция в РИА была существенно больше. Если бы вступление в офицерский корпус РИА и карьера внутри него определялись исключительно образованием, квалификацией, способностями и боевыми заслугами индивидуумов, если бы офицеры рассматривали военную службу как свою главную жизненную перспективу, если бы коррупция радикально устранялась, то командный состав вооруженных сил Российской империи в полной мере был бы скроен по канонам рациональной бюрократии, сформулированным М. Вебером. В наибольшей степени к этому идеалу приближалась, на мой взгляд, та часть офицерского корпуса РИА, которая состояла из выходцев из бывших податных сословий.

Возможность продвижения наверх индивидуумов из социальных низов, в том числе и внутри государственной бюрократии, – важная характеристика любого сословно-классового общества. К. Маркс писал о возможности восходящей социальной мобильности одаренных индивидуумов из социальных низов в классово-сословном обществе: «И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без средств, но обладающий энергией, солидностью, способностями и знанием дела, чтобы таким образом

превратиться в капиталиста, – ведь при капиталистическом способе производства оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно, – обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению новых счастливых, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества. Совершенно так же, как в Средние века то обстоятельство, что католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние, было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство» [23. С. 150]. Но офицерский корпус РИА лишь в незначительной степени допускал включение в его ряды и тем более подъем до генеральского уровня талантливых представителей социальных низов («кухаркиных детей»), что и обусловило недостаточно высокий уровень качества командного состава. Это было следствием того, что офицерский корпус РИА в целом был весьма далек от канонов рациональной бюрократии.

Первая мировая война привела к определенной трансформации сословной структуры офицерского корпуса РИА, до некоторой степени усилив позиции офицеров из бывших податных сословий. Это было обусловлено следующими факторами: 1) убылью кадровых офицеров вследствие боевых потерь, 2) ускоренным массовым производством в офицеры лиц, происходивших в основном из непривилегированных сословий, из социальных низов (главным образом через школы прапорщиков), 3) ускорением карьер офицеров в связи с боевыми заслугами. Первый фактор коснулся в первую очередь обер-офицеров, заметно в меньшей степени – штаб-офицеров, и совсем в незначительной степени – генералов; второй фактор – обер-офицеров; третий – всех категорий командного состава. Но все же в силу закономерной констелляции обстоятельств «плебеизация» офицерства РИА в 1914–1917 гг. оказалась ограниченной и не изменила коренным образом сословно-иерархической природы ее командного состава. Доминирование сословных и квазисословных принципов организации офицерского корпуса армии России в основном сохранялось, и если он в годы Первой мировой войны и приблизился к канонам рациональной бюрократии, то незначительно.

Заключение

Выявленные выше закономерности восходящей социальной мобильности в Российской императорской армии сыграли свою роль в последний период истории Российской империи, став одной из важных причин поражений вооруженных сил России в ходе Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн и способствовав тем самым вызреванию предпосылок Февральской и Октябрьской революций. Если бы принципы социальной мобильности в РИА были более рациональными, т.е. если бы роль факторов сословности и национальности была бы минимизирована или даже сведена на нет, а карьерное восхождение офицеров (и вступление молодежи в ряды офицеров) определялось бы исключительно образованием, надлежащими интеллекту-

альными и морально-волевыми качествами, а также боевыми заслугами, то Российскую империю, возможно, ожидали бы иные перспективы.

Сова Минервы, как с беспристрастностью видеорегистратора свидетельствовал великий Гегель, вылетает в сумерки. Сумерками Российской империи и РИА стало Белое движение периода Гражданской войны 1918–1920 гг. И в эти сумерки стала предельно очевидной неэффективность и исчерпанность полуфеодальных принципов комплектования офицерского корпуса. Это проявилось в первую очередь в том, что наиболее выдающимися лидерами Белого движения стали генералы Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин, которые не были потомственными дворянами от рождения. В Красной Армии и в армии Н.И. Махно на высокие командные позиции выдвигались самородки из социальных низов вроде С.М. Буденного или С.Н. Каретникова. Они не были ни потомственными дворянами или офицерами, ни выпускниками военных академий, но обладали талантом к военному делу, что и показали на полях сражений. Гражданская война стала могущественным созидателем и редактором социальной мобильности в противостоящих друг другу армиях.

Литература

1. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992.
2. *Оберучев К.М.* Наши военные вожди. М. : Типография «Труд», 1909.
3. *Оберучев К.М.* Наши командиры (опыт статистического исследования служебного движения офицеров). Киев : Типография Р.К. Лубковского, 1910.
4. *Режепо П.А.* Офицерский вопрос. СПб. : Русская Скоропечатня, 1909.
5. *Режепо П.А.* Статистика генералов. СПб. : Типография Тренке и Фюсно, 1903.
6. *Режепо П.А.* Статистика полковников. СПб. : «Столичная типография» С.Х. Золотухина, 1905.
7. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М. : Центрполиграф, 1993.
8. *Гребенкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань : Ряз. гос. ун-т, 2010.
9. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М. : Наука, 1979.
10. *Суряев В.Н.* Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 114–122.
11. *Суряев В.Н.* Офицеры Русской Императорской армии. 1900–1917. М. : Русская панорама, 2012.
12. *Суряев В.Н.* Русская Императорская Армия накануне и в годы Великой войны. М. : Русское историческое общество, 2015.
13. *Суряев В.Н.* Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны // Российская история. 2017. № 6. С. 114–128.
14. *Чувардин Г.С.* Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел : Издатель А. Воробьев, 2005.
15. *Чувардин Г.С.* Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской империи в эпоху правления Николая II. М. : Изд-во МЭЛИ, 2008.
16. *Чувардин Г.С.* Старая гвардия. Социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». Орел : Вешние воды, 2002.
17. *Бэкон Ф.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 2.
18. *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. М. : Ленанд, 2011.
19. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1912 год. Издание Главного штаба. СПб. : Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.
20. *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб. : Изд-во «Вестника знания» (В.В. Битнера), 1912.
21. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М. : Вагриус, 2002.
22. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen : Mohr, 1980.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1962. Т. 25, ч. 2.

Azat B. Rakhmanov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 162–186.

DOI: 10.17223/1998863X/50/15

SOCIAL MOBILITY IN THE KINGDOM OF MARS: THE IMPERIAL RUSSIAN ARMY IN 1912

Keywords: social mobility; career; officers; generals; education; estates; nations; Imperial Russian Army; Pitirim Sorokin; Max Weber.

The article is devoted to the study of patterns of social mobility in the officer corps of the Russian Imperial Army on the eve of the First World War. *The Military Statistical Yearbook of the Army for 1912* served as a source of empirical data. The author introduces an indicator of social mobility in order to analyze the career rates of officers. This indicator shows that the speed of the upward social mobility of officers in different types of troops and military districts of the Russian Empire was noticeably variable. To explain this phenomenon, an analysis of education, estate characteristic and nationality is carried out as a determinant of officers' careers. The author introduces indicators of estate, educational and national determination of the officers' social mobility. Education and estate characteristics had a significant impact on the career of an officer. In different types of troops and military districts, this manifested to varying degrees. Most of all, education received at military academies contributed to the careers of officers, on the one hand, and a noble origin, on the other. At the same time, education was already becoming a more significant factor in the upward mobility of officers than the estate characteristic. However, the estate characteristic not only determined the career of an officer, but also influenced the individual's entry into the officer corps to an even greater degree. As a result of this, noblemen dominated in the officer corps of the Russian Empire. Nationality determined the pace of officers' careers and their horizontal mobility (placement in military districts) in a number of cases. In general, in the army, officers of German and Tatar nationalities had the best chances for a quick career, the Russian ethnicity of officers did not have a noticeable influence on their careers, while the careers of officers of Polish, Latvian and Caucasian nationalities were slowed down. However, individuals of German and Russian nationalities had the greatest chances of joining the ranks of officers while for representatives of other nationalities becoming an officer was more difficult or even impossible. The careers of officers in some military districts were influenced by military achievements related to participation in the Russo-Japanese war. The officer corps of the Russian Imperial Army corresponded to the principles of Max Weber's rational bureaucracy only in part, which determined many aspects of Russia's participation in the First World War and also affected the events of the February and October revolutions.

References

1. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
2. Oberuchev, K.M. (1909) *Nashi voennye vozhd* [Our military leaders]. Moscow: Tipografiya Trud.
3. Oberuchev, K.M. (1910) *Nashi komandiry (opyt statisticheskogo issledovaniya sluzhebno dvi-zheniya ofitserov)* [Our commanders (The Essay on the statistical study of officers careers)]. Kyiv: Tipografiya R.K. Lubkovskogo.
4. Rezhepo, P.A. (1909) *Ofiterskiy vopros* [The officer problem]. St. Petersburg: Russkaya Skoropechatnya.
5. Rezhepo, P.A. (1903) *Statistika generalov* [The statistics of generals]. St. Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno.
6. Rezhepo, P.A. (1905) *Statistika polkovnikov* [The statistics of colonels]. St. Petersburg: Stolichnaya tipografiya S.H. Zolotukhina.
7. Volkov, S.V. (1993) *Russkiy ofiterskiy korpus* [The Russian Officer Corps]. Moscow: Tsentrpoligraf.
8. Grebenkin, I.N. (2010) *Russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914–1918 gg.* [Russian Officer during World War I and Revolution. 1914–1918] Ryazan: Ryazan State University.

9. Korelin, A.P. (1979) *Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii. 1861–1904 gg. Sostav, chislenost', korporativnaya organizatsiya* [The nobility in post reform Russia. 1861–1904. Composition, number, corporate organization]. Moscow: Nauka.
10. Suryaev, V.N. (2017) Komplektovanie korpusa ofitserov russkoy armii: obrazovatel'nyy tsenz (1900–1914 gg.) [Recruitment of the officer corps of the Russian army: the educational census]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 1. pp. 114–122.
11. Suryaev, V.N. (2012) *Ofitsery Russkoy Imperatorskoy armii. 1900–1917* [The officers of Imperial Russian army. 1900–1917]. Moscow: Russkaya panorama.
12. Suryaev, V.N. (2015) *Russkaya Imperatorskaya Armiya nakanune i v gody Velikoy voyny* [Imperial Russian army on the eve and during the Great war]. Moscow: Russkoe istoricheskoe obshchestvo.
13. Suryaev, V.N. (2017) Structure of the Russian officer corps on the eve of the First World War. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 114–128. (In Russian).
14. Chuvarin, G.S. (2005) *Ofitsery russkoy gvardii. Obraz zhizni, privyichki, traditsii* [The officers of the Russian guard. The lifestyle, habits, traditions]. Orel: A. Vorobiev.
15. Chuvarin, G.S. (2008) *Rossiyskaya imperatorskaya gvardiya v sisteme voennoy elity Rossiyskoy imperii v epokhu pravleniya Nikolaya II* [The Russian imperial guard in the system of the Russian Empire's military elite in the age of reign of Nicolas II]. Moscow: MELI.
16. Chuvarin, G.S. (2002) *Staraya gvardiya. Sotsiokul'turnaya struktura i mirovozzrenie ofitser'skogo korpusa "staroy gvardii"* [The Old Guard. The sociocultural structure and the world view of 'Old Guard' officer corps]. Orel: Veshnie vody.
17. Bacon, F. (1972) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Mysl'.
18. Mill, J.S. (2011). *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy* [A System of Logic, Rationative and Inductive]. Translated from English. Moscow: Lenand.
19. The Russian General Staff. (1914) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1912 god. Izdanie Glavnogo shtaba* [Military statistical yearbook of the army for 1912. The Edition of the General Staff]. St. Petersburg: Voennaya Tipografiya Imperatritsy Ekateriny Velikoy.
20. Rubakin, N.A. (1912) *Rossiya v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy* [Russia in numbers. Country. People. Estates. Classes]. St. Petersburg: Vestnik znaniya.
21. Denikin, A.I. (2002) *Put' russkogo ofitsera* [The Path of a Russian officer]. Moscow: Vagrius.
22. Weber, M. (1980) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr.
23. Marx, K. & Engels, F. (1962) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 25. Translated from German. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321

DOI: 10.17223/1998863X/50/16

С.В. Бирюков, М.М. Кисляков, С.Н. Чирун

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ: К МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦЕПТА, ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ПОЛИТИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ

Статья посвящена уточнению понятия и анализу современных подходов к исследованию политического маркетинга, в том числе анализу актуальных политических технологий, а также возможностям и ограничениям, связанным с процессом их реализации. Подобные технологии приобретают особую актуальность в политическом процессе постмодерна, описываемого в категориях гетерархии, перформативности, контекстуальности, дискретности и симуляции. По мнению авторов, политический маркетинг сегодня все больше становится объектом междисциплинарных исследований, в частности активно рассматривается с позиций синергетики (системно-синерго-деятельностного подхода). Авторами сделан вывод о том, что в настоящий момент происходит активное обновление основных подходов и концепций политического маркетинга.

Ключевые слова: политический маркетинг, политические технологии, сети, симуляция, маркетинговый анализ и синтез в политической сфере, синергетика.

Понятие «политический маркетинг» — одно из наиболее часто употребляемых в современной политической науке. При этом, подобно другим политологическим дефинициям, оно постоянно изменяет (расширяет и углубляет) свой смысл в ответ на перемены в обществе и в политике, связанные с целями, смыслами и стратегиями последней. Одновременно с этим встает вопрос об уточнении понятия «политический маркетинг» и модернизации его политико-технологической основы, что неразрывно связано не только с ревизией сложившейся на сегодняшний день «суммы политехнологий» [1], но и с углублением наших представлений о природе и свойствах публичной политики [2] в ответ на происходящие в окружающем нас мире изменения.

Новизна подхода, предлагаемого авторами статьи, состоит не просто в обобщении теоретических представлений о природе политического маркетинга, но в реконструкции определенной логики, в соответствии с которой развивались представления исследователей о предмете последнего в ответ на существующие в социально-политической сфере запросы и вызовы. На наш взгляд, именно такой подход позволяет уточнить содержание понятия «политический маркетинг» и сформулировать более широкое, комплексное видение его предмета в связи с потребностями модернизации политико-технологической основы в «постсовременном» контексте. Авторы предлагают собственный подход к определению возможной методологии изучения и модернизации политического маркетинга, создающей принципиально новый

контур для формирования и использования политических технологий в ситуации глубоких трансформаций публичной политики.

Процесс развития технологий политического маркетинга постепенно изменяет наше понимание того, чем является и какие задачи решает политический маркетинг. С момента возникновения идеи политического маркетинга представления о его природе эволюционировали от сугубо инструменталистского подхода (как совокупности средств обеспечения избирательной кампании и инструмента политического рынка) до восприятия его в качестве публичной технологии и средства политической инженерии. При этом сам предмет политического маркетинга включает в себя и более частные его определения, рассматривающие его в качестве:

- значимого компонента политического управления с переносом изначальных принципов маркетинга как бизнес-стратегии на политические и избирательные системы (Ф. Котлер);

- одной из технологий менеджмента, воздействующей на массовое поведение людей в ситуации состязательности (Г. Маузер);

- системы управления политическим поведением граждан с целью их изменения в соответствии с задачами и программами определенных политических сил, совокупности техник и стратегий, обеспечивающих продвижение определенного кандидата в рамках избирательной кампании, обеспечение его связи с определенными группами электората;

- процесса изучения политического рынка, представленных на нем интересов и ожиданий различных социальных групп и одновременно – совокупности используемых на этом рынке различными игроками стратегий, тактик и практик.

В результате длительной эволюции практического опыта и теоретических представлений политический маркетинг рассматривается сегодня многоаспектно – как философия поведения, как совокупность теоретических знаний, как политико-управленческая система, и вместе с тем как система конкретных действий и приемов по проведению политических и прежде всего избирательных кампаний.

Изменилось и содержание маркетинговых стратегий: политический маркетинг прошел путь развития от маркетинга как технологии по созданию политического продукта, максимально отвечающего ожиданиям избирателя (в прошлом веке), до маркетинга как средства формирования общественного доверия и основанной на нем модели социального порядка (в третьем тысячелетии). Это подразумевает рассмотрение последнего как значимого элемента публичного и сетевого пространства, что, очевидно, находится за рамками сугубо «инструменталистских» представлений.

Истоки подобного понимания миссии политического маркетинга восходят к французскому социологу П. Бурдьё. Он впервые ввел в научный оборот понятие «политическое поле». По мнению выдающегося социолога, «политическое поле» – это место, где возникают и обмениваются политические идеи, программы, товары, где наблюдается острая конкурентная борьба политических сил [3]. В качестве именно такого «поля» и рассматривается сегодня пространство, которое охватывает своим действием политический маркетинг. Ряд последующих представителей западной социологии, творивших на рубеже XX–XXI вв., обосновали процесс трансформации этого «поля» в глобальную

информационную сеть, изменяющие основания общественно-политического порядка.

Согласно выдающемуся испано-американскому социологу М. Кастельсу, новые технологии, связанные с производством информации, формируют качественно новое, глобальное информационное общество. Потенциал информационных технологий способствует возникновению единой социально-экономической системы, объединяющей весь мир. Глобальное сетевое общество формирует предпосылки для трансформации не только информационного пространства путем продвижения новых политических идей и образов, но и социально-политического пространства путем использования новых форм и стратегий политического маркетинга (коммуникация на базе ценностей и мобилизация вокруг значений) через сети, которые принципиально не имеют границ. Возникающие на основе коммуникаций (включая Интернет и другие медиа) культурные движения становятся способными влиять на сознание общества в целом [4. Р. 132–157]. И в наибольшем выигрыше будет тот, кто научится управлять окружающим нас «пространством неопределенности» через генерирование и продвижение нового информационно-политического продукта.

Сходные по смыслу идеи развивают два топ-менеджера мирового класса – Э. Шмидт, председатель совета директоров Google, и Д. Коэн, директор научного центра Google Ideas, которые в своей книге «Новый цифровой мир» подробно описывают, какие известные сдвиги произошли в цифровых технологиях за последнее время. Согласно их заключениям, Интернет создал автономный виртуальный ландшафт, формирующий полную зависимость общества и человека, политики и экономики от цифровых технологий. Возникновение на базе цифровых платформ онлайн-Вселенной обеспечивает ускоренное протекание всех процессов в политике, экономике и общественной жизни. И главный из этих сдвигов – сдвиг в сфере власти, заключающийся в ее перераспределении от институтов к гражданам, ведущий к непредсказуемым последствиям [5. С. 12–14].

В свою очередь, один из ведущих теоретиков и практиков современного брендинга С. Анхольт в своих работах акцентирует положение о неразрывной связи между имиджем (брендом) и практической политикой. Согласно его убеждению, формирование и продвижение имиджа (бренда) в публичном пространстве невозможно без подкрепления его средствами практической политики. При этом улучшение имиджа как продукта политического маркетинга создает предпосылки для привлечения ресурсов развития. В итоге публичное пространство предстает у Анхольта как место соревнования «конкурентных идентичностей» (городских, региональных и национальных брендов), и для достижения итогового маркетингового эффекта необходим «синтез бренд-менеджмента с публичной дипломатией» [6].

Новые подходы к пониманию природы и задач политического маркетинга также получили свое развитие в работах отечественных исследователей, стремившихся в том числе преодолеть существующий разрыв между теорией и практическими (технологическими) аспектами данного явления. При этом, по мнению исследователей, данное понятие остается «слабодифференцированным термином», поскольку пока нет четкого и ясного понимания того, что включать в понятие «политический маркетинг», а что – в «политический

маркетинг – менеджмент» (первое связано с теорией политического маркетинга, а второе – с практическим опытом реализации его технологий).

На сегодняшний день равным образом не существует четкого определения политических технологий. При этом широко известны шесть подходов к их определению: инструментальный, коммуникативный, психологический, стратегический, лидерский и моделирующий. Наряду с этим известна и описана совокупность технологий, обеспечивающих достижение целей политического маркетинга, которая представляет собой, по сути, технологии мобилизации общественного мнения [7]. К данной группе относится ряд технологий:

- Технология мониторинга информационных ресурсов органов власти; информационно-аналитическое обеспечение GR-деятельности (позволяет оценить состояние инфоресурса власти, присутствующего в публичном пространстве и влияющего на соотношение сил в нем) [8. С. 33–38].

- Технология организации кампаний в СМИ, предполагающая целенаправленное воздействие на социум, власть и публичное пространство в целом («социологические исследования» и составление рейтингов, изучающие общественное мнение и определенным образом влияющие на него).

- Технология формирования позитивного имиджа в среде представителей властных структур и вовлеченность в деятельность рабочих групп при властных структурах, создание коммуникационной инфраструктуры и участие в социально ориентированных проектах корпоративной социальной ответственности (КСО).

- Технология медийного перехвата – т.е. процесс продвижения собственной тематики за счет использования новостного пространства оппонентов с интеграцией в их текущую повестку и захватом их целевой аудитории [9].

- Технология инспирирования массовых обращений в органы власти с целью не привлечения, но, скорее, имитации общественной поддержки для влияния на общественные настроения.

- Технология организации массовых акций, имеющих целью оказание влияния на власть и проводимую ею политику (сбор подписей под петициями, сбор средств на избирательную кампанию, агитация, участие в митингах, организация забастовок, демонстраций, бойкотов; политические заявления; встречи с политиками и работа с общественными организациями, а также проведение конференций, форумов и круглых столов, публикация опросов общественного мнения, проведение медиакампаний).

- Технология «краудсорсинг», предполагающая оказание влияния на политические и законодательные решения и включающая в себя следующие технологические формы: «рынок прогнозов, краудкастинг (решение конкретных проблем), сетевой брейнсторминг, проектный краудсорсинг» [10].

- Технология «спираль молчания», применяется в политтехнологической практике для формирования внешней видимости массовой поддержки тех или иных политических решений, партий, лидеров, в результате чего граждане, имеющие оппозиционные взгляды, опасаются высказываться, чтобы не утратить свой символический капитал [11].

- Технология контролируемой утечки инсайда, применяется для трансляции информации, полученной из не названных, но якобы авторитетных источников. Используется с целью предупреждения (зондирования) реакции общества на политические решения [12. С. 152–158].

– Технология семантического манипулирования, используемая в политике при обозначении отношения к политическим процессам через символические значения, с которыми у населения связаны определенные ассоциативные наборы, непосредственно влияющие на восприятие политической информации общественным сознанием.

– Технологизированное конструирование семантических структур, позволяющее в латентной форме сформировать у целевых аудиторий необходимое представление о политических явлениях и процессах [4].

– Технология «научности», применяется в политической практике для убеждения целевой аудитории, посредством так называемых «экспертных мнений». Для этого в сознание целевой аудитории внедряются такие вербальные штампы, как «по мнению экспертов»; «специалисты утверждают»; «ученые доказали»; «данные опросов ВЦИОМ свидетельствуют»; «политологи констатируют» и т.д., формируя востребованное политическим актором (заказчиком) отношение масс к различным аспектам политической реальности.

Помимо этого, в рамках публичной политики могут находить активное применение концепция многоступенчатой коммуникации, концепция публичной сферы, методология постмодернизма, неоструктурализм, неоинституционализм, теория повестки дня, метод когнитивного картирования, интент-анализ, дискурс-анализ, а также множество других современных методов и теорий. Наряду с перечисленными технологиями для политологов и политиков особое значение приобретают сегодня технологический потенциал сетевой политической коммуникации, ее возможности в деле активизации потенциальных политических сторонников и мобилизации на свою сторону различных групп электората, что непосредственно реализуется в эффективной организации фандрайзинга и публичных акций [13. С. 7–13].

Обобщенно в своем исследовании мы предпочитаем использовать несколько базовых подходов к определению смысла понятия «политический маркетинг», понимая его как:

1) совокупность технологий, призванных обслужить избирательную кампанию;

2) совокупность целенаправленных воздействий на публичную сферу общества с целью продвижения определенных политических сил, их имиджа и идей;

3) процесс продвижения определенного информационно-политического продукта на политическом рынке.

С обозначенных выше позиций мы попытаемся оценить изменение роли политического маркетинга в условиях «постсовременного общества». Одним из наиболее масштабных методологических вызовов для теории политического маркетинга является теория постмодерна, предлагающая нам фундаментально иной образ общества.

С точки зрения представителей постмодернистской теории, реальность, в которой живет современный человек, образуют события и смыслы (ценности), которые никак не связаны с глубинными субстанциями и глубокими идеями, включая сюда идеологии (так называемые «политические религии»). Расположение этих идей на поверхности культуры, которую постмодернисты называют «ризомой», не требует для их постижения особых интеллектуальных

усилий; как результат, политика как сфера целевого и ценностного полагания растворяется в повседневности, неизбежно фрагментируется [14].

Благодаря этому представителями постмодерна ставится под сомнение не только идеологическая монополия государства, но и идейные мотивы борьбы тех или иных политических сил. Происходит фрагментация власти – множественные властные центры реализуют собственные микростратегии, благодаря чему власть становится всепроникающей и анонимной. Исчезает рационально ориентированный политический субъект, консолидирующий поле политики. В итоге политика превращается в обслуживание запросов политической повседневности, некоторой «текучести», лишенной глубинных смыслов и масштабных целей.

В контексте рассматриваемой темы для нас важнее социально-политические последствия утверждения постмодернистского порядка. Датский политолог, профессор публичного администрирования в Университете Роскильда Петер Богесон при различении современного общества (модерна) и постмодерна сравнивает их основные черты, выделяя следующие основные пары противоположностей: «национальное государство» – «интернациональные режимы», «партийная политика» – «личностная политика», «политика консенсуса» – «политика убеждения», «планирование» – «спонтанность», «разум» – «воображение», «заинтересованные группы» – «социальные движения», «централизация» – «децентрализация» и др. [15. Р. 24].

Для нас важно прежде всего то, что в ситуации постмодерна (постсовременного общества) изменяются ключевые объекты воздействия маркетинга – социум и политикум. В частности, происходит размывание традиционной социальной структуры и оснований политического порядка и проявляют себя несколько фундаментальных кризисов:

- 1) кризис традиционных идеологий;
- 2) кризис традиционных партий и партийных систем;
- 3) кризис традиционных политических институтов и механизмов;
- 4) кризис централизованной модели власти, административного ресурса и (взятого в отдельности) административного капитала;
- 5) кризис стратегий политической мобилизации и обслуживающих ее технологий.

Однако в условиях постмодерна практики политической коммуникации пребывают в гибридном, институционально-сетевом пространстве, открывающем новые возможности для реализации политическими акторами своего функционала и создающем риски ослабления институционального контроля.

Благодаря подобной институциональной и нормативной неопределенности в современном массовом «постсовременном» обществе (в том числе в связи с эффектом симулякризации) целенаправленно формируется не только «продаваемый» на политическом рынке политико-информационный продукт, но и само «политизированное сообщество» как предполагаемый совокупный потребитель этого продукта. Как результат, в ситуации постмодерна политические технологии являются эффективным инструментом достижения / разрушения общественной стабильности [16].

Миссия политического маркетинга в этой ситуации могла бы состоять в адаптации к изменчивой ситуации с одновременной готовностью преобразовывать ставшую подвижной реальность. Политический маркетинг, таким об-

разом, превращается в разновидность про-активной социальной инженерии, призванной сформулировать политический ответ на вызов нарастающей общественной и политической неопределенности.

Отвечающий изменившимся условиям политический маркетинг превращается в совокупность комплексных преобразовательных и адаптивных стратегий и технологий, позволяющих воздействовать на публичную сферу с целью изменения поведения отдельных людей и политических акторов с учетом трансформирующихся и формирующихся моделей политического порядка. Моделируются общественное мнение и политическое поведение с учетом не только запросов социума и тех или иных его страт, но и соотношения различных видов капитала, состояния базовых дискурсов [17. С. 50–74].

Подтверждением востребованности и применимости синергетических технологий к публичной сфере и области политического маркетинга являются несколько масштабных информационно-политических кампаний последнего времени. Один из примеров – президентская кампания 2016 г. Дональда Трампа (действующего президента США), которая внешне выглядела как спонтанное конструирование имиджа успешного политика-бизнесмена в ответ на запросы уставшего и обеспокоенного американского общества под лозунгом «вернуть Америке величие» [18]. В ходе агрессивной президентской пиар-кампании Трамп стремился доказать своим соотечественникам, что является единственным человеком, способным это сделать, поскольку знает систему изнутри. При этом неизбежное «размывание» имиджа при соприкосновении с более сложной и противоречивой реальностью – одно из неизбежных следствий радикально-популистского продвижения (маркетинга) информационного продукта в ситуации общественно-политического кризиса [19].

Триумфально избранный в 2017 г. президентом Франции Эммануэль Макрон – пример успешного конструирования имиджа и его продвижения средствами политического маркетинга в ответ на запросы пребывающих в глубоком кризисе французских общества и политикума. Макрон активно продвигал свой образ как центриста (с программой, содержащей «левые» и «правые» лозунги) и идеологически неангажированного технократа, готового отвечать на запросы общества и реализовывать интересы большинства [20]. Он заявлял своей целью не реформировать, но полностью трансформировать французское общество, чтобы помочь ему по-настоящему вступить в XXI в. Дальнейшее развитие политической ситуации – расплата за неоправдавшиеся ожидания, за несовпадение имиджа с суровой политической реальностью: Макрон, апеллируя к новым социальным идеям и интересам, стал жертвой экспансии со стороны социальных сетей, которые заместили собой ослабленные политические партии [21].

Еще одним примером успешного продвижения в общественное сознание с помощью средств политмаркетинга является Брексит (Brexit). Сама идеология Брексита была основана на двух основных идеях – идее Великобритании как самодостаточного политического и социально-экономического целого и идее Евросоюза как неэффективной бюрократической организации, действующей вопреки интересам Соединенного Королевства [22]. Этот политический образ, продвинутый в общественное сознание с помощью средств поли-

тического маркетинга, позволил сторонникам выхода из ЕС выиграть с небольшим перевесом референдум 23 июня 2016 г. о выходе Великобритании из Союза, однако реализация мобилизованного таким образом волеизъявления избирателей столкнулась с целым рядом политических и правовых коллизий.

Таким образом, эффективность новых стратегий и технологий политического маркетинга требует дальнейшего подтверждения. Наряду с этим сохраняет актуальность вопрос о том, какая методология наиболее способствует созданию комплексной картины нового объекта, целей и задач политического маркетинга.

На наш взгляд, научная парадигма, отвечающая этим требованиям, может быть определена как системно-синерго-деятельностная [23. С. 54]. Она предполагает рассмотрение объекта воздействия политического маркетинга как сложной системы с участием большого числа акторов, что влечет многообразие траекторий возможного изменения этого объекта исходя из спонтанной комбинации соответствующих факторов. Как полагают авторы, представление объекта политического маркетинга в виде поля и среды (открытой системы), а не в форме жесткого квазиобъекта с заданными свойствами и предопределенной внутренней динамикой, более соответствует современным условиям, когда устоявшиеся структуры, нормы и правила, определяющие специфику современного политикума, находятся в состоянии постоянного изменения.

Подобный подход предлагает синергетика, которая изучает трансформационные процессы в переходных и кризисных системах. Синергетика рассматривает изменчивые объекты (общества, государства, политические системы) как системы, которые одновременно являются:

- сложными – т.е. состоят из большого числа разнородных элементов, что не позволяет управлять такой системой в упрощенном, «ручном» режиме;
- открытыми – т.е. подвергаются многообразным внешним воздействиям и влияниям, способным изменить траекторию их возможного изменения;
- динамическими – т.е. развиваются в соответствии с собственной внутренней логикой под влиянием внешних вызовов;
- нелинейными – т.е. имеют несколько различных (как конструктивных, так и деструктивных) вариантов развития из исходной неустойчивой позиции (точки бифуркации).

Таким образом, синергетика считает объективно существующим многообразие направлений развития сложных систем из исходной ситуации неустойчивости (точки бифуркации – т.е. состояния, когда система пришла в движение, при котором изменения неотвратимы) [24]. Она выделяет так называемые бифуркационные механизмы, связанные с переходом к тому или иному относительно долговременному режиму функционирования системы – аттрактору (устойчивому тренду, который ведет к формированию в рамках системы определенного порядка).

Синергетика подчеркивает особую значимость «точечных» воздействий на находящиеся в неравновесном состоянии системы, когда для достижения цели требуется не массированное вмешательство, но просчитанное и умелое подталкивание неустойчивой и готовой к глубоким изменениям системы в нужном для заинтересованных внешних акторов направлении [25].

В качестве такой открытой и изменчивой, развивающейся в соответствии с нелинейными закономерностями системы можно рассматривать текущий политикум как объект воздействия политического маркетинга, который, как представляется, периодически находится в точке бифуркации накануне очередного глубокого изменения политического порядка и самих его оснований [26. С. 45–48].

В такой ситуации сравнительно незначительное информационное воздействие может запустить процесс, в корне изменяющий содержание, характер и направленность общественного мнения по той или иной политической проблеме [27]. Именно поэтому, на взгляд авторов, в современных условиях своевременное диагностирование подобных «неустойчивых и переходных» состояний современных обществ и публичной сферы вкупе со своевременным инициированием благоприятных превращается в необходимое условие эффективного осуществления стратегий политического маркетинга, которые призваны решать не только конъюнктурные, но и социально-проектирующие и социально-инженерные задачи с опорой на рассмотренные нами выше технологии.

Выводы

Таким образом, по результатам представленного исследования авторы предлагают уточненное понятие политического маркетинга, которое определяет его как совокупность стратегий, форм, приемов и способов преобразования публичной сферы с прямой проекцией на сферу практической политики с использованием совокупности технологий, которые имеют системно-синергетическую природу.

Авторы статьи отдельно выделяют закономерности, обнаруживаемые в результате анализа с позиций системно-синерго-деятельности современного изменчивого и нелинейного контекста, в рамках которого реализуются стратегии политического маркетинга:

1. Сила административного ресурса и многообразие неформальных контактов и связей у субъектов политического маркетинга не всегда обеспечивают успешную реализацию стратегий политического маркетинга в условиях изменчивого социума.

2. Особую значимость в этой ситуации приобретают «точечные» воздействия на находящиеся в неравновесном состоянии политикум и публичное пространство, когда для достижения цели требуется не массированное вмешательство, но просчитанное и умелое подталкивание неустойчивой и готовой к глубоким изменениям системы (публичной сферы, общественного мнения, настроений электората) в нужном для заинтересованных политических акторов направлении.

3. Эффективность политического маркетинга достигается, когда инфраструктура влияния власти или невластных политических акторов является консолидированной – т.е. когда все ресурсы (капиталы – политический, экономический, символический) собраны воедино и работают на единую задачу (избирательную, политическую, властно-управленческую).

4. Условие успешного использования политического маркетинга – опора на технологии «мягкой силы». Необходим привлекательный и непротиворечивый образ политической силы, последовательно закрепляемый в сознании

потенциальных избирателей и в общественном мнении, утверждаемый в рамках публичной сферы с использованием символического капитала.

По мнению авторов, ключевыми условиями эффективности технологий политического маркетинга в современной ситуации являются:

1. Своевременность информационно-пропагандистских воздействий (субъектам политического маркетинга необходимо играть на опережение, моделируя желательное состояние общественного мнения по тем или иным значимым вопросам).

2. Комплексность и системность воздействий на мнение потенциальных избирателей, их увязывание с широким кругом проблем, действительно волнующих последних.

3. Адекватность и соразмерность осуществляемых маркетинговых воздействий складывающейся в этих общественно-политической ситуации и структуре политического момента.

4. Плотность и интенсивность маркетинговых воздействий, их сфокусированность на определенных проблемных ситуациях и референтных группах, позволяющие изменять массовые настроения и политическую ситуацию среди потенциальных избирателей в относительно сжатые промежутки времени, вытесняя на периферию публичного пространства нежелательные мнения и установки.

5. Способность создавать, воспроизводить и ретранслировать непротиворечивые политические дискурсы, связанные с ценностными представлениями, разделяемыми потенциальными избирателями.

6. Четкая формулировка позиции реализующего маркетинговые стратегии политического актора в отношении современных вызовов и проблем, выдвижение позитивной и конструктивной альтернативы актуальным вызовам и проблемам, политическим и стратегиям и подходам.

Предлагаемый авторами подход к использованию методов, стратегий и технологий политического маркетинга, очевидно, нуждается в доработке и конкретизации. На взгляд авторов, именно обновленное понимание природы и задач политического маркетинга позволит избежать ошибочного заключения, когда в ситуации глубокой трансформации политий и кризиса традиционных политических механизмов и институтов сам объект воздействия последнего якобы «исчезает». Помимо этого, новое понимание предмета политического маркетинга позволяет сделать «ревизию» существующих и используемых политических технологий более предметной, создав новую политико-технологическую основу для решения в рамках основных целей политического маркетинга задач политического прогнозирования, политического моделирования, политической пропаганды и политического инжиниринга. Перечисленный технологический арсенал, на наш взгляд, должен быть дополнен социально-инженерными технологиями, предполагающими выстраивание общественного мнения и социально-политической ситуации, исходя из законов внутренней динамики общества, допускающих возникновение кризисных ситуаций различного типа.

Литература

1. Матвейчев О.А. Сумма политтехнологий. М. : Эксмо, 2013. 640 с.
2. John P. Analysing Public Policy. Continuum, 1998. 233 p.

3. *Bourdieu P.* Propos sur la champ politique. Lion : Press Universitaires de Lion, 2000. 112 p.
4. *Castells M.* The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture. 2nd ed. with a New Preface ed. Wiley-Blackwell, 2009. 656 p. Vol. 1.
5. *Шмидт Э., Козн Д.* Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
6. *Анхольт С., Хильдрет Д.* Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Добрая книга, 2010. 232 с.
7. *Бернейс Э.* Инженерия согласия // Полис. 2014. № 4. С. 122–131.
8. *Чирун С.Н., Николаев А.В., Боброва Е.А., Луцык А.С., Шмит Э.О.* Взаимодействие с органами региональной власти на примере Кемеровской области: проблемы и технологии // Власть. 2018. Т. 26, № 7. С. 33–38.
9. *Быков И.А.* Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1, № 4. С. 15–38.
10. *Мирошниченко И.В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар : Просвещение-Юг, 2013. 295 с.
11. *Dahlberg S., Holmberg S.* Democracy And Bureaucracy: How Their Quality Matters For Popular Satisfaction // West European Politics. 2014. Vol. 37, № 3. P. 515–537.
12. *Чирун С.Н., Будаев А.С., Боброва Е.А.* Типология и диагностика эффективности политических сетей: институциональный аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. РАНХиГСО. Ростов н/Д, 2018. № 1. С. 152–158.
13. *Чирун С.Н., Николаев А.В., Зайцева В.А.* Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. 2018. № 3 (26). С. 7–13.
14. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Тысяча плато. Онлайн-альманах «Восток», 2005.
15. *Bogason P.* Public policy and local governance: Institutions in Postmodern Society. Cheltenham ; Northampton, MA, 2000. 208 p.
16. *Отечественные* политические технологии в лицах / под ред. С.Н. Чируна. М. : Директ-Медиа, 2018. 332 с.
17. *Ахременко А.С., Локишин И.М., Юрескул Е.А.* Экономический рост и выбор политического курса в авторитарных режимах // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. Т. 3, № 78. С. 50–74.
18. *Becker B.* Trump's 6 populist positions // Politico. 2016. February 13. URL: <https://www.politico.com/story/2016/02/donald-trump-working-class-voters-219231> (accessed: 19.01.2019).
19. *Gerson M.* Trump is a fraud // Washington Post. 2019. 28 January.
20. *Werly R.* La drôle de campagne d'Emmanuel Macron // Le Temps. 2016. 4 octobre. URL: <https://www.letemps.ch/monde/drole-campagne-demmanuel-macron> (date d'accès: 19.01.2019).
21. *Mäder C.* Macron bezahlt jetzt den Preis für seinen Sieg // Neue Zürcher Zeitung. 2019. Februar 1.
22. *Gifford C.* The Making of Eurocentric Britain. Ashgate Publishing, 2014. 208 p.
23. *Гомеров И.Н.* Структура и свойства власти. Новосибирск : СибУПК, 2000. 230 с.
24. *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М. : Мир, 1979. 512 с.
25. *Фронтир* сетевого общества как пространство политического взаимодействия / М.Т. Гандалоева, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, Н.В. Плотицина, Н.А. Рябенко, М.В. Терешина, К.В. Ячменник. Краснодар, 2017. 272 с.
26. *Кисляков М.М.* Региональный политический маркетинг как составная часть публичной политики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2017. № 2. С. 45–48.
27. *Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С.* Политические сети. Теория и методы анализа. М. : Аспект-Пресс, 2014. 320 с.

Sergei V. Biryukov, Center for Russian Studies of East China Normal University (Shanghai, China).

E-mail: birs.07@mail.ru

Mikhail M. Kislyakov, Kemerovo Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: m.kislyakov@mail.ru

Sergey N. Chirun, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 187–199.

DOI: 10.17223/1998863X/50/16

POLITICAL MARKETING: THE MODERNIZATION OF THE CONCEPT, ITS METHODOLOGICAL AND POLITICO-TECHNOLOGICAL BASES

Keywords: political marketing; political technologies; networks; simulation, marketing analysis and synthesis in political sphere; synergetics.

The article is devoted to modern approaches to the study of political marketing, including the analysis of current political technologies, as well as the opportunities and limitations associated with their implementation. Such technologies are of particular relevance in the political process of post-modernity described in the categories of hierarchy, performativity, contextuality, discreteness and simulation. According to the authors, political marketing today is increasingly becoming an object of interdisciplinary research, in particular, it is actively considered from the point of view of synergy (the general theory of self-organization). The authors conclude that currently there is an active update of the main campaigns and concepts of political marketing. Patterns found in the analysis from the point of view of the system-synergistic activity of a modern changeable and non-linear context within which political marketing strategies are implemented deserve separate consideration: (1) The power of the administrative resource and the variety of informal contacts and connections among the subjects of political marketing do not always ensure the successful implementation of political marketing strategies in a changing society. (2) Of particular importance in this situation are the “point-like” measures of influence on the imbalanced politicians and the public space when, to achieve the goal, the deliberate and skillful nudging of an unstable system that is ready for profound changes (public sphere, public opinion, electorate’s sentiment) in the direction necessary for political actors is required rather than a massive intervention. (3) Political marketing is effective when the infrastructure of the influence of the power or of powerless political actors is consolidated, that is, when all resources (political, economic, symbolic capitals) are brought together and work on a single task (electoral, political, administrative). (4) The condition for a successful use of political marketing is reliance on soft power technology. An attractive and consistent image of political power, consistently fixed in the minds of potential voters and in public opinion, affirmed within the public sphere using a symbolic capital, is needed.

According to the authors, the key conditions for the effectiveness of political marketing technologies are, respectively: (1) the timeliness of advocacy impacts (political marketing actors need to be proactive in modeling the desired state of public opinion on significant issues); (2) the complex and systemic impact on the opinions of potential voters, its linking with a wide range of problems that really concern the latter; (3) the adequacy and proportionality of the implemented marketing effects of the current social and political situation and the structure of the political moment; (4) the density and intensity of marketing influences, their focus on certain problem situations and reference groups that allow changing the popular mood and the political situation among potential voters in relatively short periods of time by displacing undesirable opinions and attitudes to the periphery of the public space; (5) the ability to create, reproduce and relay non-contradictory political discourses associated with value ideas shared by potential voters; (6) the clear articulation of the position of a political actor implementing marketing strategies on contemporary challenges and problems, the putting forward of a positive and constructive alternative to current challenges and problems, policies, strategies and approaches.

References

1. Matveychev, O.A. (2013) *Summa polittekhnologiy* [The amount of political technologies]. Moscow: Eksmo.
2. John, P. (1998) *Analysing Public Policy*. London: Pinter.
3. Bourdieu, P. (2000) *Propos sur la champ politique*. Lion: Press Universitaires de Lion.
4. Castells, M. (2009) *The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy. Society. and Culture*. Vol. 1. 2nd ed. Wiley-Blackwell.
5. Shmidt, E. & Cohen, J. (2013) *Novyy tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn lyudey. modeli biznesa i ponyatiye gosudarstv* [The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business]. Translated from English. Moscow: Mann. Ivanov i Ferber.
6. Anholt, S. & Hildreth, J. (2010) *Brend Amerika: mat' vsekh brendov* [Brand America: The Mother of All Brands]. Translated from English by A. Dadykin. Moscow: Dobraya kniga.
7. Bernays, E. (2014) Engineering of consent. *Polis – Polis. Political Studies*. 4. pp. 122–131. (In Russian).

8. Chirun, S.N., Nikolaev A.V., Bobrova, E.A., Lutsyk, A.S. & Shmit, E.O. (2018) Interaction with Regional Authorities on the Example of the Kemerovo Region: Problems and Technologies. *Vlast' – The Power*. 26(7). pp. 33–38. (In Russian).
9. Bykov, I.A. (2017) Mediatization of Politics in the Age of Social Media. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy – Journal of Politic Research*. 1(4). pp. 15–38. (In Russian).
10. Miroshichenko, I.V. (2013) *Setevoy landshaft rossiyskoy publichnoy politiki* [Network landscape of Russian public policy]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.
11. Dahlberg, S. & Holmberg, S. (2014) Democracy And Bureaucracy: How Their Quality Matters For Popular Satisfaction. *West European Politics*. 37(3). pp. 515–537. DOI: 10.1080/01402382.2013.830468
12. Chirun, S.N., Budayev, A.S. & Bobrova, E.A. (2018) Tipologiya i diagnostika effektivnosti politicheskikh setey: institutsional'nyy aspekt [Typology and diagnosis of the effectiveness of political networks: the institutional aspect]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*. 1. pp. 152–158.
13. Chirun, S.N., Nikolaev, A.V. & Zaytseva, V.A. (2018) Political Technologies in the Network Reality of Postmodernity. *Vlast' – The Power*. 3(26). pp. 7–13. (In Russian).
14. Deleuze, G. & Guattari, F. (2005) *Rizoma* [Thousand plateau]. Translated from French. *Vostok*. 11/12. [Online] Available from: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm
15. Bogason, P. (2000) *Public policy and local governance: Institutions in Postmodern Society*. Cheltenham UK. Northampton, MA, USA: Edward Elgar Pub.
16. Chirun, S.N. (ed.) (2018) *Otechestvennye politicheskie tekhnologii v litsakh* [Russian political technologies in persons]. Moscow: Direkt-Media.
17. Akhremenko, A.S., Lokshin, I.M. & Yureskul, E.A. (2015) Economic Growth and Policy Choice in Authoritarian Regimes: “The Missing Link”. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz – Politeia*. 3(78). pp. 50–74. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2015-78-3-50-74
18. Becker, B. (2016) Trump's 6 populist positions. *Politico*. 13th February. [Online] Available from: <https://www.politico.com/story/2016/02/donald-trump-working-class-voters-219231> (Accessed: 19th January 2019).
19. Gerson, M. (2019) Trump is a fraud. *Washington Post*. 28th January.
20. Werly, R. (2016) La drôle de campagne d'Emmanuel Macron. *Le Temps*. 4th October. [Online] Available from: <https://www.letemps.ch/monde/drole-campagne-demmanuel-macron> (Accessed: 19th January 2019).
21. Mäder, C. (2019) Macron bezahlt jetzt den Preis für seinen Sieg. *Neue Zürcher Zeitung*. 1st February.
22. Gifford, C. (2014) *The Making of Eurocentric Britain*. Ashgate Publishing.
23. Gomerov, I.N. (2000) *Struktura i svoystva vlasti* [The structure and properties of power]. Novosibirsk: Sibirskiy un-t potrebit. koop.
24. Nikolis, G. & Prigogine, I. (1979) *Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh: Ot dissipativnykh struktur k uporyadochennosti cherez fluktuatsii* [Self-organization in non-equilibrium systems: From dissipative structures to orderliness through fluctuations]. Translated by V.F. Pastushenko, Yu.A. Chizmadzhev. Moscow: Mir.
25. Gandaloeva, M.T., Miroshnichenko, I.V., Morozova, E.V., Plotichkina, N.V., Ryabchenko, N.A., Tereshina, M.V. & Yachmennik, K.V. (2017) *Frontir setevogo obshchestva kak prostranstvo politicheskogo vzaimodeystviya* [The frontier of the network society as a space of political interaction]. Krasnodar: Kuban State University.
26. Kislyakov, M.M. (2017) Regional political marketing as part of public policy. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2. pp. 45–48. (In Russian).
27. Smorgunov, L.V. & Sherstobitov, A.S. (2014) *Politicheskie seti. Teoriya i metody analiza* [Political Networks. Theory and Methods of Analysis]. Moscow: Aspekt-Press.

УДК 321

DOI: 10.17223/1998863X/50/17

А.И. Соловьёв

ПОЛИТИЧЕСКОЕ «РАЗРУШЕНИЕ» ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ИЛИ «НОВЫЙ КОВЧЕГ» ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ¹

Важнейшее место в структуре современного государства занимает процесс принятия решений, от которого зависят реальные возможности различных групп населения в получении благ и ресурсов, а также перспективы развития общества. Референтные сообщества, использующие неформальные методы влияния на центры принятия решений, легко преодолевают институциональные препятствия и чем дальше, тем больше навязывают государству собственные интересы и цели. Трансформация процесса принятия решений влечет за собой принципиальные изменения в характере деятельности государства и даже государственности как особой территориальной формы организации социального порядка.

Ключевые слова: власть, государство, государственное управление, правящая элита, референтные сообщества, сетевые коалиции.

Как известно, концепт «государство» концентрированно отражает едва ли не все крупные социально-политические проблемы современного мира. При этом непрекращающиеся попытки угадать контуры его исторической эволюции, понять грядущие изменения его внутренней архитектуры непрерывно умножают прогнозы и теоретические интерпретации этого – не института – явления! Однако независимо от того, считать ли государство родовой формой организации публичной власти или же относиться к нему как к некоему «семейству» разрозненных форм территориальной организации власти [1. С. 15–16], можно констатировать, что во всех этих случаях данная структура содержит в себе внутреннее ядро, характеризующее процесс принятия решений. Тот процесс, который, собственно, и определяет производство и распределение общественных благ и ресурсов. Показательно в этом смысле, что в науке присутствуют подходы, которые рассматривают государство (правда, российское) именно как «ресурсное государство» [2] с присущими ему циничными механизмами самовоспроизводства (обмен ресурсами на политическую поддержку и конвертация власти в собственность и обратно). Впрочем, даже в тех случаях, когда государство понимается исключительно в рамках морально-этического измерения (Отечество, Родина), то и тогда оно неизбежно действует как важнейший источник продуцирования высших общественных ценностей, символов и традиций, обладающих консолидирующим смыслом для всех его граждан.

Иначе говоря, потребность гражданского населения в тех или иных общественных ресурсах однозначно демонстрирует принципиальнейшее значение той арены, где принимаются государственные стратегии, проекты и цели. В этом смысле доступность центров принятия решений для различных групп

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31408.

и лиц (демонстрирующая их способности влиять на решаемые государством задачи) в конечном счете и отражает возможность получения ими жизнеобеспечивающих ресурсов. Тех благ, статусов, ценностей и ресурсов, которые, собственно, и аттестуют их фактически признаваемые властью права, влияют на продолжительность жизни, определяют перспективы группового и индивидуального развития.

С формальной точки зрения принятие решений представляет собой некую комбинацию усилий правящих кругов и гражданского населения по поводу определения «государственных» интересов, которые и выражаются в правительственной повестке. При этом координация усилий этих сторон, соотношение бытовых и государственных подходов к решению насущных проблем и конфликтов, как правило, обусловлены типом политической системы и режима правления. В этом смысле предполагается, что в рамках республиканского строя характер оценивающей, проектирующей, информационно-аналитической и организационной деятельности властей при разработке и реализации решений непременно зависит от качества представительных механизмов, характера правящей элиты и активности гражданского населения.

Однако надо иметь в виду, что организационная природа аппарата управления в силу его иерархического строения призвана экранировать внешние формы давления на институты власти, включая активность партий, лобби и других медиаторов, что предопределяет качественное усечение функционала представительных механизмов по сравнению со структурами исполнительной власти, а также высокую защищенность бюрократии от гражданского контроля. Понятно, что такое положение одновременно способствует и рутинизации деятельности чиновников. Важно и то, что государство, решая задачу самосохранения правящего режима, неизбежно корректирует свои цели, контролируя внешние связи публичных институтов с разноликими партнерами. Таким образом, избирательное отношение властей к стейкхолдерам устанавливает дополнительные административные барьеры (и даже вето-пространства) для гражданских структур.

Другими словами, «пропускная способность» [3] той площадки, где принимаются решения, является принципиально ограниченной для учета и продвижения интересов широких слоев населения, и тем более для участия граждан. В этом смысле «спасательным кругом» для основной части населения остается лишь правящая элита, состав которой частично зависит от общества и чья чуткость к интересам рядовых граждан способна «прочистить» все каналы продвижения их интересов на арене принятия решений.

Как показывает опыт, в зрелых демократиях отбор элиты совместно с повышением качества публичных институтов и репрезентативностью представительных механизмов, межпартийной конкуренцией, институализацией лоббизма и демократизацией массового участия помог смягчить внутригосударственную изоляцию арены принятия решений. Впрочем, и в этом случае целесообразнее говорить лишь об усилении коммуникации власти с гражданами, увеличении зоны координации с внешними партнерами, но отнюдь не об утрате этой ареной своей закрытости и автономности. Так что и в этих странах ключевые решения, как и раньше, принимаются в обстановке высокой информационной закрытости. Отдельные отголоски о действиях этого

латентного механизма достаются обществу через инсайдеров, перебежчиков из одной «команды» в другую, итоги журналистских расследований, догадки «сарафанного радио». Одним словом, эволюция республиканской версии власти, в основе которой лежат представительские механизмы взаимодействия государства и общества, сохраняет закрытость арены, где государством разрабатываются ключевые цели, а следовательно, и принципиальную дистанцированность граждан от рычагов принятия решений.

Однако мировой опыт показал еще одну мощную тенденцию в эволюции арены целеполагания, соответственно, и государства как такового. В частности, речь идет о различных способах неформального влияния на институты и цели власти, которые не могли устранить ни административно-правовые ограничения, ни реформы государственного управления. Отметим попутно, что в науке еще во второй половине прошлого века было доказано, что референтные группы, будучи активными участниками взаимодействия с властью, практически не ощущают препятствий для своих интересов со стороны любых внутригосударственных барьеров. Деятельность референтных сообществ, использовавших исключительно неформальные методы активности, с одной стороны, придавала органам управления определенную гибкость при решении актуальных проблем, частично компенсируя пассивность чиновничества, а с другой – способствовала частичной переориентации институтов на свои партикулярные интересы. Таким образом, в этих ассоциациях оказались заложенными два начала: способность преодолевать любые ограничения в системе государственного управления в целях фактического решения той или иной значимой для их участников проблемы, а также установка на получение необходимых им ресурсов.

Ресурсная оснащенность этих игроков, позволявшая чиновникам проявлять «заинтересованность» в их персонализированных предложениях, совместно с дискреционными полномочиями бюрократии и ее высокой ренто-ориентированной активностью сформировали поток деловых коммуникаций, ставший серьезным оппонентом для институционального дизайна государственного управления. Несомненным плюсом такой инфильтрации неформальной активности в аппаратную иерархию стали усиление гибкости публичных институтов, повышение их способности своевременно отвечать на вызовы времени. Однако у общества и даже формальных государственных структур не оказалось достаточных средств для контроля за этим типом стейкхолдеров, что со временем закономерно привело к изменению профиля деятельности публичных институтов. В любом случае стало ясно, что «формирование (правительственной. – А.С.) повестки дня скрывает за собой... непрерывные процессы, протекающие за кулисами» [4].

Эффект «переплетения» официальных структур с действиями референтных группировок не просто снизил функционал публичных институтов, породивших разнообразные формы фиктивных, дефектных и иных субститутов, обозначивших тенденцию к их перспективной деградации, но и поставил под вопрос общегражданский характер как их управленческих действий, так и государства в целом. Неслучайно в то время появились образы государства как «стационарного» или «гастролирующего бандита» [5], аттестующие деятельность властей, распределявших общественные ресурсы в пользу привилегированных (групповых и индивидуальных) акторов.

Сетевой подход позволил еще глубже присмотреться к активности референтных группировок в качестве «долевых участников» государственного управления, обладавших подчас решающим правом при принятии решений. Многочисленные исследования активности сетей, объединяющих крупных собственников или контролеров общественных ресурсов (в том числе и в международном пространстве), привели к доказательству того факта, что именно сетевые структуры способствуют привлечению или «отвлечению внимания» государства «от конкретных вопросов», определяя в итоге, какие вопросы должны попасть или не попасть «в верхние строчки политической повестки дня» [6. С. 8]. В условиях устойчивого доминирования сетей, что в настоящее время наиболее ярко демонстрируют слабые, переходные или несостоявшиеся государства, публичные институты сохраняют лишь свою внешнюю оболочку, превращаясь либо в переговорную площадку с сетями для выработки первоначальных решений, либо в официальное прикрытие целей этих неформальных объединений. Такого рода исследования предопределили и вывод о том, что создание сетевыми ассоциациями системы криптоправления, по сути, утвердило новую форму господства правящего меньшинства, т.е. ту «клиентелистскую систему» взаимосвязей, которая «порождает формирование эндогенной сети», создающей «поток распределения... ресурсов... вне (официальной. — А.С.) системы управления» [7. С. 824].

Крайне важно отметить, что длительное доминирование сетевых ассоциаций делает излишней их деловую аффилиацию с публичными институтами, что в конечном счете ведет к формированию особого, действующего *наряду* с официальной иерархией, пространства деловых коммуникаций, где тон задают исключительно референтные объединения. В качестве итога функционирования разнообразных цепочек этих латентных связей формируются «узлы решений», участие в которых подчас принимают далеко не все официальные лица, имеющие мандат на управление, но которые тем не менее направляют деятельность официальных органов власти. Как правило, эти «узлы решений», перехватывающие фактические функции управления государством, становятся местом прибыльного сотрудничества власти и бизнеса (в том числе и теневого). Причем умение сетей поддерживать прочные контакты с государственными институтами и гражданскими структурами придает им достаточную политическую силу, которая нередко лишает даже высшие органы власти возможности вмешиваться в решение крупных общественных проблем.

Коротко говоря, сетевая активность крупных собственников и контролеров общественных ресурсов, обеспечив устойчивую инфильтрацию неформальных механизмов в формализованный процесс принятия государственных решений, предопределила возникновение особого делового пространства, которое, несмотря на латентную форму существования, превратилось в своеобразное «второе ядро» государственного управления в целом [8]. И хотя эта ядерная часть государственного управления частично пересекается с иерархическими формами отправления власти, тем не менее она тяготеет к самостоятельному функционированию, избирательно вычлняя в официальном дизайне необходимые для себя институты и механизмы, с которыми можно конструировать различные цепочки целеполагания.

Несмотря на увеличение адаптивности и гибкости государственного управления за счет сетевого участия, следует видеть, что эти ассоциации ориентированы на получение дивидендов по принципу «здесь и сейчас». Тем самым они существенно ослабляют стратегические приоритеты государства, его долгосрочные ориентиры развития. Этот эффект тем более увеличивает свое негативное значение, если учитывать, что участники подобного рода сообществ руководствуются принципами «предпочтительного соединения» [9], т.е. одновременного вхождения в различные неформальные ассоциации, что ведет к умножению их политико-управленческого влияния. Более того, сетевые коалиции устанавливают и безоговорочное доминирование договорных целей, заранее определяющих бенефициаров принимаемых решений, а также тех, за счет кого будут списаны их издержки. Понятно, что в таком случае забота об интересах рядовых граждан уходит на глубокую управленческую периферию.

Ясно, что трендам сетевизации государственного управления сопротивляется и ответственная бюрократия, и особенно структуры гражданского общества, заинтересованные в реальном плюрализме интересов и гражданско-правовом контроле властей. Однако раздвоение системы государственного управления создало для правящего класса – превратившего своих представителей в безальтернативных контролеров «узлов» принятия решений – более эффективные инструменты распределения и перераспределения общественных ресурсов, нежели те, что связаны с представительскими механизмами и гражданским контролем. При этом слабая доступность официальных институтов власти для населения обуславливает даже некие гарантии неприкосновенности сетевой архитектуры. Особенно если ею взяты под контроль институты судебной власти и силовые структуры.

Явными плюсами для сетевой архитектуры оборачиваются и трансформация состава правящего меньшинства и его морально-этическая оснащенность. Как можно видеть, уже сегодня определенная часть правящих кругов делегируется (путем ротации, кооптации, расширения патронажных практик) в исполнительные (а нередко и представительные) органы власти на основе ее аффилиции с сетевыми ассоциациями. Таким образом, у этих фигур исчезают те базовые характеристики, которые свойственны правящим элитам (прямая и косвенная связь с представительскими механизмами, политическая ответственность перед обществом, подотчетность в рамках административной иерархии, способность к продуцированию массовых ценностей) [10]. Понятно, что активность сетевых «делегатов» непосредственно связана с продвижением интересов пославших их во власть неформальных сообществ. А такое положение не только выводит эту часть правящего меньшинства из-под формализованного контроля общества, но и способствуют качественной трансформации корпуса управляющих, предполагая при этом широкое распространение патрон-клиентской этики. Другими словами, сетевая инфильтрация разрушает не только управленческий дизайн, но и элитарное сообщество, придавая правящему меньшинству новое социальное качество, резко увеличивающее его дистанцированность от общества граждан.

Итак, как можно видеть, ограниченность республиканских форм управления не просто снижает функционал публичных институтов, вытесняя граждан на обочину распределительной и перераспределительной политики государ-

ства, но и порождает могильщиков этой системы организации государственной власти. Другими словами, выдвижение сетевых коалиций в качестве основных «инвесторов политического капитала» [11] создает противоположную сложившейся системе власти перспективу развития государственного управления. В рамках этого исторического тренда эффективность управления государством бессмысленно связывать с развитием плюрализма и демократии, публичной политической конкуренцией и гражданскими инициативами. В пространстве набирающего силу потока сетевых коммуникаций общественность становится бесполезной как для управления, так и для организации государственной власти, которая чем дальше, тем больше упраздняет смысл своих территориальных ограничений. В этом смысле население интересуется сетевые ассоциации только в смысле недопущения острого кризиса легитимности, чреватого нарушением их позиционирования на арене принятия решений.

У.Бек (правда, в более широком ключе), рассматривая «систему решений» в качестве «источника» современных опасностей, называл такого рода процессы «разрушением политики» [12. С. 278–294]. Однако он имел в виду политику публичную, где граждане обладают возможностью состязаться за власть и где даже самые авторитарные режимы вынуждены искать если не кооперацию усилий с обществом, то хотя бы ту форму координации, которая гарантировала бы им стабильность и определенный уровень массовой поддержки. Однако в данном случае выдавливание сетями традиционных форм публичной политики означает лишь то, что «политика» меняет социальную локацию, уходя в латентное пространство взаимодействия тех игроков, которые связаны с производством крупных государственных решений. Политика раздваивается, с одной стороны, сужая свое «тело» до микрополитических коммуникаций, переговорных стратегий ключевых игроков сетевого пространства, а с другой – оставляя гражданам даже не «отголоски сражений», а имитацию, игру символов, умиротворяющих протесты и имеющих к реальному применению государственной власти лишь косвенное отношение.

Понятно, что удельный вес сетевого «участия» различен в тех или иных политиях. Однако этот тип политической агрессии неискореним. Другими словами, организация сетевого ландшафта в принятии государственных решений – это не девиация, а симптом возникновения нового – по сути, исторического – тренда, принципа организации общественной власти, которая таргетируется за счет преобладания доминирующих центров целеполагания, не нуждающихся в административной вертикали и верховной власти. В этом плане постсовременность как никогда ясно показывает, что фактическая власть в государстве связывается с доминированием акторов при решении конкретных задач, а не с обладанием формальными прерогативами. И если политическая активность сетей снижает и даже упраздняет управленческие возможности иерархии, то это свидетельствует о выстраивании новых, матричных схем управления, сближающих субъект и объект управления и позволяющих не просто своевременно отвечать на вызовы времени, но и перемещать ресурсы в интересах определенных бенефициаров.

Практика уже дает примеры того, что усиление сетевой активности в зоне принятия решений постепенно (через установление контроля за силовыми, финансовыми, информационными или иными ресурсами) ведет и к пере-

устройству всего аппарата государственного управления. Иначе говоря, через арену принятия решений сети начинают захватывать власть в масштабе и государства, и общества в целом. По сути, эти сообщества, чьи «межгрупповые согласования и сделки вытесняют вертикальную соподчиненность при принятии решений...» [13. С. 98], в режиме реального времени создают второе, «параллельное» государство, вытесняя из системы управления не только формализованные структуры, но и не вовлеченных в «конкретное дело» чиновников. И хотя их всепроникающая активность «никогда не формирует „дизайн“, представляя собой «постоянно трансформирующиеся и самовоспроизводящиеся формирования» [14. С. 68], она чем дальше, тем больше демонстрирует слабость и дисфункциональность представительных и бюрократических механизмов.

Сетевым коалициям уже не нужна верховная власть. Но им нужны гарантии сохранения преференций для определенных групп в потреблении и использовании ресурсов жизнедеятельности. Пусть и за счет тех, кого они считают чужими на этом «празднике жизни». Показательно, что сетевой тип распределения общественных ресурсов уже сейчас превращает ряд отдельных государств в обособленную и защищенную от общества структуру, в своеобразный «ноев ковчег» для узкой группы бенефициаров, контролирующей «узлы решений» и использующих их как инструменты распределения общественных благ и ресурсов. Однако за этими практиками сетевых ассоциаций стоит не только разрушение публичных норм и институтов, но и постепенное разложение самой государственности как особой территориальной формы связи власти и населения, поддерживающей социальный порядок. И в этом смысле даже новые применяемые государством технические инструменты – роботизация, цифровизация, искусственный интеллект и пр. – не способны изменить направление активности сетевых рейдеров и их стремление к вытеснению бесполезной (не связанной с реализацией нужных им проектов) общественности на далекую политическую и жизненную периферию.

Конечно, только время покажет, одержит ли этот тренд историческую победу и чем вообще закончится его противостояние с ответственной бюрократией и гражданским активизмом. При этом – повторимся – формальные устои республиканского правления тоже ограничивают возможности населения для влияния на центры власти и осуществления гражданского контроля. Да и подавляющей части граждан совсем не свойственна высокая общественно-политическая активность. И самое, пожалуй, важное: активность граждан направлена на публичные институты, которые постепенно утрачивают свое значение при разработке правительственной повестки и принятии решений (а следовательно, и для социально справедливого распределения ресурсов). Не стоит забывать и про медиаконтроль над массовым дискурсом, создающим информационно-символическую защиту проектов правящего меньшинства.

Увы, все описанные тенденции и факты отлично видны в современном российском обществе, где для представителей различного рода кланов практически не существует никаких препятствий для воплощения своих проектов и целей и где сетевое правление уже сегодня обретает явные очертания вотчинных форм власти вкупе с элементами сословной стратификации. Повседневной реальностью являются постоянное увеличение в деятельности ве-

домств отсылочных норм, численности прецедентов и исключений в трактовке норм и законов, злоупотребления в сфере госзакупок, масштабные проявления коррупции и мощное информационно-символическое прикрытие фактических замыслов и целей ключевых игроков. Не случайно, по мнению ряда ученых, сложившаяся «структура управления» способствует размыванию «ответственности за принимаемые решения и их качество» [15. С. 5], а вместо экономической политики в стране сложился «персональный бизнес высшей бюрократии, интересам которого подчинены экономические, политические и идеологические шаги нашей власти» [16. С. 55]. Но, пожалуй, самым показательным примером сетевого правления является катастрофическая асимметрия доходов и различий в уровне жизни основной части населения и привилегированных чиновников, политиков и представителей аффилированного с властью крупного бизнеса. Суммарным итогом такого рода процессов стало и низкое качество институтов, и жесткое вытеснение граждан на политическую периферию, и избирательность правоприменения, и политизированное правосудие. В конечном счете это предопределило постоянные провалы во внутренней социально-экономической политике и, как следствие, масштабные мистификации в контролируемом властями публичном дискурсе.

К сожалению, в этих практиках немало ученых не видят качественных трансформаций государственной власти, предпочитая воспринимать их как издержки демократического развития, временный выход элиты из-под контроля, ослабление институционального диалога власти и общества, недостаточность внимания властей к отдельным ведомствам, которые пустили «на самотек» решение ряда общественных задач и т.д. Другими словами, такие ученые не видят, что нарастающие дисфункции публичной власти разрушают государство как форму взаимно ответственного взаимодействия власти и общества.

В отличие от них даже рядовые граждане видят, что ни выборы и межпартийные игры, ни публичные споры политиков, ни многократные обещания и требования первых лиц «без раскачки» решать наболевшие вопросы, ни иные политические инструменты не способны установить единый законодательный порядок и повлиять на справедливое распределение ключевых общественных ресурсов. В то же время территориальные, земляческие или иные латентные структуры (кланы, клики, клиентелы и др.) сами выступают гарантами (территориального, отраслевого, локального) порядка, диверсифицируя требования к исполнителям государственных проектов. Это свидетельствует о том, что сетевая инфильтрация в зоне принятия решений уже сформировала внутри государства целый ряд неподконтрольных официальной власти центров, которые от ее имени распределяют общественные ресурсы в пользу заранее отобранных бенефициаров. Одним словом, есть ощущение, что современная Россия не просто ускоренным образом движется в направлении полного сетевого диктата, но уже превратилась в одного из мировых лидеров.

Коротко говоря, будущее наступает уже сегодня. Но что нас ждет уже завтра?

Литература

1. *Суверенитет: трансформация понятий и практик* / под ред. М. Ильина, И. Кудряшовой. М. : Изд-во МГИМО, 2008. 228 с.

2. Кордонский С.Г. Ресурсное государство : сб. ст. М. : REGNUM, 2007. 108 с.
3. Hilgartner S., Bosk Ch.L. The rise and fall of social problems: a public arenas model // *American journal of sociology*. 1988. Vol. 94, № 1. P. 53–78.
4. Cairney P., Zahariadis N. Multiple streams approach: a flexible metaphor presents an opportunity to operationalize agenda setting processes // *Handbook of Public Policy Agenda Setting* / ed. by N. Zahariadis. Department of International Studies, Rhodes College, USA, 2016. P. 87–105.
5. Olson M. Dictatorship, Democracy and Development In *The American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. № 3.
6. Gairney P. *Understanding Public Policy. Theories and Issues*. London : Palgrave Macmillan, 2012. 327 p.
7. Siegel D.A. Democratic Institutions and Political Networks // *The Oxford Handbook of Political Networks* / ed. by J.N. Victor, A. Montgomery, M. Lubell. New York : Oxford University Press, 2018. P. 817–833.
8. Соловьёв А.И. Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество? // *Полис*. 2019. № 4. С. 8–25.
9. Barabasi A.-L. *Network Science*. Cambridge University Press, 2015.
10. Соловьёв А.И. Правящее меньшинство современной России: камо грядеши ? // *Власть и элиты* / гл. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2018. Т. 5. С. 87–110.
11. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона // *Полис*. 2009. № 2. С. 60–76.
12. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
13. Knoke D., Kosiuchenko T. Power structures of Policy Networks // *The Oxford Handbook of Political Networks* / ed. J.N. Victor, A.H. Montgomery, M. Lubel. New York : Oxford University Press, 2017. P. 91–115.
14. Padgett J.F. The emergence of organization and states // *The Oxford Handbook of Political Networks* / ed. J.N. Victor, A.H. Montgomery, M. Lubel. New York : Oxford University Press, 2017. P. 59–91.
15. *Институциональный анализ дисфункций государственного управления экономикой* / под ред. В.С.Осипова. М. : Инфра-М, 2016. 205 с.
16. Иноземцев В.Л. В России нет экономической политики // *Мир перемен*. Спец. выпуск. М., 2015. С. 52–56.

Alexander I. Solovyev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: solovyev@spa.msu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 200–209.

DOI: 10.17223/1998863X/50/17

THE POLITICAL “DESTRUCTION” OF STATEHOOD, OR THE “NOAH’S ARK” OF POSTMODERNITY

Keywords: power; state; state government; ruling elite; reference community; a network of the coalition.

The article considers the grounds and consequences of the sustainable influence of reference groups of owners and controllers of large public resources on public decision-making. By giving a certain flexibility to hierarchical management structures, these communities – network by nature – generate the effect of “intertwined” institutions, which under the informal pressure of such associations begin to consistently lose their civil functionality and transform the direction of political and administrative actions. At the same time, there are no proper administrative and legal tools to control these network raiders in the state apparatus. The sustained pressure of network associations on public institutions takes decision-making centers beyond the administrative apparatus; a space of “decision nodes” is formed that de facto controls the formation of the political agenda and the distribution and redistribution of public goods and resources in favor of the privileged groups of society. Ultimately, the functioning of “decision nodes” contributes to the formation of a special space of business communications, acting along with the official hierarchy and organizing the flow of redistribution of resources outside the official system of public administration (at times, even without authorized officials’ participation). Unlike scholars who consider these practices a deviation and a temporary departure of the ruling elite out of control, the article argues that these processes mark the emergence of a new historical trend in the organization of public power, which does not need the administrative vertical and the

supreme power. The network type of distribution of public resources is already turning a number of individual states into a separate structure protected from society, a kind of “Noah’s Ark” for a narrow group of beneficiaries who control “decision nodes” and use them as tools for the distribution of public goods and resources in their favor. In fact, this means not only the destruction of public norms and institutions, but also the gradual disintegration of the state itself as a special territorial form of communication between the authorities and the population that supports social order.

References

1. Ilin, M. & Kudryashova, I. (eds) (2008) *Suverenitet: transformatsiya ponyatiy i praktik* [Sovereignty: the Transformation of Concepts and Practices]. Moscow: Moscow State University of International Relations.
2. Kordonsky, S.G. (2007) *Resursnoe gosudarstvo* [The Resource State]. Moscow: REGNUM.
3. Hilgartner, S. & Bosk, Ch.L. (1988) The rise and fall of social problems: a public arenas model. *American Journal of Sociology*. 94(1). pp. 53–78. DOI: 10.1086/228951
4. Cairney, P. & Zahariadis, N. (2016) Multiple streams approach: a flexible metaphor presents an opportunity to operationalize agenda setting processes. In: Zahariadis, N. (ed.) *Handbook of Public Policy Agenda Setting*. Rhodes College, USA: Department of International Studies. pp. 87–105.
5. Olson, M. (1993) Dictatorship, Democracy and Development. *The American Political Science Review*. 87(3). DOI: 10.2307/2938736
6. Gairney, P. (2012) *Understanding Public Policy. Theories and Issues*. London: Palgrave Macmillan.
7. Siegel, D.A. (2018) Democratic Institutions and Political Networks. In: Victor, J.N., Montgomery, A.H. & Lubell, M. *The Oxford Handbook of Political Networks*. New York: Oxford University Press. pp. 817–833.
8. Solovyev, A.I. (2019) Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society. *Polis – Polis. Political Studies*. 4. pp. 8–25. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.04.02
9. Barabarsi, A.-L. (2015) *Network Science*. Cambridge University Press.
10. Solovyev, A.I. (2018) Pravyashchee men'shinstvo sovremennoy Rossii: kamo gryadeshi? [The ruling minority of modern Russia: Quo vadis?]. In: Duka, A.V. (ed.) *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 5. St. Petersburg: Intersotsis. pp. 87–110.
11. Morozova, E.V. & Miroshnichenko, I.V. (2009) “Investory politicheskogo kapitala”: sotsial'nye seti v politicheskom prostranstve regiona [“Investors of political capital”: social networks in the political space of the region]. *Polis – Polis. Political Studies*. 2. pp. 60–76.
12. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the way to another Art Nouveau]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
13. Knoke, D. & Kostiuhenko, T. (2017) Power structures of Policy Networks. In: Victor, J.N., Montgomery, A.H. & Lubell, M. *The Oxford Handbook of Political Networks*. New York: Oxford University Press. pp. 91–115.
14. Padgett, J.F. (2017) The emergence of organization and states. In: Victor, J.N., Montgomery, A.H. & Lubell, M. *The Oxford Handbook of Political Networks*. New York: Oxford University Press. pp. 59–91.
15. Osipov, V.S. (ed.) (2016) *Institutsional'nyy analiz disfunktsiy gosudarstvennogo upravleniya ekonomikoy* [Institutional analysis of dysfunctions of public administration of the economy]. Moscow: Infra-M.
16. Inozemtsev, V.L. (2015) V Rossii net ekonomicheskoy politiki [There is no economic policy in Russia]. *Mir peremen*. Special issue. pp. 52–56.

УДК 327.88

DOI: 10.17223/1998863X/50/18

П.Я. Фельдман, А.В. Федякин, Д.А. Ежов

ТЕХНОЛОГИИ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ВЫБОРЫ: НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ПОИСКАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Предлагается переосмыслить правомерность использования формулировок «вмешательство в выборы» и «электоральное вмешательство» в научном дискурсе. При этом авторы указывают на семантическую нетождественность понятий «вмешательство» и «влияние» применительно к институту выборов. Первое обозначает силовую форму давления на избирательную систему, а второе символизирует мягкое информационно-мотивационное воздействие иностранных субъектов на поведенческие установки и электоральные предпочтения граждан.

Ключевые слова: «мягкая сила», выборы, вмешательство в выборы, электоральное вмешательство, влияние на выборы, электоральное поведение.

Современный этап развития политической науки в России и зарубежных странах характеризуется повышенным вниманием научно-экспертного сообщества к проблеме нарастающей геополитической конфронтации и отдельным ее проявлениям. В рамках данной предметной области особое место занимают политико-манипулятивные инструменты и технологии, применяемые для «размывания» или «подрыва» государственного суверенитета противников. Невозможность устранения противоречий между ведущими мировыми игроками военным путем способствует постепенной «гибридизации» глобального противоборства сверхдержав и их сателлитов. В целях взаимного сдерживания активно используются разного рода санкции, информационные выпады, шантаж, а также внешняя интервенция во внутривнутриполитические процессы. Гипотетически кратчайший путь к установлению иностранного протектората над тем или иным государством может пролегать через влияние на избирательный процесс. Оно заключается в том, чтобы способствовать приходу к власти политических сил, управляемых и контролируемых извне. В теории «электоральная интервенция» представляется одним из наиболее эффективных инструментов глобального доминирования, однако на практике реальность ее осуществления вызывает определенные сомнения. Тем не менее это нисколько не мешает ведущим мировым державам активнейшим образом обвинять друг друга во «вмешательстве в референдумы и выборы» по всему миру. В этой связи представляется необходимым разобраться в сути подобных обвинений и оценить степень их обоснованности.

Начало массовой информационной кампании, посвященной зарубежному воздействию на внутренние электоральные процессы, положило нашумевшее дело о так называемом «российском вмешательстве» в выборы Президента Соединенных Штатов 2016 г. Тот факт, что США выдвинули подобные обвинения в адрес Российской Федерации, выглядит несколько парадоксальным в силу ряда причин. Во-первых, формирование однополярного

мира в начале XXI в. стало возможным благодаря американскому вмешательству в экономическую и военно-политическую жизнь целого ряда некогда суверенных держав. Кроме того, один из идеологов геополитического доминирования США Ф. Фукуяма открыто указывает на необходимость внешнего американского управления внутренней политикой «слабых» государств, идущих по пути демократического транзита. С. Манн, Д. Шарп [1, 2] и другие западные авторы разработали и предложили к внедрению конкретные стратегии подобного внешнего управления. Во-вторых, гипотетическое допущение иностранного вмешательства в президентские выборы в США заставляет усомниться в незыблемости американского политического суверенитета и эффективности функционирования специальных структур, призванных обеспечивать его защиту. Американская избирательная система на этом фоне выглядит уязвимой, слабой и неустойчивой. Наконец, образ России, самостоятельно предопределяющей исход электоральных кампаний в Соединенных Штатах, не коррелирует с имиджем «региональной державы», который приписывался ей Б. Обамой и некоторыми европейскими политиками 3–4 года назад [3].

Тем не менее нельзя не признать, что в западном общественно-политическом дискурсе близкие по смыслу понятия «interference», «meddling» и «intervention» используются применительно к институту выборов в прочной ассоциативной связке с Россией. Этот парадоксальный, на первый взгляд факт находит зримое эмпирическое подтверждение: при вводе в систему Google поискового запроса с использованием перечисленных нами ключевых слов отображается перечень материалов, посвященных исключительно российскому внешнему влиянию на исход зарубежных референдумов и выборов. Исследование наиболее популярных поисковых интернет-запросов по словосочетанию «Russian meddling» свидетельствует о том, что пользователи со всего мира наиболее часто ищут информацию о вмешательстве России в выборы президента Соединенных Штатов 2016 г., референдум по Brexit, а также во внутренние политические проблемы Черногории, Косово, Сирии и т.д. Вполне закономерно, что подобные подозрения, нередко переходящие в откровенные инсинуации, провоцируют ответный антагонизм со стороны отечественных авторов и представителей политической элиты РФ. В конечном итоге, с нашей точки зрения, существует два альтернативных пути отражения обвинений, выдвигаемых против России.

1. Продолжать настаивать на непричастности РФ к инкриминируемым ей актам вмешательства (данный путь с высокой долей вероятности может оказаться малоэффективным, поскольку любые рациональные аргументы, скорее всего, будут отвергнуты оппонировавшей стороной).

2. Критически переосмыслить и реалистически истолковать понятие «электоральное вмешательство» для того, чтобы очертить допустимые границы его использования в сфере политической науки и публицистики (полагая, что указанный путь в наибольшей степени отвечает национально-государственным интересам Российской Федерации).

Выбрав для себя строгий, научный подход к решению указанной выше проблемы, целесообразно задаться рядом концептуальных вопросов. Во-первых, что следует понимать под «вмешательством в выборы»? Во-вторых, реальна или мнима подобная угроза? В-третьих, уместно ли использовать

понятие «вмешательство» по отношению к рассматриваемому явлению? В английском общественно-политическом лексиконе единицы «meddling», «interference» и «intervention», как правило, обозначают нарочито грубое, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела тех или иных социальных групп, организаций, стран (при этом они несколько разнятся по эмоциональному оттенку и сфере использования). Однако в подавляющем большинстве современных работ перечисленные явления неоправданно отождествляются с понятием «зарубежное влияние», т.е. с так называемой «мягкой силой». Мы же исходим из того, что всякое зарубежное вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь суверенных государств представляет собой не что иное, как силовое навязывание такого образа действий, который совершенно неприемлем или невыгоден для последних. Исходя из этой логики, подлинное «вмешательство в выборы» может быть реализовано только двумя путями:

- 1) посредством принуждения избирателя к голосованию за определенных кандидатов и партии (в данном случае ставится под удар сама свобода выбора);
- 2) при помощи масштабной фальсификации итогов голосования.

Первый сценарий реализуется не столько благодаря применению разного рода политико-манипулятивных технологий, сколько за счет оказания силового давления на избирателей методом откровенного шантажа (вплоть до угрозы физической расправой). Заметим, что подобная интервенция не может быть проигнорирована правозащитниками, иностранными наблюдателями, экспертным сообществом, СМИ, патриотическими движениями и, наконец, специальными службами, отвечающими за обеспечение национальной безопасности. Что касается фальсификации результатов народного волеизъявления, то ее осуществление извне не представляется возможным без установления тотального иностранного контроля над избирательными комиссиями всех уровней либо хакерского взлома системы электронного учета голосов (например, ГАС «Выборы»). Оба описанных нами сценария лежат в плоскости конспирологии и не могут быть реализованы на практике.

В свете сделанных выводов возникает объективная потребность в научном переосмыслении обвинений, выдвинутых США в адрес России после победы Д. Трампа на президентских выборах в 2016 г. Для этого необходимо беспристрастно проанализировать «факты», зафиксированные в докладе The Director of National Intelligence (Агентство национальной разведки США) «Об оценке деятельности и целей России в период недавно состоявшихся выборов» [4]. Авторы доклада приписывают Российской Федерации следующие деяния:

1. Многочисленные кибератаки на политические и некоммерческие организации США. В данном контексте речь идет о якобы совершенном Россией взломе электронной почты Х. Клинтон и других лидеров Демократической партии.
2. Похищение и размещение в сети Интернет сведений о гражданах США (политиках, чиновниках, известных спортсменах, журналистах и т.д.) на сайтах WikiLeaks и DCLeaks.com.
3. Неоднократные попытки дистанционного взлома региональных и федеральных систем электронного подсчета голосов.
4. Использование СМИ и сетевых ресурсов (Russia Today, Sputnik, YouTube, Facebook и т.д.) в целях создания благоприятного имиджа Д. Трампа.

Серьезность, с которой американские СМИ, политики и спецслужбы относятся к приведенному документу, заставляет оценить степень правдоподобности сформулированных в нем претензий и обвинений. Во-первых, даже если во время президентской кампании США 2016 г. электронные ресурсы, аккумулирующие голоса избирателей, подвергались хакерским атакам извне, то это абсолютно никак не сказалось на эффективности их функционирования. Так, экс-директор ФБР Д. Коми, выступая перед американскими парламентариями, отметил, что, несмотря на попытки хакерского взлома, в день выборов все электронные системы работали без перебоев [5]. Кроме того, в докладе Национальной разведки не содержится прямых доказательств сотрудничества между политическим руководством России и установленными хакерами. Во-вторых, сведения, похищенные в результате взлома электронной почты Х. Клинтон и других лидеров Демократической партии, действительно определенным образом сказались на электоральных предпочтениях граждан. Однако у американской стороны так и не обнаружилось фактов, указывающих на причастность российских спецслужб к их противозаконному получению и обнародованию. Кроме того, сам факт использования незащищенных почтовых серверов для обсуждения государственных дел свидетельствует о безответственности и низком уровне профессионализма ряда политиков. В-третьих, недостаточно внятно просматривается взаимосвязь между похищением личных данных жителей США и «электоральным вмешательством». Необходимо было бы прояснить, каким образом эти действия, совершенные анонимными интернет-преступниками, повлияли на результат голосования. Впрочем, агентство The Director of National Intelligence, будучи «фабрикой мысли», имеет право выдвигать определенные гипотезы, состоятельность которых должны оценивать судебные органы. Те же, в свою очередь, занимают куда более сдержанную позицию по данному вопросу.

Однако самая слабая сторона обвинений, озвученных американской разведкой, заключается даже не в их нарочитой бездоказательности, а в отсутствии прямой взаимообусловленности между вменяемыми России деяниями и результатами волеизъявления американских граждан. В сущности, даже гипотетическая причастность российских политиков и спецслужб к реализации информационно-пропагандистских кампаний на территории США не может рассматриваться как инструмент «электорального вмешательства». Силовое давление в отношении американских избирателей Москвой не применялось, а установленная законодательством процедура проведения выборов была соблюдена (этот факт признан как американскими, так и международными наблюдателями). Следовательно, говорить о «вмешательстве» России в президентские выборы 2016 г. невозможно. На этом фоне апогеем абсурда выглядит обвинение РФ в использовании сетевых ресурсов и СМИ для создания позитивного образа Д. Трампа и манипулирования сознанием рядовых американских граждан.

Для начала хотелось бы заметить, что Соединенные Штаты с первой половины XX в. и по сей день активнейшим образом применяют свои информационные ресурсы для формирования электоральных установок граждан зарубежных государств. Рассмотрение даже незначительной доли соответствующих примеров заставило бы нас отказаться от жанра научной статьи в пользу чрезвычайно объемной монографии. Достаточно скудные (по амери-

канским меркам) возможности российских каналов информационного вещания, ориентированных на иностранную аудиторию, вряд ли могли послужить главным фактором успеха Д. Трампа. При этом массированная «антитрамповская» кампания CNN, BBC и других западных СМИ, неприкрыто симпатизировавших кандидату от Демократической партии, никого не смутила. Однако самый главный вопрос, возникающий при изучении заявленной проблемы, на наш взгляд, должен быть сформулирован следующим образом: «Уместно ли отождествление информационно-коммуникационных технологий и практик с „электоральным вмешательством“ в принципе?»

Американский исследователь Д. Най, формулируя понятие «мягкая сила», подразумевал под ним достижение определенного результата на основе добровольного участия, тогда как «жесткая сила» предполагает грубое принуждение субъектов к определенному образу поведения [6]. Именно «жесткая сила», принимающая форму давления на личность, политического шантажа или хакерства, может отождествляться с нарочито грубым нарушением государственного суверенитета, т.е. «вмешательством» в полном смысле этого слова. Осознание данного обстоятельства видится нам чрезвычайно важным, поскольку обвинения Российской Федерации в использовании «жесткой силы» на президентских выборах США 2016 г. постепенно «рассыпаются» в судебных инстанциях, тогда как основные претензии американской стороны сводятся к применению Москвой законодательно не запрещенных инструментов управления массовым сознанием (средств мягкой агитации и пропаганды). Незаметная подмена понятия «влияние» на «вмешательство» или «вторжение» в данном случае может рассматриваться как характерный пример лингвистической манипуляции. Для представителей экспертного сообщества подобные языковые ухищрения выглядят неубедительно, чего нельзя сказать о массовой, обывательской аудитории. Следуя данной логике, можно было бы признать функционирование всех общественно-политических СМИ непрерывным «вмешательством» в сознание масс. Мы же предлагаем исходить из того, что информационно-мотивационное воздействие на аудиторию не является политической девиацией и не может отождествляться с преступной деятельностью (за исключением пропаганды ненависти, терроризма и других явлений, запрещенных уголовным законодательством). Тем не менее некоторые российские эксперты и публичные политики придерживаются иной точки зрения, воспроизводя агрессивную риторику западных коллег.

В феврале 2018 г. был обнародован доклад специальной комиссии верхней палаты Федерального Собрания по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ, который послужил своеобразным ответом на обвинения, выдвинутые американской стороной. Пятый раздел данного Доклада «Особенности внешнего вмешательства с использованием зарубежных СМИ и органов государственной пропаганды» содержит указание на то, что со времен Холодной войны США и их сателлиты постоянно применяют информационно-коммуникационные технологии *«грубого вмешательства* в дела суверенных государств, не желающих следовать в вашингтонском фарватере» [7]. Далее перечисляются государственные и околосударственные структуры, осуществляющие подобную деятельность, после чего авторы доклада резюмируют: «В диалоге с антироссийскими прозападными силами их пропагандисты и агитаторы вы-

нуждают нас вести дискуссию в рамках чужого смыслового пространства, западных ценностных систем». Данный тезис подкрепляется цитатами из работ П. Дж. Бьюкенена и Г. Шиллера.

Безусловно, политика обеспечения культурно-информационной гегемонии США на мировой арене носит комплексный, системный и вполне осознанный характер. Однако инструменты и технологии, применяемые американским правительством в рамках данного направления, не выходят за рамки современного понимания «мягкой силы» (*soft power*). Таким образом, нами может быть констатировано не столько «грубое вмешательство» или «принуждение» (о которых идет речь в докладе специальной комиссии Совета Федерации), сколько *влияние*. Допустимые инструменты и каналы подобного влияния определены законом. Так, Министерство юстиции формирует перечень средств массовой информации и некоммерческих организаций, выполняющих в России функции иностранных агентов и являющихся нежелательными с точки зрения ее национально-государственных интересов. При этом НКО, финансируемые из-за рубежа, не имеют права вмешиваться в политические процессы. Разумеется, существует некая вероятность иностранного вмешательства в российские выборы при помощи хакерских атак на электронные ресурсы избирательных комиссий, шантажа кандидатов и наблюдателей, принуждения избирателей к совершению тех или иных действий. Однако следует признать, что российские силовые структуры и органы правопорядка обладают достаточным потенциалом для немедленного купирования подобных угроз.

Неоправданное сращивание понятий «влияние» и «вмешательство» не только способствует внесению семантической неопределенности в научные тексты, но и косвенно провоцирует хаос в системе международных отношений. Радикализация внешнеполитического дискурса, проявляющаяся в нарочитом игнорировании правил дипломатического этикета и растущей безответственности высокопоставленных лиц, представляет собой одну из главных угроз для глобальной безопасности. Ввиду недопустимости прямого военного столкновения между ядерными державами субъекты глобального противоборства позволяют себе безнаказанно совершать агрессивные информационные выпады в отношении друг друга. Следуя строгой научной логике, обвинения в «электоральном вмешательстве» следовало бы отождествить с признанием акта внешней агрессии в адрес суверенного государства (со всеми вытекающими последствиями). Страна, подвергшаяся подобной агрессии, имеет все основания не только для аннуляции результатов выборов, но и для принятия жестких дипломатических контрмер (вплоть до введения санкций и полного разрыва двусторонних отношений). Однако, как правило, обмен взаимными подозрениями и упреками не выходит за рамки публичной спекулятивной риторики и не завершается вынесением судебных вердиктов. Таким образом, постоянное педалирование темы о «вмешательстве в выборы» силовиками, политиками и представителями СМИ можно расценивать как тактический прием ведения информационной войны. Подобная практика согласуется с общей тенденцией к «шоуизации» и гибридизации современных политических процессов [8, 9].

С большой долей вероятности можно утверждать, что обвинения иностранных государств в «электоральном вмешательстве» предназначены не

столько для внешней (зарубежной), сколько для внутренней аудитории. В частности, они могут быть использованы для решения ряда задач.

1. *Подрыв легитимности институтов власти и снижение уровня доверия граждан к конкретным политическим лидерам.* Настоящий пример мы находим в США, где «российская карта» активно разыгрывается парламентской оппозицией и специальными службами для оказания информационного давления на Д. Трампа.

2. *Дискредитация образа оппозиции.* Обвинение оппозиционеров в обслуживании интересов зарубежных спонсоров, спецслужб и правительств наносит ощутимый урон имиджу соответствующих кандидатов и партий. Наиболее сильный резонанс подобные инсинуации могут вызвать в период обострения международной конфронтации.

3. *Повышение политической лояльности масс.* Искусное манипулирование образом врага, угрожающего суверенитету института выборов из-за рубежа, может опосредованно способствовать консолидации граждан вокруг определенных политических сил (в том числе вокруг действующего политического руководства). Кроме того, данный прием зарекомендовал себя как эффективное средство для отвлечения общественного внимания от реальных социально-экономических вызовов и проблем.

4. *Саботирование результатов всенародного голосования.* В рамках подготовки к совершению государственного переворота «иностранное вмешательство» может быть преподнесено как предлог для аннуляции результатов парламентских или президентских выборов. Как правило, далее в ультимативной форме выдвигаются требования о пересчете голосов или проведении повторного голосования, результаты которого зачастую радикально отличаются от первоначальных. Данная тактика неоднократно применялась организаторами «цветных революций».

Настоящая статья ставит под сомнение правомерность использования формулировок «вмешательство в выборы» и «электоральное вмешательство» в научном дискурсе. Главным основанием для скепсиса в данном случае служит семантическая нетождественность понятий «вмешательство» и «влияние». Первое обозначает силовую форму давления на избирательную систему, а второе символизирует мягкое информационно-мотивационное воздействие иностранных субъектов на поведенческие установки и электоральные предпочтения граждан зарубежных государств. Реализация подобной деятельности при помощи СМИ и ресурсов сети Интернет формально не может быть квалифицирована как «вмешательство в выборы». Соответственно, обвинения, выдвигаемые американской стороной в адрес нашей страны, как и ответные выпады некоторых российских политиков и экспертов, теряют всяческий смысл. Таким образом, неизбежно назревает отказ от парадигмы «электорального вмешательства» в пользу признания неизбежности полисубъектного взаимовлияния акторов в сфере внешней и внутренней политики (данное влияние распространяется и на институт выборов). Лидеры мнений, СМИ, НКО, блогеры и «фабрики мысли», соблюдающие требования национального и международного законодательства, имеют как правовые, так и моральные основания использовать инструменты «мягкой силы» для реализации своих геополитических интересов. В конкурентном соперничестве идей решающую роль играет творческий потенциал их трансляторов и ретрансляторов.

Литература

1. Mann S. Chaos theory and strategic thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. 22. P. 54–68.
2. Sharp J. From Dictatorship to Democracy. London : Serpent's Tail., 2012.
3. Обама заявил о «разорванной в клочья» экономике России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2015/54bf30459a794751070ca81f> (дата обращения: 05.01.2019).
4. Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. URL: https://www.burr.senate.gov/imo/media/doc/SSCI%20ICA%20ASSESSMENT_FINALJULY3.pdf (accessed: 05.01.2019).
5. FBI: Hackers 'poking around' US voter systems. URL: <https://newsok.com/article/feed/1083436/fbi-hackers-poking-around-us-voter-systems>: (accessed: 05.01.2019).
6. Nye J. Soft Power: The Means To Success In World Politics. New York : Public Affairs, 2004.
7. Доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации за 2018 г. URL: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2019).
8. Гришин О.Е., Митрофанова А.Д. Политическое шоу как технология коммуникации // PolitBook. 2015. № 3. С. 117–133.
9. Манойло А.В. Феномен Трампа и гибридизация мировой политики // Русская политология. 2017. № 1. С. 30–41.

Pavel Ya. Feldman, Academy of Labour and Social Relations (Moscow, Russian Federation).

E-mail: pavelfeld@mail.ru

Aleksey V. Fedyakin, Russian University of Transport (Moscow, Russian Federation).

E-mail: avf2010@yandex.ru

Dmitriy A. Ezhov, Financial University Under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: president@lenta.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 210–218.

DOI: 10.17223/1998863X/50/18

THE TECHNOLOGIES OF ELECTION INTERFERENCE: SCIENTIFIC UNDERSTANDING IN SEARCH OF SEMANTIC CERTAINTY

Keywords: “soft power”; elections; election interference; meddling in election; influence on election; electoral behavior.

This article is an attempt to achieve semantic certainty regarding such concepts as “electoral interference” (“interference with elections”) and “influence on electoral processes”. The urgency of this problem is determined by the intensification of global confrontation and the hybridization of technologies used by leading world countries in their competitive battle. One of the methods of information warfare actively used by Western countries is the public censure of their geopolitical competitors for the alleged acts of meddling in elections. The most obvious example of using this tactic is the case of the so-called Russian interference in the 2016 United States presidential elections. After analyzing the claims of the American side, the authors of the article come to the conclusion that they are biased, factually untenable and illogical. They also propose to determine the appropriateness of equating external information impact on the electoral preferences of citizens to foreign intervention. The article notes that one can genuinely “interfere with elections” only by making people vote for certain candidates and parties, or by using a crude falsification of the voting results. The implementation of external electoral intervention is not likely because such aggression cannot be ignored by human rights activists, foreign observers, the expert community, the media and, finally, special services responsible for ensuring national security. Thus, phenomena mistakenly taken or deliberately disguised as interference with elections (“hard power”) represent the use of “soft power”. The authors of the article insist on the semantic non-identity of the concepts “interference” and “influence”. The former denotes power pressure on the electoral system, and the latter symbolizes the soft informational and motivational influence of foreign subjects on the behavioral attitudes and electoral preferences of citizens. The implementation of such activities with the help of mass media and Internet resources cannot formally be qualified as “interference with elections” and does not need an apology. Consequently, it is necessary to abandon the paradigm of “electoral interference” in favor of recognizing the inevitability of a polysubject interaction of actors in the sphere of foreign and domestic policy (this influence extends to the

institution of elections). Awareness of this circumstance makes leading global players' mutual accusations of their interference with electoral processes senseless.

References

1. Mann, S. (1992) Chaos theory and strategic thought. *Parameters (US Army War College Quarterly)*. 22. pp. 54–68.
2. Sharp, J. (2012) *From Dictatorship to Democracy*. London: Serpent's Tail.
3. RBC.ru. (2015) *Obama zayavil o "razorvannoy v kloch'ya" ekonomike Rossii* [Obama claimed about Russian economy "torn to pieces"]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2015/54bf30459a794751070ca81f> (Accessed: 5th January 2019).
4. US Government. (n.d.) *Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution*. [Online] Available from: https://www.burr.senate.gov/imo/media/doc/SSCI%20ICA%20ASSESSMENT_FINALJULY3.pdf (Accessed: 5th January 2019).
5. Kopan, T. (2016) *FBI: Hackers 'poking around' US voter systems*. [Online] Available from: <https://newsok.com/article/feed/1083436/fbi-hackers-poking-around-us-voter-systems> (Accessed: 5th January 2019).
6. Nye, J. (2004) *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. New York: Public Affairs.
7. The Federation Council of the Russian Federation. (n.d.) *Report of the Interim Commission of the Federation Council for the Protection of State Sovereignty and Prevention of Interference in the Internal Affairs of the Russian Federation for 2018*. [Online] Available from: <http://council.gov.ru> (Accessed: 5th January 2019). (In Russian).
8. Grishin, O.E. & Mitrofanova, A.D. (2015) Politicheskoe shou kak tekhnologiya kommunikatsii [Political show as a communication technology]. *PolitBook*. 3. pp. 117–133.
9. Manoilo, A.V. (2017) Fenomen Trampa i gibridizatsiya mirovoy politiki [The Trump Phenomenon and the Hybridization of World Politics]. *Russkaya politologiya – Russian Political Science*. 1. pp. 30–41.

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/50/19

Н.Г. Щербинина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ И КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ¹

Представлена авторская теория политического конструирования реальности, опирающаяся на традицию социальной феноменологии и конструктивизма. На основе данного научного подхода дается политологическое толкование медиареальности как субъективного мира. В контексте конструирования легитимирующих смысловых политических феноменов определяются политическая коммуникация и политическая социализация.

Ключевые слова: политическое конструирование реальности, медиареальность, политическая коммуникация, политическая социализация.

Теория политического конструирования реальности выводится нами из концепта социальной феноменологии А. Шюца и социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Продолжая данную субъективистскую традицию, можно констатировать, что политический мир принадлежит к категории неповседневных миров и, помимо институциональной сферы, образует особую область значений. В данной связи мир политики приобретает специфический онтологический статус и может существовать в виде смыслового мира, оправдывающего объективную сферу политических институтов. В мир политических феноменов человек мысленно перемещается лишь тогда, когда сосредоточивает на них свое внимание и переключается с повседневных реалий на политические проблемы. Медиа позволяют сделать этот особый политический опыт совместным, переживаемым с другими, а коммуникативное пребывание в медийном пространстве сообщает уверенность в реальности мира политических феноменов. В результате человек приобретает не только политическую информацию, но и знание о существовании политического, он убеждается, что такой мир есть. В подобной интенциональной жизни человека, эмоциональном состоянии напряженного внимания к политическому предмету мир политики предстает одним из феноменов жизненного мира. Тем самым политический мир явлен человеку в виде политических медиаобразов, он медиатизирован (см.: [1. С. 416, 421]). В контексте наших рассуждений получается, что политическая коммуникация, знаковое бытие политики в рутинном акте медиапосредничества, превосходит институциональное присутствие политического. Субъективный мир политики заведомо сотворен и вторичен по своему назначению, поскольку человек всегда возвращается к проблемам базовой повседневной реальности.

Мир политики, по сути, релевантен человеку в качестве своеобразной формы обширного круга символических и воображаемых миров. Тем самым

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Политическая социализация молодежи в университетских городах», № 19-011-31231.

символическое творчество и фантазии на тему политического представляют собой антропологическую основу политического мира. Вот почему знаковый мир политики близок конкретному миру фантазий – мифологической политической реальности. Но если политический миф конституируется на основе архетипической схемы, так сказать, «естественным» способом, то знаковый политический мир поддерживается за счет искусственного способа формирования, потому политическая коммуникация предстает как управление сознанием. При этом человек – конструктор в своем родовом виде, но индивидуально он сталкивается с уже готовой конституцией политического мира, упорядоченного, структурированного и символизированного. Человек политический способен главным образом интернализировать транслируемые властью конструкции, воспринимать и присваивать отдельные атрибуты политической реальности. Но, кроме того, мир политики представлен для актуальной интерпретации, и осмысление его, согласно социальной феноменологии, осуществляется путем сведения «схваченного» в восприятии к интерпретативной схеме. Объективный (интерсубъективный) и субъективный смысл зависит от выбора модели, рамки, архетипа и т.п. Сегодня получение адекватного знания о политическом мире (осмысленное потребление готовых фактов-конструктов, а также рамок понимания) возможно лишь посредством массмедиа, создающих медиареальность. Природа медиа как раз и состоит в производстве особой реальности – медиареальности. Ее разновидностью выступает политическая медиареальность, когда коммуникация с помощью медиа поддерживает политические символы и смыслы. *Медиареальность – это своего рода промежуточный мир, «призма», сквозь которую человек, воспринимая медиаобразы, готовые политические конструкции, познает, оценивает и представляет социальный и политический порядок.*

Свои истоки политический мир, коммуникативно опосредованный медиа, берет в креативном действии конструирования реальности. Сразу надо оговориться, что в объяснении сконструированной природы политической реальности недостаточно сослаться ни на теорию социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), ни на теорию медийного конструирования реальности (Н. Коулдри, А. Хепп), поскольку они не касаются проблемы творения политического мира как такового. Теории социального и медийного конструирования манифестируют не о конструировании социального мира или медиареальности, но о том, как *социально* и *медийно* создаются социальные конструкции и поддерживается социальная коммуникация. Например, Бергер и Лукман показывают, что вслед за хабиутализацией (опривычиванием) оформляются институты в виде устойчивых социальных связей, а затем уже объективно данные человеку институты субъективно легитимируются. Предполагается, что «конструктором» является само общество в силу интерактивности людей в базовом повседневном мире. В случае представления о медийном конструировании социальных феноменов подчеркивается роль медиатехнологий, которые создают медиатизированный мир взамен социально сконструированного.

При политическом конструировании, полагаем мы, конструктором выступает политическая власть в широкой трактовке термина «власть». Например, М. Фуко понимал под властью воздействие дискурсов, которые производят истину [2. С. 283, 286]. Отсюда любая власть, конструирующая

политическую реальность, предлагающая номинацию мира и репрезентирующая политический мир смысла, оказывается властью политической. Матричное понятие «символического универсума» П. Бергера и Т. Лукмана включает символическое существование знакового политического мира во всеохватную систему отсчета, придающую смысл всем человеческим проявлениям и действиям [3. С. 158]. Еще более приближено к идее, проясняющей значение смыслового собственно политического мира, понятие символической власти П. Бурдьё, согласно которому в обществе всегда артикулируется власть по определению реальности. Вследствие конкретного конкурирования подобных обозначений и происходит борьба символических властей за право конкретной номинации реальности. Вот эти символические власти, согласно Бурдьё, суть власти политические, хотя и не всегда официальные [4]. То есть, продолжим мы, политической власти присуща конструктивистская деятельность по производству реальности, и саму власть можно назвать «конструктивной» постольку, поскольку удастся целенаправленно произвести концепты как смысловые политические феномены.

Предлагаемая нами теория политического конструирования реальности, обобщающая конструктивистские принципы применительно к политической сфере, призвана главным образом объяснить процесс легитимации. Политическая легитимация в виде процесса существует исключительно в коммуникативной форме и управляется политической властью посредством конструирования новых значений, согласно которым интегрируются уже имеющиеся институциональные значения. При этом соконструктором в деле создания политической реальности всегда выступали медиа, а в современности и постсовременности – массмедиа. Наше понимание противоположно объективистской идее «медийного конструирования» социальной реальности, когда медиа воздействуют как технологическая детерминанта и лишены субъективного качества творцов смыслов. Под соконструктивностью медиа мы понимаем их креативную коллективную субъектность (включая инспирирующую роль медиамагнатов), производящую медиадискурсы и медиаобразы. Тем самым конструктивная власть объединяет мир политических институтов в единый смысловой порядок символических сущностей. В случае достижения высшего уровня легитимации в форме единого и единственного символического универсума (пример подает тоталитарная Россия) в смысловой порядок политических объектов включаются и повседневный мир человека, и его индивидуальная биография. В любом случае политические смыслы объективно и медийно доступны лишь в коммуникативных политических практиках, где объяснение институционального порядка сочетается с когнитивным аспектом его обоснования. Идентификация с ценностью политического мира и присвоенное знание о порядке его объектов, таким образом, зависит от «понимающих» эффектов коммуникации, управляемой властью. Именно политическая власть озабочена смыслом и правильным декодированием значений. Однако и в данном случае успешной политической коммуникации политическая власть не организует информационный процесс в «чистом» виде, но дает когнитивную основу уверенности в реальности политических феноменов, обладающих потребными характеристиками для интерпретатора. Процесс «правильного прочтения» посланий власти зависит от интерпретативной схемы, которую власть и предлагает.

Парадоксальность эффекта конструктивистской деятельности политической власти состоит в том, что мир медиаобразов выступает объективной реальностью для того, кто его воспринимает. Человек воспринимающий по мере интернализации создает свой собственный субъективный мир. И этот процесс возобновления политической реальности в представлениях субъекта связан с процессом социализации. Сразу надо оговориться, что политическая социализация в основном предстает вторичным социализирующим процессом, когда создаются подмиры смыслов, как бы надстроенные над повседневностью. Одним из таких институционально подкрепленных подмиров значений является политический мир. Сама структура вторичной социализации, как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, всегда зависит от базового, первоначально конституированного мира [3. С. 213]. Кроме того, субъективная реальность индивида, созданная в ходе вторичной социализации, оказывается «хрупкой и ненадежной», а содержание процесса идентификации не обладает «качеством неизбежности» [Там же. С. 234]. Вследствие этого политическая социализация открыта переосмыслению, и всегда остаются индивидуально заданные неопределенности в означивании мира. Потому политическая власть, чтобы реализовать свое легитимное право конституировать реальность, обычно определяет и процесс политической социализации. Тем самым производство политической реальности осуществляется и с помощью соответствующего вида социализации. В основе успешной политической социализации лежит сигнификация, когда субъект означивает политические объекты, фиксируя те значения, которые ему представлены. Такая предпосланность значений возможна только с помощью символических форм, а именно посредством политической коммуникации. Более того, *политическую социализацию можно в данном ключе саму понимать как смыслонесущую политическую коммуникацию*. В ходе такой коммуникации индивид получает конкретный символический «материал» для конструирования интернализированного политического мира как значимой реальности. Политическая реальность в сознании коммуницирующего субъекта приобретает такую смысловую идентификацию, которую он может совместить с индивидуальной идентичностью. И, согласно семиотической трактовке политической коммуникации, подобное означивание происходит только в результате интернализации определенного языка. Язык, понимаемый семиотически как любая знаковая система, на котором «проговаривается» общая политическая идентичность, находится в центре семиосферы, семиотического пространства, по Ю.М. Лотману. Принятый обществом язык самоописания политики может унифицировать политические картины мира различных людей, т.е. сама политическая коммуникация выступает основным средством и условием конструирования и поддержания субъективной реальности. Общий язык коммуникации позволяет обмениваться значениями, «проговаривать» сообщения, объективировать политический мир в упорядоченную понятийную конфигурацию. Так индивид входит в политическое общество на уровне сознания, принимая его символическую атрибутику.

Подобным способом власть политически конструирует не только тоталитарную, но и демократическую реальность, придавая все новые и новые значения уже сложившимся демократическим институтам и символам. Не случайно возникают феномены «новых демократов», «новых демократических

курсов», «суверенной демократии». В сегодняшней России политически конструируется знаковая реальность «российского единства», когда интеграция в номинированный властью смысловой мир символизируется феноменом государственной целостности. При этом вводится традиционный элемент обоснования: единство объявляется Путиным исконным политическим трендом, идущим от интенций еще Владимира Святого через централистские символические практики Московских «собирателей земель» к нашему времени. Государственный праздник День народного единства призван ритуально репрезентировать образ современного «единства», позиционируемого в качестве «традиции сознания». Отсюда сакрализуется и тем самым мифологизируется символическое пространство истоков русской власти – Корсунь / Крым [5. С. 194]. В информационном поле политической коммуникации нынешней России можно встретить массу сообщений (фильмов, выступлений Президента РФ, праздничных дискурсов по случаю Дня народного единства и других официальных посланий власти), создающих политическую медиареальность России, репрезентирующую особый смысл. Политическая реальность России, согласно нашему суждению, атрибутируется именно символической единства и качеством личности нашего «общего мира».

Политическое конструирование реальности вообще и медиареальности в частности как способ осуществляется с помощью моделирования. Поскольку политическая культура, на наш взгляд, является основным смысловым контекстом для понимания значений политических и одновременно медийных символических форм, постольку идея моделирования нами экстраполирована из «интерпретативной теории» культуры К. Гирца. Модели культуры означивают реальность, коммуникативно данную для интерпретации, и формируют ее по своему образцу. Согласно Гирцу, здесь прослеживается принцип структурного соответствия программы и программируемого [6. С. 111–112]. Другими словами, модель символически или образно репрезентирует политическую реальность. То есть политическое конструирование реальности осуществляется способом символического ее моделирования: образцовый знаковый ряд модели воспроизводится в структуре смысловых значений реальности. Так политически сконструированная медиареальность становится политическим миром, который что-то «значит». И политико-конструктивистское исследование призвано выявить смысловую структуру данного политического мира, репрезентированного медиа. Конечно, речь не идет о культурном детерминизме, но именно об актуальном политическом конструировании с использованием культурных моделей. Как правило, субъектом моделирования выступала и выступает политическая власть. Но сегодня возникла настоящая проблема с символической репрезентацией, и она заключается в «кризисе репрезентации» политического знака. Десимволизация иногда проявляется в том, что политическая медийная реальность подвергается деконструкции и переосмыслению, которое еще не завершено в качестве новой репрезентации. И зачастую политическое конструирование ограничивается производством официального информационно-новостного «стриминга». В любом случае язык власти не доминирует в политической семиосфере, вследствие чего эффекты управляемой коммуникации и социализации ослаблены. То есть исчезает сам феномен смысла или профанируется знаковая политическая коммуникация. Коммуникация либо подменяется

рутинным информационным процессом, либо превращается в «пустой» разговор без обратной связи и поведенческих понимающих эффектов. Однако при этом может усиливаться воздействие неофициальных ветвей символической власти, дающее иные определения реальности.

В качестве противоположного и успешного примера коммуникации можно привести использование мифо-героической модели, с помощью которой создавалась смысловая конструкция тоталитарного политического мира России, репрезентированного тогдашними медиа. Сама модель, согласно нашим выводам, представляла собой символический ряд героического моно-мифа, символику путешествия героя: от призыва к путешествию через преодоление препятствий и победы (начальную и окончательную) над врагами к возвращению и спасению мира. Значимая структура тоталитарного политического мира, таким образом, выстраивалась в виде символической иерархии героического лидерства, венчающего «тело» страны героев [7]. Героическая деятельность пронизывала и военную, и трудовую деятельность (основу повседневного быта). Героические роли исполняли все организации от октябрят до партии, придавая смысл политической социализации. Все герои, и индивидуальные, и коллективные, боролись с врагами: внешними и внутренними, давался равнозначный бой и демоническим «врагам народа», и банальным «тунеядцам». И политическая идентичность личности, и индивидуальная биография – все было собрано в единый смысловой комплекс. Неслучайно основной формой коммуникации выступала политическая пропаганда, которая вообще не ставит целью информировать, но внушает смыслы и интерпретации. Медиа здесь не просто заинтересованные посредники в коммуникации, они соконструктивно поддерживали субъективную политическую реальность на уровне индивидуального и коллективного сознания, переводя кодирующую системную языковую конструкцию политической власти на адекватный язык медиа. Объективацией смысловых интенций выступала символическая политическая система, где все политические значения образывали непротиворечивую в отношении героической модели конфигурацию единого символического универсума.

В демократическом обществе, как правило, соседствует несколько символических универсумов. Однако один из них обязательно доминирует, увязывая базовые значения в смысловой мир, определение которого, соответственно, характеризует институциональный порядок. Только тогда демократия «значима» для граждан. Примечательно, что политическое конструирование реальности «США» осуществляется и сегодня с помощью социализирующей мифомодели, конституирующей медиареальность, включающую в себя идею миротворения демократически справедливого общества, героев отцов-основателей, мировую миссию и тому подобные символические элементы, задающие оправдание институциональной сферы и ценностного превосходства в самоописании роли США как мирового лидера.

Примеры мифомodelей неслучайно способствуют организации эффектов успешной политической коммуникации, поскольку мифомирам свойственна предельная легитимация, когда сама по себе базовая характеристика реальности («демократия», «социализм», «нация») становится высшей ценностью космического порядка. Возникает вопрос: есть ли другие модели, по образцу которых возможно политически сконструировать медиареальность, реле-

вантно легитимирующую власть сегодня? Да, но они тоже тяготеют к конструкции мифореальности. Например, с помощью «политической повестки дня» в качестве модели можно структурировать медиареальность, где конституирующим (устанавливающим реальность) элементом выступает образ врага. Сегодня в мировой повестке дня врага репрезентирует Россия, и темы «политической повестки» поддерживают данную символическую роль с помощью информационных фактов-конструктов соответствующего содержания. Очевидно, что данная негативная политическая идентичность признается постсовременным сетевым обществом, она сконструирована медиатеchnологиями, а мифомодель герой / враг встраивается в новостной контент новых медиа.

На данном этапе наших рассуждений следует сформулировать более полную дефиницию медиареальности через определяющие слова. Если понятие реальности является родовым, то определение медиареальности относится к видовым трактовкам. И здесь мы предлагаем использовать две категории. О первом, феноменологическом, понимании реальности уже упоминалось выше. Согласно ему реальность как мир значений конституирована когнитивным стилем. Различие в стилевых характеристиках порождает множество такого вида субъективных реальностей, отличающихся друг от друга как смысловые единства разной конфигурации. Все множественные реальности, согласно нашим представлениям, сконструированы в процессе объективации. По мере объективации (проекции субъективных состояний сознания вовне, придания им формы для объективного существования и восприятия) творятся, например, символические системы. И даже заведомая объективная реальность политических институтов, своего рода политическая действительность, представляет собой сконструированную объективность. Получается, что не только институциональная политическая реальность, но и субъективные политические миры значений искусственно сотворены. *Политическая медиареальность в данном контексте представляет собой знаково-символическое пространство, политически целенаправленно сконструированное для оказания влияния на политическое сознание общества и представленное для восприятия, интерпретации и оценки в виде медиаобразов.* В семиотическом плане политическая медиареальность предстает и как текстовая реальность, а текст, в свою очередь, выступает структурированной и особым образом закодированной знаковой системой. Отсюда следует вывод, что политическая медиареальность может твориться и восприниматься лишь в процессе коммуникации как символического обмена.

Прежде чем перейти ко второй категории, привлеченной нами, стоит оговориться, что в науке при понимании «медиареальности», так или иначе, до сих пор используется материалистическая теория познания с ведущим принципом объективности. Например, О.В. Краснаярова уверенно заявляет, что медиатексты входят в «объективную реальность» массовой коммуникации и массмедиа, которые и обозначаются словом «медиареальность» [8]. То есть принцип объективности является у нее атрибутом для идентификации «реальности» вообще. А.А. Гаврилов рассматривает медиареальность, на первый взгляд, по-другому, как тип виртуальной реальности, сотворенный сознанием субъекта на основе медиаобразов и созданный в процессе взаимодействия с медиа. «С одной стороны, медиаобраз есть форма отражения ре-

альной действительности, но с другой, он позволяет изменять любое событие до неузнаваемости, в результате чего у аудитории возникает искаженное представление о нем» [9. С. 46]. Однако действующий субъект у Гаврилова зависим, по существу, и обладает лишь свойством отражения, но не креативностью. Фактически приводимая им «модель погружения в медиареальность» свидетельствует о неадекватном субъективном отражении объективной действительности и замене ее медиасимуляцией. Создается своего рода ложный медиаобраз, что нам представляется аналогом феномена «ложного сознания», каким ранее полагалась идеология. Но разве симулякр не принадлежит уже к гиперреальности, абсолютно не связанной с информацией как формой отражения и потому обретающей особое бытие?

Итак, вторая категория, используемая нами в качестве определяющей, позволяет трактовать природу медиареальности, опираясь на понятие гиперреальности, которое ввел в научную практику Ж. Бодрийяр. «Гиперреальности» у Бодрийяра противостоит «реальность», под которой он понимает детерминирующую отражения объективную действительность. Для Бодрийяра реальность – не только единственная настоящая субстанция, но и подлинная сущность. Она являет собой изначальный бытийный «оригинал» всех адекватных субъективных ее отражений. Конечно, и раньше происходили неадекватные отражения, но вот, полагает Бодрийяр, появилась новая гиперреальность, моделирование которой вовсе обходится без оригинала. Потому у него гиперреальность изначальна симулятивна и суррогатна и не отражает аутентичное бытие. Гиперреальность производится по матричному принципу и потому может быть воспроизведена сколько угодно раз, причем копии множатся и множатся. Перед нами даже не имитация, но подмена базовой реальности. Вследствие утраты сущностного качества репрезентации, полагает Бодрийяр, исчезает различие «реального» и «воображаемого». Тем самым явленная симуляция больше не представляет истинную реальность, но создает «ложный» мир. При этом симуляция осуществляется последовательно и пошагово: от отражения действительности к ее искажению, затем следует маскировка самого факта отсутствия фундаментальной реальности и, наконец, появляются симулякры – знаки без референтов [10. С. 6–9, 15].

Конечно, политическая медиареальность как очевидная симуляция выступает разновидностью гиперреальности, не отражающей того, что на самом деле происходит, и не репрезентирующей основополагающее политическое бытие. Медиаобразы отрываются от объективной политической действительности и начинают репрезентировать сами себя. Лидеры, партии, государства и тому подобные символические конструкции включаются в самодостаточную игру знаков, значения которых практически не связаны не только с повседневным миром, но и с миром одноименных политических институтов. Тем самым разные феномены жизненного мира человека политического теряют смысловое соответствие. Политика виртуализируется и приобретает буквально другое бытие, и политическая виртуальная реальность становится еще одним пространством симулякров. С точки зрения ценностной «оптики», характерной для многочисленных философских дискурсов, создается мнимая политическая реальность, где совокупность медиаобразов подменяет истинную действительность. Эта образная конструкция, делается неизбежный философский вывод, вводит в заблуждение и манипулирует сознанием. Но про-

стое осуждение ложных миров, по нашему мнению, не объясняет их «реальности» для человека политического, и здесь нам помогает антропологический и онтологический «угол зрения». Человек всегда будет фантазировать, создавая различные миры. С точки зрения данной позиции речь идет лишь об ином существовании политического, тем более что политическое во многом сегодня бытует как коммуникативное. При этом отличный онтологический статус политического мира (его виртуальность, знаковость как симуляция) поддерживается во многом за счет базового креативного качества политического конструирования медиареальности.

На сегодняшний день можно выделить две точки зрения насчет генезиса медиареальности. Согласно первой, феномен медиареальности присутствовал всегда и посредством него человек, воспринимая медиаобразы, мог познавать, оценивать и представлять социальный и политический мир. Идея данного подхода состоит в том, что человек никогда «напрямую» не воспринимал политический мир, но имел дело с его медиаобразами, репрезентациями и символами. Вторая позиция, напротив, утверждает, что медиареальность появилась сравнительно недавно как «новая» реальность под воздействием новых коммуникаций и новых медиа. В данном контексте определяется медиареальность и медиафилософией. Основной смысл этой весьма распространенной сегодня идеи выражен в вере в технологическую детерминанту: новое связывается с формой, средством и способом коммуникации, в особенности с медиатехнологиями интернет-коммуникации. Технический и технологический прогресс, полагают сторонники второй точки зрения, повлек за собой и социальные трансформации (общество стало информационным и цифровым). Новый тренд, как следствие, должен проявиться и в политической сфере. Мы, безусловно, придерживаемся первой позиции и полагаем, что политическая виртуальная медиареальность всегда была представлена для восприятия, будь то риторическое действие в римской республике, публичное шествие монарха в европейском или русском средневековье, пропагандистская массовая кампания в тоталитарном обществе или выборное по тематике ток-шоу в современной демократии любого вида. А интернет-посредничество представляет собой лишь новую форму коммуникации, не меняющую креативную природу человека, сущности человеческих отношений и политической власти и потому вполне встраивающуюся в процесс легитимации последней.

Свойство «быть» политической реальностью в деле организации ее восприятия делает особую политическую сферу медиареальности замкнутым субъективно бытующим миром феноменов. Знания об этом мире, передаваемые в коммуникативной форме, придают уверенность, что политические феномены существуют и имеют значения. Все представленные к восприятию политические медиаобразы и медиатексты являют собой феномены креативного сознания, состоящие из фактов-конструктов. Политическая власть создает целые медианарративы, некие политические истории, чтобы в результате успешной политической коммуникации начало работать воображение. Здесь вступает в силу феномен иммерсии, под которой понимается своеобразный переход из физического мира в цифровой мир медиа. В данном переходе стираются различие и граница между «текущим миром» и представлением о нем. Действительность, создаваемая медиа, становится существенной

и порождает особый опыт [11. С. 32–33]. Иммерсия в медианарративы осуществляется транспортицией, перемещением, в результате которого происходит ментальное «поглощение» политическим нарративом. Таким образом, иммерсия представляет собой ключевой механизм медиавлияния, в результате мы переживаем опыт, основания которого лежат вне рамок политической действительности [Там же. С. 35–36]. В данном абзаце мы применили термин «медиаиммерсия» к конструктивным действиям политической власти по созданию медианарративов.

Как бы то ни было, политическое конструирование медиареальности состоит в моделировании властью политического мира, который будет актуально и злободневно представлен для восприятия и оценки. Здесь следует оговориться, что политическая власть понимается нами не только широко, но и в духе «маркетинговой» концепции медиакратии. Феномен медиакратии, сращения медиа и политики, трансформирует политику в «медиаполитику», которая, по существу, опосредована медиа. Данный посредник становится аффилированным, что приводит к единению интересов политических и медийных институтов, в особенности в сфере коммуникации. В результате политическую власть можно трактовать как коммуникативную конструкцию, которую поддерживают медиа [12. С. 210–211]. В наших понятиях речь идет о политическом конструировании медиареальности как смыслового мира и соконструктивной роли медиа. Другими словами, политическая власть и власть медиа сегодня оперируют едиными смысловыми фреймами. При этом совокупная власть заранее заботится о создании именно смысловых политических феноменов, которые позволяют оценивать мир как «правильный».

Политическая власть для оказания влияния должна быть конструктивной в принципе, но сегодня, еще раз подчеркнем, деконструкция коснулась именно смыслонесущей политической коммуникации. Контекстом для этого обесмысливания выступает внешний момент, когда политическая коммуникация медийно оформляется в виде политеймента, собранных вместе новостей, развлечения и рекламы. Форма начинает играть самостоятельную роль, но субъективный виртуальный политический мир, коммуникативно замкнутый на себя, зачастую не может интегрировать политические и повседневные проблемы в один смысловой ряд. И пространство медиареальности заполняют знаки, которые уже не реферируют даже сами себя. Деконструкция как бы углубляется. Партии, которые уже раньше потеряли свои значения в отношении объективной действительности, в незавершенном символическом универсуме, не могут вообще позиционироваться, что сказывается на рекламной политической коммуникации в ситуации выбора. Особенно последнее коснулось феномена политического лидерства, ведь лидеры, особенно официальные, утрачивают знаковость и уже «не значат» как репрезентанты. При этом политическая семиосфера (коммуникативная среда понимания) вроде и присутствует, но семиозиса не происходит. В результате знаки актуально не означаются и не переозначаются, но при этом теряют свои прежние значения. Это сказывается сегодня и на процессе политической социализации, когда роль гражданина не подкрепляется смысловым феноменом. Вот почему политический медийный мир как таковой все чаще представляется бессмысленным, выборные баталии оборачиваются «пустыми хлопотами», а политики утрачивают лидерский проективный потенциал. Граждане же, легко воз-

вращаясь в базовый мир работы и повседневность, не способны преодолеть влияния «навязанных» проблем для своего насущного бытия. Иная политическая реальность становится параллельной реальностью, которая не пересекается с жизненным миром человека. Одним из показателей неконструктивной политики в выборный период служит повсеместное игнорирование политическими лидерами образа будущего. Образ будущего – это коммуникативно выраженная политическая цель общества (что было четко явлено в эпоху модерна). Сегодняшнее умолчание о будущем не представляет собой фигуру политической речи, но служит отказом от политического конструирования медиареальности как проявления официальной символической власти. Тем самым политическая коммуникация не порождает смысловые феномены и подменяется явлением социальной коммуникации ради коммуникации. А культивируемые на практике «обсуждение» и «разговор» как медиа становятся абсолютно бессодержательными, символическая форма перестает быть коммуникативным фреймом при сохранении власти дискурса.

Само наличие, даже в некотором роде первичность, медиареальности, существование независимо от индивидуальных требований обеспечиваются деятельностью массмедиа по ее производству. *Под «медиареальностью» здесь понимается качество бытия, присущее медиафеноменам.* Политическая медиареальность возникает за счет создания структуры политических медиаконструктов, искусственно созданных «медиадержаний» политического сознания. Что же именно свидетельствует о подлинном бытии медиареальности? Конечно, наше «знание» о ней, установка на веру в то, что медиамир по-особому «реален» и обладает некими признаками, отличающими его от других реальностей. Феномен веры в «реальность» имеет своим истоком извечное доверие к медиаисточнику как таковому (доверия отдельным медиа недостаточно, хотя такое доверие существенно). Человек не может в принципе воспринимать объективный мир напрямую, но всегда делает допущение об аутентичности медиапосредничества. Здесь работает то, что М. Маклюэн назвал «внешним расширением человека»: через газету, телевидение или Интернет человек «прозревает» действительность. Эффект доверия к газетной новости на передовице, тому, что видел своими глазами на телеэкране, или уверенность в свободе выбора информационного сообщения в интернет-контенте – все это работает на «реальность» медиафактов-конструктов. Медиареальность здесь субъективно подменяет объективный мир верифицируемых фактов.

В основе конструирования актуального знания о политической медиареальности, которое кажется истинным, лежит моделирование политической повестки, перечня тех социальных вопросов, которые требуют политического решения. Уже сформированная политическая повестка обуславливает именно те темы, которые затем обсуждают, особенно это характерно для «разговоров» на телевидении и на интернет-площадках. Но «узлы» в коммуникации по теме, в которых и концентрируется разговор (ток-шоу, блог) задает медиаповестка. Разговор как простейшее социальное отношение [13. С. 313–314] виртуализируется, с одной стороны, а с другой – политическая коммуникация на новом уровне возвращается к устному медиа. Здесь разговорная архаическая практика совмещается с социальным отношением опосредованной коммуникации, характерным для современного массового общества. Все

это образовало новую социальную базу для постсовременного политического интерактива. В результате сегодняшний медиадискурс представляет собой преимущественно критическую реакцию, и главное в деле обсуждения – не консенсус мнений, а коммуникативный контакт. Н. Больц пишет в данной связи о возникновении «новой медиареальности», похожей на отправление некоего культа, который сегодня поддерживают люди, имеющие коммуникативные способности и получающие удовольствие от процесса общения [14. С. 100].

Конструирование медиареальности в виде политических текстов основано на жанре рассказа, использующего архетипический сюжет. Перед нами политическая инсценировка извечной истории о конце света, героической жертве во спасение мира, суде и наказании виновного. Так медиа разыгрывают типовую коммуникативно-драматическую ситуацию и облачают ее в «упаковку» поучительно-моральной истории. Развлечение как политический феномен воплощается не только в личностной идентификации с политической звездой, но и в коллективном разговоре и комментариях на конкретную тему. Здесь активная «общественность» заменяет общество, а ее, в свою очередь, представляют и составляют различные «публики» [13. С. 259]. Публика – это совокупность тех, кто принимает участие в обсуждении в различных «узлах», группы медиаактивистов, создающие новые аудитории для тем. Так общественность находит свое псевдопубличное выражение в медиарепрезентации постсовременного общества. Актеры новой медиареальности, в том числе и суррогатные, поддерживают изначально политически позиционированные темы и / или способствуют новой политизации социальных тем. Общественность в ее описанном медиаприсутствии и выражает общественное мнение, озвучивает установленные общественные стандарты, и вводит в оборот новые нормы. Некоторые исследователи медиа даже полагают, что по-другому явленного мнения общества сегодня вообще не существует.

Политическая коммуникация, в ходе которой поддерживаются медиафеномены сегодня, очевидно, утратила однонаправленный характер. Это произошло за счет уже упоминавшейся деконструкции политического знака и принципиальной нелинейности интернет-общения на любые темы. «Пользователь» не просто выбирает текст, достойный «прочтения», но становится соавтором. Потому сообщение сегодня не равнозначно тому, что послано кем-то, а зависит от того, что отображено на стороне приема. Власть и влияние сосредоточиваются не «наверху», а в звене отбора, поскольку «послание» и есть актуализированная информация. В акте преобразованного послания сегодня скрыты и сущность «механизма» политической социализации, и производство субъективного мира. В чем же сущность отбора? На наш взгляд, больше всего здесь подходит термин «программа», будь то программа поисковика, подсказывающая вопрос, для обнаружения ответа, «бот» в соцсетях как политическая форма «компьютерной пропаганды», политическая реклама новых медиа, вызывающая сбытовой эффект. Именно программа создает «позицию» в политическом сознании, потому разговор может способствовать продвижению товара, например при обсуждении бренда. Само обсуждение создает пропагандистский эффект, когда некая идея бренда-знака утверждается как политически верная. Политическая пропаганда тем самым «вживлена» в разговор, выступая сегодня и самопропагандой. При этом важно даже

не «понимание» смыслового содержания знака, но конституирование значимости обсуждения бренда. И политический брендинг, осуществленный сегодня посредством массмедиа, во многом состоит в присвоении темы, так феномен брендинга играет активную роль в воспроизводстве политической медиареальности.

Литература

1. Ним Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 409–427. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nesotsialnoe-konstruirovanie-realnosti-v-epohu-mediatizatsii> (дата обращения: 29.05.2019).
2. Фуко М. Власть и знание // Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. С. 278–302.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. 323 с.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites. М. : Socio-Logos, 1994. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (дата обращения: 30.05.2019).
5. Щербинина Н.Г. Конструирование сакрального пространства как истока русской власти // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 192–196.
6. Гиц К. Религия как культурная система // Интерпретация культур. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 104–148.
7. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 287 с.
8. Краснаярова О.В. Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, № 1. С. 85–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-i-mediatekst-problema-differentsiatsii-ponyatiy> (дата обращения: 03.06.2019).
9. Гаврилов А.А. Медиареальность как тип виртуальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 11 (37) : в 2 ч. Ч. I. С. 45–47.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : ПОСТУМ, 2017. 320 с.
11. Кукишинов Е. Феномен медиаиммерсии // МедиАльманах. 2015. № 1. С. 32–39.
12. Бодрунова С.С. Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Журналистика. 2012. Вып. 3. С. 203–215.
13. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М. : Ин-т психологии РАН ; КСП+, 1998. С. 255–408.
14. Больц Н. Азбука медиа. М. : Европа, 2011. 136 с.

Nina G. Shcherbinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 219–232.

DOI: 10.17223/1998863X/50/19

THE DEFINITION OF MEDIA REALITY AND COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF THE POLITICAL CONSTRUCTION OF REALITY

Keywords: political construction of reality; media reality; political communication; political socialization.

The author's theory, continuing the tradition of social phenomenology, addresses political phenomena and emphasizes that reality is politically constructed. It means that the political power has a creative potential and acts as a constructor of reality. However, political power requires the media; therefore, the communicative aspect begins to play not only a connecting role but also an essential one. Political being depends on sign exchange: the political world is perceived as a subjective semantic world, secondary socialization is organized in the form of inclusion of symbolic meanings into the world of an individual, the political power is maintained as a communicative construct, etc. More importantly, one constructs a politically legitimate world, in which it is the "correct" political reality that becomes a world which "means". According to the theory of the political construction of reality, communication should be understood phenomenologically – it is the political power that is concerned about understanding meanings and that offers interpretative frames. Based on the political-

constructivist scientific approach the author developed, a political media reality is defined in the article. Firstly, it is an artificial mediator between a person and political institutions. The person perceives media images and completed political constructions, discovers, evaluates and represents the political order. Therefore, a media reality is both a reality created by the media and a medium. Secondly, this is a sign and symbolic space, it was politically and purposefully developed to affect the political consciousness of society. The influence lies in the fact that this reality is perceived as the actual reality. The term “media reality” means the quality of being inherent in the media phenomena. Thirdly, a media reality simulates, virtualizes and acts as a kind of a hyperreality, without representing authentic being. Political power as a mediocracy constructs a political media reality through modeling. In this reality, the archetype and the proto-model is a mythic-and-heroic scheme that determines the main political roles, the hero and the antagonist, sets the scenario (the hero’s path and the punishment of evil), develops the essence of the political reality starting with the making of the image of the foe. The myth model relates to the media agenda model that contributes to the development of nodes in political communication (these nodes allow discussing “topics” and forming “public”). However, the postmodern political communication forms a “new media reality”, a certain cult of communication regardless of semantic consensus. Politics is deconstructed: semantic frames do not find an adequate replacement and signs are not re-signified. Currently, a discussion of political brands provides a communication alternative to the erosion of meanings.

References

1. Nim, E. (2017) (The (Non)social Construction of Reality in the Age of Mediatization. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 16(3). pp. 409–427. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/ne-sotsialnoe-konstruirovanie-realnosti-v-epohu-mediatizatsii> (Accessed: 29th May 2019). (In Russian).
2. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Power]. Translated from French. Moscow: Praxis. pp. 278–302.
3. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: Academia-Tsentr, MEDIUM.
4. Bourdieu, P. (1994) *Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Social space and symbolic power]. [Online] Available from: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaya-vlast> (Accessed: 30th May 2019).
5. Shcherbinina, N.G. (2017) Construction of sacral space as the source of Russian power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 192–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/29
6. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Translated from English by E.M. Lazareva. Moscow: ROSSPEN. pp. 104–148.
7. Shcherbinina, N.G. (2011) *Mifo-geroicheskoe konstruirovanie politicheskoy real'nosti Rossii* [Mytho-heroic construction of the Russian political reality]. Moscow: ROSSPEN.
8. Krasnoyarova, O.V. (2015) Text and media text: the problem of differentiation of concepts. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 4(1). pp. 85–100. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(1).85-100
9. Gavrilov, A.A. (2013) Media reality as a type of virtual reality. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 11(37). pp. 45–47. (In Russian).
10. Baudrillard, J. (2017) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Translated from French. Moscow: POSTUM.
11. Kukshinov, E. (2015) Fenomen mediaimmersii [The phenomenon of media immersion]. *MediaAl'manakh*. 1. pp. 32–39.
12. Bodrunova, S.S. (2012) Mediakratiya: sovremennyye podkhody k opredeleniyu termina [Media democracy: modern approaches to the definition of the term]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Zhurnalistika*. 3. pp. 203–215.
13. Tarde, G. (1998) Mnenie i tolpa [Opinion and crowd]. In: Tarde, G. & Le Bon, G. *Psikhologiya tolpy* [Psychology of Crowds]. Translated from French. Moscow: Institute of Psychology RAS, KSP+. pp. 255–408.
14. Boltz, N. (2011) *Azbuka media* [Alphabet of media]. Translated from German by L. Ionin, A.Chernykh. Moscow: Evropa.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 164.07

DOI: 10.17223/1998863X/50/20

Е.В. Борисов

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПАРАДОКС ЯБЛО АВТОРЕФЕРЕНТНЫМ?¹

Вопрос об автореферентности парадокса Ябло является дискуссионным. Сам Ябло утверждал, что открытый им парадокс свободен от автореферентности. Прист оспорил этот тезис, показав, что при построении парадоксальных предложений и выводе противоречия из них необходимо использовать автореферентный предикат. Некоторые авторы возражают Присту. Буэно и Коливан предлагают альтернативный вывод противоречия, который, по их мнению, позволяет обойтись без открытого Пристом предиката; Ябло предложил модификацию парадокса, которая, по его мнению, исключает трактовку парадоксальных предложений как автореферентных. В статье представлены аргументы, блокирующие указанные возражения. Я показываю: а) что дедукция, предложенная Буэно и Коливаном, не завершена, и что ее завершение требует использования автореферентного предиката; б) что модифицированные предложения Ябло содержат элемент автореферентности. Кроме того, я рассматриваю два неформальных аргумента: аргумент Соренсена в пользу тезиса о неавтореферентном характере парадокса и аргумент Билла в пользу противоположного тезиса. Результат анализа данных аргументов состоит в том, что оба не достигают своей цели, но в совокупности показывают, что при неформальном рассмотрении парадокса вопрос о его автореферентности не имеет ответа.
Ключевые слова: семантический парадокс, парадокс Ябло, истина, выполнение, автореферентность, определенная дескрипция, денотат определенной дескрипции.

Введение

С. Ябло [1. Р. 340; 2]² описал семантический парадокс, который в литературе получил его имя. По мнению Ябло, открытый им парадокс кардинально отличается от других семантических парадоксов тем, что не является автореферентным. Тем самым Ябло поставил под вопрос ортодоксальный взгляд, согласно которому автореферентность является необходимым условием возникновения парадоксов³. Однако тезис Ябло о неавтореферентности открытого им парадокса оказался дискуссионным, и в современной литературе представлены аргументы в пользу и против этого тезиса. Статья посвящена этой дилемме. Я отстаиваю два тезиса: 1) в формальном аспекте парадокс Ябло является автореферентным; 2) при этом существуют неформальные аргументы, показывающие, что вопрос об автореферентности или неавтореферентности данного парадокса не имеет определенного ответа.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

² При обсуждении парадокса Ябло чаще всего ссылаются на его рекордно лаконичную (объемом в 1 с.) статью 1993 г. [2], однако парадокс был полностью описан уже в статье 1985 г. [1].

³ Типология парадоксов и значение парадокса Ябло для современных дискуссий о причинах возникновения и возможных способах решения парадоксов детально обсуждаются в работах В.А. Ладова [3, 4].

Дискуссионный контекст статьи образуют следующие работы. Г. Прист [5] оспорил тезис Ябло, выявив неявный элемент автореферентности в предложенной Ябло дедукции противоречия. О. Буэно и М. Коливан [6] и сам Ябло [7], не оспаривая корректность аргумента Приста, выдвинули возражения, имеющие целью показать, что парадокс Ябло допускает неавтореферентное прочтение. Я привожу два новых аргумента, показывающие некорректность данных возражений. С другой стороны, Р. Соренсен [8] приводит неформальный аргумент, который, по его мнению, защищает тезис о неавтореферентности парадокса Ябло. Дж. Билл [9] возражает Соренсену, отстаивая тезис Приста. Я показываю, что неформальные аргументы Соренсена и Приста, вопреки мнению их авторов, не позволяют решить вопрос об автореферентности парадокса Ябло, и делаю скептический вывод, что в неформальном аспекте этот вопрос не имеет ответа.

1. Парадокс Ябло и тезис Приста

Парадокс Ябло состоит в следующем. Рассмотрим бесконечный ряд предложений (Y), пронумерованных натуральными числами: s_0, s_1, s_2, \dots . Каждое из данных предложений говорит, что все последующие предложения в этом ряду ложны. Используя язык, содержащий предикат истинности T , применимый к каждому предложению (Y)¹, мы можем определить содержание всех предложений данного ряда следующим образом:

$$s_n = \ulcorner (\forall k > n) \sim Ts_k \urcorner. \quad (1)$$

Допущение, что в этом ряду есть хотя бы одно истинное предложение, порождает противоречие; отрицание этого допущения тоже порождает противоречие, – это делает данный ряд парадоксальным. Противоречие выводится следующим образом:

(YD) Допустим Ts_n для произвольного числа n ². В силу (1) мы имеем

$$Ts_n \Rightarrow (\forall k > n) \sim Ts_k \Rightarrow \sim Ts_{n+1}.$$

В то же время $Ts_n \Rightarrow (\forall k > n) \sim Ts_k \Rightarrow (\forall k > n+1) \sim Ts_k \Rightarrow Ts_{n+1}$. Противоречие.

Следовательно, $\sim Ts_n$. Поскольку n было взято произвольно, результат можно обобщить: $(\forall k) \sim Ts_k$.

Однако $(\forall k) \sim Ts_k \Rightarrow (\forall k > 0) \sim Ts_k \Rightarrow Ts_0 \Rightarrow \sim (\forall k) \sim Ts_k$. Противоречие.

Аргумент Приста состоит в следующем. При выводе противоречия у Ябло исходное допущение – Ts_n – делается для произвольного n . Это значит, что в s_n переменная n свободна (отсюда последующее обобщение по n в переходе от $\sim Ts_n$ к $(\forall k) \sim Ts_k$). Однако допущение истинности возможно только применительно к замкнутым предложениям³: применительно к открытым предложениям мы должны использовать более общее понятие выполнения. s_n – открытое предложение: оно состоит из некоторого предиката s^* и перемен-

¹ Формально возможность такого языка показана Крипке [10].

² В данном контексте нет необходимости графически различать числа и термы для чисел, поэтому я использую одни и те же обозначения для чисел и числовых термов. Здесь и далее речь идет только о натуральных числах.

³ Исключения составляют открытые тавтологии, такие как $Px \supset Px$, но предложения Ябло к таковым не относятся.

ной n . Поэтому допущение, что s_n истинно, следует заменить допущением, что число n выполняет предикат s^* . Соответствующая замена необходима везде, где используется предикат T : и в предложениях ряда (Y), и в выводе противоречия.

Чтобы формально представить пристову редакцию парадокса, я буду использовать следующую нотацию:

– предложения Ябло в редакции Приста буду обозначать как p_0, p_1, \dots , а сам ряд – как (P);

– предикат « x выполняет предикат Q » буду записывать как $S(x, Q)$.

При построении (P) предикат s^* определяется как открытое предложение $(\forall k > x) \sim S(k, s^*)$ или, с использованием λ -нотации:

$$s^* =_{\text{def}} \lambda x. (\forall k > x) \sim S(k, s^*). \quad (2)$$

Сразу отметим автореферентный характер s^* : в (2) s^* фигурирует как слева, так и справа от $=_{\text{def}}$, т.е. s^* определяется через себя самого. Прист [5. Р. 238] переводит это определение на естественный язык следующим образом: « s^* – это предикат ‘ни одно число больше x не выполняет этот предикат’», где фраза «этот предикат» указывает на s^* , что делает определение автореферентным¹.

Содержание предложений (P) определяется так:

$$\text{Для любого } n, p_n = \ulcorner s^*(n) \urcorner. \quad (3)$$

При выводе противоречия мы допускаем, что предикат S включен в объектный язык (это соответствует допущению Ябло, что объектный язык содержит предикат T). С учетом этого, мы имеем

$$(\forall n) [s^*(n) \Leftrightarrow S(n, s^*)]. \quad (4)$$

Противоречие выводится следующим образом:

(PD) В качестве допущения примем pn , т.е. $s^*(n)$ для произвольного n . С учетом (2) и (4), $s^*(n) \Rightarrow (\forall k > n) \sim S(k, s^*) \Rightarrow \sim S(n+1, s^*) \Rightarrow \sim s^*(n+1)$. В то же время $(\forall k > n) \sim S(k, s^*) \Rightarrow (\forall k > n+1) \sim S(k, s^*) \Rightarrow s^*(n+1)$. Противоречие.

Отсюда $\sim s^*(n)$ и далее $(\forall n) \sim s^*(n)$.

Однако $(\forall n) \sim s^*(n) \Rightarrow \sim s^*(0)$. В то же время, в силу (2) и (4), $(\forall n) \sim s^*(n) \Rightarrow (\forall n > 0) \sim s^*(n) \Rightarrow (\forall n > 0) \sim S(n, s^*) \Rightarrow s^*(0)$. Противоречие.

Как видим, и при построении (P), и при выводе противоречия, т.е. и в (3), и в (PD), используется циркулярный (автореферентный: я использую эти термины как синонимы) предикат s^* . Это показывает, что отсутствие автореферентности в парадоксе Ябло – это не более чем видимость, порожденная некорректным использованием предиката истинности (T) вместо предиката выполнения (S). Устранение этой ошибки делает автореферентный характер парадокса очевидным.

¹ Прист характеризует s^* как «неподвижную точку» [Ibid.] – формальный эквивалент автореферентности. Р. Кук [11. Р. 122–123] отмечает неоднозначность этого термина и предлагает его точную дефиницию. Для наших целей достаточно считать формальным эквивалентом автореферентности тот факт, что s^* фигурирует в определении s^* . Отметим, что Кук, соглашаясь с Пристом в том, что парадокс Ябло является автореферентным, предлагает свою версию неавтореферентного парадокса на основе бесконечного ряда предложений [11, 12]. Обсуждение этого предложения выходит за рамки данной статьи.

2. Возражение Буэно и Коливана

Буэно и Коливан [6] признают аргумент Приста корректным, но считают, что его вывода можно избежать, если дедуцировать противоречие без использования циркулярного предиката s^* . Они рассуждают следующим образом. Использование s^* в (PD) обусловлено тем, что в (PD) фигурирует свободная переменная n . Эта переменная вводится в начале дедукции – в допущении p_n для произвольного n . Данное допущение принимается для получения $\sim s^*_n$ с последующим обобщением до $(\forall n) \sim s^*(n)$. Но этот путь дедукции противоречия не является обязательным. Буэно и Коливан предлагают альтернативную дедукцию, в которой не выводится $(\forall n) \sim s^*(n)$ и (по их мнению, которое я считаю ошибочным) не используется свободная переменная n , что якобы позволяет обойтись без s^* . По их мнению [Ibid. P. 154], предложенная ими дедукция показывает, что видимость автореферентности парадокса Ябло является артефактом того (возможного, но не единственного) способа дедукции противоречия, который использует Прист. Они заключают, что это восстанавливает в правах тезис Ябло о нециркулярном характере открытого им парадокса. Ниже я покажу, что дедукция, предложенная Буэно и Коливаном, не завершена и что ее завершение невозможно без циркулярного предиката s^* .

Поскольку Буэно и Коливан полагают, что их дедукция обходится без свободных переменных, они возвращаются к изначальной редакции предложений Ябло, т.е. к (Y) . Предлагаемая ими дедукция противоречия такова:

(BCD) Допустим, s_0 истинно: Ts_0 . Отметим, что здесь номер предложения – не произвольное число, но вполне определенное число 0. Учитывая (1), получаем

$$Ts_0 \Rightarrow (\forall k > 0) \sim Ts_k \Rightarrow \sim Ts_1.$$

С другой стороны, $Ts_0 \Rightarrow (\forall k > 0) \sim Ts_k \Rightarrow (\forall k > 1) \sim Ts_k \Rightarrow Ts_1$. Противоречие.

Следовательно, допущение неверно, т.е. $\sim Ts_0$.

Учитывая (1), из этого следует: $(\exists n > 0) Ts_n$. Обозначим минимальный номер истинного предложения буквой i . Буэно и Коливан подчеркивают, что i – это не переменная, но константа для вполне определенного (хоть и неизвестного) числа [Ibid. P. 155].

Итак, мы получили Ts_i . Однако из Ts_i противоречие выводится тем же путем, каким оно выводится из Ts_0 :

$$Ts_i \Rightarrow (\forall k > i) \sim Ts_k \Rightarrow \sim Ts_{i+1}.$$

С другой стороны, $Ts_i \Rightarrow (\forall k > i) \sim Ts_k \Rightarrow (\forall k > i + 1) \sim Ts_k \Rightarrow Ts_{i+1}$. Противоречие.

Буэно и Коливан подчеркивают, что в данном выводе делается только одно допущение – Ts_0 , в котором вместо свободной переменной фигурирует число 0. Поэтому они – в отличие от Ябло – не выводят универсальное положение $(\forall n) \sim Ts_n$, (ошибочно) полагая, что для дедукции противоречия оно не нужно [6. P. 155].

Как я отметил выше, я считаю, что (BCD) не завершена. Я представлю свой аргумент сначала в кратком неформальном, затем в полном формальном виде.

(а) *Краткое неформальное изложение.* На этапе (BCD), когда вводится i , мы не знаем, чему i равно, поэтому мы должны допустить, что оно может оказаться каким угодно (от 1 до бесконечности). Дело в том, что все, что мы имеем на данном этапе, это $(\exists n > 0) Ts_n$, но данная формула ничего не говорит о значениях n , при которых s_n истинно. Таким образом, чтобы дедукция противоречия состоялась, нам нужна гарантия, что на следующем шаге можно получить противоречие для *любого* значения i . Но это значит, что на следующем шаге мы должны вывести универсальный тезис, что для *любого* n допущение Ts_n приводит к противоречию. В (BCD) этот шаг отсутствует, что делает ее незавершенной. Для завершения (BCD) нужно использовать свободную переменную, что блокирует аргумент Буэно и Коливана.

(b) *Полное формальное изложение.* Я буду использовать следующую нотацию:

- N – множество натуральных чисел;
- \min – функция от подмножеств N к натуральным числам, такая что $\min(X)$ = минимальное число в множестве X . Например, $\min(\{5, 18, 29\}) = 5$.

Используя функцию \min , мы можем *предварительно* (до последующей коррекции) определить число в (BCD) следующим образом:

$$i = \min(\{x : Ts_x\}). \quad (5)$$

На этапе (BCD), на котором вводится i , мы допускаем, что множество $\{x : Ts_x\}$ не пусто, но не знаем, какие именно числа в него входят: предыдущие этапы дедукции не определяют это множество. Но это значит, что у нас пока нет числа i : (5) определяет i как результат применения функции \min к множеству $\{x : Ts_x\}$, но последнее еще не определено, т.е. для \min еще нет аргумента. Чтобы множество $\{x : Ts_x\}$ было определено, нам нужно некоторое распределение истинностных значений по предложениям (Y). С учетом этого мы должны заменить в (5) предикат « x истинно» (Tx) на « x истинно при распределении P », $T(x, P)$. Соответственно, мы должны переписать (5) как (6):

$$i = \min(\{x : T(s_x, P)\}). \quad (6)$$

Для возникновения парадокса существенно, чтобы противоречие выводилось для *любого* P , иначе мы получим не парадокс, а всего лишь ограничение на множество возможных распределений истинностных значений для (Y). Но для *любого* $n > 0$ существует такое распределение P , что $\min(\{x : T(s_x, P)\}) = n$. Следовательно, чтобы парадокс состоялся, необходимо показать, что допущение Ts_n приводит к противоречию для *любого* n . Но решение этой задачи предполагает использование n как свободной переменной.

Таким образом, утверждение Буэно и Коливана, что предложенная ими дедукция позволяет обойтись без свободных переменных, неверно. По их мнению, при демонстрации парадокса можно ограничиться анализом только двух предложений с определенными номерами – s_0 и s_i , избежав обобщений. Это мнение ошибочно; причину ошибки я вижу в том, что, вводя число i , Буэно и Коливан определяют его, как показано в (5), и считают это определение полным, т.е. выделяющим вполне определенное число. Однако (5) не является полным определением: полное определение (6) показывает, что i зависит от P , т.е. не является константой. Неконстантность i обязывает нас демонстрировать универсальный тезис, что допущение s_n порождает противоречие для *любого* n . Но, как показал Прист, такая демонстрация требует использо-

вания автореферентного предиката s^* . Таким образом, завершение (BCD) сводит ее к (PD), что отменяет тезис Буэно и Коливана.

3. Возражение Ябло

Аргумент Приста основан на единообразной репрезентации предложений ряда Ябло в форме $s^*(n)$. Такого рода репрезентация имплицитно содержится даже в описаниях, в которых единообразие на первый взгляд отсутствует, например, в [2. Р. 251]:

- (S_1) Для всякого $k > 1$, S_k не истинно,
- (S_2) для всякого $k > 2$, S_k не истинно,
- (S_3) для всякого $k > 3$, S_k не истинно...

Здесь многоточие в последней строчке предлагает читателю продолжать ряд до бесконечности. Но как его следует продолжать, чтобы получить *нужный* ряд? Очевидно, для этого необходим единый метод построения всех предложений, что, в свою очередь, предполагает, что все предложения имеют одну и ту же форму. В данном случае подразумевается форма

- (S_n) Для всякого $k > n$, S_k не истинно,

которая в результате замены предиката истинности предикатом выполнения превращается в (3).

Возражение Ябло Присту, представленное в [7], состоит в том, что единообразие предложений не является необходимым условием парадокса. По мнению Ябло, парадоксальный ряд можно построить так, чтобы формы всех предложений в нем были попарно различны. Он предлагает следующий метод.

Достаточно, чтобы каждое S_i говорило: 'все последующие предложения, за исключением [вставьте здесь конечный список исключений], ложны'. Например, пусть первое предложение говорит: 'все последующие предложения, за исключением следующего, ложны'; второе предложение говорит: 'все последующие предложения, за исключением следующего за следующим, ложны' и т.д. [7. Р. 169].

Ябло доказывает, что все ряды указанного типа (т.е. ряды, в которых для каждого предложения задан конечный список исключений) порождают парадокс [7. Р. 170]. При этом он считает, что для рядов такого типа невозможна единообразная репрезентация входящих в них предложений, что не позволяет применить к ним аргумент, аналогичный аргументу Приста. Однако последнее утверждение – о невозможности единообразной репрезентации предложений, составляющих ряды указанного типа, – ошибочно. Рассмотрим в качестве примера описание ряда в процитированном пассаже. Здесь выражение «и т.д.» играет ту же роль, которую играет многоточие в репрезентации ряда Ябло, приведенной в начале данного раздела: предлагает читателю сконструировать единую форму для всех предложений ряда. Если мы начинаем нумерацию с 1, общая форма всех предложений данного ряда может быть представлена так:

- (S_n) $(\forall k)(k > n \ \& \ k \neq 2n \supset \sim T(S_k))$,

или, после замены предиката истины предикатом выполнения:

- (S_n) $s'(n)$, где $s' =_{\text{def}} \lambda x. (\forall k)(k > x \ \& \ k \neq 2x \supset \sim S(k, s'))$.

Как видим, в последней репрезентации используется автореферентный предикат s' , что распространяет тезис Приста на данный ряд.

Это рассуждение можно обобщить на все ряды, в которых для каждого предложения задано конечное множество исключений. Ряд такого типа зада-

ется функцией g , которая каждому числу n ставит в соответствие некоторое множество чисел $g(n)$, каждый элемент которого больше n ¹. Чтобы сделать все предложения ряда попарно различными, мы можем принять условие, что если $n \neq m$, то $g(n) \neq g(m)$ для любых n, m . Но даже при выполнении этого условия все предложения ряда получают единообразную репрезентацию с автореферентным предикатом. Для ряда с произвольной функцией g мы имеем

$(S_n) s''(n)$, где $s'' =_{\text{def}} \lambda x. (\forall k)(k > x \ \& \ k \notin g(x) \supset \sim S(k, s''))$.

Таким образом, тезис Приста распространяется и на ряды, построенные методом конечного списка исключений.

4. Два неформальных аргумента и скептический вывод

В этом разделе я рассматриваю два неформальных аргумента: аргумент Соренсена в защиту тезиса о неавтореферентности парадокса Ябло и аргумент Билла в защиту противоположного тезиса. Я попытаюсь показать, что ни один из указанных аргументов не достигает своей цели – обоснования тезиса об автореферентности / неавтореферентности парадокса, и что оба аргумента вместе показывают, что данный вопрос не имеет ответа.

Соренсен [8] не ставит под сомнение корректность рассуждений Приста, но отстаивает тезис, что парадокс Ябло свободен от автореферентности. Его рассуждение можно разделить на две части, которые Соренсен явным образом не различает, но я считаю важным различить: 1) нейтрализация аргумента Приста, т.е. демонстрация того, что аргумент Приста не позволяет сделать вывод об автореферентности парадокса Ябло; 2) попытка показать неавтореферентность парадокса. Первая часть имеет сугубо скептический характер, потому что нацелена только на опровержение тезиса Приста; вторая представляет собой попытку обосновать положительное утверждение. Для меня важно различить эти две части, потому что только первую часть его рассуждения я считаю успешной.

Первая часть рассуждения Соренсена базируется на (очевидно верной) посылке, что свойства тех понятий, с помощью которых мы специфицируем объект, не распространяются на сам объект. Применительно к парадоксу Ябло это означает следующее: Прист показал, что при описании ряда Ябло и при выводе противоречия мы вынуждены использовать автореферентный предикат s^* , – однако из этого еще не следует, что ряд Ябло автореферентен сам по себе. Думаю, мысль Соренсена можно выразить следующей метафорой: описание объекта – это своего рода оптика, и мы должны отличать оптические эффекты от свойств объекта. В частности, видимость автореферентности – это оптический эффект; автореферентность *не* является свойством предложений Ябло. По Соренсену, видимость автореферентности парадокса Ябло обусловлена ограниченностью наших интеллектуальных способностей. Мы – конечные существа – не можем *записать* бесконечный ряд предложений: мы можем только *описать* таковой. Равным образом мы не можем построить дедукцию из бесконечного множества посылок: чтобы вывести противоречие из ряда Ябло, мы вынуждены ограничиваться конечным набором общих утверждений, таких как (1)–(4). Отсюда необходимость использования автореферентных средств в *наших* рассуждениях. Но мы можем допустить,

¹ Первоначальный ряд Ябло можно представить как ряд такого типа с функцией g , такой что $g(n) = \emptyset$ для любого n .

что существо с бесконечными интеллектуальными возможностями могло бы записать ряд Ябло и осуществить бесконечную дедукцию без использования автореферентных средств. Если так, то аргумент Приста – будучи формально корректен – не является достаточным основанием для категорического утверждения, что парадокс Ябло автореферентен.

Вторая часть рассуждения Соренсена базируется на контрфактическом рассуждении о воображаемом существе с неограниченными интеллектуальными возможностями.

«Например, бог мог бы записать первое предложение в течение первой минуты, второе – за следующие 30 секунд, третье – за следующие 15 секунд и т.д. Записывая предложения все быстрее, бог мог бы записать весь ряд за две минуты. Поскольку мы – конечные существа – знаем, что ряд Ябло парадоксален для бесконечного существа, мы знаем, что ряд Ябло парадоксален сам по себе. Наше использование автореферентной спецификации – не более, чем полезный эвристический прием» [8. Р. 145].

Как видим, здесь Соренсен не ограничивается критикой тезиса Приста, но выдвигает противоположный тезис: ряд Ябло *в действительности* свободен от автореферентности, хотя мы – люди – не можем описать его без использования автореферентных средств¹. Эта часть рассуждения Соренсена мне представляется неубедительной, и я считаю весомым возражение, выдвинутое против этого аргумента Биллом.

«Мы фиксируем референт выражения „парадокс Ябло“ посредством (атрибутивной) дескрипции; это значит, что выражение „парадокс Ябло“ обозначает то, что выполняет данную дескрипцию. Но условия выполнения доступных нам дескрипций требуют автореферентного объекта – ряда предложений, предполагающего циркулярность, автореферентность, неподвижную точку. Соренсен, по-видимому, не видит, что из этого следует, а именно что пока мы не нашли другого способа зафиксировать референт выражения „парадокс Ябло“, мы можем фиксировать его только на циркулярном ряде – ряде, содержащем неподвижные точки, автореферентность и т.п.» [9. Р. 180].

Таким образом, Билл выдвигает своего рода металингвистический аргумент: чтобы говорить о парадоксе Ябло, мы должны определить объект, о котором мы говорим, т.е. отличить его от других объектов. В случае с абстрактными объектами, такими как семантические парадоксы, фиксация объекта невозможна посредством взгляда, остенсии и тому подобного: зафиксировать абстрактный объект возможно только посредством атрибутивной² дескрипции. По-

¹ Стоит отметить любопытный переход от контрфактических посылок к выводу относительно действительности; возможности такого рода аргументации заслуживают отдельного обсуждения.

² Различие между атрибутивно употребляемыми (атрибутивными) и референциально употребляемыми (референциальными) определенными дескрипциями здесь существенно, потому что объект, к которому отсылает референциальная дескрипция, может не выполнять ее атрибутивное содержание [13]. Соренсен использует это различие, допуская, что мы можем употреблять дескрипции парадокса Ябло референциально и что поэтому парадокс Ябло может не выполнять предикат циркулярности, содержащийся в наших дескрипциях [8. Р. 148]. Билл справедливо возражает, что референциальное употребление дескрипции возможно только если ее денотат дан говорящему независимо от ее содержания, но в случае с парадоксом Ябло это не так [9. Р. 179]. Добавлю к этому, что апелляция Соренсена к возможности референциального употребления дескрипций для ряда Ябло базируется на семантической трактовке референциальных дескрипций [14]. Однако референциальное употребление допускает также прагматическую трактовку [15], которая работает против Соренсена, потому что предполагает, что семантический референт дескрипции должен выполнять ее атрибутивное содержание.

сколько же все доступные нам дескрипции парадокса Ябло требуют автореферентного денотата, тезис о его неавтореферентности представляет собой своего рода перформативное противоречие: высказывая тезис об объекте, мы используем способ указания на объект, который опровергает высказываемый тезис.

Отсюда комментарий Билла к мысленному эксперименту Соренсена с бесконечным существом: «Пусть бог может пронумеровать бесконечный ряд описанным способом: это не имеет отношения к вопросу. Вопрос в том, о каком ряде мы говорим, когда просим бога его пронумеровать» [9. Р. 182]. Конечно, если мы попытаемся ответить на этот вопрос единственным доступным нам способом – посредством атрибутивной дескрипции, – наш ответ будет таким: мы говорим о таком-то и таком-то циркулярном ряде. Но если мы рассуждаем о том, каким образом богу может быть дан циркулярный ряд, как мы можем утверждать, что этот ряд не циркулярен? Думаю, эти соображения вполне убедительно обосновывают, опять же, скептический вывод, что у нас нет достаточных оснований утверждать, что парадокс Ябло свободен от автореферентности¹.

Билл, как и Соренсен, не останавливается на скептическом выводе и выдвигает положительное утверждение о характере парадокса, а именно что он автореферентен. Как и в случае с Соренсеном, я считаю это утверждение необоснованным. Дело в том, что циркулярность описания, даже если она для нас неизбежна, не предполагает автореферентности описываемого объекта. Проиллюстрируем это на примере конечного ряда предложений Ябло. Пусть (F) – множество предложений $\{f_0, f_1, f_2\}$, и пусть k пробегает по $\{0, 1, 2\}$. Содержание предложений (F) определим следующим образом:

$$\begin{aligned} (a) \quad f_0 &= \ulcorner (\forall k > 0) \sim Tf_k \urcorner, \\ f_1 &= \ulcorner (\forall k > 1) \sim Tf_k \urcorner, \\ f_2 &= \ulcorner (\forall k > 2) \sim Tf_k \urcorner. \end{aligned}$$

Приведенные формулы содержат подформулу $\sim Tf_k$, в которой k является свободной переменной, что делает некорректным применение предиката T к f_k . Чтобы избежать этой трудности, давайте читать $(\forall k > 0) \sim Tf_k$ как сокращение для $(0 > 0 \supset \sim Tf_0) \ \& \ (1 > 0 \supset \sim Tf_1) \ \& \ (2 > 0 \supset \sim Tf_2)$, и аналогично для f_1 и f_2 ².

Как видим, ни одно предложение в (F) не является автореферентным. Однако этот же ряд можно описать, используя автореферентный предикат $f^* = \lambda x. (\forall k > x) \sim S(k, f^*)$:

$$(b) \quad \text{Для всякого } n \text{ в } \{0, 1, 2\}, f_n = f^*(n).$$

Мы можем использовать как (a), так и (b) для получения одних и тех же результатов; например, мы можем использовать любое из этих описаний, чтобы показать, что допущение $S(0, f^*)$ приводит к противоречию³. Если мы

¹ Аналогичные соображения могут быть выдвинуты относительно вариантов парадокса Ябло, предложенных Соренсеном, таких как парадокс очереди [8. Р. 137–138]. Любопытные варианты парадокса Ябло рассматривает также А. Нехаев [16].

² Формально и в общем виде f_n можно представить как $[\lambda x. (0 > x \supset \sim Tf_0) \ \& \ (1 > x \supset \sim Tf_1) \ \& \ (2 > x \supset \sim Tf_2)](n)$. Здесь термы, к которым применяется предикат T , не содержат свободных переменных.

³ Конечно, допущение $\sim S(0, f^*)$ к противоречию не приводит, поэтому (F) – как и любой конечный ряд предложений Ябло – не парадоксален. Нетрудно видеть, что f_2 тривиально истинно, а значит, f_0 и f_1 ложны.

будем при этом опираться на (а), наше рассуждение будет аналогично (YD) и мы не будем использовать автореферентных средств. Если же мы будем опираться на (b), мы будем использовать циркулярный предикат f^* и наше рассуждение будет аналогично (PD). Таким образом, наличие циркулярного описания (F) не позволяет сделать вывод о циркулярной структуре (F). Возвращаясь к парадоксу Ябло: мы не можем сделать вывод о его автореферентности только на том основании, что существуют циркулярные описания ряда Ябло, даже если нециркулярные описания нам не доступны.

Думаю, сказанное позволяет заключить, что как тезис Соренсена о неавтореферентности парадокса Ябло, так и противоположный тезис Билла не имеют под собой достаточного основания. Насколько я могу судить, ответа на вопрос об автореферентности парадокса Ябло не существует.

Заключение

Итак, я рассмотрел вопрос об автореферентности парадокса Ябло в формальном и неформальном аспектах.

Результат формального рассмотрения состоит в защите тезиса Приста об автореферентном характере данного парадокса от возражений Буэно и Коливана и Ябло. Я показал две вещи: 1) попытка Буэно и Коливана оспорить тезис Приста, модифицировав вывод противоречия, неудачна, поскольку предложенная ими дедукция не завершена, и ее завершение невозможно без использования автореферентного предиката s^* ; 2) равным образом неудачна попытка Ябло модифицировать парадоксальный ряд предложений методом конечного списка исключений: ряды, построенные этим методом, допускают единообразную репрезентацию с использованием автореферентных предикатов.

В рамках неформального рассмотрения я различил скептическую и положительную части в аргументах Соренсена и Билла и показал, что в обоих случаях только скептическая часть имеет под собой убедительные основания. Если мой аргумент корректен, то у нас есть основания сомневаться как в автореферентности, так и в неавтореферентности парадокса Ябло, однако нет достаточных оснований для принятия одного из этих тезисов.

Литература

1. Yablo S. Truth and Reflection // *Journal of Philosophical Logic*. 1985. Vol. 14. P. 297–349.
2. Yablo S. Paradox without Self-Reference // *Analysis*. 1993. Vol. 53, № 4. P. 251–252.
3. Ладов В.А. Б. Рассел и Ф. Рамсей о проблеме парадоксов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 43. С. 101–110. DOI: 10.17223/1998863X/43/9
4. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 11–24. DOI: 10.17223/1998863X/44/2
5. Priest G. Yablo's Paradox // *Analysis*. 1997. Vol. 57, № 4. P. 236–242.
6. Bueno O., Colyvan M. Paradox without Satisfaction // *Analysis*. 2003. Vol. 63, № 2. P. 152–156.
7. Yablo S. Circularity and Paradox // Self-Reference / Th. Bolander, V.F. Hendricks, S.A. Pedersen (eds.). Stanford, 2006. P. 165–183.
8. Sorensen R.A. Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars // *Mind*. 1998. Vol. 107. P. 137–155.
9. Beall Jc. Is Yablo's Paradox Non-Circular? // *Analysis*. 2001. Vol. 61, № 3. P. 176–187.
10. Kripke S. Outline of a Theory of Truth // *The Journal of Philosophy*. 1975. Vol. 72, № 19. P. 690–716.

11. Cook R.T. There Are Non-circular Paradoxes (But Yablo's Isn't One of Them!) // *The Monist*. 2006. Vol. 89, № 1. P. 118–149.
12. Cook R.T. *The Yablo Paradox. An Essay on Circularity*. Oxford : OUP, 2014.
13. Donnellan K.S. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.
14. Kaplan D. Demonstratives // *Themes from Kaplan* / J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.). Oxford : Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
15. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. II. P. 255–276
16. Hexaев А.В. Истина об «истине» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45. С. 34–46. DOI: 10.17223/1998863X/45/4

Evgeny V. Borisov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 233–244.

DOI: 10.17223/1998863X/50/20

IS YABLO'S PARADOX SELF-REFERENTIAL?

Keywords: semantic paradoxes; Yablo's paradox; truth, satisfaction; self-reference; definite description; denotation of definite description.

The article addresses the question whether Yablo's paradox is self-referential or not. Yablo himself claimed that the paradox is free from self-reference. Priest challenged this claim by showing that a self-referential predicate must be used both in the description of paradoxical sentences and in deriving contradiction from them. Some objected to Priest. Bueno and Colyvan suggested a derivation of contradiction that allegedly makes no use of Priest's self-referential predicate. Yablo modified paradoxical sentences intending to preclude the circular reading thereof. The author examines those replies and argues that they are both erroneous, since (a) Bueno and Colyvan's derivation is incomplete, and (b) Yablo's modification of his paradox remains subject to the circular reading. He concludes that, from the formal point of view, the paradox is self-referential in the sense that there is no way to present paradoxical sentences and to derive contradiction from them without using circular devices like Priest's predicate. The author also examines Sorensen's informal argument advocating the view that Yablo's paradox is free of self-reference and Beall's informal argument in favor of the opposite view. The result is that none of these arguments achieves its goal but they jointly show that there is no definitive informal solution to the problem.

References

1. Yablo, S. (1985) Truth and Reflection. *Journal of Philosophical Logic*. 14. pp. 297–349.
2. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53(4). pp. 251–252. DOI: 10.2307/3328245
3. Ladov, V.A. (2018) Russell and Ramsey on the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 101–110. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/9
4. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
5. Priest, G. (1997) Yablo's paradox. *Analysis*. 57(4). pp. 236–242. DOI: 10.1111/1467-8284.00081
6. Bueno, O. & Colyvan, M. (2003) Paradox without Satisfaction. *Analysis*. 63(2). pp. 152–156. DOI: 10.1111/1467-8284.00026
7. Yablo, S. (2006) Circularity and Paradox. In: Bolander, Th., Hendricks, V.F. & Pedersen, S.A. (eds) *Self-Reference*. Stanford. pp. 165–183.
8. Sorensen, R.A. (1998) Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars. *Mind*. 107. pp. 137–155. DOI: 10.1093/mind/107.425.137
9. Beall, J.C. (2001) Is Yablo's Paradox Non-Circular? *Analysis*. 61(3). pp. 176–187. DOI: 10.1111/1467-8284.00292

10. Kripke, S. (1975) Outline of a Theory of Truth. *The Journal of Philosophy*. 72(19). pp. 690–716. DOI: 10.2307/2024634
11. Cook, R.T. (2006) There Are Non-circular Paradoxes (But Yablo's Isn't One of Them!). *The Monist*. 89(1). pp. 118–149. DOI: 10.5840/monist200689137
12. Cook, R.T. (2014) *The Yablo Paradox. An Essay on Circularity*. Oxford: OUP.
13. Donnellan, K.S. (1966) Reference and Definite Descriptions. *The Philosophical Review*. 75(3). pp. 281–304.
14. Kaplan, D. (1989) Demonstratives. In: Almog, J., Perry, J. & Wettstein, H. (eds) *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press. pp. 481–563.
15. Kripke, S. (1977) Speaker's Reference and Semantic Reference. *Midwest Studies in Philosophy*. 2. pp. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x
16. Nekhaev, A.V. (2018) The truth about “truth”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/4

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/50/21

О.А. Доманов

О САМОРЕФЕРЕНТНОСТИ ПАРАДОКСА ЯБЛО

Аргумент Евгения Борисова против Буэно и Коливана некорректен. В то же время подход последних также не свободен от проблем, как показано Кетландом. Рассмотренные Борисовым аргументы, а также подходы, основанные на теории нефундированных множеств, показывают, что одной из главных проблем дискуссии о самореферентности парадокса Ябло является неясность понятия самореферентности.

Ключевые слова: парадокс Ябло, самореферентность, нефундированные множества.

Краткость заметки не позволяет затронуть много тем, поэтому я хотел бы остановиться на двух из них: критике одного из аргументов Евгения Борисова и общих соображениях, касающихся самореферентности парадокса Ябло.

Одной из центральных тем статьи Евгения Борисова является возможно самая известная попытка опровергнуть несамореферентность парадокса С. Ябло, предпринятая Г. Пристом [1], а также критика этой попытки О. Буэно и М. Коливаном [2]. Прист предлагает формализацию парадокса Ябло, в которой самореферентность присутствует явно, и делает вывод о скрытой самореферентности самого парадокса. Буэно и Коливан возражают, замечая, что самореферентность относится к способу формализации, выбранному Пристом, но не к парадоксу самому по себе. Борисов, в свою очередь, критикует возражение Буэно и Коливана, защищая аргумент Приста от атаки. Аргументация разбираемых авторов прекрасно изложена в статье, я сосредоточусь на возражении Борисова, которое считаю неверным. Рассмотрим его внимательнее.

Прист представляет предложения парадокса Ябло как значения определенного им предиката на натуральных числах (иногда называемого предикатом Ябло) и затем демонстрирует, что сам этот предикат является неподвижной точкой некоторого предиката выполнимости, также построенного Пристом. Тем самым, утверждает Прист, формулировка парадокса Ябло предполагает предикат, определенный через самореферентность, что указывает на самореферентность самого парадокса. Возражение Буэно и Коливана состоит в том, что противоречие, необходимое для парадокса, можно получить без построения предиката выполнимости Приста, т.е. самореферентность не обязательно относится к свойствам парадокса, скорее, это свойство предиката, который, однако, для возникновения парадокса не требуется. Самореферентность – делают вывод Буэно и Коливан – есть артефакт формализации Приста, а не характеристика парадокса самого по себе. Их идея состоит в том, чтобы рассмотреть лишь некоторые предложения Ябло без построения предиката на них всех (точнее, на их номерах). Если s_0 – первое предложение последовательности Ябло, то из его истинности противоречие выводится путем простых шагов. Но и из его ложности противоречие также

можно вывести без построения общего предиката. Согласно Буэно и Коливану, $\neg Ts_0$ означает, что существует как минимум одно истинное s_i , где i , что важно для аргумента, является просто конкретным числом, а не переменной (заметим, в скобках, что этот шаг доказательства неконструктивен – у нас нет способа вычислить i). Затем из истинности s_i легко выводится противоречие. Здесь существенно, что нам достаточно вывести противоречие лишь для *некоторого* i ; именно на этот пункт рассуждения направлена критика Борисова. Он говорит: «Когда вводится i , мы не знаем, чему i равно, поэтому мы должны допустить, что оно может оказаться каким угодно (от 1 до бесконечности)». Но в том-то и дело, что мы здесь ничего не допускаем. Хотя i нам не известно, оно фиксировано (самим положением дел, если угодно) и не оставляет места для допущений. Разумеется, мы можем заметить, что вывод противоречия для данного i может быть повторен для любого другого номера и даже провести генерализацию, но этот факт в самом доказательстве не используется. Поэтому, вопреки Борисову, неверно, что «нам нужна гарантия, что на следующем шаге можно получить противоречие для *любого* значения i ». Мы можем заметить это задним числом, но нам не нужно этого *предполагать*.

Борисов далее замечает, что для определения i нам требуется некоторое распределение истинностных значений P , и полагает, что мы должны быть способны получить противоречие для любого такого P . Но ситуация здесь аналогична предыдущему: хотя мы не знаем, каково распределение P , оно тем не менее фиксировано. Нам нужно вывести противоречие лишь для этого распределения, а не для любого из них. Поэтому утверждение Борисова « i зависит от P , т.е. не является константой» неверно, поскольку здесь P само является константой.

В результате аргумент Буэно и Коливана защищен от данной атаки. Что, разумеется, еще не говорит нам ничего о том, является ли парадокс Ябло самореферентным. Тем более что сам аргумент Приста проблематичен. Например, как можно показать [3], в теории, расширяющей арифметику, всякий одноместный предикат является неподвижной точкой (в слабом смысле) некоторого двухместного предиката. Поэтому, хотя тезис Приста о неподвижной точке, безусловно, верен, неясно, какие следствия, касающиеся самореферентности как причины парадокса, мы можем из него извлечь. Предикат Ябло в этом отношении ничем не хуже всякого иного.

Изложенное не означает также, что аргумент Буэно и Коливана корректен. Как показывает Дж. Кетланд [4. Р. 297], множество предложений Ябло противоречиво, лишь если мы учитываем стандартные модели арифметики, но при этом оно имеет нестандартную модель (и значит, формально непротиворечиво). Таким образом, из $(\exists n > 0) \neg Ts(n)$ не следует $(\exists n \in \omega) \neg Ts(n)$, поскольку искомое число может оказаться нестандартным. Поэтому доказательство противоречия требует принятия принципа, называемого Кетландом единым гомогенным принципом Ябло. Последний сам по себе в парадоксе не содержится, однако должен быть предположен Буэно и Коливаном для вывода противоречия. В результате их рассуждение либо неверно, либо предполагает формализацию, связь которой с исходным парадоксом еще требуется прояснить. По крайней мере их попытку избежать подобной формализации можно признать недостаточной.

* * *

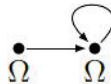
Оживленные дебаты нередко вызываются неясностью используемых понятий. В данном случае таким понятием является самореферентность. Р. Кук указывает на двусмысленность в определении самореферентности через неподвижную точку [3]. В другой работе он моделирует референцию с помощью отношения принадлежности [5. § 2.2]. Тогда предложения Ябло представляются следующими характеристическими множествами:

$$\begin{aligned}s_0 &= \{s_1, s_2, s_3, \dots\}, \\ s_1 &= \{s_2, s_3, s_4, \dots\}, \\ s_2 &= \{s_3, s_4, s_5, \dots\}, \\ &\dots\end{aligned}$$

Эта «система уравнений» имеет решение в теории нефундированных множеств [6]: все множества совпадают и равны $\Omega = \{\Omega\}$, что означает, что все уравнения Ябло совпадают с $s = \neg Ts$. Самореферентность и парадоксальность, таким образом, видны непосредственно. Проблема, однако, состоит в том, что существует несколько вариантов теории нефундированных множеств, различающихся тем, какие из множеств считаются в них равными. В отличие от теорий типа Цермело–Френкеля здесь недостаточно одного только принципа экстенциональности. Например, если представлять множества в виде направленных графов, ребра которых изображают отношение принадлежности, то Ω можно изобразить как

Но точно так же его можно представить как

или даже

Мы можем считать, что эти графы изображают одно и то же множество. Тогда бесконечная цепь принадлежности («референции») последнего графа будет эквивалентна принадлежности самому себе первого графа. Но мы можем так и не считать, и тогда эта цепь не будет эквивалентна самореферентному множеству (см. подробнее указанную книгу Кука: [5]). Для парадокса Ябло это различие соответствует тому, будем ли мы считать предложения «Все следующие пропозиции ложны» одним и тем же или разными в зависимости от места, на котором они стоят в последовательности. Это вопрос нашего решения.

Приведенные соображения не имеют, конечно, целью разрешить вопрос самореферентности. Они, скорее, указывают, что он связан не столько с проблемой, которую необходимо разрешить, сколько с решением, которое требуется принять.

Литература

1. Priest G. Yablo's paradox // *Analysis*. 1997. Vol. 57, № 4. P. 236–242. DOI: 10.1111/1467-8284.00081

2. Bueno O., Colyvan M. Paradox without satisfaction // *Analysis*. 2003. Vol. 63, № 2. P. 152–156. DOI: 10.1111/1467-8284.00026
3. Cook R.T. There Are Non-Circular Paradoxes (but Yablo's Isn't One of Them!) // *The Monist*. 2006. Vol. 89, № 1. P. 118–149.
4. Ketland J. Yablo's Paradox and ω -Inconsistency // *Synthese*. Dordrecht, 2005. Vol. 145, № 3. P. 295–302. DOI: 10.1007/s11229-005-6201-6
5. Cook R.T. *The Yablo Paradox : an Essay on Circularity*. Oxford : OUP, 2014. 208 p.
6. Aczel P. *Non-well-founded sets / with a forew. by J. Barwise*. Stanford, CA : Stanford University, Center for the Study of Language, Information, 1988. xx, 137. (CSLI Lecture Notes; 14).

Oleg A. Domanov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: domanov@philosophy.nsc.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 245–248.

DOI: 10.17223/1998863X/50/21

ON THE SELF-REFERENCE OF YABLO'S PARADOX

Keywords: Yablo's paradox; self-reference; non-well-founded sets.

Evgeny Borisov's argument against Bueno and Colyvan is not correct. At the same time, their approach is not free of problems as well, as Jeffrey Ketland demonstrated. The arguments Borisov discusses along with approaches based on the theory of non-well-founded sets show that one of the principal problems in the debate on Yablo's paradox consists in the obscurity of the concept of self-reference.

References

1. Priest, G. (1997) Yablo's paradox. *Analysis*. 57(4). pp. 236–242. DOI: 10.1111/1467-8284.00081
2. Bueno, O. & Colyvan, M. (2003) Paradox without Satisfaction. *Analysis*. 63(2). pp. 152–156. DOI: 10.1111/1467-8284.00026
3. Cook, R.T. (2006) There Are Non-circular Paradoxes (But Yablo's Isn't One of Them!). *The Monist*. 89(1). pp. 118–149. DOI: 10.5840/monist200689137
4. Ketland, J. (2005) Yablo's Paradox and ω -Inconsistency. *Synthese*. 145(3). pp. 295–302. DOI: 10.1007/s11229-005-6201-6
5. Cook, R.T. (2014) *The Yablo Paradox. An Essay on Circularity*. Oxford: OUP.
6. Aczel, P. (1988) *Non-well-founded sets*. Stanford, CA: Stanford University, Center for the Study of Language, Information.

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/50/22

В.А. Ладов

ЛЖЕЦ БЕЗ АВТОРЕФЕРЕНТНОСТИ¹

Обсуждается понятие парадокса. Проводится различие между строгим парадоксом и нестрогим парадоксом. Автор формулирует нестрогий финитный «яблообразный» парадокс Лжеца. Данный парадокс не является автореферентным, поскольку ни одно предложение в его формулировке не ссылается на самое себя. Результат исследования может быть рассмотрен в качестве критического аргумента по отношению к классическому способу решения парадоксов, предполагающему запрет на автореферентность.

Ключевые слова: парадокс, противоречие, автореферентность, истина, Лжец, Ябло, Прист, Буэно, Коливан, Борисов.

Понятие парадокса не является однозначно определенным, по крайней мере если отталкиваться от истории вопроса.

Так, например, А. Андерсон в своем исследовании по истории парадокса Лжеца приводит стихи 12–13 Главы 1 из Послания к Титу апостола Павла:

ἐἴπερ τις ἐξ αὐτῶν ἴδιος αὐτῶν προφήτης
Κρῆτες ἀεὶ ψεύσται, κακὰ θηρία, γαστέρες
ἀργαί. ἡ μαρτυρία αὕτη ἐστὶν ἀληθής [1. Р 1].

Он рассматривает этот фрагмент как одну из наиболее древних формулировок данного семантического парадокса. В Синодальном переводе Библии 1876 г. это место из Послания к Титу прочитывается следующим образом:

Из них же самих один стихотворец сказал:
«Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы
ленивые». Свидетельство это справедливо [2. С. 260].

Известно, что С. Крипке начинает свою знаменитую работу «Очерк теории истины» также с упоминания именно этого фрагмента из Послания к Титу [3. С. 151].

А. Андерсон далее замечает, что нельзя забывать и про Диогена Лаэртского, который связал суждение о том, что критяне всегда лгут, с критянином Эпименидом, жившем приблизительно в VII–VIII вв. до н.э., из чего мы можем предположить, что апостол Павел, говоря о критяnine-стихотворце, имеет в виду именно историю, связанную с критянином Эпименидом:

«Так или иначе, высказывание, что Критяне всегда лгут, было приписано Эпимениду, гражданину Фаэста (в соответствии с Диогеном Лаэртским, писавшем около тысячи лет после данного факта) и уроженному Кносса – столицы данного острова» [1. Р. 2].

У. Куайн, упоминая парадокс Лжеца, также говорит об Эпимениде:

«Критянин Эпименид говорит, что все критяне лгут; следовательно, его высказывание должно, в случае его истинности, быть ложным» [4. С. 191–192].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

Так вот, специфика всех этих классических формулировок Лжеца состоит в том, что они представляют собой не строгий, а ослабленный парадокс, своеобразный «парадокс-лайт», в котором противоречие не выводится с необходимостью из любой возможной посылки.

В самом деле, высказывание Эпименида «Все критяне лгут» при допущении его истинности с необходимостью ведет к утверждению его ложности. Но при допущении его ложности его истинность является только вероятной. Строгая форма Лжеца появилась, по сути, уже в современности, в частности в исследованиях А. Тарского [5. Р. 157–158].

Тем не менее классического Лжеца всегда называли и продолжают называть парадоксом. В таком ослабленном виде под парадоксом подразумевается ситуация, при которой противоречие *может* быть получено (но не необходимо) из двух противоположных посылок.

Размышляя над тем, как можно было бы защитить тезис О. Буэно и М. Коливана от критики Е.В. Борисова [6], я получил формулировку «яблообразного» Лжеца без автореферентности¹. Казалось бы, этот результат должен был опровергнуть Борисова, который настаивал на том, что в парадоксе Ябло все же имеется автореферентность. Но на самом деле это не так. Борисов, обсуждая исследования Ябло, имел в виду строгий парадокс, где противоречие должно следовать с необходимостью из любой возможной посылки. И по отношению к исследованию такого уровня защита О. Буэно и М. Коливана, которые пытались освободить парадокс Ябло от автореферентности, мне не удалась.

Однако в процессе этой работы я получил, как мне кажется, все же весьма интересный результат. Дело в том, что причиной нестрого классического Лжеца на протяжении всей современной истории исследования парадоксов (я имею в виду XX в.) считали автореферентность, так же как и причиной всех иных парадоксов. Я формулирую нестрого Лжеца, который однозначно не является автореферентным, т.е. ни одно предложение в формулировке такого парадокса не ссылается на самое себя.

Для С. Ябло [7] принципиально начинать свой список предложений, в котором фиксируется парадокс, с *любого* s_n . Это ведет к тому, что сам список должен быть открытым, бесконечным. Вторым важным условием открытости списка выступает тот факт, что каждое s из списка говорит только о последующих предложениях. Все это позволяет Ябло сделать парадоксальным каждое предложение в своем списке. Его список оказывается «массивно парадоксальным» [8. Р. 155].

Однако О. Буэно и М. Коливан не видят ничего проблематичного в том, чтобы начать список не с *любого* s_n , а с конкретного s_1 . Они пишут:

«Даже если бы ' s_1 ' было единственным парадоксальным предложением в списке Ябло, этого было бы достаточно, чтобы заключить, что парадокс Ябло (i) есть парадокс и (ii), что он не является циркулярным, или по крайней мере не является циркулярным в обсуждаемом здесь смысле (т.е. не требует фиксированной точки автореферентного вида)» [8. Р. 155].

¹ Я благодарю Е.В. Борисова за подробные критические комментарии к черновому варианту данной статьи, это позволило мне уточнить и переработать некоторые важные аспекты моего исследования.

Приняв вышеуказанное допущение, Буэно и Коливан выводят парадокс без автореферентности, который оказывается защищенным от аргумента Г. Приста [8]. Анализируя получение данного парадокса, Борисов высказывает сомнение по поводу s_i , которое возникает после фиксации противоречия на основании предположения истинности s_1 . У Буэно и Коливана это выглядит следующим образом:

$$Ts_1 \Rightarrow \forall k > 1, \neg Ts_k \Rightarrow \neg Ts_2$$

но $Ts_1 \Rightarrow \forall k > 1, \neg Ts_k \Rightarrow \forall k > 2, \neg Ts_k \Rightarrow Ts_2$.

Допущение Ts_1 порождает противоречие. Следовательно, $\neg Ts_1$. Значит, в списке Ябло, заключают Буэно и Коливан, имеется по крайней мере одно истинное предложение, его они и обозначают как s_i [Ibid. P. 155].

Буэно и Коливан настаивают на том, что i в s_i не является свободной переменной, а указывает именно на конкретное предложение, поэтому аргумент Приста не действует [Ibid]. Однако Борисов показывает, что i в s_i все-таки представляет собой свободную переменную, а значит s_i не может быть приписан предикат истины. Вместо предиката истины для s_i следует ввести отношение выполнимости, которое с использованием нотации Г. Приста [9. P. 237–238] в данном конкретном случае выглядело бы следующим образом:

$$S(i, s'), \text{ где } s' = (\forall k > i) \neg S(k, s').$$

И здесь, по мнению Борисова, вновь возникает явление автореферентности, поскольку предикат s' определяется через себя самого. Следовательно, делает вывод Борисов, Буэно и Коливан не способны защитить Ябло от Приста, и парадокс Ябло все-таки является автореферентным (Борисов переводит термин *self-referential* как «автореферентный», я в последние годы перевожу этот термин как «самореферентный», но, отвечая в своей реплике на статью Борисова, я буду пользоваться его переводом, чтобы сохранить единство терминологии).

Однако если действительно допустимо начать рассуждение не с любого s_n , а с конкретного s_1 , то открывается возможность переформулировки парадокса Ябло из бесконечного в конечный парадокс. Я полагаю, что такая переформулировка может выступить основанием еще одного варианта парадокса без автореферентности, однако при условии, что парадокс здесь трактуется в расширенном смысле, а именно по типу нестрого классического парадокса Лжеца. Таким образом, уже на этом шаге я не могу утверждать, что продолжаю линию аргументации Буэно и Коливана, поскольку они пытались сформулировать строгий неавтореферентный парадокс. Я могу лишь сказать, что исследование Буэно и Коливана стимулировало меня на создание своего варианта неавтореферентного парадокса.

Для формулировки финитного Ябло-списка понадобится выполнить два условия: 1) начать список с конкретного предложения s_1 ; 2) последнее предложение в списке сформулировать так, чтобы оно *не* говорило о каких-либо последующих предложениях.

Во-первых, попытаемся начать формулировку парадокса не с некоего произвольного s_n , а с вполне конкретного предложения s_1 :

$$(s_1) \forall k > 1, \neg Ts_k.$$

Во-вторых, можно взять для рассмотрения ряд таких предложений, где не каждое из них будет ссылаться на последующее. Важно, чтобы последнее, участвующее в рассмотрении предложение, говорило не о последующем

предложении, а о чем-то ином. Например, оно могло бы описывать некоторое фактическое положение дел, или, для надежности рассуждения, лучше взять какое-либо аналитически ложное предложение, например предложение о неравенстве предмета самому себе:

$$x \neq x.$$

Так можно попытаться разорвать бесконечную цепь предложений и сделать рассуждение конечным. Далее я сформулирую нестрогое «яблообразного» Лжеца без автореферентности.

Возьмем конечную последовательность предложений:

$$(s_1) \forall k > 1, \neg Ts_k; (s_2) \forall k > 2, \neg Ts_k; (s_3) \forall k > 3, \neg Ts_k; (s_4) x \neq x.$$

Теперь попытаемся получить противоречие как из Ts_1 , так и из $\neg Ts_1$.

Допустим, Ts_1 . В таком случае мы сможем построить список, содержащий противоречие:

$$Ts_1; \neg Ts_2; \neg Ts_3; \neg Ts_4.$$

В самом деле

$$Ts_1 \Rightarrow \forall k > 1, \neg Ts_k \Rightarrow \neg Ts_2 \Rightarrow \neg Ts_3 \Rightarrow \neg Ts_4,$$

но $\neg Ts_3 \Rightarrow Ts_2 \Rightarrow Ts_2 \& \neg Ts_2$ – противоречие.

Допустим, $\neg Ts_1$. В таком случае мы также сможем построить список, содержащий противоречие:

$$\neg Ts_1; Ts_2; \neg Ts_3; \neg Ts_4.$$

В самом деле

$$Ts_2 \Rightarrow \forall k > 2, \neg Ts_k \Rightarrow \neg Ts_3 \Rightarrow \neg Ts_4,$$

но $\neg Ts_4 \Rightarrow Ts_3 \Rightarrow Ts_3 \& \neg Ts_3$ – противоречие.

Таким образом, начиная рассуждение из двух противоположных посылок Ts_1 и $\neg Ts_1$ для конечной последовательности предложений

$$(s_1) \forall k > 1, \neg Ts_k; (s_2) \forall k > 2, \neg Ts_k; (s_3) \forall k > 3, \neg Ts_k; (s_4) x \neq x$$

я могу получить противоречие. Но в отличие от Буэно и Коливана для демонстрации этого факта я не использовал s_i , в котором i оказывалась, с позиции Борисова, свободной переменной и приводила к автореферентности. Я использовал только конкретные, строго определенные предложения.

Мой вариант парадокса не является автореферентным. К нему неприменим аргумент Приста, которым пользовался Борисов, чтобы опровергнуть Буэно и Коливана. Однако я снова должен повторить, что полученный мной парадокс не является строгим, а значит результат моего исследования нельзя трактовать ни как подтверждение аргументации Буэно и Коливана, ни как опровержение тезиса Борисова. Скорее, это параллельное исследование, итогом которого тем не менее является все же весьма любопытный результат: формулировка нестроого Лжеца без автореферентности.

Иерархический подход к решению парадоксов, восходящий к исследованиям Б. Рассела [10] и А. Тарского [5], предлагал полностью блокировать автореферентность, чтобы не допустить даже возможности появления противоречий в мышлении, поскольку именно автореферентность Рассел и Тарский считали причиной образования любых парадоксов, содержащих противоречия. Соответственно, при помощи иерархического подхода можно было решать не только строгие парадоксы, такие как теоретико-множественный парадокс Рассела, но и нестрогие парадоксы, такие как парадокс критянина Эпименида (классический Лжец), ибо, как предполагалось, запрет на автореферентность будет блокировать даже вероятное появление противоречий.

Сформулированный в моем исследовании нестрогий Лжец без автореферентности не может быть решен при помощи иерархического подхода Рассела–Тарского через установление запрета на автореферентность, поскольку ни одно предложение при формулировке данного парадокса не ссылается на самое себя.

Таким образом, результат моего исследования может быть представлен в качестве критического аргумента по отношению к классическому способу решения парадоксов, правомерность которого активно обсуждается в современной философии [11, 12].

Литература

1. *Anderson A.P.* St. Paul's Epistle to Titus // *The Paradox of the Liar*. New Haven ; London, 1970. P. 1–11.
2. *Библия*. Синодальный перевод. М., 1991. Перепечатано с изд. 1876 г.
3. *Крикун С.* Очерк теории истины // *Язык, истина, существование*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 151–183.
4. *Куайн У.* Заметки по теории референции // *С точки зрения логики*. М. : Канон+, 2010. С. 188–199.
5. *Tarski A.* The Concept of Truth in Formalized Languages // *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford : Oxford University Press, 1956. P. 152–278.
6. *Борисов Е.В.* Является ли парадокс Ябло автореферентным? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 50. С. 233–244. DOI: 10.17223/1998863X/50/20
7. *Yablo S.* Paradox without Self-reference // *Analysis*. 1993. Vol. 53. P. 251–252.
8. *Bueno O., Colivan M.* Paradox without Satisfaction // *Analysis*. 2003. Vol. 63 (2). P. 152–156.
9. *Priest G.* Yablo's Paradox // *Analysis*. 1997. Vol. 57 (4). P. 236–242.
10. *Рассел Б.* Математическая логика, основанная на теории типов // *Логика, онтология, язык*. Томск, 2006. С. 16–62.
11. *Нехаев А.В.* Истина об «истине» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45. С. 34–46. DOI: 10.17223/1998863X/45/4
12. *Нехаев А.В.* Машина Поста, самореференция и парадоксы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 46. С. 58–66. DOI: 10.17223/1998863X/46/7

Vsevolod A. Ladov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: ladov@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 249–254.
DOI: 10.17223/1998863X/50/22

THE LIAR PARADOX WITHOUT SELF-REFERENCE

Keywords: paradox; contradiction; self-reference; truth; Liar; Yablo; Priest; Bueno; Colyvan; Borisov.

The concept of paradox is discussed in the article. A distinction between a strict paradox and a non-strict paradox is made. The author formulates the non-strict finite liar paradox. This paradox is not self-referential, since no sentence in its formulation refers to itself. The result of the research can be considered as a critical argument in relation to the classical method of solving paradoxes which implies a ban on self-reference. A hierarchical approach to solving paradoxes going back to the studies of Bertrand Russell and Alfred Tarski suggested a complete blocking of self-reference in order to prevent the possibility of contradictions in thinking and in language. Russell and Tarski regarded self-reference as the reason for the formation of any paradoxes containing contradictions. Accordingly, using a hierarchical approach, it was possible to solve not only strict paradoxes such as the Russell paradox but also non-strict paradoxes such as the Epimenides (the classical liar) paradox because, as it was supposed, the prohibition on self reference would block even the likely appearance of contradictions. A non-strict liar without self-reference formulated in this article cannot be resolved with the help of

Russell's and Tarski's hierarchical approach by imposing a ban on self-reference since no sentence in this paradox refers to itself.

References

1. Anderson, A.P. (1970) St. Paul's Epistle to Titus. In: Martin, R.L. (ed.) *The Paradox of the Liar*. New Haven and London. pp. 1–11.
2. *The Bible*. (1991) Sinodal translation. Reprint of 1876.
3. Kripke, S.A. (2002) Oчерк теории истинности [Outline of the Theory of Truth]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Язык, истина, сущестовование* [Language, Truth and Existence]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 151–183.
4. Quine, W. (2010) *С точки зрения логики* [From a logical point of view]. Translated from English by V.A. Ladov, V. Surovtsev. Moscow: Logos. pp. 188–199.
5. Tarski, A. (1956) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 152–278.
6. Borisov, E.V. (2019) Is Paradox Yablo self-referential? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 233–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/20
7. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53(4). pp. 251–252. DOI: 10.2307/3328245
8. Bueno, O. & Colyvan, M. (2003) Paradox without Satisfaction. *Analysis*. 63(2). pp. 152–156. DOI: 10.1111/1467-8284.0002.
9. Priest, G. (1997) Yablo's paradox. *Analysis*. 57(4). pp. 236–242. DOI: 10.1111/1467-8284.00081
10. Russell, B. (2006) Matematicheskaya logika, osnovannaya na teorii tipov [Mathematical Logic as Based on the Theory of Types]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–62.
11. Nekhaev, A.V. (2018) The truth about “truth”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/4
12. Nekhaev, A.V. (2018) Post machine, self-reference and paradoxes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 46. pp. 58–66. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/46/7

УДК 161.25

DOI: 10.17223/1998863X/50/23

А.В. Нехаев

ПАРАДОКС ЯБЛО И CIRCULUS VITIOSUS: ЗАЧЕМ ЛГАТЬ О СЕБЕ САМОМ, КОГДА МОЖНО ЛГАТЬ ОБО ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ?¹

*Статья является критической репликой на исследование Евгения Борисова, в котором рассматриваются логическая структура и значение бесконечных семантических парадоксов (в частности, парадокса Ябло). Согласно его взглядам, строгая формализация бесконечной последовательности предложений Ябло требует использования содержащих циркулярность дескрипций. Однако наличие таких дескрипций не является надежным свидетельством циркулярности самого этого парадокса. Альтернативой таким скептическим взглядам может стать дилеммический аргумент, согласно которому парадокс Ябло либо содержит в себе *circulus vitiosus*, либо не является примером подлинного семантического парадокса.*

Ключевые слова: семантический парадокс, парадокс Ябло, парадокс Лжеца, циркулярность, самореференция

E pur si rotondo!

Галилео Галилей [парафраз]

1. Циркулярность = парадоксальность?

Семантические парадоксы принято связывать с присутствием *circulus vitiosus* [1. Р. 32; 2. С. 11–12; 3. С. 107–108]. Но в 1993 г. Стивен Ябло предложил новый семантический парадокс [4]:

(Y₁): Y_{n>1} не являются истинными.

(Y₂): Y_{n>2} не являются истинными.

(Y₃): Y_{n>3} не являются истинными.

...

Оригинальная форма парадокса Ябло привлекла к себе внимание и стала эпицентром логико-философских дискуссий. Отдельные линии этих дискуссий (полемика Приста–Ябло–Буэно–Коливана, полемика Соренсена–Билла–Буэно–Коливана, полемика Приста–Кетланда–Кука), суммируемые в трех компактных вопросах-дилеммах:

(i) Существуют ли, помимо универсальных (атрибутивных) дескрипций, какие-либо иные средства фиксации бесконечной последовательности предложений Y_ω (по крайней мере для таких конечных существ, как мы)?

(ii) Содержит ли любая такая универсальная (атрибутивная) дескрипция циркулярность?

(iii) Является ли структура, сгенерированная при помощи циркулярных дескрипций, циркулярной?

– сплетаются воедино в одном основном:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

(iv) Является ли бесконечная последовательность предложений Y_ω примером логической структуры, которая содержит в себе циркулярность?

В хитросплетениях этих дискуссий и пытается разобраться в своем исследовании Евгений Борисов.

2. Ябло × (Прист + Борисов) = циркулярность

В 1997 г. Грэхам Прист высказал сомнение в том, что парадокс Ябло не содержит в себе никаких циркулярных структур. Аргумент Приста (П) основан на требовании единообразной репрезентации содержания предложений парадокса Ябло, что можно сделать только при помощи предиката выполнимости в форме $Y(n, s^*) \rightarrow \forall k > n, \sim T(Y_k)$, где s^* является таким предикатом, что ‘ни одно число больше x не выполняет этот предикат’, или $s^* = \forall k > n, \sim Y(k, s^*)$ [5. Р. 237–238]. Использование предиката s^* создает фиксированную точку вида $Y_n = \ulcorner s^*(n) \urcorner$ для любого числа n . Проще говоря, функция $Y(n)$ применительно к любому числу n позволяет генерировать предложения парадокса Ябло, заявляющие о том, что все предложения, полученные путем применения *самой этой* функции к последующим числам, являются ложными: $\forall n(Y(n) \leftrightarrow \forall k(k > n \rightarrow \sim s^*(\ulcorner Y(n) \urcorner, k)))$ [5. Р. 240; также см.: 6. Р. 180].

Борисов принимает требования (П) и основывает на нем свой собственный формальный аргумент (Б1), согласно которому вопрос (ii) требует положительного ответа, тем самым *косвенно* признавая, что нам (как конечным существам) на вопрос (i) следовало бы давать отрицательный ответ.

На первый взгляд кажется, что нам нечего противопоставить аргументам (П) и (Б1). Однако в 2006 г. Рой Кук выдвинул возражение [7. Р. 133–139; 8. Р. 771–772], которое показывает, как можно избавиться от *любых* циркулярных структур, генерируя отдельные предложения парадокса Ябло путем замены квантифицированной дескрипции бесконечной конъюнкцией. Аргумент (К1) основан на последовательности предложений $S = \{Y_1, Y_2, Y_3, \dots\}$, в которой для предложений формы $Y_n \in S$ задана функция денотации $\delta(Y_n) = \bigwedge_{k>n} (\sim Y_k)$. Предложение Y_n этой последовательности S можно выразить с помощью бесконечной конъюнкции $\delta(Y_n) = (\sim Y_{n+1}) \wedge (\sim Y_{n+2}) \wedge (\sim Y_{n+3}) \wedge \dots \wedge (\sim Y_{n+m}) \wedge \dots$ ¹. Оно являлось бы фиксированной точкой относительно $\langle \{Y_n\}_{n \in \omega}, \delta \rangle$, если можно было бы показать, что такое предложение эквивалентно некоторому другому предложению Y_k , включающему в себя термин $\ulcorner Y_n \urcorner$. Однако для функции $\delta(Y_n) = \bigwedge \{(\sim Y_m) : m \in \omega, m > n\}$, не существует никакого $k \in \omega$, которое превращало бы $\delta(Y_k)$ в фиксированную точку для $\langle \{Y_n\}_{n \in \omega}, \delta \rangle$ [7. Р. 139–142; 9. Р. 123–127]. Существование фиксированных точек в действительности есть только *testimonium paupertatis* выразительных средств нашего языка, – признание, что циркулярные структуры являются самым простым и доступным способом репрезентации парадокса Ябло в формальном языке (например, стандартном языке арифметики с предикатом истины), который функционально оказывается слишком слаб, чтобы поддерживать бесконечные логические конструкции.

¹ Используемый Куком для генерирования предложений парадокса Ябло язык *SLIT* не содержит свободных переменных или кванторов [7. Р. 133–135, 140; 9. Р. 123], что блокирует действие формальных аргументов (П) и (Б1).

3. (Соренсен–Билл) × Борисов ≠ циркулярность

Слабость существующих формальных языков и бедность предлагаемых ими выразительных средств стала поводом для появления различных металингвистических аргументов, которые способны поддерживать наши базовые логические интуиции в исследованиях парадокса Ябло.

В 1998 г. Рой Соренсен заметил, что аргумент (П) основан на неформальной интуиции: всякое конечное существо не может иметь никаких иных средств для репрезентации парадокса Ябло, кроме универсальных (атрибутивных) дескрипций [10. Р. 144–149]. Она косвенно подталкивает к положительному ответу на вопросы (iii) и (iv). Однако такие ответы были бы ошибочными. И основная проблема здесь даже не в том, что *все* предложения парадокса Ябло нельзя *записать*, а можно только их *описать*, но в том, что мы можем *знать* о существовании такого парадокса, не прибегая к помощи дескрипций [Ibid. Р. 146]. Специфические свойства используемых нами формальных (технических) описаний не наследуются самими объектами таких описаний¹ (ср. с этим: [7. Р. 125]). Поэтому ответы на вопросы (iii) и (iv) должны быть отрицательными. Аргумент Соренсена тем самым основан на иной интуиции: (С) бесконечные последовательности предложений наподобие парадокса Ябло *могут быть даны демонстративно* [10. Р. 145].

В 2001 г. Джейси Билл выступает с критикой аргумента (С) и предлагает новые резоны в пользу интуиции, поддерживающей основания аргумента (П). Он согласен, что есть только два способа фиксировать отношения референции между термином и его денотатом – демонстрация и (атрибутивная) дескрипция [6. Р. 179]. Поскольку конечным существам актуальная бесконечность *не может быть дана демонстративно*² [Ibid. Р. 180], (Бл1) мы не можем знать, как именно без помощи дескрипций парадокс Ябло мог бы быть представлен в стандартном языке арифметики. Аргумент (П) показывает, что любая такая дескрипция содержит циркулярные структуры, а значит – (Бл2) всякая сущность, генерируемая при помощи подобных конструкций, сама является циркулярной. Поэтому положительного ответа на вопрос (iii) вполне достаточно, чтобы дать такой же ответ и на вопрос (iv) [Ibid. Р. 186].

Борисов разделяет требования (Бл1), однако, не готов принять (Бл2). На таком решении он основывает собственный *скептический* аргумент (Б2), согласно которому вопрос (iii) не имеет для нас (как конечных существ) какого-либо разумного однозначного решения (т.е. никто не может знать достоверно о том, должна ли структура, конструируемая при помощи циркулярных дескрипций, обязательно быть циркулярной).

Несмотря на различия, аргументы (Бл1) и (Б2) сталкиваются с одними и теми же критическими возражениями. В 2003 г. их высказали Отавио Буэно и Марк Коливан. Они немного модифицируют вопрос (i), предлагая подумать: достаточно ли нам одних лишь универсальных (атрибутивных) дескрипций, чтобы сконструировать ‘парадокс Ябло’? Ответ на него должен быть отрицательным [11. Р. 406–407]. Чтобы в этом убедиться, следует повнимательнее

¹ «Архитектура дескрипции не формирует структуру того, что она описывает...», – так Соренсен лаконично (и не без иронии) суммирует свой собственный аргумент [10. Р. 148].

² Билл недвусмысленно заявляет об этом: «...мы не представляем ‘парадокс Ябло’ посредством демонстрации» [6. Р. 179].

присмотреться к тому, как генерируется множество натуральных чисел N . Поскольку *все* натуральные числа ни одно конечное существо не способно записать, кажется, что ссылаться на их множество следует только с помощью дескрипции. Минимальная форма такой дескрипции может быть представлена двумя выражениями: (1) $0 \in N$ и (2) $x \in N \rightarrow Sx \in N$. Выражение (2) действительно служит примером универсальной (атрибутивной) дескрипции. Однако выражение (1) таковым не является, – оно всегда задается нами *демонстративно*: мы просто выбираем нулевой объект для ряда натуральных чисел и говорим, что *это* и есть натуральное число. Метод генерации ряда натуральных чисел обязательно включает в себя демонстрации. Токены предложений парадокса Ябло $\{Y_n\}$, $\{Y_{n+1}\}$, $\{Y_{n+3}\}$ имеют важное сходство с натуральными числами: демонстрация начального токена $\{Y_0\}$ бесконечной последовательности Y_ω показывает, что генерирование каждого нового токена – $\{Y_1\}$, $\{Y_2\}$, $\{Y_3\}$, ... – есть лишь аналог метода генерации следующего натурального числа [11. Р. 405]. Аргумент Буэно и Коливана показывает, что (БК1) существуют нециркулярные структуры (наподобие множества N), которые генерируются с помощью циркулярных дескрипций, и что (БК2) парадокс Ябло служит примером таких структур¹. Поэтому ответы на вопросы (iii) и (iv) следует давать отрицательные [11. Р. 408] (ср. с этим также: [7. Р. 131]).

4. Борисов \times (Кук + Кетланд) = = [циркулярность \vee парадоксальность]!

Существование бесконечных последовательностей предложений, наподобие парадокса Ябло, по мнению Борисова, ведет нас прямоком в очевидный скептический тупик. Однако я уверен, что здесь есть место и для позитивных аналитических стратегий.

Во-первых, присутствие *circulus vitiosus* в парадоксе Ябло можно показать и иным образом – без применения содержащих в себе циркулярность дескрипций. Для этого можно воспользоваться предложенным Куком принципом ‘раскручивания’ [unwinding] конечной циркулярной последовательности в бесконечное (маскирующее циркулярность) множество [8. Р. 770–771]. Аргумент Кука (К3) показывает, что всякий конечный парадокс, включающий в себя циркулярные структуры, имеет бесконечного ‘двойника’ [Ibid. Р. 771–772] (также см.: [12. Р. 735–736; 13. Р. 829]). Такой аргумент позволяет показать, что конечный ‘кортеж’ предложений парадокса Ябло $\{Y_{n+1}, Y_{n+2}, Y_{n+3}\}$, скрывающий в себе рекурсивные определения [14. С. 60–62], можно ‘раскрутить’ в маскирующую циркулярность ω -последовательность (рис. 1) (ср. с этим: [12. Р. 744–745]). И если это так, мы имеем веские причины полагать, что парадокс Ябло всего лишь оригинальный пример *circulus vitiosus*.

Во-вторых, бесконечная последовательность предложений Y_ω может быть строго формализована и без использования предиката истины (или вы-

¹ Аргумент (БК2) может быть также подкреплен формальным аргументом Кука (К2), согласно которому, *любой* произвольный предикат $\Phi(x)$ (и по аналогии – *любое* предложение) является слабой фиксированной точкой относительно некоторого двухместного предиката $\Psi(x, y)$ [7. Р. 128; 9. Р. 87–89]. Как саркастично замечает сам Кук, «это – просто математический факт» [7. Р. 128], – и с нашей стороны было бы абсурдно придавать ему такое *особое* металингвистическое значение.

полнимо́сти). Для этого достаточно пропозициональной логики и счетного множества имен таких предложений – y_1, y_2, \dots , для которого принимается аксиома $A_n =_{\text{def}} y_n \leftrightarrow \bigwedge \{ \sim y_k : k > n \}$. Подобный аргумент (Кт) предлагается Джеффри Кетландом [15. Р. 301–302] (также см.: [16]) и показывает, что Y_ω является не подлинным семантическим парадоксом, а, скорее, – ω -парадоксом [15. Р. 296–297; 17. Р. 165, 170] (также см.: [7. Р. 145; 9. Р. 129; 14. С. 64]).

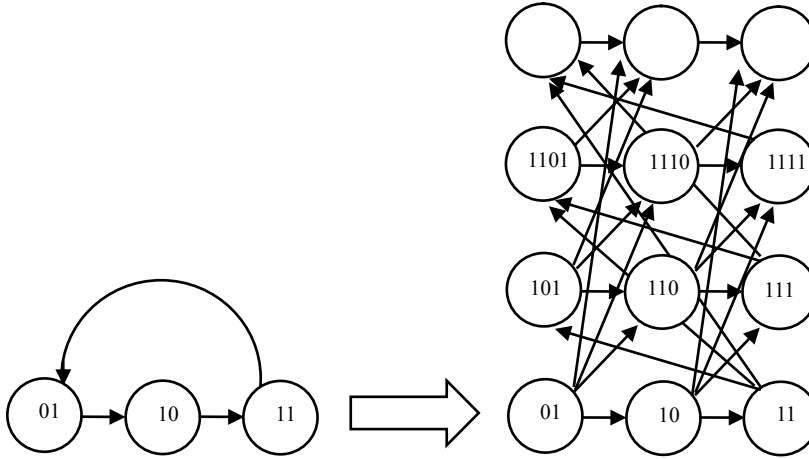

Рис. 1. ‘Раскручивание’ конечной циркулярной последовательности в ω -последовательность

Слабость аргументов Борисова – формального (Б1) и скептического (Б2), таким образом, состоит в косвенном отказе от поисков ответа на вопрос (iv). Поэтому нам, скорее, следует принять дилеммический аргумент (Н): бесконечная последовательность предложений Y_ω либо содержит в себе *circulus vitiosus*, либо не является примером подлинного семантического парадокса¹. А значит, ответ на вопрос (iv) нами может быть найден.

Литература

1. Priest G. The Structure of the Paradoxes of Self-Reference // *Mind*. 1994. Vol. 103, № 409. P. 25–34.
2. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 10–24. DOI: 10.17223/1998863X/44/2
3. Ладов В.А. Б. Рассел и Ф. Рамсей о проблеме парадоксов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 43. С. 101–110. DOI: 10.17223/1998863X/43/9
4. Yablo S. Paradox without Self-Reference // *Analysis*. 1993. Vol. 53, № 4. P. 251–252.
5. Priest G. Yablo’s Paradox // *Analysis*. 1997. Vol. 57, № 4. P. 236–242.
6. Beall Jc. Is Yablo’s paradox non-circular? // *Analysis*. 2001. Vol. 61, № 3. P. 176–187.
7. Cook R.T. There Are Non-Circular Paradoxes (But Yablo’s Isn’t One of Them!) // *The Monist*. 2006. Vol. 89, № 1. P. 118–149.
8. Cook R.T. Patterns of Paradox // *Journal of Symbolic Logic*. 2004. Vol. 69, № 3. P. 767–774.
9. Cook R.T. The Yablo Paradox. An Essay on Circularity. Oxford : Oxford University Press, 2014.

¹ Различие наших взглядов на парадокс Ябло можно выразить и более наглядным образом, если рассматривать их как своеобразные уравнения отдельных аргументов. Позиция Борисова следующая: (Б1) + (Б2) = (П) + (Бл1). Моя же позиция иная: (Н) = (К1) + (БК1) + (К2) + (Кт).

10. Rabern L., Rabern B., Macauley M. Dangerous Reference Graphs and Semantic Paradoxes // *Journal of Philosophical Logic*. 2012. Vol. 42, № 5. P. 727–765.
11. Sorensen R.A. Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars // *Mind*. 1998. Vol. 107, № 425. P. 137–155.
12. Bueno O., Colyvan M. Yablo's Paradox and Referring to Infinite Objects // *Australasian Journal of Philosophy*. 2003. Vol. 81, № 3. P. 402–412.
13. Leach-Krouse G. Yablifying the Rosser Sentence // *Journal of Philosophical Logic*. 2013. Vol. 43, № 5. P. 827–834.
14. Hexaev A. B. Машина Поста, самореференция и парадоксы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 46. С. 58–66. DOI: 10.17223/1998863X/46/7
15. Ketland J. Yablo's Paradox and ω -Inconsistency // *Synthese*. 2005. Vol. 145, № 3. P. 295–302.
16. Forster T. The Significance of Yablo's Paradox without Self-Reference. URL: <http://www.dpmms.cam.ac.uk/~tf/yablo.ps> (accessed: 18.04.2019).
17. Ketland J. Bueno and Colyvan on Yablo's Paradox // *Analysis*. 2004. Vol. 64, № 2. P. 165–172.

Andrei V. Nekhaev, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: A_V_Nekhaev@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 255–261.

DOI: 10.17223/1998863X/50/23

YABLO'S PARADOX AND CIRCULUS VITIOSUS: WHY LIE ABOUT YOURSELF WHEN YOU CAN LIE ABOUT EVERYONE ELSE?

Keywords: semantic paradox; Yablo's paradox; liar paradox; circularity; self-reference.

The article is a critical essay of Evgeny Borisov's research, which examines the logical structure and meaning of infinite semantic paradoxes (in particular, Yablo's paradox). According to his view, the strict formalization of the infinite sequence of sentences in Yablo's paradox requires self-referential circularity descriptions. This view is based on Priest's argument that a uniform representation of the content for Yablo's paradoxical sentences can only be given by means of the two-place predicate of satisfaction. But it guarantees the existence of a fixed point for each sentence of Yablo's paradox. Thus, we need to agree that Yablo's paradox does involve circularity of a self-referential kind. However, Borisov believes that Priest's argument is not sufficient for such a conclusion. His disagreement with Priest's conclusion is based on the consideration of Sorensen's and Beall's meta-language arguments. According to Sorensen, the specific properties of our formal (technical) descriptions are not inherited by the objects of such descriptions. On the contrary, Beall states that finite beings such as ourselves can know nothing about the actual infinity by demonstration. We cannot know how Yablo's paradox could be represented in an arithmetic language without the help of descriptions. Priest's argument shows that any such description is circular. It means that any entity generated by self-referential circularity description is itself circular. Comparing Sorensen's and Beall's arguments, Borisov states his own skeptical argument. He claims that the need to use circular descriptions is not a reliable evidence of the circularity of Yablo's paradox. An alternative to Borisov's skeptical views is the dilemmic argument that Yablo's paradox either does involve circularity of a self-referential kind or is not an example of a genuine semantic paradox. This view is based on the arguments of Cook and Ketland. According to Cook, we can unwind any finite semantic paradox to an infinite structure. Unwinding is a paradoxicality-preserving operation for replacing a sentence which says of itself with an infinite sequence of sentences which say of their successors. It shows that Yablo's paradox is just an original example of circulus vitiosus. Ketland claims that Yablo's paradox can be strictly formalized as an infinite conjunction of sentence tokens without using the predicate of truth (or satisfaction). It allows showing that Yablo's infinite sequence is not a genuine semantic paradox, but rather a ω -paradox.

References

1. Priest, G. (1994) The Structure of the Paradoxes of Self-Reference. *Mind*. 103(409). pp. 25–34. DOI: 10.1093/mind/103.409.25

2. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 10–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
3. Ladov, V.A. (2018) Russell and Ramsey on the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 101–110. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/9
4. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53(4). pp. 251–252. DOI: 10.2307/3328245
5. Priest, G. (1997) Yablo's paradox. *Analysis*. 57(4). pp. 236–242. DOI: 10.1111/1467-8284.00081
6. Beall, J.C. (2001) Is Yablo's Paradox Non-Circular? *Analysis*. 61(3). pp. 176–187. DOI: 10.1111/1467-8284.00292
7. Cook, R.T. (2006) There Are Non-circular Paradoxes (But Yablo's Isn't One of Them!). *The Monist*. 89(1). pp. 118–149. DOI: 10.5840/monist200689137
8. Cook, R.T. (2004) Patterns of Paradox. *Journal of Symbolic Logic*. 69(3). pp. 767–774. DOI: 10.2178/jsl/1096901765
9. Cook, R.T. (2014) *The Yablo Paradox. An Essay on Circularity*. Oxford: Oxford University Press.
10. Rabern, L., Rabern, B. & Macauley, M. (2012) Dangerous Reference Graphs and Semantic Paradoxes. *Journal of Philosophical Logic*. 42(5). pp. 727–765. DOI: 10.1007/s10992-012-9246-2
11. Sorensen, R.A. (1998) Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars. *Mind*. 107(425). pp. 137–155.
12. Bueno, O. & Colyvan, M. (2003) Yablo's Paradox and Referring to Infinite Objects. *Australasian Journal of Philosophy*. 81(3). pp. 402–412. DOI: 10.1080/713659707
13. Leach-Krouse, G. (2013) Yablifying the Rosser Sentence. *Journal of Philosophical Logic*. 43(5). pp. 827–834. DOI: 10.1007/s10992-013-9291-5
14. Nekhaev, A.V. (2018) Post machine, self-reference and paradoxes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 46. pp. 58–66. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/46/7
15. Ketland, J. (2005) Yablo's Paradox and ω -Inconsistency. *Synthese*. 145(3). pp. 295–302. DOI: 10.1007/s11229-005-6201-6
16. Forster, T. (1996) *The Significance of Yablo's Paradox without Self-Reference*. [Online] Available from: <http://www.dpmms.cam.ac.uk/~tf/yablo.ps> (Accessed: 18th April 2019)
17. Ketland, J. (2004) Bueno and Colyvan on Yablo's Paradox. *Analysis*. 64(2). pp. 165–172. DOI: 10.1111/j.1467-8284.2004.00479.x

УДК 164.07

DOI: 10.17223/1998863X/50/24

В.А. Суровцев

ПАРАДОКС С. ЯБЛО, АВТОРЕФЕРЕНТНОСТЬ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ИНДУКЦИЯ¹

Рассматриваются аргументы Е.В. Борисова против того, что парадокс С. Ябло не автореферентен. В качестве альтернативы критикуемого им подхода предлагается интерпретация, основанная на методе математической индукции. Метод математической индукции не является конструктивным. Предполагается, что формулировка логических парадоксов без автореферентности возможна, но при применении неконструктивных методов.

Ключевые слова: парадокс С. Ябло, автореферентность, математическая индукция, неконструктивные методы.

Данный текст является репликой на статью Е.В. Борисова, опубликованную в этом же номере журнала [1. С. 233–244]. В своей статье Е.В. Борисов анализирует претензию С. Ябло [2] на то, что его парадокс отличается от других логических парадоксов² отсутствием автореферентности, которая, как считалось уже Б. Расселом [6], лежит в основании всех видов логических парадоксов. Тезис об отсутствии автореферентности в парадоксе Ябло оказался дискуссионным. В частности, одним из первых против претензии Ябло высказался С. Прист [7], который считал, что ошибка кроется в самой формулировке парадокса. Ряд авторов высказались в пользу претензии Ябло. Анализируя аргументы за и против некоторых участников этой дискуссии, Е.В. Борисов отстаивает два тезиса: «1) в формальном аспекте парадокс Ябло является автореферентным; 2) при этом существуют неформальные аргументы, показывающие, что вопрос об автореферентности или неавтореферентности данного парадокса не имеет определенного ответа» [1. С. 233]. В своей реплике я рассмотрю некоторые аргументы Е.В. Борисова и предложу интерпретацию парадокса Ябло, основанную на методе математической индукции³.

В формулировке парадокса Ябло, как он представлен в статье Борисова [1. С. 234], самым важным является переход от $\sim Ts_n$ к $(\forall k) \sim Ts_k$ на основании того, что n было взято произвольно. Насколько такой переход допустим? Сам по себе переход подобного рода применяется в логике предикатов, где имеет вполне почетный статус и название «правило генерализации», и в общем виде представим следующим образом:

(Gen) $A(t) \vdash \forall x A(x)$,

где « \vdash » – знак логического следования, $A(t)$ – открытое предложение, а терм t взят в интерпретации всеобщности (другими словами, абсолютно произвольно), т.е. не зависит ни от каких условий, кроме A . Поскольку в приведенной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

² О типологии парадоксов и о месте в этой типологии парадокса Ябло см. [3–5].

³ Выражаю признательность Е.В. Борисову за обсуждение первоначальной версии данного текста. Представленный здесь результат во многом обязан его конструктивным замечаниям.

формулировке парадокса Ябло n берется в интерпретации всеобщности, т.е. он произволен, казалось бы, правило (Gen) применимо и в подобных случаях. Если бы не одно обескураживающее возражение. Применение правила (Gen) к $\sim Ts_n$ не имеет смысла, поскольку выражения типа Ts_n или $\sim Ts_n$ попросту неправильно построены. Дело в том, что s_n является открытым предложением, поскольку n является переменной, а к открытым предложениям предикат истинности неприменим. Предикат истинности применяется только к закрытым предложениям.

Именно этой дорогой идет С. Прист в [7]. Поскольку s_n является открытым предложением, то речь, как показано в статье Е.В. Борисова, должна идти не о предикате истинности. К открытым предложениям должен применяться более общий предикат выполнимости, поэтому «допущение, что s_n истинно, следует заменить допущением, что число n выполняет предикат s^* » [1. С. 235]. Замена *mutatis mutandis* предиката истинности на предикат выполнимости при формулировке парадокса Ябло показывает, что парадокс содержит автореферентность. Таким образом, претензия Ябло является необоснованной, а «отсутствие автореферентности в парадоксе Ябло – это не более чем видимость, порожденная некорректным использованием предиката истинности (T) вместо предиката выполнения (S). Устранение этой ошибки делает автореферентный характер парадокса очевидным» [Там же. С. 236].

Из сложившейся ситуации для того, чтобы все-таки обосновать возможность неавтореферентного прочтения парадокса Ябло или какой-то его модификации, есть два возможных выхода. Первый выход представляется наиболее естественным. Поскольку предикат истинности действительно не применяется к открытым предложениям, можно попытаться сконструировать такую версию парадокса Ябло, которая использовала бы предикат выполнимости, но была бы неавтореферентной. Другими словами, в ряду предложений Ябло вместо истинности применяем выполнимость, но ряд строим таким образом, чтобы не возникала автореферентность. Этим путем идет сам С. Ябло, предлагая конструировать не ряд единообразно построенных предложений, но ряд, который был бы не регулярен, а состоял из попарно различных предложений [8]. Однако, как убедительно показывает Е.В. Борисов, подобный ряд нерегулярных предложений при соответствующей реконструкции формулировки парадокса все равно основан на автореферентности. Но вот чего не показывает Е.В. Борисов, так это того, что неавтореферентная формулировка парадокса Ябло в терминах выполнимости невозможна в принципе. Могут быть другие, пока не найденные, формулировки. Это в некоторой степени умаляет первый из тезисов Е.В. Борисова.

Второй, менее очевидный выход из сложившейся ситуации, заключается в том, чтобы сохранить предикат истинности, модифицировав при этом изначальную формулировку парадокса Ябло так, чтобы в ней в качестве свободной, пусть и взятой произвольно, не фигурировала переменная n . Ясно, что этот подход должен быть основан на ином, чем изначально, понимании обобщения. Такой подход представляется мне более интересным, чем предыдущий, в нескольких отношениях. Во-первых, он возвращает нас к изначальной формулировке парадокса Ябло в терминах истинности. Во-вторых, демонстрируя саму возможность парадоксов, не основанных на автореферентности и использующих предикат истинности, он позволяет минимизиро-

вать количество разнообразных конструкций парадокса в терминах выполнимости, раз уж соответствующая попытка Ябло оказалась неудачной. Наконец, он позволяет ограничиться модификацией только первой части парадокса, т.е. выводом $(\forall k) \sim Ts_k$, так как вторая его часть основывается на первой.

Этот второй подход представлен, например, в работе Буэно и Коливана [9]. Метод переформулировки парадокса Ябло, предложенный Буэно и Коливаном, также анализируется в статье Е.В. Борисова и, как представляется ему, является ошибочным. Но ошибочным не потому, что здесь также присутствует автореферентность в скрытом виде, как в предыдущем случае с предикатом выполнимости, но потому, что он воспроизводит изначальную ошибку парадокса Ябло, где предикат истинности неправомерно применяется к открытым предложениям.

В экспозиции Е.В. Борисовым парадокса Ябло в форме Буэно–Коливана [1. С. 237] ключевой является одна фраза, а именно «...(ошибочно) полагая...». На чем основывается эта фраза? Она основывается на том, что при выводе используется предложение s_i (где i считается не переменной, но константой для вполне определенного числа). Однако, как пытается показать Е.В. Борисов, используя предложенный им метод установления i с помощью функции $\min(X)$, областью определения которой являются подмножества множества натуральных чисел, а областью значения – сами натуральные числа, само i все-таки не может рассматриваться как константа, а следовательно, предложение s_i является открытым в той же мере, как и предложение s_n в изначальной формулировке парадокса Ябло. Следовательно, модификация парадокса Ябло в форме Буэно–Коливана столь же неправомерна, как и первоначальный парадокс Ябло в отношении применения правила (Gen), поскольку Ts_i здесь построено столь же неправильно, как и Ts_n там. В этом отношении Е.В. Борисов, вероятно, прав, что дедукция у Буэно и Коливана не завершена, поскольку они скрыто используют предложение вида $(\forall n) \sim Ts_n$.

Кроме того, если аргументация Е.В. Борисова верна, то против интерпретации Буэно–Коливана в качестве следствия появляется еще одно возражение и связанное с ним затруднение (Е.В. Борисов на него не указывает), которое вряд ли легко преодолимо при попытке модификации этой интерпретации, хоть в терминах истинности, хоть в терминах выполнимости. Ряд предложений Ябло в этом случае становится неоднородным, поскольку включает как закрытое s_0 , так и открытые s_i предложения. Соответственно, при формулировке предложений ряда некоторые из них следовало бы формулировать с использованием предиката истинности, а некоторые – с помощью предиката выполнимости, что вряд ли предполагалось изначальное. Ряд предложений Ябло в модификации Буэно и Коливана становится неоднородным, поскольку построен из предложений, принадлежащих к разным семантическим и синтаксическим категориям.

Однако, я полагаю, что подход Буэно и Коливана к парадоксу Ябло можно модифицировать, по-другому интерпретировав то, зачем в первой части парадокса понадобился вывод $\sim Ts_0$, какую роль играет Ts_i , и в каком смысле можно понимать, что « i – это не переменная, но константа для вполне определенного (хоть и неизвестного) числа», как говорит Е.В. Борисов в своей экспозиции [Там же. С. 236].

Представляется, что вывод о наличии свойства неистинности у всех членов ряда предложений Ябло можно обосновать с помощью принципа математической индукции. При этом вывод будет основываться не на установлении свойства неистинности у тех или иных членов ряда предложений Ябло, а на доказательстве того, что свойство неистинности является наследуемым в соответствующем индуктивном ряду. Речь, таким образом, будет идти не об элементах ряда, а о наследуемости свойства, которое принадлежит всем элементам данного ряда.

Напомним, в чем заключается принцип математической индукции. Неформально принцип математической индукции можно выразить следующим образом:

«Всякое свойство, которое принадлежит первому члену ряда, а также последующему элементу каждого элемента данного ряда, имеющему это свойство, принадлежит всем элементам данного ряда».

Этот принцип применяется тогда, когда необходимо установить наличие некоторого свойства у всех элементов ряда в том случае, когда ряд бесконечен или необозрим. Например, данный принцип фигурирует в качестве одной из аксиом в арифметике Пеано. На этой аксиоме, в частности, основаны важные выводы, связанные со свойствами, общими для всех элементов натурального ряда чисел¹.

Для бесконечного ряда предложений Ябло формально этот принцип можно записать следующим образом:

$$(\text{Induct}) \quad \forall A (As_0 \ \& \ \forall i (As_i \supset As_{i+1})) \supset \forall k As_k.$$

Если принять этот принцип², остается только показать, что свойство неистинности, которое фигурирует как характеристика предложения Ябло в первой части парадокса, является наследственным, а сам ряд предложений Ябло относительно этого свойства является индуктивным. То есть для того, чтобы обосновать, что $(\forall k) \sim Ts_k$, следует показать:

$$(\text{Herit}) \quad \sim Ts_0 \ \& \ \forall i (\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1}),$$

а именно, что свойством неистинности обладает s_0 и это свойство является наследуемым в ряду предложений Ябло. Первый конъюнкт можно вывести так, как показано выше в экспозиции Е.В. Борисова. Значит, у элементов данного ряда это свойство есть, по крайней мере у первого. Остается показать, что если оно есть у членов ряда, а у первого члена ряда оно точно есть,

¹ Принцип математической индукции необязательно рассматривать в качестве аксиомы или правила вывода. Например, Б. Рассел считает математическую индукцию характеристикой свойств рядов, которые он называл индуктивными [10. С. 82–89]. В этом смысле, например, индуктивным является ряд натуральных чисел относительно определенных свойств. Такие свойства в этом случае называются наследственными. Относительно ряда предложений Ябло в этом случае можно было бы просто сказать, что он является индуктивным относительно свойства неистинности, а само это свойство является в этом ряду наследственным. Тогда первая часть парадокса Ябло сводилась бы просто к демонстрации того, что свойство неистинности наследственно.

² Принцип математической индукции вполне применим в исчислениях с предикатом истинности. В частности, его использует С. Крипке при конструировании неподвижных точек [11], на которого в своей статье ссылается и Е.В. Борисов.

то оно является наследственным. Используем доказательство от противного, показав невозможность того, чтобы при $\sim Ts_i$ было Ts_{i+1} :

1. Допустим, что $\sim Ts_i$, но при этом Ts_{i+1} .
2. Однако $Ts_{i+1} \Rightarrow (\forall k > i + 1) \sim Ts_k \Rightarrow \sim Ts_{i+2}$.
3. С другой стороны, $Ts_{i+1} \Rightarrow (\forall k > i + 1) \sim Ts_k \Rightarrow (\forall k > i + 2) \sim Ts_k \Rightarrow Ts_{i+2}$.
4. Противоречие 2 и 3.
5. Следовательно, при $\sim Ts_i$ невозможно, чтобы Ts_{i+1} . То есть $\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1}$.

Здесь может возникнуть возражение, связанное с несколько искусственным характером вывода, поскольку непосредственно не использовалось $\sim Ts_i$. Но для обоснованности самого вывода это не имеет принципиального значения. В силу своего строения Ts_{i+1} всегда приводит к противоречию. Показано лишь, что при $\sim Ts_i$ невозможно, чтобы Ts_{i+1} . Поскольку Ts_{i+1} в принципе невозможно.

Второе, более серьезное, возражение связано с тем, какую роль здесь играет i . Является ли i совершенно произвольным номером, как в исходном парадоксе Ябло, или наименьшим номером как у Буэно и Коливана? Если это так, то данный подход столь же неудовлетворителен, как и их подходы, что вполне показывает Борисов. Тогда обращение к индукции является просто излишним.

Укажем, однако, на то, что в данном выводе обосновывается не $\sim Ts_i$, но $\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1}$. Это и есть основной шаг индукции, говорящий о том, что предложение, следующее в ряду за предложением, имеющим свойство неистинности, обладает свойством неистинности. Номер предложения здесь также неспецифицирован. Но в этом особенность трактовки вывода с использованием принципа математической индукции. Этот вывод представляет собой общую схему наследования свойства, неважно, с какого члена ряда начать. В этом случае если говорят, что i является наименьшим номером, то это может относиться ко всем членам ряда начиная с первого. То есть если s_0 обладает свойством неистинности, то им обладает и s_1 , если s_1 обладает свойством неистинности, то им обладает и s_2 , и так до бесконечности. По сути дела, здесь подразумевается бесконечная конъюнкция следующего вида:

$$(\sim Ts_0 \supset \sim Ts_1) \& (\sim Ts_1 \supset \sim Ts_2) \& (\sim Ts_2 \supset \sim Ts_3) \dots$$

Формула $\forall i (\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1})$ рассматривается как сокращение для записи такой конъюнкции. Свойство неистинности, следовательно, наследственно в ряду предложений Ябло, а сам ряд предложений Ябло относительного этого свойства является индуктивным.

Отметим, что при таком подходе по-другому, чем у Буэно и Коливана, трактуется потребность в доказательстве $\sim Ts_0$, поскольку необходимый для дальнейшей дедукции парадокса Ябло вывод $\forall k \sim Ts_k$ получаем из (Induct) и (Herit) по *modus ponens*. Да и сам $\forall k \sim Ts_k$ трактуется по-другому, поскольку рассматривается как способ записи соответствующей бесконечной конъюнкции. Дальнейший вывод парадокса строится так же, как в изначальной формулировке парадокса Ябло.

Если принять подобный подход, то, как мне представляется, при формулировке парадокса Ябло можно обойтись предикатом неистинности, не при-

бегая к предикату выполнимости. Открытым предложениям действительно нельзя приписать предикат истинности, но это не означает, что свойство неистинности не является наследуемым в ряду предложений Ябло, а сам ряд не является индуктивным относительно этого свойства.

Отметим еще два важных момента, которые следует учитывать для данной интерпретации. Во-первых, интерпретация парадокса Ябло с помощью принципа математической индукции, как представлено выше, ничего не говорит о его автореферентности или неавтореферентности. Просто рассматривается возможность его реконструкции с изначальным предикатом неистинности. Вполне возможно, что сама эта формулировка также содержит автореферентность. Во-вторых, принцип математической индукции неконструктивен. В частности, при его формулировке запись всеобщности трактуется как сокращение для бесконечной конъюнкции, что возможно только при принятии позиции реализма при построении подобных рядов.

Второе замечание содержит один важный нюанс, который касается не только формальной возможности дедукции парадокса Ябло, но и философских оснований, которые отличают позицию реализма при построении подобных рядов. В частности, Е.В. Борисов, анализируя аргументацию Р. Соренсена [12] и противопоставляя ее аргументации Дж. Билла [13], в рамках «неформального рассмотрения» приходит к выводу, что «у нас есть основания сомневаться как в автореферентности, так и в неавтореферентности парадокса Ябло» [1. С. 243]. Я полагаю, что аргументация Соренсена основана на позиции реализма и восходит к Ф.П. Рамсею, который при предложенном им способе разрешения логических парадоксов последовательно проводил различие между объективным значением функции и субъективными способностями выражающим эту функцию логиком [14. С. 52–64]. Как мне представляется, неавтореферентная формальная дедукция парадокса Ябло даже если и возможна, то только в том случае, если применять неконструктивные методы типа принципа математической индукции. Но это уже другая тема.

Литература

1. Борисов Е.В. Является ли парадокс Ябло автореферентным // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 233–244. DOI: 10.17223/1998863X/50/20
2. Yablo S. Paradox without Self-Reference // Analysis. 1993. Vol. 53, № 4. P. 251–252.
3. Ладов В.А. Б. Рассел и Ф. Рамсей о проблеме парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 101–110. DOI: 10.17223/1998863X/43/9
4. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24. DOI: 10.17223/1998863X/44/2
5. Нехаев А.В. Истина об «истине» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 34–46. DOI: 10.17223/1998863X/45/4
6. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007.
7. Priest G. Yablo's Paradox // Analysis. 1997. Vol. 57, № 4. P. 236–242.
8. Yablo S. Circularity and Paradox // Self-Reference / Th. Bolander, V.F. Hendricks, S.A. Pedersen (eds.). Stanford, 2006. P. 165–183.
9. Bueno O., Colyvan M. Paradox without Satisfaction // Analysis. 2003. Vol. 63, № 2. P. 152–156.
10. Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007.
11. Кripкe С. Очерк теории истины // Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М. : Канон+. 2010. С. 206–254.

12. Sorensen R.A. Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars // *Mind*. 1998. Vol. 107. P. 137–155.
13. Beall Jc. Is Yablo's Paradox Non-Circular? // *Analysis*. 2001. Vol. 61. № 3. P. 176–187.
14. Рамсей Ф.П. Основания математики // *Философские работы*. М. : Канон+. 2011. С. 16–86.

Valeriy A. Surovtsev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: surovtssev1964@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 262–268.

DOI: 10.17223/1998863X/50/24

YABLO'S PARADOX, SELF-REFERENCE AND MATHEMATICAL INDUCTION

Keywords: Yablo's paradox; self-reference; mathematical induction; nonconstructive methods.

Some arguments of Evgeny Borisov for the self-reference of Yablo's paradox are analyzed. An interpretation based on the method of mathematical induction is proposed in this article as an alternative to the approach Borisov criticizes. The method of mathematical induction is not constructive. The main thesis of the article is: We may construct a semantic paradox without self-reference if only we use nonconstructive methods.

References

1. Borisov, E.V. (2019) Is Paradox Yablo self-referential? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 233–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/20
2. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53(4). pp. 251–252. DOI: 10.2307/3328245
3. Ladov, V.A. (2018) Russell and Ramsey on the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 101–110. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/9
4. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
5. Nekhaev, A.V. (2018) The truth about “truth”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/4
6. Russel, B. (2007) *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Mathematical Philosophy]. Translated from English. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
7. Priest, G. (1997) Yablo's paradox. *Analysis*. 57(4). pp. 236–242. DOI: 10.1111/1467-8284.00081
8. Yablo, S. (2006) Circularity and Paradox. In: Bolander, Th., Hendricks, V.F. & Pedersen, S.A. (eds) *Self-Reference*. Stanford. pp. 165–183.
9. Bueno, O. & Colyvan, M. (2003) Paradox without Satisfaction. *Analysis*. 63(2). pp. 152–156. DOI: 10.1111/1467-8284.00026
10. Russel, B. (2007) *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Mathematical Philosophy]. Translated from English. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
11. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Individual Language]. Translated from English. Moscow: Kanon+. S. 206–254.
12. Sorensen, R.A. (1998) Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars. *Mind*. 107. pp. 137–155. DOI: 10.1093/mind/107.425.137
13. Beall, J.C. (2001) Is Yablo's Paradox Non-Circular? *Analysis*. 61(3). pp. 176–187. DOI: 10.1111/1467-8284.00292
14. Ramsey, F.P. (2011) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from English. Moscow: Kanon+. pp. 16–86.

УДК 164.07

DOI: 10.17223/1998863X/50/25

Е.В. Борисов

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ¹

Автор отвечает оппонентам по дискуссии и намечает перспективы дальнейшего исследования темы парадоксов.

Ключевые слова: *семантический парадокс, парадокс Ябло, автореферентность.*

Прежде всего я хочу выразить признательность всем участникам дискуссии за интересные комментарии и стимулирующие возражения. В этой краткой реплике я смогу аргументированно ответить только на два комментария (комментарии О.А. Доманова и В.А. Суровцева, непосредственно затрагивающие высказанные мной тезисы) и отметить намеченные в дискуссии перспективы дальнейшего исследования темы семантических парадоксов.

О.А. Доманов возражает против моей критики в адрес Буэно и Коливана. В дедукции противоречия, предложенной Буэно и Коливаном, мы на определенном этапе получаем $(\exists n > 0) Ts_n$, откуда выводим Ts_i , где i – предполагаемый минимальный номер истинного предложения в ряду Ябло, – после чего выводим противоречие из Ts_i . Мой тезис состоит в том, что для того, чтобы получить парадокс, нужно, чтобы противоречие следовало из Ts_i для любого i , что превращает i в переменную. Доманов не согласен: «Хотя i нам не известно, оно фиксировано (самим положением дел, если угодно)». [1. С. 246]. У меня два возражения против тезиса Доманова.

1. Не существует «положения дел», которое фиксировало бы i на указанной стадии дедукции противоречия. Все, что нам дано, – это ряд Ябло, и он не определяет значение i : ряд Ябло задает *множество* допустимых (на данной стадии дедукции) значений i .

2. Давайте для определенности допустим, что $i = 5$. Конечно, мы можем вывести противоречие из Ts_5 , но сделав это, мы еще *не получим парадокса*: мы только покажем, что ряд Ябло несовместим с данным допущением. Получив этот результат, мы вправе предположить, что ряд Ябло совместим, например, с допущением, что $i = 15$. Пока мы не опровергли это новое допущение – и *все* допущения такого рода, – ряд Ябло не является для нас парадоксальным. Парадокс – это *неизбежность* противоречия, т.е. ситуация, когда к противоречию приводит *любое* релевантное допущение. Поэтому, чтобы получить парадокс, нам нужно показать, что ряд Ябло несовместим с допущением, что $i = x$ для *любого* x . Доманов прав в том, что аргумент Буэно и Коливана позволяет вывести противоречие из ряда Ябло *вместе с определенным значением* i . Но он, по-видимому, упускает из виду, что этого недостаточно для возникновения обсуждаемого парадокса: парадокс возникает благодаря тому, что противоречие выводится из ряда Ябло *самого по себе*.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

В.А. Суровцев, соглашаясь с критикой Приста в адрес Ябло, предлагает версию парадокса, в которой при выводе противоречия используется математическая индукция. По его мнению, предложенная им версия парадокса показывает, что «при формулировке парадокса Ябло можно обойтись предикатом неистинности, не прибегая к предикату выполнимости» [2. С. 267]. Я не думаю, что Суровцеву удалось это показать: ниже я докажу, что предложенная им версия парадокса сводится к версии Ябло и воспроизводит ошибку, обнаруженную у Ябло Пристом.

В ходе дедукции противоречия Суровцев выводит $(\forall k) \sim Ts_k$ индуктивно, выводя по отдельности $\sim Ts_0$ и $\forall i (\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1})$. Предмет моей критики – предложенный им вывод $\forall i (\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1})$ [2. С. 265]. Этот вывод выглядит так:

- (С) 1. Допустим, что $\sim Ts_i$, но при этом Ts_{i+1} .
 2. Однако $Ts_{i+1} \Rightarrow (\forall k > i + 1) \sim Ts_k \Rightarrow \sim Ts_{i+2}$.
 3. С другой стороны, $Ts_{i+1} \Rightarrow (\forall k > i + 1) \sim Ts_k \Rightarrow (\forall k > i + 2) \sim Ts_k \Rightarrow Ts_{i+2}$.
 4. Противоречие 2 и 3.
 5. Следовательно, при $\sim Ts_i$ невозможно, чтобы Ts_{i+1} . То есть $\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1}$.

Мой возражение состоит в том, что в этом выводе Суровцев допускает ту самую ошибку, которую Прист обнаруживает у Ябло: применяет предикат истинности к открытым предложениям. В самом деле: чтобы получить $\forall i (\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1})$, недостаточно получить $\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1}$: требуется еще *универсальное обобщение по i* . (Суровцев не прописывает этот шаг явным образом, но необходимость его очевидна.) Однако мы можем провести такое обобщение, только если i является переменной, и легко видеть, что в (С) эта переменная свободна во всех формулах. Суровцев отмечает, что $\forall i (\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1})$ можно представить как бесконечную конъюнкцию формул вида $\sim Ts_i \supset \sim Ts_{i+1}$. Это бесспорно, но не меняет сути дела: мы не можем вывести *бесконечную* конъюнкцию, дедуцировав по отдельности ее конъюнкты; вывести бесконечную конъюнкцию можно только посредством универсального обобщения.

Отмечу также, что использование математической индукции в (С) избыточно. Дело в том, что шаги 2–4 в (С) применимы к предложениям со *всеми* номерами, и если в строчках 2 и 3 $i + 1$ заменить на i , а $i + 2$ на $i + 1$, мы получим $\sim Ts_i$ для произвольного i , т.е. $\forall i \sim Ts_i$. Но это и есть тот результат, ради которого Суровцев применяет математическую индукцию. При этом вывод $\forall i \sim Ts_i$, получающийся в результате указанных замен, в точности совпадает с выводом этой формулы у Ябло. Таким образом, аргумент Суровцева оказывается излишне витиеватой версией аргумента Ябло и подпадает под критику Приста.

В рамках краткой заметки невозможно остановиться на всех соображениях, высказанных моими оппонентами, поэтому я хотел бы просто отметить наиболее интересные аспекты темы, затронутые в дискуссии. На мой взгляд, это:

– поставленная О.А. Домановым [1] проблема определения автореферентности в контексте теории нефундированных множеств;

- отмеченный В.А. Суровцевым [2] вопрос о роли неконструктивных аргументов в формулировке парадоксов;
- предложенное В.А. Ладовым [3] расширенное понятие парадокса и философская релевантность «нестрогих» парадоксов;
- проведенное А.В. Нехаевым [4] различение характера парадокса и характера возможных описаний парадокса.

Надеюсь, обсуждение этой интригующей темы будет продолжено.

Литература

1. Доманов О.А. О самореферентности парадокса Ябло // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 245–248. DOI: 10.17223/1998863X/50/21
2. Суровцев В.А. Парадокс Ябло, автореферентность и математическая индукция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 262–268. DOI: 10.17223/1998863X/50/24
3. Ладов В.А. Лжец без автореферентности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 249–254. DOI: 10.17223/1998863X/50/22
4. Нехаев А.В. Парадокс Ябло и *circulus vitiosus*: зачем лгать о себе самом, когда можно лгать обо всех остальных? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 255–261. DOI: 10.17223/1998863X/50/23

Evgeny V. Borisov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 269–271.

DOI: 10.17223/1998863X/50/25

A REPLY TO THE CRITICS

Keywords: semantic paradox; Yablo's paradox; self-reference.

The author replies to the critics and points at some prospects of further research of semantic paradoxes.

References

1. Domanov, O.A. (2019) On the self-reference of Yablo's paradox. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 245–248. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/50/21
2. Surovtsev, V.A. (2019) Yablo's paradox, self-reference and mathematical induction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 262–268. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/50/24
3. Ladov, V.A. (2019) The liar paradox without self-reference. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 249–254. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/50/22
4. Nekhaev, A.V. (2019) Yablo's paradox and *circulus vitiosus*: why lie about yourself when you can lie about everyone else? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 255–261. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/50/23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; доцент философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности (г. Москва).

E-mail: raisabarash@gmail.com

БЕРЕСТОВ Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории философии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: berestoviv@yandex.ru

БИРЮКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, Китай).

E-mail: birs.07@mail.ru

БОРИСОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН; профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

Email: borisov.evgeny@gmail.com

ГАШКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доктор философии Университета г. Пуатье (г. Пуатье, Франция); доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sgachkov@hotmail.com

ДАНИЛОВА Зинаида Андреевна – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории геоэкологии Байкальского института природопользования СО РАН (г. Улан-Удэ).

E-mail: ziha@mail.ru

ДОЛГИХ Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Вятского государственного университета (г. Киров).

E-mail: regis-iii@rambler.ru

ДОМАНОВ Олег Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: domanov@philosophy.nsc.ru

ЕЖОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

E-mail: president@lenta.ru

ЕФИМОВ Иннокентий Пантелеймонович – исполнитель научно-исследовательского проекта РНФ (№ 18-18-00057) в Томском научном центре СО РАН; магистрант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: innocentefim@gmail.com

КАРЕПОВА Светлана Геннадьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (г. Москва).

E-mail: Svetlran@mail.ru

КИСЛЯКОВ Михаил Михайлович – доктор политических наук, профессор Института (филиала) Российского университета экономики имени Г.В. Плеханова (г. Кемерово).

E-mail: m.kislyakov@mail.ru

ЛАДОВ Всеволод Адольфович – доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН; ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН; профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета; профессор кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета.

E-mail: ladov@yandex.ru

МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН Ирина Вигеновна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии науки Томского государственного педагогического университета (г. Томск).

E-mail: melik-irina@yandex.ru

МИТИНА Наталья Георгиевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общегуманитарных наук Дальневосточного государственного института искусств (г. Владивосток).

E-mail: Millkonf@yandex.ru

НЕКРАСОВ Сергей Владимирович – научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (г. Москва).

E-mail: sv_79@inbox.ru

НЕХАЕВ Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета (г. Тюмень); профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (г. Омск); научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск).

E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

ОБОЛКИНА Светлана Викторовна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии и истории науки Института философии и права Уральского регионального отделения РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: obol2007@mail.ru

ПИНЧУК Антонина Николаевна – научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (г. Москва).

E-mail: antonina.pinchuk27@bk.u

РАХМАНОВ Азат Борисович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

САМОФАЛОВА Елена Игоревна – аспирант философского факультета, преподаватель английского языка кафедры международной деловой коммуникации факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: elena.sm83@gmail.com

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: solovyev@spa.msu.ru

СТАРИКОВА Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: katstr00@gmail.com

СУРОВЦЕВ Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН; заведующий кафедрой истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: surovcev1964@mail.ru

ТИХОМИРОВ Дмитрий Андреевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва).

E-mail: dat1983@yandex.ru

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений (г. Москва).

E-mail: pavelfeld@mail.ru

ФЕДЯКИН Алексей Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта (МИИТ) (г. Москва).

E-mail: avf2010@yandex.ru.

ЧЕРНОСКУТОВ Юрий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: chernoskutov@mail.ru, ju.chernoskutov@spbu.ru

ЧИРУН Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

E-mail: Sergii-tsch@mail.ru;

ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

GRINCEVIČIENĖ Vilija (ГРИНЦЯВИЧЕНЕ Вилия) – PhD, Vilnius Gediminas Technical University, Faculty of Creative Industries, Department of Philosophy and Cultural Studies (Vilnius, Lithuania).

E-mail: vilija.grinceviciene@vgtu.lt

BAREVIČIŪTĖ Jovilė (БАРЯВИЧЮТЕ Йовиле) – Master's Degree, Vilnius Gediminas Technical University, Faculty of Creative Industries, Department of Entertainment Studies (Vilnius, Lithuania).

E-mail: jovile.bareviciute@vgtu.lt

ASAKAVIČIŪTĖ Vaida (АСАКАВИЧЮТЕ Вайда) – PhD, Vilnius Gediminas Technical University, Faculty of Creative Industries, Department of Entertainment Studies (Vilnius, Lithuania).

E-mail: vaida.asakaviciute@vgtu.lt

GRINCEVIČIUS Jonas (ГРИНЦЯВИЧЮС Йонас) – PhD, Vilnius University, Pharmacy Center, Faculty of Medicine (Vilnius, Lithuania).

E-mail: jonas.grincevicius@mf.vu.lt

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2019. № 50

Редактор *Т.В. Зелёва*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 02.10.2019 г. Дата выхода в свет 15.10.2019 г.
Формат 70х100^{1/16}. Печ. л. 17,25; усл. печ. л. 23,67; уч.-изд. л. 30,77.
Тираж 50 экз. Заказ № 3984. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru